

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИИ
НОВГОРОД

N i z h n y N o v g o r o d 6 (4 7) / 2 0 2 2

Геннадий
ИВАНОВ
Москва

4

Марина
КУДИМОВА
Переделкино

12

Евгений
ЭРАСТОВ
Нижний Новгород

44

Олег
ЛУЗАНОВ
Курск

73

Александр
КОВАЛЕВ
Санкт-Петербург

82

Николай
СИМОНОВ
Нижний Новгород

90

Олег
ЗАХАРОВ
Кстово

94

Владимир
ГОФМАН
Нижний Новгород

107

Инна
ЧАСЕВИЧ
Саров

115

Анастасия
РОСТОВА
Нижний Новгород

157

Василий
АВЧЕНКО
Владивосток

166

Владимир
КУТЫРЕВ
Нижний Новгород

173

Андрей
РУДАЛЕВ
Северодвинск

213

Ярослав
КАУРОВ
Нижний Новгород

218

Олег
ДЕМИДОВ
Химки

226

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Геннадий ИВАНОВ НЕ СПИ, ДУША! НЕ СПИ, НЕ СПИ, СТРАНА!	4
Марина КУДИМОВА ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ	12

Проза

Андрей МАРКИЯНОВ ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ	15
ВИДЕНИЕ	28
ДОЛГ 36	
Евгений ЭРАСТОВ ВОЛКИ НА СНЕГУ	44
ПЕЧАЛЬНАЯ ТРИЛОГИЯ	55
Александра МАКАРОВА КИЛЬКА В ТОМАТНОМ СОУСЕ	62
Валерий БОХОВ ЯВЛЕНИЕ	65
КРАСОТКА	69
Олег ЛУЗАНОВ ТИХИЙ НАРОД	73
Павел ЛАПТЕВ БЫЛЬ	79

Поэзия

Александр КОВАЛЕВ ТРИ МИНУТЫ ПО ГРИНВИЧУ	82
Николай СИМОНОВ ЧТО ДЛЯ ШТАТОВ ХОРОШО	90
Олег ЗАХАРОВ НЕЗНАНЬЯ ГРАМОТЫ ВВИДУ	94

Проза

Станислава НОВИКОВА АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ ПО КЕЛЬВИНУ	98
Протоиерей Владимир ГОФМАН СКОЛЬКО БЫ ЛЕТ НИ ПРОШЛО	107
Александр КРАМЕР БЕНГАЛЬСКИЙ ОГОНЬ	112
Инна ЧАСЕВИЧ ПИСЬМО ДЕДУ	115
Фотиния ЛАПИНА КОТЕНОК И НОЧНАЯ ВЕДЬМА	123

Литературный архив

Рюрик ИВНЕВ СЁСТРЫ	128
------------------------------	-----

Стихи по кругу

Анастасия РОСТОВА	157
Дмитрий КАРШИН	158
Ярослав КАУРОВ	159
Александр ГУТОВ	159
Мария ЛЕОНТЬЕВА	160
Дмитрий АНИКИН	161
Мария ВДОВИНА	162
Владимир ЛЕБЕДЕВ	162
Елена ГАЛИАСКАРОВА	163
Галина ТАЛАНОВА	163
Владимир БОЛОХОВ	164
Арсений ЛИ	165

Публицистика

Василий АВЧЕНКО ДОЧЬ ЕЖОВА Очерк колымской судьбы	166
Владимир КУТЫРЕВ ЧЕЛО-ВЕК XXI: ДЕГРАДАЦИЯ ПРОГРЕССА	173

Вехи памяти

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА КРУЖЕВО БЕЛЫХ НОЧЕЙ 90 лет со дня рождения русского писателя Василия Ивановича Белова	197
Андрей РУДАЛЕВ ПОБЕДИТЬ Василий Белов в дни российской спецоперации	213
Ярослав КАУРОВ «У БЕЗДНЫ НА КРАЮ – В БЕЗУМИИ СВОБОДЫ» Памяти Льва Котюкова (1947–2022)	218

Литпроцесс

Елена САФРОНОВА ЛИРИЧЕСКАЯ ШКОЛА Марина Соловьева «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет»	223
Олег ДЕМИДОВ СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И ПОЭТЫ-МОЗГОПАШЦЫ	226
Эдуард КУЗНЕЦОВ У ИСТОКОВ «РУССКОГО СМЕХА», или Человек без слепой кишки «ЭПИГРАММА – ЕГО МАМА, А ПАРОДИЯ – ОТЕЦ»	230 239

Геннадий ИВАНОВ

Родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова Потом семья переехала в город Канда拉克шу на Кольский полуостров – там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи

Окончил Литературный институт имени А М Горького Автор десяти книг стихов Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане» Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Ф И Тютчева «Русский путь» Первый секретарь Союза писателей России Живёт в Москве

НЕ СПИ, ДУША!
НЕ СПИ, НЕ СПИ, СТРАНА!

1

* * *

На том плацу, где я шагал когда-то,
Где улетало в небо: «Запевай!»,
Теперь враги шагают – не ребята,
И к москалям там злоба через край

Бросают их, как в топку, командиры
И участь их, конечно, решена
Но не должно быть никакого мира
Пока Бандере молится страна

Не все фашисты? Да, не все фашисты
Но к очищению будет долгий путь...
И чтобы от нацизма стало чисто,
Ещё придётся горя нам хлебнуть

4.09.22

Знак СС на груди украинца

Знак СС на груди украинца
И какой-то языческий знак

Он спокойно глядит, не боится
Не раскаивается никак

Убивал, истязал, издевался,
Мучил пленных – и всё потому,
Что какому-то идолу клялся
И попал в inferнальную тьму

Он уверовал, что ему можно,
Что он выше обычных людей
И не понял, что всё это ложно –
Весь набор их «азовских» идей

Он спокоен В тюремном оконце
Он не видит печали своей –
Он уверовал в чёрное солнце,
В превосходство арийских кровей

Боже мой, сколько тёмного леса
В этих душах им всем на беду!
Украина наслушалась бесов
И пошла у них на поводу...

4.09.22

* * *

Вам досталась, ребята, нелёгкая доля
Вы могли бы сейчас быть не здесь на войне,
А в родимой семье, на реке или в поле,
В мирном поле отрадно скакать на коне...

Здесь разрывы снарядов, здесь мины и пули,
Здесь убитых товарищей рядом тела...
Вы же в эту войну, понимая, шагнули,
Понимая, какие в окопах дела

Вы вернётесь не все в наши мирные дали
Кто вернётся, пусть знает – у них мы в долгу
Не отменяют его ордена и медали,
И в застолье слова, и слова на бегу...

И вдвойне мы в долгу перед теми, кто пали
Перед ними пусть нам будет стыдно, что мы
Врали, крали, болтали и всё хлопотали,
Чтоб ловчей избежать и тюрьмы, и сумы...

Вам досталась, ребята, нелёгкая доля,
Вы шагнули за всех остающихся нас
Ваше мужество, парни, терпенье и воля –
Это наш золотой необманный запас

13.07.22

* * *

Война идёт конечно, за Россию
 Уже не только
 лживым словом бьют,
 Они надежду в этот век вкусили,
 что уж теперь-то русские падут

Нет, не падут И есть ещё герои
 Я видел их – и русских, и татар,
 бурят, лезгин...
 Лишь не было бы Трои
 Невыносим
 любой данайский дар!

Мы в перестройку этого наелись...
 Теперь идёт жестокая война
 Ведь против нас «партнёры» насмерть спелись
 Не спи, душа!
 Не спи, не спи, страна!

3.07.22

У братской могилы на Севере

Вот здесь лежат две тысячи морпехов
 С великой героической войны...
 Да, здесь лежат две тысячи морпехов,
 Защитников и ангелов страны

Страна их помнит, память неподдельна
 И молодые эту память чтут:
 На юге, на окраине удельной –
 Там новые морпехи в бой идут

23.08.22,
полуостров Рыбачий

С этих скал стекала кровь ручьями

С этих скал стекала кровь ручьями,
 Не иносказательно стекала
 Мы тут бродим белыми ночами,
 Где она лилась, загустевала...

Эта кровь нам говорит о многом
 О судьбе, о Родине, о чести...
 О бойцах, представших перед Богом
 И определённых в райском месте

23.08.22

На хребте Муста-Тунтури

Здесь, на вершине, бились врукопашную
На амбразуры падали не раз...
И замерзали насмерть в зиму страшную
Не отходить! – был воинам приказ

Не отошли, не пропустили к Мурманску
Хвалёных и холёных егерей...
Три года бились, вражескому умыслу
Не распахнули северных дверей

Зверей немецких били, как положено,
И гибли сами в яростном огне
Теперь тут всё туристами исхожено...
Здесь черпать силы следует стране

На Муста-Тунтури до боли понимается,
В чём в наше время Родина нуждается

23.08.22

2

* * *

Теперь мне небо стало ближе
Не только Бог там, но и ты
Какой тебя я там увижу?
Узнаешь ли мои черты?

Теперь не просто это небо –
Обитель солнца и луны
А место всей моей потребности –
Там дом, там сад моей жены

26.07.22,

садовое товарищество «Пегас»

Белая ночь, Белое море...

Ну вот мы и вышли на берег...
Сияет вечернее солнце
Отлив обнажил побережье;
Как нерпы, блестят валуны

У моря гранитные скалы,
Над морем лесистые сопки
Поднимемся в полночь на сопку
И чудо увидим с тобой:

Как солнце – не скроется на ночь,
А только помедлит, помедлит,
Как будто бы сбросит усталость
И прах догоревшего дня –

И снова начнёт подниматься...
Уже не вечернее солнце,
А солнце прекрасного утра!
Светило грядущего дня

А мы побредём понемногу
Часа через два будем дома...
И белою, белою ночью
Мы в белой постели уснём

...Так жизнь доходила б до края,
И снова, как солнце, вставала...
Вот ты бы сейчас не на небе,
А снова была на земле

И снова со мною бы рядом...
– Но так ведь и будет, и будет,
И так обязательно будет!
Так будет, хотя и не здесь

1994, 2022

* * *

*А в моём саду такие цветы –
Точно знают: принесу им воды.*

Н Иванова

Тебя цветы с восторгом узнавали –
Ты их поила, не спеша, водой
Они тебе понятливо кивали
И любовались, видимо, тобой

Прошли, как сон, земные наши лета
Осталась клумба... клумба хороша!
Цветы, цветы... Цветы другого света
Теперь ласкает чуткая душа

5.05.22

* * *

*Грибов урожай, говорят, что к войне.
Их шляпки похожи на шлемы.*

Н Иванова

Война, война... Теперь идёт война
Ты за Россию так переживала –

Ты вся была войной поглощена
В те дни, когда их оставалось мало...

Но кто же знал, что ты уйдёшь вот-вот
И что бы это как-то изменило?
Ты Родину любила и народ,
Родной народ ты до конца любила

3.05.22

* * *

Первая Пасха без тебя
В Чистый четверг сам крашу яйца
луковичной шелухой,
сам прибираюсь в доме...
Душа плачет по тебе и надеется на Бога:
у Бога смерти нет
Ты жива...

Скворец поёт у твоего окна –
сидит на ветке и по-дирижёрски
взмахивает крылышками –
и поёт, поёт...
Ты жива
Но ты его не слышишь

Я боюсь забыть многое
из того, когда мы были вместе
Как вместе слушали птиц,
вместе слушали радио со сводками из Донбасса,
вместе встречали Пасху
в Свято-Даниловом монастыре и дома...
Мы всегда были вместе
Мы всегда будем вместе!

«Верую, Господи!
Помоги моему неверию»

21.04.22

* * *

Мне не надо звонить,
говорить, что доехал нормально
Мне не надо звонить,
говорить, что я еду домой...
Оказалось, что это
печально, печально, печально
Никому он не нужен
короткий звонок этот мой

Я на родину ехал,
я думал, что там оживу я

Но на родине малой
такая разруха кругом...
Возвращаюсь теперь
ещё больше тоскуя, тоскуя ...
Возвращаюсь в московский
тобою покинутый дом

Мне не надо звонить...
Надо просто бессмысленно ехать
В электричке, в метро...
Надо просто терпеть и терпеть
И не будет уже
ни улыбки твоей и ни смеха,
и не будешь на кухне,
забывшись, ты что-нибудь петь

Мне не надо звонить...
Я приеду и чайник поставлю
Буду, губы кусая,
сидеть и с тобой говорить
А ты будешь – на фото –
ты будешь всё слышать, родная,
но ты будешь молчанье,
ты будешь молчанье хранить

09.04.22

* * *

Одинокий и грустный мой пир:
Отварил я картошку, нарезал селёдку...
Одинокий и грустный мой мир
Да, конечно, рифмуется – *водку*.
Не рифмуется как-то с селёдкой коньяк
И потом дорогой он и часто поддельный...
А сосуд я, конечно, простой и скудельный
Для меня появился на небе маяк

Я люблю маяки, я на них ночевал
Маяки – это свет, маяки – это радость!
Я бы даже сказал – это чудо и сладость
Для того, кого мучает яростный вал...
Для того, кого мучает жизненный мрак
Кто живёт, терпеливо и горько стеная...
Не звезда, не звезда, а горит мне маяк,
И зажгла его ты своей смертью, родная

15.09.22

* * *

Каждый день мне всё трудней даётся
Давит жизнь судом и суетой

Плачется уже, а не поётся...
И тоскуешь по стезе иной

По стезе... стезе уже нездешней –
По лазурной, звёздной... По другой
Где сады другие и скворешни...
Может быть, другие мы с тобой

15.09.22

* * *

Все наши чувства где-нибудь хранятся
И все слова, и все наши дела
Они в конце концов преобразятся
В небесный сад, в цветы Добра и Зла

И у кого-то только будут розы
Таких немного А у всех у нас
Ромашки будут, флоксы – и стрекозы
Летать там будут, ну вот как сейчас...

У многих нас там будут и колючки,
Крапива будет, будут лопухи...
Какие-нибудь будут закорючки
Нам за плохие, слабые стихи

13.07.22

Марина КУДИМОВА

Родилась в 1953 году в Тамбове. Окончила Тамбовский педагогический институт (1973). Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, историк литературы, культуролог, публицист, телеведущая. Переводит поэтов Грузии и народов России.

Начала печататься в 1969 году. Автор книг стихов: «Перечень причин» (1982), «Чуть что» (1987), «Область» (1989), «Арысь-поле» (1990), «Черёд» (2011), «Целый Божий день» (2011), «Голубятня» (2013), «Душа-левша» (2014), «Держидерево» (2017), книги прозы «Бустрофедон» (2017), книги эссеистики «Кумар долбящий и созависимость» (2021). Произведения Марины Кудимовой переведены на английский, грузинский, датский языки.

Лауреат премий им. Маяковского (1982), журналов «Новый мир» (2000) и «Дети Ра» (2010), Антона Дельвига (2010), «Венец» (2011), Бунинской (2012), Бориса Корнилова (2013), «Писатель XXI века» (2015), Лермонтовской (2015) и Волошинской (2018).

Живёт в Переделкине.

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

* * *

Тоскую по тебе, как море по цунами,
Когда меняет цвет заранее волна
И, если ничего не будет между нами,
То и тогда скажу, что было всё сполна
Сквозь город краевой, где первый снег юродив,
Разлучный самолет летит наискосок...
И долгий общий стол, и ты всегда напротив, —
Ни по руке скользнуть, ни подышать в висок
Вой рвется изнутри, как волка ни корми я
Не будет ничего. Кончается кино
Над городом скорбит пророк Иеремия,
А там, где ты теперь, пьют красное вино!

* * *

Мне только бы время, мне только бы повод
Да случай, прохожий бусой, —
Ужо я тогда разовью этот провод,
Завившийся мелкой косой

Когда-нибудь я упакую посылку,
С разлукою выйду на связь,

Когда-нибудь выбью я эту подстилку,
Впитавшую долгую грязь

Тишает, смолкает мой ропот, мой гомон
Закрит грузовой терминал
Я, может, еще допишу этот роман,
Узнаю, какой там финал

* * *

Сны бередя, мачты рубя,
Если кого и любить, то тебя
Муторно мерзлую землю долбить,
В темя ей бить
Отчего ж не любить?
Веры с Фомой, снега зимой
Дай мне, пожалуйста, Боже ты мой!
Зал переполнен, просрочен купон
Линия занята – ставь на дозвон
Быть не хоти, знать не моги
Зеркало, зеркало, ты хоть не лги!
Или, молчанкой беду убедя,
Если кого не любить, то тебя

* * *

Нас подытожили и взвесили,
Отбраковали постепенных
Ты не увидишь этой плесени
На волглых стенах
На серебре, на позолоте бы
Едали – выдал Грибоедов
Как покатило, повезло тебе
Спастишь от человековедов!
От неотступчивых попутчиков
С их исповедью тошнотворной,
От рукосуйных пересудчиков,
От славы, мелкой и проворной
Ты не утонешь в этой Припяти,
Блаженной не прервешь сиесты
Впредь нету разницы, что выпадет
И кто придет на пусто место
Какая блажь, какие мелочи!
Поспи, поспи – еще не утро
Ты не узнаешь этой немочи,
Проходки трусовато-утлой

* * *

Температура в клинике любви,
Чем это заведение ни зови,
Колеблется, как ярусы аллеи
Вчера, застыв, стояли визави,
А днесь – на десять градусов теплее

Садовник настоял ли на своем,
Сквозняк ли просвистел по галерее,
Повысились ли ставки в лотерее,
Сплелись две кущи в арочный проем
Как долго они выдержат вдвоем?

Третий лишний

Я любовь узнаю по боли...
М Цветаева

*«Г.С. Желтков» – так подписывал письма
княгине герой повести А.И. Куприна.*

Не сильны стабильностью нейросети,
Но среди слепых и кривой король
«Вновь» – «любовь», а в ногах копошится Третий –
Тот, которому рифма приносит боль
И не так уже важно: мужья ли, дети,
Гендерквир или мать закликает лифт
Угадать этаж – испокон есть третьи
Где у нас восходит – у них болит
Нам нагой Гименей назначает гимны
И горячий Эрос дает пинков,
А по контуру мечется невзаимный
В пиджачке кургузом Г С Желтков
Отряхнем прахи, меняем роли,
Но попробуй пылко не заметь!
Безвзаимность – высшая точка боли,
За любым отказом маячит смерть
И когда на Мальдивах или в Анапе
Мы филию вымениваем на Агапе,
На себе, на нас ли он ставит крест –
Третий лишний – отказник Желтков Г С ?

Проза

Андрей МАРКИЯНОВ

Родился в 1959 году в Тюмени После средней школы учился в Тобольском мореходном училище В 1982 году поступил в Литинститут им Горького Работал в различных газетах, на стройке

Стихи и проза публиковались в журналах «Сибирские огни», «Врата Сибири», «День Поэзии» (Санкт-Петербург), «Александр», «Светоч» и других, а также в русскоязычных изданиях Австралии и Германии

Член Союза писателей России Живет в Тюмени

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

1

В тот поздний дождливый вечер, едва я вышел на улицу, раскрыл зонт и остановился под фонарем прикурить, как услышал знакомый голос, – я обернулся Это был мой старый знакомый, актер театра Царегородцев, человек высокого роста с породистым бледным лицом и тронутыми сединой волосами, которые он неизменно носил в виде конского хвоста, перетягивая на затылке шнурком На голове его глубоко сидела черная шляпа с широкими полями, а воротник и полы черного пальто тонко искрились бисером водяной пыли Мы пожали друг другу руки, он наклонился ко мне под зонт и пробормотал с досадой и горечью:

– Черт! Вот черт, когда же он кончится Ненавижу

Мы не виделись месяца три, поэтому тут же направились на Монастырскую площадь и спустя полчаса сидели в полумраке пустого частного бара, пили молдавский «Херес» и вели тот пустой разговор, что сопутствует людям, не обремененным отсутствием времени За узкими окнами, стуча по карнизу, ровно сыпал октябрьский дождь, блестели черным стеклом тротуары, а здесь, в этом маленьком баре бесшумно гнали тепло калориферы, вращал под потолком блестящие лопасти вентилятор, и беременная хозяйка с размытым желтым лицом, облокотившись на стойку, потягивала из банки безалкогольное пиво До закрытия оставалось немногим более часа

– Не взять ли нам чего-нибудь покрепче, – сказал со вздохом Царегородцев – Грустно что-то Слышишь, как стучит этот мерзкий дождь? Так и хочется надраться как следует Да я и надерусь, если ты составишь компанию Нет, нет, не возражай, – добавил он, поднимая руки –

Выпьем немного и поедем ко мне Познакомлю с моей юной подружкой, посидим как положено Тем более ты мне обязан за тот сюжет с однорукой сутенершей, помнишь?

– Такое не забывается, – ответил я – Значит, подружкой А кто она такая, откуда? Давай-ка выкладывай

– Кажется, из Тулы, точно не помню Познакомились на концерте «Диксиленда» в антракте, примерно месяц назад Оказалось – учится в театральном В общем, теперь она у меня, – продолжал он, сдвигая брови – И все вроде бы чудесно, если не считать, что иногда утомляет своим необузданным темпераментом И какой-то бесстыжей наивностью, что ли, которую путает с непосредственностью

– Ну, таких полно в ее возрасте, – возразил я, закуривая, – это нормально Можно еще добавить, что она противоречива в суждениях и непоследовательна в поступках А если в компании начинает восхищаться снобами, ты от неловкости не знаешь, куда глаза девать

– Хм, – произнес Царегородцев – Пожалуй, ты прав Но это не важно Главное, что мы встретились и поедем ко мне

Я улыбнулся, что оставалось делать? Впрочем, все к тому и шло В кармане моего плаща лежала приличная сумма, полученная от издателей столичного журнала, и я решил, что настала пора вкушать московских щедрот в обществе старого друга

– Итак, пойду – возьму все, что нужно, – сказал Царегородцев, потирая руки – А ты посиди, покури Поверишь, я два месяца не наливался ничем, кроме пива Теперь вот печень, что-то не пойму, да и вообще последнее время я не в своей тарелке Пить с кем попало не могу, а в одиночестве не умею Ну да что тут объяснять, ты ведь знаешь мои замашки – И он поднялся и достал из кармана плотный коричневой кожи бумажник Пришлось сообщить ему, что подаренная мне «сутенерша» благополучно поселилась на страницах журнала и я обязан исполнить свой долг, который, как известно, платежом красен Тогда он сдался и великодушно позволил мне оплатить заказ

Мы выпили по две рюмки замороженной водки, закусывая осетриной с зеленью, и наливали по третьей, когда входная дверь отворилась и на порог ступили новые посетители: молодая женщина с непокрытой головой и девочка лет шести, одетая в белые комбинезон, берет и ботиночки А женщина... Она рассеянно оглядела зал, убрала на затылок влажные волосы и, на секунду закрыв глаза, глубоко вздохнула и решительно направилась к стойке Ее светлый плащ с поднятым воротником и узким поясом, затянутым в талии, местами потемнел от дождя и при каждом шаге складками собирался на бедрах, низкие светлые боты оставляли на паркете следы

Они расположились напротив нас у окна под светильником, и я хорошо видел их лица и стол, на котором вскоре появился заказ: плоская бутылка водки, бутерброды с красной икрой, две банки колы и плитка шоколада в золотистой обертке Этот шоколад и банку колы женщина пододвинула девочке, и та принялась разворачивать и распечатывать, а затем сдержанно пить и есть, глядя в окно и не произнося ни единого слова Молчала и мать Она свинтила с бутылки пробку, точным движением налила половину бокала, но, когда подносила его к губам, я заметил, что рука ее дрожит, а правое веко подергивается Я оглядел ее внимательней Это была женщина лет тридцати, русоволосая, с высоким лбом и тонкими чертами бледного лица, холодную красоту которого ничуть не портили усталый взгляд и отсутствие макияжа

Мы снова выпили, закусили, и тут хозяйка проговорила со странной задумчивостью во взгляде:

– Какой воспитанный и милый ребенок...

Потом достала из холодильника стаканчик мороженого и, протягивая его через стойку, добавила, возвышая голос:

– Иди сюда, милая... возьми-ка вот, скушай

Девочка обернулась на голос и слезла со стула. Глаза ее, большие синие и серьезные, вопросительно обратились на мать

– Вернись на место, – сказала спокойно женщина, и дочь послушно повиновалась – И никогда ничего не смей брать у чужих. Если нужно, скажи – я куплю

Девочка вздохнула и снова отвернулась к окну, подперла кулачком щеку. Но тут, задетая за живое, не выдержала, вмешалась хозяйка:

– Послушайте, ну зачем вы так... Я ведь от чистого сердца!

– От чистого сердца подайте нищим на паперти, – сказала женщина – А мы как-нибудь обойдемся, правда, Настенька? – И она опять налила, выпила, а после закурила длинную сигарету и отерла ладонью лоб Царегородцев налил в рюмки и наклонился ко мне

– Совсем нехорошо, сейчас она станет пьяненькая, – заметил он тихо – Я за малышку беспокоюсь. Все-таки ночь – всякое может случиться. Может, вызвать такси, проводить?

– Пожалуй. Только вот не знаю, согласится ли, ты же слышал, как она оттянула барменшу – И я скосил глаза на хозяйку, с мрачным видом перетиравшую на разносе стаканы. Царегородцев поерзал на стуле

– Ладно, попробую, – сказал он и тяжело поднялся, придерживая полы расстегнутого пальто, его породистое удлиненное лицо стало отечески строгим и озабоченным. Он решительно направился к женщине, выдвинул свободный стул и по-хозяйски уселся

– Разрешите присесть, я всего на два слова, – сказал он с невозмутимым спокойствием

Она выдохнула в потолок тонкую струю дыма

– Вы и так уже сидите. Но бога ради. Что за проблемы?

– У нас все нормально, – сказал мой приятель – А вот у вас, кажется, проблемы могут возникнуть. Поэтому мы предлагаем пустяковую услугу, если вы, конечно, не против

– Да? Очень интересно. Продолжайте, я слушаю

– Видите ли, уже довольно поздно. А путешествовать ночью в дождь, с ребенком по пустынному городу было бы крайне опрометчиво. Будет правильней, если мы проводим вас до места, можете на нас положиться. Мой друг, к слову сказать, человек порядочный, насколько это нынче возможно, более того, он писатель

– Вот оно что. То-то я думаю, лицо знакомое. Должно быть, видела на фотографии. Ну а вы кто, поэт?

– С чего вы взяли?

– Да бог его знает, говорите слишком складно

– Польщен, но я не поэт

– Тогда кто вы, красавец? Может, художник? Или музыкант?

– Нет, я актер, – нахмурился Царегородцев – Ну так что? Проводить вас домой?

– Ах да, домой. Что ж, большое спасибо, но вы напрасно беспокоились, мы живем в трех шагах. А впрочем, как хотите. Хотите выпить со мной?

– С удовольствием

– Тогда налейте мне на палец... Благодарю Закусывайте бутербродом

Они разговаривали минут десять А потом мы все вместе покинули бар, вывалились из его жаркого чрева на сквозящую сырость дождя и ветра, на блестящий лужами тротуар, у бетонных бордюров которого плавали мертвые черные листья Иногда, ослепляя фарами, мимо пронеслись автомобили, и рев их моторов в дождливом мраке уснувшего города казался особенно злым и надрывным Я взял Настю за руку, и она покорно засемила рядом, временами оглядываясь на мать, занятую беседой с Царегородцевым Один раз мы остановились перед большой лужей, я подхватил девочку на руки и, подняв над головой, стремительно перенес на твердое место Мне показалось, она перестала дышать, а очутившись на ногах, еще постояла, зажмурился глаза и прижав кулачки к подбородку Потом протянула мне руку, и мы весело продолжили путь

– Похоже, ваш друг обожает детей Он женат? – услышал я за спиной Я оглянулся, они шли совсем близко

– Кто, он? – ответил насмешливо Царегородцев – Нет, не женат, он вообразил, что не создан для брака Хотя кто его знает, может, по-своему он и прав

– Вот как? Интересно И что значит – «по-своему прав»?

– То и значит Понимаете, когда он пишет, а пишет он всегда и всюду, даже в постели с женщиной, живые люди интересуют его по большей части в качестве сырья Его реальный мир – это выдуманные им истории Хорошо если в одной из них его гипотетическая жена займет строчку-другую, перед тем как он потеряет к ней интерес

– С ума сойти А на вид такой душка

– Он и есть душка Просто не хочет унижать женщину столь мрачной перспективой Такой уж он человек

– Ну а вы? Вы тоже разделяете взгляды вашего друга?

– Да теперь уж и сам не знаю Я был женат трижды, но, как выяснилось, всякий раз ошибался Тут поневоле задумаешься

– И ошибались, конечно, в женщинах?

– Ничего я не знаю Я ведь актер, полжизни провел на сцене: чужие мысли, чужие чувства, поступки и те не свои Поди теперь разберись, какие из них настоящие

– В таком случае поздравляю – вы настоящий актер

Тем временем, следуя указаниям Насти, я свернул в тоннель низкой арки между домами, и скоро мы оказались у одного из подъездов восьмизэтажного, величаво-мрачного здания времен сталинской гигантомании, освещенного по фасаду круглыми матовыми фонарями на бурых чугунных стойках

– Ничего домик! – буркнул Царегородцев, входя последним в освещенный портик подъезда и опуская, встряхивая в сторону зонт

– Да, квартира удобная, – сказала женщина – Она мне от отца осталась, он уехал с мачехой в Гамбург, живут там уже три года

– Я и не предполагал, что вы немка, – заметил Царегородцев, пылливо вглядываясь в ее лицо Потом, спохватившись, обернулся ко мне

– Да, познакомься – это Мария

Я представился и, пожимая ее холодную руку, сказал:

– Очень приятно У вас очаровательная дочь Только вот зачем так поздно водить ее в подобные заведения? Или не с кем оставить?

Пряча руки в карманы плаща, она посмотрела на девочку

– Можно сказать и так Впрочем, она привыкла поздно ложиться

И добавила, остановив на мне озадаченный взгляд:

– А вам-то, собственно, какое до этого дело?

– Я же говорю, дочь у вас очаровательная К тому же вы меня заинтересовали Удивительно, например, почему до сих пор вы не присоединились к родителям?

– Это долгий и скучный разговор, а нам пора, уже поздно

– И все-таки? В двух словах...

– У дедушки мы были в прошлом году, но маме там не понравилось, – объяснила девочка – Ведь правда же, мама? Скажи, а то он не верит

– Забавно, – сказала она, не слушая дочь, – неужели все писатели так бесцеремонны, или мне одной повезло?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вот то самое Вашу невозмутимость, самоуверенный тон, невинные вопросы: не с кем оставить, почему не уехали и прочее в том же роде Но мне, слава богу, кое-что уже рассказали о ваших профессиональных пристрастиях, поэтому я не в обиде

Царегородцев закашлялся

– Позвольте узнать, что именно?

– Что? Ну, например, что вы всегда и всюду пишете Удивительно Всегда и всюду Даже в постели с женщиной Прямо Хемингуэй какой-то...

– Вы мне льстите, Машенька

– А вы не обольщайтесь И не стоит интересоваться мной в качестве сырья для ваших произведений

– Почему?

– Потому что материал неподходящий

– Да вам-то откуда знать?

Она удивленно взглянула на меня

– И простите меня за мой тон У меня и в мыслях не было вас обидеть

– Правда?

– Именно так Будь у нас больше времени, вы бы поняли, что я не совсем то, что вы могли обо мне подумать

Она наклонила голову к плечу и с минуту молчала, с насмешливым любопытством разглядывая меня Потом пожала плечами и сказала, вынимая из кармана бумажник, доставая из него визитную карточку:

– Бог вас знает, кто вы такой Но все равно Вот возьмите, это старая визитка отца Позвоните как-нибудь, если не пропадет интерес

И еще сказала, обращаясь к Царегородцеву:

– Ну, нам пора, спасибо, что проводили Приятно иметь дело с порядочными людьми Настя, а ты ничего не хочешь сказать?

Настя, смущенно стоявшая в сторонке, тотчас подошла ко мне и, подняв голову, с детской прямотой заявила:

– Пока Позвонить не забудешь?

– Постараюсь

– Не передумаешь?

– Нет

Она улыбнулась, и они ушли, а мы какое-то время еще стояли под дождем у подъезда и, задрав голову, смотрели на мрачную громаду безмолвного дома Но вот наверху одно за другим осветились три высоких окна, и Царегородцев сонно промолвил:

– Пятый этаж Налево – И затем ободряюще: – Все Берем такси и едем ко мне, у меня зуб на зуб не попадает от этих пеших прогулок

Возле арки я обернулся, еще раз посмотрел на темный силуэт здания, на три освещенных окна и тут же с фотографической точностью

вообразил себе ее мягко освещенную спальню, да и саму ее, уже готовую лечь в постель в одной только черной сорочке, особенно ловкой в перехвате тонкой талии, – вставшую одним коленом на край кровати и потянувшуюся вперед, чтобы откинуть с подушек белоснежное одеяло. И как только вообразил себе это – испытал легкий приступ волнения, того смутного волнения, что случается иногда в пору бабьего лета

2

Через час мы были на месте, в Северо-Западном округе, в одном из тех относительно новых районов, архитектура которых вызывает у меня раздражение и невеселые мысли о перспективах клонирования. Когда Царегородцев открыл ключом дверь и мы оказались в прихожей, со стороны кухни к нам выбежала темноволосая, до пояса обнаженная девушка в шортах, с узким смуглым лицом, гибким телом и острыми грудями, похоже, всегда готовыми к бою.

– О, пардон! – прошептала она с улыбкой смущения, но с места, однако, не тронулась, дав мне возможность по достоинству оценить ее упругий живот и молодое стоячее вымя с наконечниками алых сосков.

– Не нужно, Юля, – снимая пальто, сказал Царегородцев. – Не нужно позировать, он не художник. То есть он, конечно, художник, но только другого плана. Он художник пера.

– О, я догадываюсь, – сказала, кивая, Юля и прикрыла ладонями груди. – Но ведь это тоже очаровательно. Вы в какой манере работаете?

Пока я искал, что ответить, и смотрел в ее маслянисто-карие глаза, Царегородцев нетерпеливым движением ослабил галстук и, подмигнув мне, внушительно заявил:

– Он работает в манере Кортасара, но это не может быть тебе интересно. Иди оденься и для начала принеси коньяку, сырость на дворе прямо окаянная.

– Почему он так груб со мной? – обратилась она ко мне, и глаза ее, полуприкрытые смуглыми веками, затуманились. – Он всегда причиняет мне боль, всегда! Правда, я не злопамятна. А этот, как его, он испанец?

– Да, некоторым образом, – ответил я без улыбки и вполне ей сочувствуя при одной только мысли о театральных массовках, где, вероятно, пройдет ее молодость.

Должен признаться, у Царегородцева я задержался, уступил его настойчивой просьбе «надраться» и, к стыду своему, уступал еще пару дней, пока не почувствовал, что тело мое деревенеет, а желудок рискует расплавиться. От этих дней в памяти осталось: широкий низкий диван, желтый сумрак гостиной с открытым окном, куда входит влажный осенний ветер, полированный стол, похожий на витрину винного магазина, а у стола трагически рыдающая Юля с наброшенным на плечи белым платком. И рядом вдребезги пьяный, страшно бледный Царегородцев, тупо требующий от нее «не заламывать в этом акте руки».

Домой я вернулся в такую же сырую полночь, в полуобморочном состоянии забрался в ванну и открыл горячую воду, мечтая умереть или выжить. Через час, закутавшись в халат, выпив чашку бульона и полстакана водки, я сидел в кресле, перелистывал книгу романов Фриша и воскрешал в памяти сонную тишину частного бара, влажные глаза хмелеющей женщины, ее красивый рот и спокойный голос, чем-то меня взволновавший в тот вечер Мария... И я вдруг испытал столь острое

желание позвонить ей немедленно, что тут же поднялся, вышел в прихожую и достал из кармана визитку, внимательно изучил ее. Вернувшись в кресло, бросил взгляд на часы (без четверти три) и сразу остыл, с тупой покорностью вложил карточку в книгу и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Как странно, ее отцом был доктор Потоцкий, известный нейрохирург, несколько лет назад уехавший в Германию, чем в свое время не замедлила воспользоваться местная пресса, утверждая, что причиной послужил некий скандал, связанный с его профессиональной деятельностью. Все это я хорошо помнил. Как сообщал один уважаемый еженедельник, волну подняли менее удачливые конкуренты – они с методичностью опытных анонимов докладывали куда нужно, вплоть до бульварных газет, о том, что за большие деньги хирург делает сложнейшие операции, используя в своих целях препараты и технику государственной клиники, где он и работал. Те больные, по причине безнадежности отправленные домой умирать, а впоследствии воскресшие благодаря Потоцкому, ничего не подтвердили, но прецедент все-таки место имел. После недолгих переговоров с богатыми и деловыми немцами он принял предложение одной из клиник Гамбурга, где и стал, по словам того же еженедельника, ведущим в своей области специалистом. Да, все так. Но Мария... Что удерживало ее в России?

Задремал я только под утро и дремал бы, вероятно, порядочно, но в девять часов так неожиданно и резко прозвонил телефон, что от ужаса я едва не вывалился из кресла. Звонил Царегородцев, сетовал на мое исчезновение, из-за чего по его выражению, он чуть голову не сломал, ища объяснение столь необдуманному поступку. Под конец озабоченно поинтересовался:

– А чего это у тебя голос такой убитый? Все грустишь о своей зеленоглазой немке?

– Она не немка. И откуда ты взял, что я грущу о ней?

– Да ладно тебе. Позавчера всю ночь втолковывал мне, какая она необычная да какая несчастная... Ты что, не помнишь? Я уж было совсем собрался съездить за ней – да, слава богу, Юля остановила. А если бы не остановила?

– Хорош бы ты был.

– Вот-вот. Пора бы уж знать тебя, так нет, опять развесил уши.

– Это точно.

– Послушай, я в творческом запое, ушел на больничный. Ты сейчас давай отсыпайся, а вечером приезжай ко мне, будет уха, ну, и по рюмочке «Посольской», если желаешь.

– Хорошо, приеду, – сказал я не очень уверенно. – Но пить не буду, от одной мысли с души воротит. Кстати, как там здоровье у Юли?

– Плохо, брат. Пластом лежит «безгласна и виду неимуща». Я и уборкой один занимаюсь. Зря мы ее напоили, она ведь в крепких напитках мало что понимает.

Попрощавшись с Царегородцевым, я поднялся из кресла, закурил и подошел к окну, раздёрнул шторы. Дождь давно кончился, тротуары подсохли, и на голубом небе, уже по-зимнему блеклом, фосфорически тускло пылало невысокое холодное солнце. А ветер сменился, он дул теперь с севера – то гнул верхушки голых деревьев, обрывая с них последние листья, то кидался вниз и кружил меж домов, растаскивая по асфальту обрывки мокрых газет, обносил порывистой зыбью блестящие оловом лужи. И одиноко, бесприютно на холодном ветру, на самой вершине тополя против окна моталась из стороны в сторону серая ворона,

поминутно распуская взъерошенные крылья, и сиротливо и даже как будто растеряно каркала Я постоял, покурил Затем сварил себе кофе, попутно размышляя над словами Царегородцева, и решил, что пил я в тот вечер, смешивая все подряд, потому и отшибло память После чашки горячего кофе с сигаретой я улегся в постель и долго лежал с открытыми глазами, пристально смотрел в потолок И, наконец, уснул и проспал без сновидений до самого вечера И пока приводил себя в порядок, брился, мылся и одевался, город совсем погрузился в сумерки – только на западе, там, где пропало за крышами солнце, все еще стоял янтарный полусвет, а небо над ним было прозрачного зеленоватого тона Закурив, я прошелся по комнате, пробуя на ощупь выбритый подбородок, подошел к настенному зеркалу, оглядел себя в нем Все вроде бы скромно, ладно – темная рубашка, темный пиджак, волосы причесаны и влажно блестят Вот только лицо, несмотря на бритву и контрастный душ, уже не так свежо и молодо, как хотелось бы Впрочем, это-то вместе с синими глазами и некоторой сухостью черт смотрелось еще подходяще, даже на мой придирчивый взгляд Удовлетворенный, я одернул пиджак и направился к столу, сняв телефонную трубку, набрал по памяти номер После пятого гудка ровный женский голос ответил:

– Я слушаю, говорите

Я бодро отрекомендовался:

– Добрый вечер, это Хемингуэй

– Что?

– Добрый вечер, Мария

– О господи, это вы Вы откуда звоните?

– Из лачуги своей, разумеется Имею смелость пригласить вас поужинать

– Что, прямо сейчас?

– Так точно Царегородцев обещал уху, быть просил непременно

Она помолчала

– Уху Уху я люблю, но, к сожалению к сожалению, это невозможно Вы же знаете, у меня ребенок

– Мы могли бы взять Настю с собой

– Нет, дорогой мой, по гостям я ее не вожу То, что вы видели – ну, то, что она была тогда ночью со мной... В общем, на то были свои причины

– Понятно Ну что ж, очень жаль Может, как-нибудь в другой раз

– Подождите-ка Послушайте, а ваш Царегородцев сильно расстроится, если вы не придете?

– Да нет, не думаю – он там с дамой А почему вы спрашиваете?

– Если у вас, кроме Царегородцева, ничего не предвидится, приезжайте ко мне Правда, рыбы нет, но закусить я что-нибудь приготовлю

– Отлично

– И прихватите, если у вас есть деньги, что-нибудь выпить покрепче Девятая квартира – не забудете?

– Не беспокойтесь, выезжаю через пять минут

А спустя полчаса я выходил из лифта в освещенном холле пятого этажа, где было всего две квартиры с красной ковровой дорожкой между ними, посередине изрядно вытертой Она ждала меня, стоя на пороге, левой рукой взявшись за ручку открытой двери, а правую опустив вдоль тела, выставив правое колено вперед На ней были домашние брюки без стрелок и широкий кремовый свитер с круглым воротом и поднятыми до локтя рукавами Я остановился, и мы молча уставились

друг на друга Она – выжидательно Я – приятно опешив: так хороша она мне показалась в своем скромном наряде, с гладко причесанными волосами, с той особой женственной стройностью тела, которую не спрячешь ни под какими одеждами

– Ну что же вы встали, входите, – сказала она, смутившись, и забрала у меня кейс, где находился мой джентльменский набор – коньяк, водка и пунцовая роза в фольге, купленная в цветочном ларьке у пожилого восточного человека с чугунным носом и белым каракулем на висках Я кивнул и послушно вошел вслед за ней в прихожую, где всю правую стену занимали черные раздвижные шкафы, а у входа в зал стояло старинное зеркало в массивной черной раме, крепившейся на черном подзеркальнике в виде низкой тумбы с короткими гнутыми ножками Поставив кейс на подзеркальник, она ловко помогла мне снять плащ, повесила его в один из шкафов и, поймав меня за руку, увлекла через сумрачный зал в угловую комнату с двустворчатыми дверями, в прошлом, очевидно, служившую кабинетом: массивный рабочий стол у окна, кожаный черный диван, вдоль стен высокие книжные стеллажи Еще там была пара глубоких кресел, дорогой, но старый ковер на полу и настольная лампа под зеленым абажуром, стоявшая на журнальном столе

– Поставьте стол к дивану и располагайтесь, полистайте что-нибудь, пока я хожу на кухню, – сказала она, уходя

– Не забудьте про кейс, там заказ, – сказал я ей в спину

Она ушла, но скоро вернулась с тонкой фарфоровой вазой, в которой покачивалась на стебле бархатисто-пунцовая роза

– Спасибо, – сказала она и поставила вазу на столик – Разве я тоже ее заказывала?

– Нет, но я слышал, что женщины любят цветы

– Это правда, – сказала она, вздохнув, и коснулась ладонью цветка Потом сходила на кухню, принесла сервированный поднос, и через пару минут мы, не чокаясь, выпили, налили и выпили снова

– Хорошая водка, – сказала она удовлетворенно – Вы молодец, взяли именно то, что нужно

– Нехитрое дело Просто видел, какую вы заказали в баре, вот и взял ту же самую Кстати, а где же ваш милый ребенок?

– Спит, я уложила ее пораньше Как-то все неожиданно И вообще неловко – вы понимаете?

Поскольку столик был мал, мы сидели, почти касаясь друг друга, и, чтобы лучше видеть меня, она отодвинулась и села боком, положив ногу на ногу, а левую руку на отвал дивана

– Тут у вас среди книг много медицинской литературы Почему ваш отец не забрал ее в Гамбург?

Она закурила и тоже посмотрела на книги

– Здесь есть и мои книги, я ведь тоже по образованию врач Правда, теперь уже бывший, три года как не работаю

– Хм А на что вы живете?

– Что?

– Извините, любопытство меня доконает

– Извиняю Деньги не проблема, их посылает отец Для него это не очень накладно, а для нас даже больше, чем нужно Хотя больше никогда не бывает... Но давайте выпьем, – ввернула она и решительно взяла со стола наполненную рюмку, легонько стукнула о рюмку мою Мы выпили, она затянулась и замолчала, сосредоточенно рассматривая сигарету Через минуту подняла на меня глаза и спокойно спросила:

– Я вам нравлюсь?

– Конечно

– Кажется, вы мне тоже

Она смотрела мне прямо в глаза И от этого взгляда в горле у меня пересохло

– Садитесь ближе

Я пересел Она улыбнулась, коснулась прохладными пальцами моих щек и подарила мне тот легкий теплый поцелуй в губы, от которого, как писали когда-то, я тотчас сомлел Затем отстранилась, взъерошив мне челку

– Поедем к тебе ненадолго? Хочу посмотреть, как ты живешь

– Что ж, если ты хочешь Но, может быть, позже?

– Я здесь не могу Потом расскажу почему

И тут где-то в глубине комнат что-то упало, зазвенело, послышался приглушенный неразборчивый голос От неожиданности я вздрогнул, а она неспешно поднялась и произнесла ровным голосом:

– А вот и начало моего рассказа...

Она взяла тонкий стакан, наполнила его водкой и ушла, плотно прикрыв за собой двери Я тоже налил в стакан изрядную дозу и выпил одним глотком

– Кто это? – спросил я, когда она вернулась

Она села рядом, сложила на коленях руки, и ответила с мрачным спокойствием:

– Кто? Это мой муж Инвалид, негодяй и пьяница

– Ты права – одевайся, едем ко мне

– Нет, милый, вечер любви отменяется У меня все желание пропало Тем более Настя проснулась

Я погладил ее по голове, вид у нее был неважный

– При чем тут вечер любви? Давай-ка рассказывай, что происходит Что у вас мужем?

Она невесело усмехнулась

– Как у всех когда-то – любовь А три года назад перевернулся на машине с какой-то шлюхой Вскоре после отъезда отца Паралич С тех пор выполняю свои врачебные обязанности – ворочаю его с места на место, меняю пеленки и водкой пою

– И сама за компанию причащаешься

– Знаю Но так как-то легче

– А что, родных у него нет?

– Была мать, да только умерла лет пять назад Есть еще сестра, но у нее семья, кому он нужен

– Он ведь тебя благодарить должен за то, что ты для него делаешь

– Он и благодарит Шлюхой, например, называет Сейчас у меня много разных имен Называет и заглядывает в глаза, улыбается, черт бы его побрал! Как будто это я виновата в том, что он перестал быть мужчиной Впрочем, на него грех обижаться, это типичная реакция калеки

– В таком случае сдай его в богадельню, – предложил я грубо

– Что ты, не могу – я же врач Знаю, что такое эти дома инвалидов

– И как же ты жила эти годы?

– Так и жила

– Но ведь не могла ты быть все это время одна?

– Значит, могла То есть нет, конечно – пыталась несколько раз изменить положение Не получилось Я почему-то невольно все время сравнивала этих мужчин с мужем и, что совсем ненормально, стала находить между ними немало общего

- Тогда зачем ты дала мне визитку?
– Черт, да откуда я знаю Когда ты сегодня позвонил, я вообще потерялась, как девочка Давай-ка выпьем еще, налей мне, пожалуйста
– А с кем он оставался, когда вы уезжали к отцу?
– Господи, ты ходячий вопросник Наняла сиделку, одну знакомую медсестру Потом она призналась: если бы не наше знакомство, ушла бы на следующий день, так достал он ее своими мерзкими выходками
– Какими выходками?
– Нет, ты невыносим Пойду, приготовлю кофе – И она поднялась, но я остановил ее, силой усадив к себе на колени Она вздохнула, погладила меня по щеке и сказала:
– Ну и черт с ним – помоги мне раздеться

3

Она стала приезжать ко мне Приезжала обычно по вечерам, часа на три-четыре, и не было никакой возможности оставить ее до утра

– Что ты, не могу, – сказала она как-то на мою просьбу остаться – Он хоть и калека, но в пьяном виде может перепугать ее до смерти – И, подумав, спокойно добавила: – Если он что-нибудь сделает с ней, я отправлю его не задумываясь

Выпивать она стала реже

– Ты не беспокойся, – говорила она после двух рюмок коньяку, садясь ко мне на колени – Я вполне себя контролирую Просто раньше я выпивала с горя, а теперь... Чувствуешь разницу? – И, смеясь, прижималась ко мне и гладила меня по щеке Иногда, лежа в кровати и глядя в окно, она о чем-то задумывалась и, если я тревожил ее, переводила взгляд на меня и говорила что-нибудь примерно такое:

– А если бы в тот вечер ты не встретил Царегородцева? Неужели мы тоже не встретились бы? Раньше я даже думать об этом боялась А теперь нет Я верю, что для нашей встречи было предначертание А ты?

Я садился рядом, целовал ее глаза, целовал теплые, удивительные своим вкусом губы и отвечал:

– Ты права, мы бы все равно когда-нибудь встретились На улице, в трамвае, на прогулочном катере – для меня это ясно, как божий день

Однажды она неожиданно позвонила мне до обеда, чего обычно не делала Мы расстались с ней поздно вечером Я отвез ее домой и, вернувшись, заснул только под утро – просматривал свою переписку с В Астафьевым и кое-что отобрал для газеты, готовившей материал на смерть этого достойного человека Сонный, я прижал трубку к уху и услышал в ней характерный шум города: приглушенные звуки автомобильных сигналов, чьи-то отдаленные голоса

– Если ты спишь, – сказала она вместо приветствия, – а я думаю, что это так, то встань и подойди к окну, посмотри какая чудесная погода Просто чудо какое-то Ночью выпал снег, а сейчас мороз и солнышко Мы с Настей ходили за билетами в цирк, теперь гуляем в Монастырском саду, у самой площади Не хочешь нас повидать?

Прогоняя сон, я потряс головой

– Я-то хочу А вот Настя Она еще не забыла меня?

Она рассмеялась

– Успокойся, тебя забыть нелегко Заодно можно перекусить где-нибудь, например в том баре, помнишь? У меня к нему особое чувство А у тебя?

– Отлично Ждите в баре, иду одеваться

Когда я вошел в зал, они сидели за столиком в самом углу друг против друга, пили кофе и закусывали бутербродами Хозяйка тоже была на месте – обслуживала у стойки клиента, с тихой улыбкой поглядывая на них, еще более располневшая и медлительная

– Привет, – сказала она, едва я уселся – Ты знаешь, она сразу узнала нас, а ведь прошло столько времени – так что пришлось извиниться за ту мою выходку Поболтали немного Скоро родит, это будет третий ребенок Сильная женщина, просто удивляюсь таким Я бы, например, ни за что не решилась – И она задумчиво прищурила на меня глаза – А ты как думаешь, не поздно мне подарить Насте братика?

Ее серебристая лисья шубка была распахнута, темный шарф лежал на плечах И у меня сердце сжалось от любви к этой женщине с алыми прозрачными пятнами на щеках, с русыми волосами, упавшими на высокий лоб, и зелеными прищуренными глазами, задумчиво глядевшими на меня и, как мне казалось, совсем не требующими ответа

– Конечно, не поздно, – неожиданно заявила Настя и в наступившей тишине совсем не по-детски вздохнула Потом сняла с головы лебяжью шапочку, из-под которой волной скатились золотистые кудри, взрослым движением откинула их на плечо и добавила, исподлобья оглядев нас обоих: – Раз вы теперь любовники

– Ну как тебе этот милый ребенок? – сказала она с непонятной усмешкой и прикурила от зажигалки – Может, сделаем ей подарок?

Голова у меня пошла кругом – я терялся в догадках

– Ты Ты не шутишь?

Она смотрела на меня не мигая

– А что?

– Нет, ты это серьезно?

– Ладно, я пошутила Но мне всегда хотелось иметь сына Представляешь, как это было бы здорово Иногда я даже воображаю его себе – таким славным, внимательным...

– И с такими же синими глазами, как у него? – безучастно вставила Настя, продолжая исподлобья глядеть на меня

– Что это с тобой сегодня? – сказала Маша и наклонилась к ней, облокотившись на стол

– Почему ты не позвонил? – едва слышно спросила Настя, и ее пушистые ресницы затрепетали – Ты же мне обещал Я ждала, ждала

– Господи, девочка! – воскликнула Маша, взяв ее за руки – Он звонил, это я виновата Что же ты, милая, ни разу не спросила меня о нем?

Тут Настя отвела от меня глаза и застенчиво прошептала:

– Я подумала, может, он сам вспомнит Правду ты говорила, что все мужчины одинаковы и заняты только собой...

Как-то в конце зимы мы побывали у Царегородцева, закатились к нему уже ночью, осыпанные искрящимся снегом – и он только глаза расширил от радостного изумления, когда она встала на цыпочки и, смеясь, стала целовать его в щеки, а потом ласково прильнула к нему

– Царегородцев, милый, если бы ты знал, как я люблю тебя за то, что ты шлялся в ту ночь под дождем Царегородцев, где твоя женщина? Ах, вот вы где Дайте я поцелую вас, милая

И Юля, на которой из одежды была только рубашка Царегородцева, с умирающими глазами подставила щеку и, глядя морозный мех ее шубки, восторженно прошептала:

– А вы Маша? Вы и есть та самая Маша? О боже, как это все романтично...

В ту ночь она впервые осталась у меня до утра

4

Сейчас, когда я приблизился к финальной части рассказа и восстанавливаю в памяти события того февральского дня, у меня снова начинают дрожать руки, и, чтобы унять эту дрожь, я выпиваю рюмку водки, подхожу к окну и закуриваю сигарету Сейчас тоже февраль, и тоже падает снег – он падает отвесно и медленно, так медленно, будто собирается совсем остановиться, и постепенно я успокаиваюсь, возвращаюсь к столу

Почему она осталась в ту ночь у меня? Трудно сказать Утром я повез ее на такси домой – и попали мы как раз на пепелище Пожарные орудовали внутри дома, а из трех выбитых окон пятого этажа, что выходили на фасад, все еще валил дым У подъезда плакала пожилая женщина, рядом стояли двое пожарных и милиционер без шапки, а на углу машина скорой помощи Мы выскочили из машины одновременно с двух сторон Сбив с ног одного пожарного, она бросилась в подъезд, но милиционер успел обхватить ее сзади и приподнял, пытаясь прижать к стене Она закричала, лицо ее стало страшным Подоспевшие врачи быстро вкололи ей что-то, под руки усадили в машину и увезли Все это произошло так стремительно, что я даже опомниться не успел

Позже я узнал: причиной оказался пьяный отец – то ли уронил зажженную спичку, то ли бросил тлеющий окурочок на ковер у кровати Он и погиб первый А Настя, вероятно, была жива до последних минут, но пожарные не успели – она надышалась угарного газа и умерла, находясь в своей комнате под кроватью Там и нашли ее вместе с плюшевым медвежонком, которого она обнимала за шею

Доктор Потоцкий прилетел на следующий день и сразу после похорон увез Машу в Гамбург, мне она даже не позвонила Да и зачем? Как тут ни суди, а во всем виноват был я Ведь если бы не тот злополучный вечер, когда мы встретились с Царегородцевым, ничего бы этого не случилось

– Случайных встреч не бывает, – сказала однажды она – Для нашей встречи было предначертание Я верю в это А ты?

– Чье предначертание, Маша? Чье?

Прошло чуть более полугода Я жил как во сне, с тошнотворным чувством вины, медленно спиваясь и падая все ниже и ниже И напрасно Царегородцев вместе с доброй Юлей всячески пытались образумить меня Жизнь потеряла смысл и не вызывала во мне ничего, кроме тяжелой усталости

Однажды осенним вечером раздался телефонный звонок Пьяный от бессонницы, я снял трубку, спросил «какого черта?» – и мне тихо ответили:

– Добрый вечер, Хемингуэй Не хочешь взглянуть на сына?

ВИДЕНИЕ

Мы отдыхали – лежали на пригорке в тени столетней плакучей березы, курили и поглядывали на развалины деревенской церкви. Стояла самая середина лета, южный ветер нес с цветущих лугов сладкую пыль, и все время, не переставая, однообразно шумела над головой могучая крона. Я поднял голову, солнце пылало почти в зените, а необозримая синева неба была настолько густой и глубокой, что казалась нездешней, тропической «Господи, хорошо-то как», – подумал я, оглядываясь кругом. Недалеко от развалин, ближе к реке, обосновалась крохотная пасека – пяток ульев, разбросанных среди старых яблонь, – а чуть дальше омшаник и домишко старика, угощавшего давеча нас медом. Поставил на пенек перед избой эмалированный таз, где вместе с тягучим нектаром плавали кирпичные обломки сот, а рядом ведро ледяной воды из колодца. И, усмехнувшись, сказал:

– Без ей никак нельзя, а так в аккурат будет

– Что ж, дед, не скучно здесь одному на отшибе?

– А на кой она мне, деревня-то? Чего я там не видал?

– Да ведь как, сосватал бы старушку – все, глядишь, не один

– А на кой она мне, старушка-то? Чего мне с ей делать? Мне теперь, окромя собаки да кошки, никого не надо, привык

Еще дальше за пасекой, за песчаным обрывом реки, источенным раковинами птичьих гнезд, на многие километры тянулись леса, фиолетовым обручем стягивая горизонт, и вся картина, исполненная неги, чистоты и покоя, будила мысли о временах старозаветных, загадочных...

– Когда я смотрю на эти руины, мне хочется выть от отчаяния, – сказал один из нас, художник с ястребиным носом, с бледно-голубыми пронзительными глазами. Он встал на колени, сложил на груди мускулистые руки и некоторое время стоял так, с торжественной строгостью глядя перед собой. Потом театрально закончил: – Не задумываясь, отдаю обе ноги и левую руку за возможность воочию видеть допетровскую Русь. Эх, не в свое время родился я, не в свое

– Присоединяюсь! – поворачиваясь на бок, заявил поэт – молодой человек с деланно мрачным, бородатым лицом дровосека – Я тоже чужой на этой мусорной свалке, где давно не осталось ничего святого. Даже вера в Бога вырождается непонятно во что. Увы, поэт был прав – все тонет в фарисействе

– Да при чем здесь вера, – с досадой возразил художник – Дело не в вере, а в верующих, люди теперь стали не те. Они не верят в чудеса, в жизнь после смерти... то есть, может, они и хотят, да не могут, не получается. Вот вам набросок с натуры. Был я как-то под Рождество в нашем Успенском соборе, стоял, слушал пение хора и вдруг вижу: входит

парень лет семнадцати, и, по тому, как робко приближается к небольшой группе верующих у амвона, понимаю, что в церкви он в первый раз Подошел, остановился недалеко от меня и замер с расширенными глазами, пораженный всем этим внутренним великолепием убранства, торжественностью и чистотой голосов, плывущих с хоров под сводами церкви. Одного он не сделал – не снял по незнанию шапки. Тут же к нему подбегает гнутая старуха в черном – из тех, что шатаются там с утра до вечера, – подбегает и с силой срывает с него шапку. И столько было в змеиных глазах ее холода, когда она прошипела: «нехристь несчастный», что мне стало не по себе. Лицо парнишки побледнело, а от испуга и растерянности на глазах его выступили слезы. Он забрал у нее шапку, опустил голову и торопливо направился к выходу. Какие, скажите, понятия могла внушить ему о вере эта карга с ее казарменными ухватками? А ведь именно она в ту минуту являлась для него олицетворением православного человека. Какие уж тут чудеса, какое тут, к черту, бессмертие.

Пока художник предавался воспоминаниям, а поэт мрачно вторил ему, наш четвертый приятель, до сих пор не проронивший ни слова, сидел у березы и пил из термоса квас. О нем следует сказать особо, поскольку, собственно, благодаря ему и ведется этот рассказ. Он приходился художнику шурином, был значительно старше нас и слыл мужчиной сугубо практическим, с успехом занимался коммерцией и другими серьезными делами, а нрав имел суховатый, несколько замкнутый, при всем этом оставаясь человеком добрым и искренним. Звали его Иваном Романовичем. Ростом он был невелик, туловищем коренаст, с большой головой и коротким, побитым сединой волосом. Он носил выпуклые дымчатые очки в золотой оправе, а лицо его было самое обыкновенное – широкое спокойное лицо учителя сельской школы. За последний месяц он уже дважды выезжал с нами на природу и, судя по нему, остался, вполне доволен. Когда художник умолк, Иван Романович поставил термос между колен, снял очки и, сдвинув брови, многозначительно произнес:

– Все это очень неприятно, я имею в виду выходку той фанатичной старушки, но не так уж и страшно. Куда неприятней нынешнее поголовное лицедейство, когда, к примеру, разодетые в пух и прах барышни являються в церковь, как в театр, из желания не столько увидеть спектакль, сколько принять в нем участие. Невероятно, но факт: на церковь повальная мода. Сколько раз я наблюдал, как появляются там эти новообращенные грешницы, демонстрируя публике дорогие меха и сногшибательные драгоценности. И все это с притворным смирением, с лживой скорбью лица. Быть такой грешницей – необычайно модно. Я, разумеется, не против мехов и прочего, отнюдь нет, но церковь, повторяю, не театр, и выглядеть тут нужно скромнее.

– Согласен. Для меня скромность – синоним смирения, – проговорил в задумчивости художник.

– Но всего печальнее то, – еще многозначительнее сказал Иван Романович, – что и церковь нынешнюю все это, похоже, устраивает. И фанатичные старушки в облике надзирателей, и святая вода прихожанам напрямую из грязной бойлерной, и лицемерные господа, для которых служители божьи готовы теперь на многое – не только освятить новый комфортабельный бордель в центре города, но как в той сказке, помните? Заплатил мужик попу как следует, так он издохшую собаку отпел в царствие небесное. Все повторяется, молодые люди, но с той лишь

разницей, что батюшка современный куда бессовестней своего туповатого предшественника – анекдотического пьяницы и любоддея

– Но женщина, всегда останется женщиной, даже в церкви, – с усмешкой заметил поэт – Это у них в крови

– А теперь относительно чудес, – снова заговорил Иван Романович, но неожиданно замолчал, задумался, покусывая стебелек одуванчика Поэт не выдержал:

– Вы, кажется, сказали – чудес Каких чудес, Иван Романович?

Иван Романович поправил очки и смущенно ответил:

– Самых настоящих, конечно Но, может быть, вам неинтересно?

Мы немедленно возразили и приготовились слушать

– Имейте в виду, рассказчик я никудышный, но уверяю вас, все случившееся со мной истинная правда, и до сегодняшнего дня никто об этом не знал, за исключением моей супруги Эта маленькая тайна много лет согревает мне душу Мне всегда казалось, если я сообщу о ней, во-первых, мне не поверят, а во-вторых, все чары развеются, и я лишусь своего бесценного подарка, обладателем которого так неожиданно стал Но сегодня, слушая вас и глядя на развалины церкви, я вдруг подумал: пусть люди знают, что чудеса бывают не только в библейских писаниях Тут среди нас находится писатель, – добавил он, указывая на меня, – и если он напишет правдивый рассказ, отчасти похожий на сказку, я буду искренне рад, потому как уверен – правда всегда отыщет путь к сердцу читателя

– Возьмусь с удовольствием, – сказал я, польщенный доверием – Но с одним условием

– Каким же?

– Чтобы правда выглядела правдоподобно, ваша история будет изложена от первого лица, но языком автора, то есть моим

– Согласен, – улыбнулся Иван Романович – Но и меня есть условие Прежде чем рассказ будет опубликован, вы прочтете его всей нашей компании И случится это у меня дома за бутылкой хорошего вина

Он пустил термос по кругу и, когда мы с удовольствием напились, неторопливо начал:

– Случилась эта необычная история лет тридцать назад, в те времена, когда я работал в одной торговой конторе и попутно оканчивал заочное отделение Плехановского института Мать моя, женщина глубоко верующая, окрестила меня, а позже и сестру в самом раннем детстве, так что, сколько я себя помню, верить в Бога для меня было так же естественно, как, например, дышать или пить воду Я никогда особенно не задумывался, не философствовал на тему: что такое есть вера в Бога и сам Бог, просто верил, и все, но без фанатичного подобоострастия, оно всегда мне претило Отец, партийный чиновник, человек холодный и молчаливый, занимал в нашем городе ответственный пост, но и он, как я позже узнал, был крещеным и верующим Конечно, в школе, а потом и на работе не догадывались, что я посещаю церковь, читаю Библию и по возможности соблюдаю пост В школе меня засмеяли бы, а на работе смотрели бы как на реликт, выброшенный морем на сушу Такая перспектива меня не устраивала Я знал, что быть не таким, как все, в нашем обществе крайне обременительно, и потому старался не выделяться, правда, в силу характера был необщителен, не принимал участия в коллективных дискуссиях на службе, но это только играло мне на руку – начальство не любит болтливых И все-таки человеком я слыл себе на уме, а некоторые до сих пор видят в моей замкнутости либо

корыстолюбивый расчет, либо самое обыкновенное бездушие Бог с ними, я не в обиде Я и в самом деле никогда не имел близких друзей, как-то уж так получилось, а все мои знакомства не выходят за рамки практического, делового свойства Нелегко я сходилась и с женщинами Не то чтобы я бежал их общества, нет, но в большинстве своем они казались мне существами пустыми, болтливými, мысли и желания их были примитивны, а поведение отличалось жадной игрой, самолюбования и позы Не отрицаю, я идеализировал женщину, вероятно, поэтому и женился так поздно Но встретил я именно ту, о которой мечтал, и опять-таки не без божьей помощи А пришла эта помощь очень естественно и на первый взгляд совершенно случайно, поскольку знакомство наше состоялось в церкви, сразу по окончании службы Мы оказались рядом, шли рука об руку к выходу, и когда вышли на обледенелую паперть, я осторожно поддержал ее за локоть, а она улыбнулась и благодарно кивнула Да, именно так все и было...

Думаю, церковь и явилась связующим звеном между мной и теми странными событиями, что последовали вскоре за ее посещением Нет, я говорю не о том дне, когда познакомился с Ириной, а о более раннем времени В тот год я уехал в Москву на сессию, недурно выдержал экзамены и решил позволить себе вполне заслуженный отдых Я поехал в Рославль, старинный провинциальный город километрах в трехстах от Москвы, где жила моя тетя, и там у нее, в просторном бревенчатом доме с беседкой в яблоневом саду, провел две чудесные и самые спокойные в моей жизни недели Сад был старый, запущенный, по ночам в нем пел соловей, а днем среди яркой зелени переливалась на солнце паутина и на цветах по-хозяйски гудели шмели Последний раз я был у тетки еще школьником, и все-таки по приезде сразу отметил, как мало она изменилась – разве что сизым стал румянец на скулах да еще уплотнилось короткое, полногрудое тело, еще тоньше и суше стали ноги, обутые в мягкие тапки без задников Ко мне она относилась по-старушечьи ласково, но без умиления, не суежилась без толку, словом, предоставила меня самому себе, занимаясь в основном тем, что утром готовила завтрак и до обеда уходила к соседке, где за разговорами они выпивали бутылочку вина, а после сидели у калитки, покуривая папиросы Их роднило не только то, что обе в войну потеряли мужей, но и то, что после войны они так и не вышли замуж, при этом не особенно оберегая вдовье целомудрие, которое так любили обсасывать писатели и драматурги советского времени Но это я так, между прочим К обеду она возвращалась, собирала на стол и часа на два ложилась вздремнуть, а после опять уходила до вечера Таким образом, повторяю, я был предоставлен самому себе, и не скажу, что вынужденное одиночество доставляло мне огорчение, более того, оно действовало почти наркотически С тихой беспричинной радостью, а может, со сладкой печалью бродил я по зеленым улицам древнего города, смотрел на крепкие старинные дома, на их степенных владельцев, в большинстве своем пожилых и хозяйственных, шел мощенной булыжником улицей мимо красного кирпичного здания, где когда-то размещалась немецкая комендатура, и почти не встречал машин – лишь изредка мотоцикл или полупустой автобус нарушали своим рокотом этот патриархальный покой И в таком вот счастливом однообразии прошли почти две недели Незадолго перед отъездом, тем памятным воскресным днем, я отправился в церковь, трехглавый храм, сквозивший пролетами пустой колокольни, отстоял обедню и, подходя ко кресту, обратил внимание на то,

как пристально посмотрел на меня седобородый священник, должно быть, удивленный моей молодостью И в самом деле, хотя людей собралось порядочно, все они были не первой молодости, а проще сказать, старики Я вернулся домой, спать лег раньше обычного, и приснился мне удивительный сон: я стою внутри церковного двора, а вокруг полным-полно празднично одетых ребятишек, ну просто как в детском саду И все они что-нибудь держат в руках, кто кулич, кто пряник или конфету В изумлении я огляделся, и у самой ограды, в отдалении от других, увидел мальчика лет семи, одетого в белую рубашку и черные брючки, который не мигая смотрел на меня, а потом сдвинулся и медленно пошел навстречу И я тоже пошел к нему, почему-то спеша и волнуясь Когда мы поравнялись, я присел и взял его за руки

– А у тебя почему нет ни булки, ни коржика? – спросил я его

– Не принесли, – ответил он тихо, – уже давно не приносят Только вот это, – он разжал пальцы, и я увидел на ладони несколько двадцатикопеечных монет Я сжал его локти

– Как же так, почему?

– Потому что здесь у меня никого не осталось

– А где же они?

– Мама и папа живут в вашем городе, – сказал он, вздохнув, – а бабушка умерла еще раньше

– Понятно А как же тебя звать-величать?

– Сережа

– Так И что же я должен делать, Сережа? – спросил я, поражаясь своему спокойствию и рассудительности

– Как приедете, зайдите на улицу Степную, номер двенадцать и передайте, что я жду Я и нынче их ждал в родительский день, да только они не приехали

– Скажу, родной, обязательно скажу – И я поднялся, держа его за руку

– Ну, мне пора, – сказал он, указывая на распахнутые ворота церкви, куда гурьбой устремились дети Я проводил его до входа, за которым не было ничего, кроме могильного мрака, и напоследок спросил:

– Ты сказал, Степная двенадцать, а номер квартиры?

– Это частный дом Там почти все дома частные, вы должны знать об этом

– Извини, запомню

– Это вы меня извините, – сказал он и бросил взгляд на мрачно темнеющий вход – Прощайте, спасибо за вашу доброту И за веру Но знайте, здесь все не так, как вы думаете, дядя Иван

– А как же здесь? Как? – спросил я, испытывая сильную душевную муку

– Я и сам не все понимаю, я ведь маленький, – ответил он и снова вздохнул – Прощайте И не спешите жить, живите подольше

Я сказал – сон Нет, конечно, не сон, а самое настоящее видение, поскольку не только лицо его, но и многие лица детей я до сих пор помню так ярко и отчетливо, что, будь я художником, давно написал бы их

– Невероятно, – еле слышно сказал поэт, закрывая глаза

– Да-да! Говорю вам – истинно так! – разволновавшись до красноты ушей, настойчиво продолжал Иван Романович – Утром я записал адрес в блокнот, хотя, собственно, и записывать-то не имело смысла, он отпечатался в моей голове навеки Спустя два дня я вылетел из Москвы домой и по прибытии, ближе к вечеру, отправился на Степную Был

это старый, похожий на деревню район на окраине города, где многие семьи в то время еще держали домашний скот, а кривые улицы с деревянными тротуарами и заглохшими колеями замысловато петляли, оканчиваясь то тупиком, то переулком, этакой щелью между заборами, настолько тесной, что двум встретившимся прохожим, разойтись там было довольно сложно. Не без труда разыскал я в этом хаосе нужный адрес и, признаюсь, не без трепета надавил на щеколду и вошел во двор. Что ж, дом как дом, небольшой, бревенчатый, рядом баня и нечто похожее на стайку. Двор чистый, поросший кудрявой травой с песчаными залысинами, с натянутыми поперек бельевыми веревками. Все это я разглядел, пока топтался у крыльца, не решаясь войти в открытые двери сеней, в то время как в доме (я услышал отчетливо) напряженный женский голос затянул колыбельный мотив.

«Э, да у них маленький ребенок», – подумал я и решил подождать, присел на ступеньку крыльца, размышляя о сложности предстоящего разговора, ни минуты, впрочем, не сомневаясь в правдивости своего видения. Да, с того самого мгновения в Рославле, когда я проснулся и записал адрес, я уже твердо знал, я был уверен, что все случившееся со мной неспроста, что волею судьбы я оказался жителем города, куда за тысячу верст переселились родители мальчика, и я обязан выполнить его просьбу. Одного я не знал: как повести разговор, не рискуя прослыть сумасшедшим. Немного погодя пение прекратилось, а через минуту в глубине сеней мягко хлопнула дверь, ударил сквозняк и за скрипели крашенные половицы, ... я быстро поднялся. Передо мной с вопросительно поднятыми бровями и ворохом ползунков в руках стояла невысокая смуглая женщина в пестром ситцевом платье, несколько полная, черноволосая, черноглазая, с синеватым пушком вдоль щек и над верхней губой. И тут меня одолели сомнения. Мальчик, явившийся мне той ночью, не имел с ней ни малейшего сходства. Он был типичный славянин, русые волосы, голубые глаза, а здесь чувствовалось присутствие совсем иной крови. Мысли мои смешались, я потерялся и вместо того чтобы хоть что-то сказать, только тупо смотрел на нее, между тем как пауза все затягивалась. Наконец, женщина нашлась, она с вежливой усмешкой спросила:

– Почему вы так на меня смотрите? Мне кажется, я вас не знаю.

– Не знаете, – подтвердил я, выходя из оцепенения. И тут же, не сходя с места, решил покончить со всеми недоразумениями. – Скажите, вы жили когда-нибудь в Рославле? – сказал я, переставая дышать.

– О! – воскликнула она удивленно. – Конечно, жили. Я же родом оттуда. Но как вы узнали? Мы уехали из Рославля пять лет назад.

– Все ясно, все ясно, – забормотал я, бесцельно шаря по карманам.

– То есть что значит – ясно? – спросила она в замешательстве. – И как вы разыскали наш дом? В Рославле у нас никого не осталось.

Я сел на ступеньку и, глядя снизу вверх в ее тревожные глаза, негромко сказал:

– Почему не осталось? А на кладбище?

Она выронила из рук ползунки и, прикрыв ладонями рот, стала пятиться, пока не уперлась в косяк.

– Кто вы? Что вам нужно? – сказала она испуганным шепотом.

– Скажите, у вас был сын Сережа? – спросил я как можно спокойней.

– Боже! – прошептала она. – Конечно, был. Он умер шесть лет назад и похоронен на городском кладбище... Но, ради бога, ответьте, наконец, – кто вы такой и что все это значит?

– Сейчас объясню Только не пугайтесь, а постарайтесь понять и, главное, поверить в то, что я расскажу

И я рассказал ей все до мельчайших подробностей Закончил я приблизительно так:

– Он просил передать, что ждал вас в родительский день, ждет и сейчас, и вообще, как я понял, будет рад вам в любое время Красивый мальчик Только уж слишком печальным он выглядел там, среди сверстников

– Просил передать... – повторила она и побледнела той пепельной бледностью, что бывает обычно у смуглых Потом села рядом со мной на ступеньку

– Да, все правильно, – с горечью прошептала она – Я иногда подаю нищим мелочь, прошу помянуть Сережу... вот и нынче в родительский день подала Но адрес Он что же, и адрес вам дал?

– Он и дал, а иначе как бы я вас разыскал?

Она вдруг жалко улыбнулась, и губы ее задрожали Страдальчески глядя на меня, она забормотала умоляющим голосом:

– Ну, пожалуйста... прошу вас, не мучьте меня! Для чего вы все это придумали? Что я сделала, чтобы так страшно шутить надо мной?

Я взял ее за руку

– Успокойтесь, я редко шучу А уж тем более на подобные темы

– Да что же это такое, Господи!

– Между прочим, могу сказать еще кое-что На его правом виске я заметил небольшой шрам Вы случайно не знаете о его происхождении?

Она с ужасом взглянула на меня и безвольно опустила голову

– Как мне не знать, шрам и был причиной его смерти Мы возвращались из магазина, когда его сбил самосвал Была зима, гололед Он ударился виском о ледышку и умер по дороге в больницу У меня на руках Так, знаете, вытянулся и тут же стал холодеть

Она оперлась о ладонь, хотела встать, но неожиданно положила голову на мое плечо и расплакалась Потом поднялась и сказала, икнув:

– Идемте, я покажу его фотографии

– Мы разбудим ребенка, принесите-ка лучше сюда

– Как хотите, – сказала она покорно, ушла в дом и скоро вернулась с большим альбомом в красном плюшевом переплете Несколько первых страниц занимали фотографии Сережи (я сразу узнал его) начиная с рождения и заканчивая последней, снятой в детском саду у песочницы, где он стоит, поджав губы, одетый в матроску и вытянув руки по швам Она предложила мне взять фотографию, но я отказался, объяснив тем, что в моей памяти мальчик навсегда останется таким, каким я увидел его на церковном дворе

– Я понимаю, я понимаю, – ответила она, думая, однако, о чем-то своем, сокровенном И тут до меня дошло: в ту минуту она находилась не здесь, она была с давно умершим и все-таки живым ребенком, смотрела на него моими глазами, говорила с ним моим голосом, а мое присутствие было уже не важным

– Не забывайте, вы теперь человек меченый, – сказал я, прощаясь и пожимая ей руку

– А вы? – спросила она, улыбнувшись сквозь слезы, и снова икнула

– Ну что вы – я только посредник, – ответил я, и на том мы расстались

– Но вы были еще на Степной, виделись с женщиной? – нетерпеливо воскликнул поэт

– Нет, не был Но женщину видел, и вот при каких обстоятельствах С тех пор прошло около трех лет Однажды зимой, в самые Святки, захватила меня жгучая метель неподалеку от Старо-Никольского кладбища, которое, как вы знаете, уже лет тридцать закрыто для погребений При кладбище имелась одноглавая, жалкая своим заброшенным видом, церквушка С отвалившейся по фасаду штукатуркой, с дикой темно-зеленой краской купола и тем не менее всегда открытая для прихожан Я решил зайти обогреться, а заодно поставить свечу всем святым Вхожу, и что вы думаете? В церковной лавке за деревянной перегородкой вижу ее, эту самую женщину Стоит в белой кофточке, черной юбке и черном, по-монашески повязанном платке Стоит и продает прихожанам свечи, лампадки, крестики, рядом ящичек для пожертвований Она сильно изменилась, похудела и даже постарела внешне: черты ее поблекшего лица стали тонки и болезненны Но зато как чудесны были ее темные библейские глаза, струившие тихий свет и смирение Я было хотел подойти и поздороваться, поговорить, но, поразмыслив, решил не смущать ее, отступил в тень и незаметно покинул церковь

– Но почему?! Почему вы не поговорили с ней, не расспросили?! – почти закричал поэт И сокрушенно добавил: – Вы были обязаны к ней подойти!

– Кажется, пахнет грозой, – предупредил художник, кивая на юг, где весь горизонт вместе с полями и лесом, накрыла тенью гигантская черно-серебристая туча, озаряемая снизу блеском ветвистых молний, и уже погромыхивало Внезапно все стихло, куда-то пропали птицы с их разноголосым щебетом, исчезли стрекозы, и лишь комары неустанно ныли в густой неподвижности воздуха, насквозь пропитанного терпкой духотой цветущих лугов

Иван Романович открыл термос и налил себе квасу

– А я не жалею, что поступил именно так, а не иначе, – сказал он невозмутимо и высоко поднял наполненную до краев кружку – Послушайте, она себя обрела, нашла свой единственный путь, свое место, стала ближе и к сыну, и к Богу И мне показалось тогда неприличным и даже жестоким напомнить ей о себе Вы понимаете, о чем я? Ну вот и отлично Теперь все, спасибо, что выслушали Ваше здоровье, молодые люди!

ДОЛГ

В прохладном зале кафе «Севастополь» было сумрачно и немногочисленно. В освещенном углу у стойки пили коньяк и вежливо ругались два стареющих лабуха, а напротив крохотной сцены отдыхала компания прилично одетых людей, завернувших сюда по случаю праздника – юбилея почтенной газеты, в жизни которой все они принимали участие. После часового заседания в конференц-зале редакции, отупевшие от жары и напористого оптимизма докладчика, они единогласно решили расслабиться и теперь с удовольствием занимались этим, отдавая должное и холодному сухому вину, и более крепким напиткам, не забывая, однако, беседовать. За ближним от сцены столом сидели трое.

– Понимаю вас, Ниночка, – вы закончили? – снисходительно говорил, постукивая мундштуком о пепельницу, слегка захмелевший доктор, человек ума скептического и насмешливого, автор ряда статей по реанимации местного здравоохранения – И вы далеко не первая, кто так вдохновенно строчит о бедственном положении детдомовских обитателей. Послушаешь, считаешь и уже не спрашиваешь: где, в какой цивилизованной стране возможно подобное? Очевидно, нигде.

И, убрав со лба белокурый чуб, он взял со стола зажженную свечу, прикурил и закончил с довольной улыбкой:

– Но ведь на то мы и русские.

А «Ниночка» – сорокалетняя строгая девушка, имевшая единственную в жизни страсть быть вдохновителем или участником различных акций, митингов и собраний, отставила бокал и брезгливо поморщилась.

– Все смеетесь, – сказала она с этой гримасой – А мне, представьте, не смешно. Вот такие, как вы, Павел Петрович. Вы же врач. Откуда столько цинизма и этой злобной иронии по отношению к людям? Я знаю, в Бога вы не верите. Может, вы и сострадание отрицаете?

Тут доктор перестал улыбаться и глаза его сузились.

– Конечно, смеюсь. А вы предлагаете плакать? Вот вы съездили с коллегами в детдом, привезли ребятам подарки, послушали их откровения относительно персонала. Может, дети и не лгут, даже скорей всего не лгут – так ведь что из того? У них там у всех круговая порука, дорогая моя, как и всюду в подобных учреждениях. Каким образом водворился у них этот интеллигентный на вид директор с повадками палача? Почему он работает в детдоме, а не по своему прямому назначению – например, санитаром в отделении для буйнопомешанных? А повара, растаскивающие сиротские продукты? Думаете, по прочтении вашей статьи их замучает совесть? Лично я сомневаюсь. А сострадание, Нина Сергеевна, вещь относительная. Я вот в силу сво-

ей профессии много повидал несчастных детей Куда более несчастных, чем те, о которых вы рассказали Мне приходилось месяцами лечить обреченных, и я не раз замечал, как не по-детски стойко они переносили страдания У этих маленьких пациентов, разучившихся плакать, были глаза стариков, и смотреть в них поначалу было невыносимо Но и к такой чудовищной несправедливости, оказалось, можно привыкнуть со временем Вы правильно заметили – я в Бога не верю Не буду доказывать почему, на это жизни не хватит Но честное слово, окажись я не прав, будь я уверен, что «на все воля Божья» – ну что ж, я бы только сожалел, что миром правит вполне законченный сумасшедший

Ошеломленная таким поворотом, Нина Сергеевна сидела прямо, как истукан, и тупо смотрела на доктора Доктор тоже смотрел на нее слегка прищуренными внимательными глазами Потом раздавил в пепельнице окурки и, внезапно меняя тему, заговорил тоном, каким говорят на приеме с капризным больным:

– А вам, дорогуша, советую поберечь нервы, вы совершенно издерганны Организм, знаете ли, не игрушка И учитывая это, приглашаю вас в пятницу вечером ко мне домой Познакомлю вас с одним обаятельным и весьма интересным человеком, моим старым товарищем – Он подался вперед и понизил голос до строгого шепота: – Вам мужчина необходим как воздух! Это я как врач говорю Если хотите – я вам прописываю его

– Кого? – совсем отупев, спросила Нина Сергеевна

– Мужчину

– Мужчину! – как эхо повторила Нина Сергеевна, и на ее бледном лице проступил жгучий румянец

– А что в этом плохого? – сухо осведомился доктор

– Плохого? Да нет, ничего

И окончательно смешавшись, она порывисто потянулась за сигаретой

– Ну вот и хорошо Вот и чудесно

Доктор удобней устроился в кресле и окинул острым взглядом присутствующих Двое из них, молодой красавец брюнет в белом костюме и высокая декольтированная блондинка в черном блестящем платье, сидели чуть в стороне с поднятыми в руках бокалами и, не обращая внимания на болтовню юбиляров, смотрели через стол друг на друга, словно загипнотизированные

– Забавно! – сказал, усмехнувшись, доктор и повернул голову в сторону давешних музыкантов, в обнимку шагающих к выходу Причем один, тот, что был крупнее и выше, с длинными конскими волосами, на ходу сипел, поглаживая рукой седые кудри попутчика:

– Андрус, я тебе повторяю! В джазе он полный дебил Их обоих вместе с этим кастратом отодрать надо за нарушение авторских прав

– Ах, хорошо! – рассмеялся доктор им вслед И обернулся к своей притихшей соседке, но тотчас умолк, пристально посмотрел на ее склоненную голову с мягкой русой косой, на скромное светлое платье – и глаза его потеплели

– Вот что, друзья Давайте-ка на время оставим коллег, благо им не до нас, и прогуляемся по этому красивому парку Заодно я вам расскажу, если уж пошла речь о детях, одну подходящую историю, случилась которая давным-давно, еще в пору моей сельской юности Как вы на это смотрите?

Не поднимая головы, Нина Сергеевна кивнула, и спустя пять минут все трое покинули зал, миновали тропинкой живую изгородь и ступили в таинственный сумрак липовой аллеи, местами затопленной серебряным светом луны Тонко пахло молодой листвой, было прохладно и тихо, лишь иногда в сырой глубине ветвей тяжело снимался и с трескучим шипением пускался в дорогу непоседливый майский жук Какое-то время шли молча, доктор шагал, опустив голову, и казался задумчивым И нерешительно взяв его под руку, и небрежно вздохнув, спутница между делом напомнила:

– Так что там с вашей историей, Павел Петрович?

Он поднял голову и покашлял в кулак

– Собственно говоря, ничего исключительного

– Значит, вы родились в деревне? – перебила она, смелее опираясь на руку доктора и вновь обретая уверенность – Потрясающе Скажи мне об этом кто-то другой, я бы ни за что не поверила У вас и вид и манеры прирожденного горожанина

– И тем не менее это так И деревня к тому же не ахти какая Места глухие, все больше лес и болотистые озера, ну а пахотной земли за рекой просто кот наплакал Если учесть, что до райцентра не меньше тридцати километров, неудивительно, что молодежь, включая и меня, разумеется, при первой возможности устремлялась со всех ног по городам и весям

– Я тоже в детстве бывала в похожей деревне у бабушки

– Да? – сказал невнимательно доктор – Сейчас деревни уже нет, последние старики давно вымерли, а на месте развалившихся домов взялась двухметровая крапива Побывал я там прошлым летом и, понимаете, Нина испытал щемящее и вроде как необъяснимое чувство удовлетворения, когда глядел на темнеющие этой крапивой бугры и даже на дикие заросли кладбищенской черемухи, где от многих могил, как говорится, и праху-то не осталось

– Мне трудно понять Все это так противоречиво Как можно испытывать такие чувства, когда кругом сплошное запустение? Уж вы извините меня, Павел Петрович

– Не извиняйтесь Если трудно понять, объяснить, наверное, еще труднее Не запустение, а покой Скажу буквально – мертвый покой И вместе с тем, будто провалился в прошлое, возник в нем и наяву увидел живыми и полными сил тех самых, что лежат сейчас по могилам, услышал их речь, кудахтанье кур, скрип колодезного ворота Это, знаете, довольно трудно было бы вообразить, окажись я там, среди незнакомой, а потому совершенно чуждой мне жизни

В нескольких шагах под деревьями одиноко белела скамья, и Нина Сергеевна направилась к ней, увлекая мужчин за собой

– Давайте присядем, – сказала она бодрим голосом, – жутко курить хочется И простите, Павел Петрович, но за разговором вы ускоряете шаг, а я, как ни стараюсь, не попадаю в ногу, все время сбиваюсь Думаю, сидя, говорить нам будет удобней, правда?

– И то верно, – ответил доктор, присев, и достал из кармана рубашки пачку сигарет и свой янтарный мундштук

– А я и сигареты и сумочку в кафе оставила, – сказала Нина Сергеевна и оправила на коленях платье – Как повесила на стул, так и не вспомнила больше И все из-за вас

– Как же это? – забеспокоился доктор – Пожалуй, нам стоит вернуться

Она беззаботно вздохнула

– Чепуха Тем более ничего ценного в сумочке нет, так, мелочь всякая – диктофон, бумажки Лучше вернемся к рассказу, мне кажется, он стоит того

Они закурили, доктор потер в задумчивости лоб и несколько раз подряд затыкнулся

– Ладно, слушайте, – сказал он, вздохнув – И вы тоже послушайте, молодой человек Вы еще, можно сказать, далеко не Толстой, так что берите готовое, может, и пригодится когда-нибудь Только не перебивать, иначе я увязну в мелочах, дело-то давнее, и просидим мы тут до утра

– Можно и до утра, – сказал молодой человек, а Нина Сергеевна добавила:

– Ничего, я тоже не тороплюсь И перебивать не собираюсь Что-что, а слушать я, слава богу, умею

– Так вот, – начал доктор, – в деревню они прибыли в начале зимы, и сразу вызвали жгучее любопытство у жителей нашего околотка Все, кто оказался поблизости, собрались толпой у пустого, бревенчатого дома, где прежде был магазин, и с наглым простодушием деревенщины, посмеиваясь, глазели на грузовик с домашним скарбом и на самих новоселов – молодую мать и обоих ее малышей, мальчика и девочку, как выяснилось впоследствии, двойняшек Правда, глазеть там было особенно не на что – мебель громоздкая, с тусклой полировкой, да и остальное не лучше, за исключением старинного кухонного буфета, черного и элегантного, как рояль Пока я и двое моих дружок вместе с шофером разгружали машину, оба ребенка в аккуратных пальтишках и цигейковых шапках, взявшись за руки, сиротливо стояли в сторонке и смотрели на мать глубоко несчастными, потерянными глазами Одета в спортивный костюм и фуфайку, в коротких резиновых сапогах, она помогала молча, а когда все закончилось, подошла к нашей компании, взяла меня за локоть и с веселой злостью сказала в сторону зевак:

– Эй! – сказала она звонким голосом – Они что, никогда грузовика не видели или в клубе кино сломалось?

Кто-то сконфуженно рассмеялся, и толпа стала быстро редеть

– А звать-то тебя как? – спросил у нее мой товарищ

– Меня-то? Звать-то? – передразнила она и с сожалением оглядела всю троицу – Ладно, если нравится тыкать – Татьяной И приходите вечером, с меня причитается

– Неужели вы отправились к ней выпивать? – не вытерпела Нина Сергеевна

Доктор раздраженно фыркнул

– А почему бы и нет? Когда тебе пятнадцать лет, а в деревне хоть с тоски помирай от вида зачуханных сверстниц – приглашение красивой женщины, по всему виду, независимой, показалось нам необычайно интересным Конечно же, мы пошли, и, само собой, после двух рюмок водки я немедленно в нее влюбился Звучит глупо, но не забывайте – мне не было еще и пятнадцати Она была старше меня на двенадцать лет

– А она в самом деле была привлекательна? – с деланным безразличием поинтересовалась Нина Сергеевна

– Безусловно, – ответил доктор – Безусловно Ростом и сложением на первый взгляд как будто вполне обыкновенная, со спины и внимания

не обратишь А вот лицо Знаете тот удивительный библейский тип, как на иконе? Утонченность во всех чертах Черные соболиные брови, прелестный рисунок губ А кожа такого теплого здорового тона, что невольно хочется ее потрогать А к этому прибавьте всю притягательность зрелой женщины для влюбленного в нее юнца, которая к тому же с первого взгляда раскусила его и соответственно этому держится – то ли с полушутливой серьезностью, то ли с легкой насмешливостью, что случается при заметной разнице в возрасте Да, для меня она как икона была, – добавил он категорическим тоном – Вот только характер был у нее далеко не ангельский

– Ну и ну! – с удивлением сказала Нина Сергеевна – Да вам прозу надо писать, Павел Петрович, а не статейками заниматься Послушайте доброго совета, напишите рассказ

– Я и написал, – признался с усмешкой доктор – Можно сказать, с листа рассказываю Правда, выкинул потом в мусоропровод

– Вы с ума сошли! – воскликнула Нина Сергеевна и прикрыла ладонью рот

– Отнюдь нет

– Но почему?

– Пустое это занятие И чертовски коварное, если вовремя не остановиться Но слушайте дальше Повертелся я несколько дней возле нее, помог еще кое в чем по хозяйству, а заодно с детьми познакомился поближе Чудесные они были, эти Саша и Маша, – добрые, бесхитростные, только уж слишком робкие, забитые, что ли, не чета нашим местным – хитрым и поголовно шkodливым И все-таки, несмотря на робость, замкнутым мальчик не был Я понял это на следующий день по его сияющему лицу, по радостной готовности к дружбе, когда принес и показал ему трофейный австрийский штык, доставшийся мне от деда Что касается девочки, та была болезненно бледной и не по возрасту сдержанной, а ее большие темные глаза смотрели на мир с какой-то застенчивой грустью

Доктор снова достал сигареты, и, пока прикуривал, Нина Сергеевна проговорила, задумчиво глядя прямо перед собой, куда-то в сумрачную глубину парка:

– Похоже, детей она держала в ежовых рукавицах

– Пожалуй, что так

– Я знала одну такую Не мать, а настоящий деспот И все потому, что после рождения ребенка заболела тяжелой астмой Наверное, было осложнение при родах Потом терзала девочку да и мужа вдобавок целых восемь лет, вплоть до своей смерти

– Да, характер у нее был не из легких, – сказал невесело доктор – Ее замечания они выслушивали не смея глаз поднять, а указания выполняли беспрекословно Но если кому-то перепала ее сдержанная похвала, ребенок просто светился от счастья Она, конечно, по-своему заботилась о них (их скромная одежда всегда отличалась опрятностью), но делала это как будто с ожесточением – как некую тяжкую повинность, вмененную ей материнским инстинктом А может, неосознанно мстила им за свою давнюю глупость, когда впервые влюбившись, вышла замуж за их легкомысленного отца Впрочем, так многие выходили замуж в то время, ведь любовь еще не считалась атавизмом

– А похоже, вы не очень-то ее осуждаете, Павел Петрович

– А вы?

– Я? Мне, конечно, трудно судить, я детей не имею

– Еще не все потеряно, – заметил доктор

Она опустила голову и с такой силой сжала сцепленные ладони, что было слышно, как хрустнули пальцы. Потом поспешно заговорила:

– Вы лучше расскажите, зачем она приехала в ваше захолустье. Хотя постойте – дайте я угадаю. Может, она бежала от бывшего мужа? Допустим, он не давал ей проходу, мешал личной жизни, измучил угрозами. Кстати, кем она была по специальности, Павел Петрович?

– Что, что? – сказал, смотревший на нее с некоторым изумлением, доктор – Нет, вы не угадали, муж не мог угрожать. Его зарезал в самой банальной драке заезжий шабашник из Дагестана. А по профессии она была товаровед или бухгалтер, приехала к нам по договоренности с совхозным начальством. А чего это вы так занервничали, Нина Сергеевна? Ну да ладно, поехали дальше. А дальше, собственно, было то, что я со своей подколотной любовью совсем потерял волю и все свободное время по вечерам стал проводить у нее: то возился с детьми, то помогал обустраивать дом, если находилась мужская работа. Она, повторяю, видела меня насквозь, но, казалось, значения этому не придавала. И более того, за месяц так свыклась с моим присутствием, с моей детской влюбленностью, что порою почти по-родственному могла ходить при мне в ночной рубашке на голое тело, а усаживаясь с ногами на диван, обнажить себя куда откровенней, чем того требовали приличия. Однажды она сказала, облокотившись на подтянутые к груди колени, подавив приятный зевок:

– Ты чего такой застенчивый, боишься меня? – И, помолчав, добавила, пристально глядя в мои бегающие глаза: – Что же мне с тобой делать, Пашенька? Я ведь тебе почти в матери гожусь.

При этих словах, Нина Сергеевна поежилась и разгладила на коленях платье.

– И чем же все это закончилось? – на удивление робко спросила она. Доктор покосился на нее и неторопливо докурил сигарету.

– Чем закончилось? Как-то под вечер она попросила меня расколоть пару здоровенных березовых чурок, бог знает сколько лет пролежавших под окнами. Я битый час впустую промаялся с ними – чурки были витые и поистине несокрушимые. Тогда я сходил к себе домой, взял в сарае стальной клин, отцову кувалду весом в полпуда и развалил-таки их на поленья. Потом отдышал, сидя на завалине, и курил, пока не почувствовал, что продрог до самых костей. Да и как тут не продрогнешь, дело было в самые крещенские холода. Вся деревня окуталась белыми печными дымами, вся звенела и трещала от мороза своими избами, а я сидел на завалинке, смотрел на разрисованные инеем окна и счастлив был только тем, что я не чужой в этом доме, что вот могу хоть чем-то помочь и, может, со временем она будет смотреть на меня не только как на некое любопытное недоразумение. Тут она вышла на освещенное лампой крыльцо, бросила взгляд на мутное ночное небо и сказала без всякого выражения: «Ты что, ночевать тут решил? – И добавила с легкой насмешкой: – Я его жду, стол накрыла работнику».

Когда я вошел (дети, разумеется, давно спали в своей комнате), она сидела на корточках у открытой печи и шевелила кочергой в раскаленной топке. На лице ее играли огненные блики, и было оно так дьявольски красиво и так серьезно, что у меня просто в голове помутилось. Она была в овчинной безрукавке поверх халата, а на голых ногах

маленькие серые валенки Не прикрыв заслонку, она выпрямилась и, скинув с плеч безрукавку, спокойно подошла ко мне и взяла за руки Затем сомкнула их в ладонях и втянула себе между ног, плотно сжимая бедра

– Ну как – горячо? – спросила она, с любопытством вглядываясь в меня Потом разжала ноги и двинула меня в сторону кровати, прибавив сумрачным шепотом: – Ну, так тому и быть, ты ведь этого хотел? – И продолжала, сняв нога об ногу валенки и расстегивая на мне полушубок: – Да не дрожи ты так, успокойся – все у тебя получится Давай-ка я раздену тебя и сделаю все хорошо, обними меня крепче

Как сказала, так и сделала И сделала, добавлю, с таким искусством, что я и опомниться не успел, как превратился в мужчину Да, и вот еще что Вы наверняка слышали такую расхожую фразу о некоторых женах: она была для него всем – и женой, и матерью, и так далее Не знаю, не знаю Я, например, свою супругу не могу представить матерью А вот ее мог И вот это сочетание жены и матери в одном лице... Это трудно объяснить В моей жизни, конечно, были другие женщины, но никогда ни к одной из них я не испытывал ничего подобного Что ни говори, а удивительная была женщина

– А почему вы говорите о ней в прошедшем времени? – уводя в сторону разговор, спросила металлическим голосом Нина Сергеевна

Доктор помолчал, потом устало ответил:

– Потому что весной ее не стало – умерла от запущенной двухсторонней пневмонии Напилась после бани холодного молока, и готово О районной больнице она и слышать не хотела, решила, что это обыкновенная простуда Но к местному фельдшеру все-таки обратилась дня через два А этот запойный болван даже не осмотрел ее толком, смерил температуру и выдал гору таблеток, которыми она глушила болезнь в течение двух недель Я и сейчас порой ее вижу – закрою глаза и вижу такой, какой она была в ее последние дни: похудевшей, с сизым налетом под огромными черными глазами, но по-прежнему спокойной, грустно-насмешливой, еще больше похожей своей предсмертной красотой на святую с иконы Когда из города приехала скорая, она была без сознания Но прежде чем потерять его, она успела сказать мне несколько слов, от которых у меня всю душу вывернуло наизнанку Я сидел у кровати, держа ее за горячую руку – и тут она открыла глаза и сказала с виноватой улыбкой, слабо пожимая мою ладонь:

– Что же ты плачешь, малыш? Я ведь живая – И, облизнув запекшиеся губы, поманила меня пальцем, призывая нагнуться – Да и умирать мне сейчас нельзя, дурачок Болею-то я не одна – нас давно уже двое

Потом крепко поцеловала меня в губы и добавила уже далеким слабеющим голосом:

– Ну, а если что, – всякое может случиться, – ты уж не забывай моих ребятишек, не давай их в обиду Обещаешь, малыш?

Это было последнее, что я услышал Спустя сутки, не приходя в сознание, она умерла в районной больнице Разумеется, я исполнил ее наказ – в течение девяти лет неизменно два раза в месяц навещал Сашу и Машу в детдоме, помогал им чем мог А когда окончил институт и устроился на работу, и вовсе забрал их к себе С тех пор прошло много лет, у них давно свои семьи и живут они далеко Но всякий раз, когда мы изредка собираемся вместе, мне вспоминается апрельский солнечный полдень, зеленеющее черемухой деревенское кладбище с покосив-

шимися крестами и закрытый гроб, у которого они стояли, с ужасом глядя, как старый плотник наживуливал по его периметру гвозди, а затем намертво заколачивал их. А теперь скажите мне, Нина Сергеевна, – так ли уж важно верить в Бога для того, чтобы жить по совести? Неужели это так уж необходимо для того, чтобы просто исполнить свой человеческий долг, не бросить сирот на произвол судьбы в этом проклятом мире, который вот уже две тысячи лет только и делает, что с усердием молится, а помолившись, продолжает исправно лгать, ненавидеть и обворовывать ближнего? Ну да ладно, можете не отвечать, а то еще подумаете, что оправдываюсь.

И, вытащив из пачки сигарету, доктор протянул ее женщине и напоследок сказал, но так тихо, что третий собеседник едва расслышал его:

– Да, и вот еще что, – тихо сказал ей доктор – Вы все-таки приходите в пятницу вечером, товарищ у меня в самом деле замечательный, просто умница и, что немаловажно, вдовец. Но самое главное – на удивление бескорыстно верует в Бога.

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут (семинар Юрия Кузнецова) Доктор медицинских наук

Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, многочисленных публикаций в «толстых» журналах, зарубежной периодике Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им А М Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014) и многих других

Член Союза писателей России Живет в Нижнем Новгороде

ВОЛКИ НА СНЕГУ

Эту картину привез из разгромленной фашистской Германии ее любимый папа – самый умный, самый смелый, самый честный, самый порядочный и самый справедливый человек в мире Столыпинский вагон был переполнен трофейными вещами Впрочем, в основном трофеи принадлежали командиру полка подполковнику Станкевичу А папа, Игнатий Николаевич Коломенский, майор медицинской службы, в далеком сорок восьмом году сумел привести только облезлое рассохшееся пианино, два саксонских сервиза, пузатое кресло на медных колесах, несколько венских стульев с вензелями и гнутыми ножками и эту странную картину

Впрочем, как раз ничего странного на картине изображено и не было, да и сама она не была странной по замыслу Картина была странной по исполнению Сразу же бросалось в глаза, что рисовал ее явно самодеятельный художник, гордо и педантично оставивший в правом нижнем углу незамысловатую подпись «Макс Фогель» и дату– «1944» На картине были изображены три серых, лохматых, поджарых и старых волка, похожих на усталых голодных собак Два из них изгибались на синем снегу в странных, болезненных позах, а третий, стоявший спиной, поворачивал голову назад, оскалив старческую полуоткрытую пасть с огромными голубыми клыками Вдали подразумевались темные еловые верхушки на фоне зимнего неба и едва проступающей кровавой луны Единственное, что удалось передать немецкому рисовальщику на этом полотне, так это снег Неестественная, страшная синева снега, как ни странно, удачно передавала жуткий холод – во всех смыслах этого слова

Зина сразу же сильно испугалась волков и попросила, чтобы картину убрали из ее спальни Волков тотчас же перевесили в коридор Долгое время девочка боялась ходить мимо нее, закрывала глаза и чуть ли не бежала мимо нарисованных волков в туалет и обратно

– Ты знаешь, Зина, – сказала однажды мама, – а я сегодня совсем случайно столкнулась на Мытном рынке с Дедом Морозом Так вот, он сказал, что принесет в этом году подарки только смелым девочкам и мальчикам А не всяким трусам и трусихам, которые боятся темноты, злых волшебников и нарисованных диких зверей

– А как он узнает о том, что я боюсь волков? – недоуменно спросила девочка

– Не знаю как Может быть, ему Клавдя уже рассказала

Клавдя была домработницей, которая приходила убираться раз в неделю, по воскресеньям, а вообще работала на фабрике «Красная Этна», где делала винты и заклепки для советских автомобилей Клавдя сразу же выросла в глазах Зины оттого, что общается с самим Дедом Морозом

– Так, значит, я уже не получу подарки на Новый год? – расстроилась Зина

– Я думаю, что получишь, – ответила мама – Если перестанешь бояться того, что нарисовано на холсте масляной краской

– Ну, конечно, Дусенька, – добавил папа Почему-то он часто называл Зину Дусенькой – Это же просто курам на смех – бояться нарисованных волков Голодный немец сменял эту картину на полбуханки хлеба Никогда не забуду этого страшного человека с распухшей губой, одетого в женскую шубейку

– Не надо об этом при ребенке, – оборвала его мама – Обещай мне, Зинчик, что перестанешь бояться волков, а я тогда, наверное, поговорю с Дедом Морозом, чтобы он приготовил тебе подарки

Когда Зина стала школьницей, она уже не боялась этих волков, но картину продолжала не любить Как странно, что из Германии, где столько великолепных полотен, папа привез только это недоразумение Она не могла поверить, что Игнатий Николаевич просто пожалел голодного немца в женской шубе, потому и взял этих волков, а оставлять картину в воинской части не захотел, поскольку все что-то везли из Германии Почему бы и ему не взять что-нибудь на память?

В конце девятого класса Зина снова сильно испугалась Причина была вполне реальная, куда серьезней немецкой картинки Папа оказался дружен с самим академиком Мироном Вовси, который долгое время настойчиво и методически травил и уничтожал выдающихся деятелей нашего государства и Коммунистической партии Зина помнила этого лысого пожилого еврея, чем-то похожего на соседа по коммуналке, бухгалтера Якова Ильича Вовси полчаса сидел с папой на кухне и пил чай Академик приехал в наш город на научный симпозиум, и было это сразу после войны, задолго до того, как его объявили врагом народа

Однако о его визите к малоизвестному врачу, профессору кафедры внутренних болезней провинциального вуза Игнатию Коломенскому, сразу стало известно компетентным органам Неслучайно двое мужчин средних лет в серых пиджаках и парусиновых шляпах внимательно изучали газеты, сидя на шатающейся скамейке в центре двора под американским кленом Папу увезли на допрос в известное мрачное здание с зашторенными окнами, и вернулся он оттуда только на третьи сутки – усталый и осунувшийся Мама сказала Зине, что, возможно, за ним

придут еще раз, а потом и нас тоже заберут и в лучшем случае переселят куда-нибудь подальше, например в Сибирь

Девочка перестала спать ночами, и уже тогда, когда «дело врачей» полностью закрыли «за отсутствием состава преступления», попала на прием к известному в городе психиатру Залману Борисовичу Блоху Блох принес откуда-то куклу и велел Зине оторвать ей руки «Рвите, рвите, деточка, это плохая кукла, – кричал он, – она наводит этими руками страх Оторвите руки, деточка, и ваш страх исчезнет навсегда» Но страх не прошел и после этой садисткой процедуры, и тогда Залман Борисович дал Зиночке маленькие таблеточки, от которых страх постепенно прошел, но очень сильно хотелось спать

А потом и настоящее несчастье произошло, и на этот раз с мамой За какие-то несколько месяцев она перестала сначала ходить, потом говорить и умерла от жуткой болезни под названием «рассеянный склероз» Никакие связи профессора Коломенского не смогли поставить на ноги несчастную женщину Так и закончилось всё центральным городским кладбищем, на краснокирпичной дореволюционной ограде которого какой-то остряк написал мелом: «Граждане СССР имеют право на отдых Конституция СССР, статья 119» Среди родственников профессора и его покойной жены ходила и до сих ходит некая легенда, согласно которой Игнатий Николаевич, едва сдерживая слезы, поклялся у смертного одра супруги посвятить оставшиеся годы жизни исключительно Зине и другой семье не заводить Во всяком случае, если обещание было дано, то слово свое майор медицинской службы сдержал Без отношений с женщинами он, разумеется, не обходился, но Зина о них и не догадывалась, хотя она к тому времени давно уже ребенком не была

И вот тут интересное явление произошло, объяснить которое способен разве что какой-нибудь Карл Юнг, Альфред Адлер или Зигмунд Фрейд на худой конец Отказавшись (хотя бы формально!) от личной жизни, Игнатий Николаевич стал требовать от дочери аналогичного поведения Хотя внешне, конечно, никогда об этом не говорил Но стоило только показаться Зине в обществе молодого человека, сразу этот молодой человек подвергался очень тонким высмеиваниям и даже издевательствам со стороны пожилого профессора Интересно, что внешне папа был образцом не только интеллигентности и порядочности, тактичности и щепетильности, но и редкой доброжелательности и общительности Если очередной кавалер Зины ненароком оказывался у нее в гостях, профессор осыпал его всевозможными любезностями и расспрашивал обо всем на свете, демонстрируя таким образом свою доброжелательность и учтивость Но как только дверь за кавалером закрывалась, Игнатий Николаевич сразу же провозглашал, что от парня пахнет луком (чесноком, мочой, дешевым солдатским одеколоном – нужное подчеркнуть!), что у него «интеллект ниже среднего», «деревенский акцент», «под ногтями собрались все бактерии Вселенной», «ширинка не застегнута», «манеры как у извозчика» ... Словом, всегда находил какие-то недостатки Зина сначала удивлялась, не соглашалась с отцом, поначалу пыталась спорить, а потом понимала, что папа был прав

Читателю может показаться, что это было проявление ревности, родительского эгоизма, что Игнатий Николаевич делал так потому, что сильно любил свою дочь и жить без нее не мог Так считали и все его родственники В действительности же семья для него вовсе не была чем-то святым и дочку свою он не особенно любил Женщин он не любил тем более В его донжуанском списке их было побольше, чем у

Пушкина, не отказывал он себе в общении с ними и в военное время, разве только в начале войны, выбираясь из ржевской мясорубки, месяца два не пользовался их вниманием. Был он, как мы говорили, хорошо воспитан, общителен, хорошо и со вкусом одевался, нервную систему имел крепкую, но в то же время и не грубую, был обходителен, предупредителен и даже нежен... Ну чем не дамский любимец? Но при всем при этом он глубоко презирал женщин, о чем те никогда не догадывались.

После смерти жены он сократил свои любовные приключения, уйдя в медицинскую науку и историко-архивные исследования, которыми занимался в качестве хобби. В конце жизни Игнатий Николаевич писал исторический роман о крупном матросском восстании в эпоху первой русской революции, чему был непосредственным свидетелем, будучи десятилетним ребенком. Ему приходилось часто ездить в Москву, работать в архивах и библиотеках. Зиночка помогала ему сортировать архивные материалы, перепечатывала в сотый раз рукопись. Наконец, роман был успешно издан в Воениздате, и даже художественный фильм сняли по его сюжету.

Именно папа и устроил Зину на работу в библиотеку военного госпиталя, где почти ничего не надо было делать. Она исправно заполняла карточки на поступающие книги, разносила книжки лежачим больным, заводила с ними бесконечные платонические романы, которые подробно описывала в дневнике. Все эти романы не слишком глубоко волновали молодую женщину. Только одно серьезное любовное увлечение было в ее жизни. Но и тут серьезно помешали немецкие волки на снегу.

С Андреем Ермолаевым она дружила еще в детстве, часами гуляла с ним во дворе. Андрей был необычным мальчиком. Он дружил не только с мальчишками, но и девочками, с удовольствием играл с ними в «дочки-матери», раскладывал на гнилых скамейках пластмассовую посудку, делал салаты из стебельков одуванчиков. Как настоящий мужчина, он частенько чинил сломанных кукол, искусно соединяя их ножки и ручки с розовым туловищем при помощи резинок от трусов, вставлял выбитые газы, приклеивал волосы. У мальчика явно были технические и изобретательские способности, которые проявились в дальнейшем. Зиночка успела проучиться с Андреем в одном классе, но тут его папу, майора-танкиста, неожиданно перевели в Калининградскую область. Танкист уже успел выйти в отставку и умереть от рака кишечника, а Андрей – окончить автотранспортный техникум, прежде чем они с мамой вернулись в родной город, где Ермолаев поступил в политехнический институт на автомобильный факультет.

Зина встретила его в хлебном магазине и была очень удивлена. Андрей сильно изменился, стал похож на известного артиста Николая Рыбникова. Он не только внешне был похож на героя киноэкрана, но еще больше напоминал по своему характеру героев Рыбникова – простых советских парней, честных, прямых и открытых.

В хлебном магазине они выпили по стакану томатного сока с комками соли «Экстра», которую долго размешивали маленькими алюминиевыми ложками и всё не могли размешать (в помещении магазина работал кафетерий), прогулялись немного по центральной улице города, где возле памятника Якову Свердлову предложил ей Рыбников посетить кинотеатр.

– Папа, а ведь правда, что Андрей стал похож на Николая Рыбникова? – спросила как-то Зина профессора.

– Скорей на его героев, – ответил Игнатий Николаевич – Настоящий бригадир, работяга Тупица пролетарская

– Ну и что в этом плохого, папа? Даже если работяга Я ничего не имею против рабочих

– А разве я против рабочих, Дусенька? – ответил профессор – Я в такой же степени за рабочих, как и за крестьян, а еще в большей степени за вышеупомянутый союз между этими классами Просто этот новый твой ухажер похож на бригадира Не кочегары мы, не плотники, а мы киношные работники...

Игнатий Николаевич как-то особенно невзлюбил Ермолаева, хотя, когда Андрей приходил к ним в гости, как-то подчеркнуто вежливо общался с ним Папа чувствовал отношение Зиночки к Ермолаеву, и это ему не нравилось

Через полгода Ермолаев сделал молодой женщине предложение

– Папа, Андрей сделал мне предложение, – краснея, произнесла Зиночка, теребя в руках махровый пояс халатика

– Интересно, какое это предложение? – спросил профессор – Сложносочиненное или сложноподчиненное?

Шутка не совсем удалась, и они оба понимали это

А между тем время шло, и Андрей требовал от Зины конкретного ответа Он был романтичным советским юношей, и желание создать свою семью вовсе не мешало мечтам о дальних странствиях и путешествиях

– Если ты не готова ответить на мое предложение, – сказал ей как-то Ермолаев, – то я поеду в геологическую экспедицию и вернусь где-то через полгода За полгода ты должна что-нибудь решить Может быть, и папа передумает Ведь он наверняка желает тебе добра!

– При чем здесь папа? – искренне ответила Зина, но голосок ее как-то фальшиво задрожал

Вернувшись домой, она вдруг обнаружила, что взгляд одного из волков чем-то похож на взгляд папы, когда он ей бывает недоволен

– Папа, давай уберем куда-нибудь эту картину, – сказала она – Ты же знаешь, как я не люблю ее

– Но мне она нравится И это мое воспоминание о Германии Как бы то ни было, а Германия – лучшая часть моей жизни Мы тогда победили нашего врага и были уверены, что вернемся в другую страну Но страна осталась прежней Те же волки

Конечно, Зиночка не хотела, чтобы Андрей уезжал Но ответить на его предложение она пока не могла и даже чуточку была рада тому, что теперь можно как-то отдохнуть и не думать над решением этого очень важного вопроса

Сначала Ермолаев писал ей каждый день, а иногда и дважды в день Зиночка отвечала на каждое письмо своего друга, причем ее послания были куда подробней, живее и эмоциональнее Спустя два месяца письма от Андрея стали приходиться всё реже и реже, а потом дней десять не приходили вообще

Наконец, пришло то самое письмо, на конверте которого почему-то было написано «Сочи» и нарисована красивая развесистая пальма Но прилетело письмо как раз не из южного Сочи, где темные ночи, а из далекого города, находящегося за полярным кругом, где, впрочем, ночи еще темнее и длиннее

Андрей писал, что работа в экспедиции позволила ему изменить взгляды на жизнь и что он теперь очень хорошо понимает, что такое

дружба, преданность и даже любовь И понять это ему помогла простая советская девушка Тося, медсестра, мечтающая стать нейрохирургом Тося любит Андрея и скоро родит ему ребенка А сам Андрей пока еще не разобрался, как он относится к Тосе, но у него есть чувство ответственности за свои поступки Тося полюбила его, доверилась ему и связывает с ним свое будущее И он не может теперь не оправдать ее надежды, поскольку он комсомолец и настоящий друг «Представляешь, Зинка, – писал Андрей в этом письме, – вот мы приходим с работы усталые, грязные, потные, но мы знаем, что наши девушки родят нам детей, которые уже не будут знать, что такое деньги! Мой сын (или дочь?) будет жить при коммунизме! Будь счастлива, Зинка! С комсомольским приветом Андрей Е Привет от меня твоему профессору»

Зина разорвала письмо на мелкие кусочки и бросила их в унитаз Кусочки долго не смывались Уже и вода в бачке закончилась, а две бумажки так и прилипли к стенке старенького, треснутого посередине голубоватого унитаза Игнатию Николаевичу она не стала рассказывать об измене Андрея, не хотела слышать привычное: «Вот видишь! А что я тебе говорил!»

Игнатий Николаевич, кстати, так ничего про Андрея и не спросил Но еще пятнадцать лет задавал Зине постоянные вопросы, совсем на другие темы А потом перестал Причина тому была самая что ни на есть понятная и материальная – ишемический инсульт в бассейне левой средней мозговой артерии лишил его возможности задавать какие бы то ни было вопросы А от повторного инсульта папа скончался

И осталась Зиночка одна Ей в то время было только сорок четыре года Возраст, конечно, не слишком молодой, и для какого-нибудь Пушкина или Дельвига была она чуть ли не старухой, а вот для нашего времени сорок четыре года для женщины – самый что ни на есть расцвет Тот возраст, когда еще желания сильны, а в то же время уже и опыт есть, и на мякине не проведешь Но вот какая интересная история произошла с Зинаидой Игнатьевной Когда папа ушел из жизни, жить ей стало гораздо тяжелее и никакой свободы она не ощутила Если она знакомилась с каким-нибудь новым человеком, читала новую книгу, смотрела новый фильм, то всегда думала только о том, как посмотрит на этого нового человека, на эту книгу или фильм папа, и всегда находила в том или ином явлении новые и новые недостатки Она каждый день проходила по коридору мимо страшных волков на синем снегу и понимала, что никогда не сможет избавиться от этой картины, потому что она так была дорога папе

С мужчинами Зина встречаться перестала Она вдруг поняла, что найти нормального мужчину, такого, как Игнатий Николаевич, просто нереально – такие мужчины всегда были на вес золота Все они давно уже разобраны, давно женаты, пристроены, а поскольку они интеллигентные и порядочные, то и женам своим не изменяют, не ищут бесполезных и пустых связей на стороне, а сидят дома и готовят с детьми школьные задания А остались только всякие алкоголики, психопаты, разведенные и прочие недоделки С годами Зиночка всё больше и больше стала походить на своего папу – появилось в ней и высокомерие, и нетерпимость к людям И если высокомерие профессора можно еще было хоть как-то оправдать, то высокомерие больничной библиотекарши и книгоноши – вряд ли Коллеги не любили Зинаиду Игнатьевну, а она совсем не замечала этого, потому что внешне относились они к ней доброжелательно

Поэтому и день своего ухода на пенсию пожилая женщина восприняла так болезненно. А ведь начало этого дня было самое что ни на есть торжественное. Начальник госпиталя, пожилой полковник, вручил Зинаиде Игнатьевне почетную грамоту в красивой деревянной лакированной рамочке, поблагодарил за долгие годы работы в библиотеке, обнял ее, поцеловал в щеку и сказал:

– А теперь я хочу представить вам нового нашего сотрудника, Ольгу Юрьевну. Она будет работать на ставку Зинаиды Игнатьевны и еще на полставки гардеробщицы. Ольга Юрьевна учится в нашем университете, на вечернем отделении.

Из зала вышла на дощатую сцену молодая длинноногая блондинка в короткой юбке.

Зиночка сначала не поняла, почему это на ее ставку будет кто-то работать. После собрания подошла к Петру Семеновичу, произнесла, заикаясь:

– Я не совсем поняла, наверное... Что значит, на мою ставку?

– Как что? – улыбнулся полковник – Вы же уходите на пенсию. Кстати, вам надо сегодня заявление написать «Прошу уволить меня по собственному желанию».

– Но... у меня нет такого желания, – пролепетала библиотекарша – Я хотела бы работать.

– Ну и работайте! Конечно, работайте, Зинаида Игнатьевна! Хотите, я дам вам полставки гардеробщицы? Рабочий день всего два часа – с четырех до шести! А в библиотеке у нас, к сожалению, вакансий нет. Вы пенсионер, и надо молодым дорогу уступать. Ну, как в хорошей песне поется: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет».

– Какую дорогу? Можно подумать, я в английском посольстве работаю! – завизжала Зиночка. Тема английского посольства была у них семейной. Игнатий Николаевич, например, всегда об английском посольстве говорил, когда хотел подчеркнуть важность того или иного объекта – Кому я дорогу перекрыла? Этой пигалице длинноногой? Думаете, она лучше будет книжки носить?

– Конечно, лучше, – ответил Петр Семенович – Больные будут смотреть на эту красавицу и... скорее выздоравливать! Такие, как она, в коллективе нужны. А в гардеробе может и старушка сидеть.

– Но ведь вы только что ее и в гардероб определили.

– Да, но только на полставки. С утра и до двенадцати. А с двенадцати до четырех в библиотеке работать. А потом она на учебу будет уезжать, а вы после тихого часа приходите. Согласны?

В тот же день Зинаида Игнатьевна написала заявление «по собственному желанию» и швырнула его в жирную, лоснящуюся харю полковника медицинской службы. Дома она вынула грамоту из рамки, разорвала ее на мелкие кусочки и спустила эти кусочки в унитаз – точно так же поступила, как и с письмом красавца Ермолаева, который так был похож на актера Рыбникова.

С тех пор Зинаида Игнатьевна нигде не работала, так и жила на свою нищенскую пенсию. Каждый день она смотрела, идя в туалет, на трех отвратительных волков. Она давно мечтала избавиться от этой картины, но память о папе мешала ей это сделать. «Ну как же, – думала она – Папа вез эту картину в столыпинском вагоне из далекой Германии в подарок мне и маме. А мы тогда еще жили в коммуналке. Он так хотел, чтобы наша жизнь стала красивее, ярче! Он мечтал об этом. Пусть ви-

сит на своем месте, а вот уж после моей смерти пусть делают с этой картиной всё, что хотят».

Однажды, в дождливый октябрьский день, когда суровое осеннее небо не дает никаких гарантий на просветление, Зинаида Игнатъевна стала думать о том, кто же все-таки будет распоряжаться всеми ее вещами (да и нарисованными волками, в частности!) после того, как она уйдет в лучший из миров. Ей бы не хотелось, чтобы это были случайные люди. Выбор пал на внука маминой сестры, Юрия Всеволодовича Хитрово. Внешний вид подтянутого молодого человека, военный мундир, дворянская фамилия, вежливая изысканность в общении – все эти нюансы сыграли свою роль в Зиночкином выборе. А главное, Юрочка был очень похож на папу внешне.

Подполковник авиации, а в недавнем прошлом освобожденный комсомольский работник авиационного завода, не отказался унаследовать двухкомнатную сталинку в центре города. Завещание оформили у нотариуса. Хитрово впечатлился настолько, что изредка, на праздники, переводил старушке некоторую сумму денег на мороженое. Однако он оказался не столь деликатен, как поначалу предполагала Зиночка. Завещанную квартиру предложил подарить своему сыну-подростку, дабы освободиться от налогов, которые полагались бы ему при вступлении в наследство. Но быть хозяйкой квартиры, которая кому-то завещана, и жить в подаренной кому-то квартире до смертной доски, как говорят в Одессе, две большие разницы. Зиночка обиделась на Юрика и тотчас же аннулировала завещание. Хитрово сделал шаг назад – дескать, не хотите, и не надо, я и на завещание согласен. Но он был совсем не Хитрово, а скорее Дурново, а точнее, Дураково. С Зиночкой так общаться было противопоказано. После истории с Юриком Зинаида Игнатъевна решила больше никаких завещаний не оформлять. Пусть чиновники из администрации ее квартиру делят и друг другу глотки грызут, как волки на картине голодного немца.

Однажды ей тяжелый сон приснился. Будто она маленькой девочкой идет по руинам разрушенного города и ест холодный свежевывавший снег. А рядом – обугленные остовы домов и соборов.

Навстречу идет непонятное существо – то ли женщина, то и мужчина, – одетое в старую рыжую цигейковую шубку. Шубка была явно женская, а вот фигура, скорей всего, принадлежала мужчине.

Существо приблизилось к ней, и Зиночка поняла, что это был странно одетый пожилой мужчина с нелепым клетчатым шарфом, повязанным возле лба. На ногах его были непарные солдатские сапоги, один выше другого.

– Was ist das für eine Stadt, Herr?*

– Das ist Dresden. Schau dir an, wie seine Bastarde den Briten bombardierten. Hübsches Mädchen, kaufen Sie mein Bild. Das sind Wölfe. Wölfe auf dem Schnee...**

– Nein, mein Herr.*** Не нужны мне ваши волки. Я их боюсь!

– Но ведь и я тоже боюсь, моя девочка, – заговорил он вдруг по-русски, совершенно правильно, но с каким-то карикатурным немецким акцентом. – Да, я тоже боюсь. А больше всего я боюсь, что в небе появятся эти ужасные английские самолеты! Они ничего не оставили от моего

* Что это за город, господин? (нем.)

** Это Дрезден. Посмотри, как его разбомбили английские подонки. Милая девушка, купите мою картину. Это волки. Волки на снегу... (нем.).

*** Нет, мой господин. (нем.)

города. Почему, зачем? Ведь война уже закончилась. Я знал, что фюрер – катастрофа для фатерланд. Мы получили по заслугам. Но почему они это сделали сейчас, когда всем давно стало ясно, что мы проиграли эту войну?! Может быть, все-таки купите моих волков?

– Я понимаю вас, господин. Вы хотите избавиться от своего страха, передав его мне. Но чем провинилась перед вами я? Я простая советская девочка. Мой папа – врач и офицер Советской армии. Моя мама – красавица и домохозяйка. А кто вы? Я не знаю вас.

– Ich bin ein Künstler, ich bin ein armer deutscher Künstler... Именно так. Бедный немецкий художник. Возьмите, возьмите волков. Не надо денег, только полбуханки хлеба.

– У меня нет хлеба. У меня ничего нет.

– Всё равно ты их возьмешь, противная девчонка. Ты еще не понимаешь, кто я?!

Зиночка посмотрела на немца и увидела перед собой ведьму. Классическую ведьму с картины Дюрера, только метлы у нее не было.

Зиночка проснулась в таком ужасе, что не смогла заснуть до самого утра. А после завтрака начались у нее боли под ребрами справа, и такие жуткие, что пришлось вызывать скорую помощь.

В больнице, готовя к операции, ей сделали много всяких обследований, и одно из них выявило непонятное образование в полости сердца. Врач сказал, что это, возможно, миксома – опухоль сердца, и поэтому операцию пока придется отложить. Эти два слова – «опухоль сердца» – совершенно убили несчастную женщину. Она никак не могла оторваться от того ужасного сна, который ей снился до больницы. В палате вместе с ней лежала женщина, которая часто ездила за границу от туристических агентств, была она и в Дрездене. Женщина рассказывала о том, как потрясли ее черные камни домов этого города, которые перемешаны с камнями другого цвета. «Такое ощущение, что их специально не красят в память об этой жуткой бомбардировке», – сказала она.

Зиночка в тот момент думала только о своем несчастном сердце и только об опухоли, которая скоро прорастет во все ее внутренние органы.

Страх продолжался дней пять, пока из научной командировки не вернулся лысый и картавый профессор медицинского университета, специалист по магнитно-резонансной томографии. Взглянув на снимок, он сказал, что это вовсе не миксома, поскольку располагается не в предсердии, а в желудочке сердца. И что вообще это всего лишь аномалия развития сосочковой мышцы эндокарда и никаких противопоказаний к удалению желчного пузыря у Зиночки нет.

Желчный пузырь ей успешно удалили, и самым щадящим методом, однако страшные дни, проведенные в больнице, мимо нее не прошли.

А через несколько лет и новая загадочная болезнь объявилась, которая косила всех подряд, и особенно страшна была для стариков. Однажды в лифте Зинаида Игнатьевна встретила соседку с лестничной площадки, свою ровесницу Галину Тарасовну Староприходько.

– Куди ж вы попрямували! – чуть ли не закричала Староприходько. – Ви шо, хйба не знаєте, шо заборонили виходити з дому! Коронавирус!

– Но ведь я в магазин иду, – ответила Коломенская. – Магазины тоже посещать нельзя?

– Не можна! – по-свинячьи заверещала Галина Тарасовна. – А на вулице не можна быть без масок и рукавичок!

Сначала Зинаиде Игнатьевне всё это казалось большим сумасшедшим домом. Но когда два румяных росгвардейца, изнемогая от скуки, остановили ее на улице и стали угрожать штрафом, старушка подумала о том, что, возможно, в их поведении есть какая-то логика.

И она стала панически бояться этого вируса. Приходя из магазина, по полчаса мыла руки горячей водой, носила по три маски, которые каждый день кипятила в ковшике на плите. Президент сначала объявил неделю выходных, потом еще три недели, а затем и еще десять дней. Люди стали спиваться и бить своих детей.

И вот однажды, вернувшись с рынка, Зинаида Игнатьевна увидела, что забыла закрыть дверь на лоджию. В квартире стало очень холодно. Коломенская закрыла дверь, пошла в ванную, долго держала руки под струей горячей воды. А когда вернулась в комнату, то неожиданно для себя ощутила, что теплее не стало.

Зиночка вдруг почувствовала, что всё ее тело дрожит и зуб не падает на зуб. Неужели она заболела? А может быть, это тот самый коронавирус пришел за ней с косой в руках, и теперь она отправится в реанимацию, где будет долго задыхаться и умирать? Она почувствовала, что не может выдохнуть, и в глазах у нее потемнело.

Из аптечки вынула ртутный градусник, села с ним на кровать. Поддержала градусник ровно десять минут, как учил ее папа. И, о ужас! – температура оказалась 38 и 6 десятых градуса...

Зиночка не спала всю ночь, шатаясь по квартире. Она ни минуты не сомневалась, что это и есть тот самый роковой коронавирус и, стало быть, полный конец ее жизни. Утром измерила температуру вновь. Градусник показал 37 и 9. Недолго думая, стала звонить в поликлинику. Объяснила регистраторше, что у нее коронавирус и она умирает.

Медики пришли только вечером – врач и медсестра, одетые в космические скафандры. Медсестра взяла у Зиночки мазки изо рта и носа. Врачиха долго слушала легкие и вяло проговорила, что пневмонии у Зиночки нет и госпитализация ей не показана. Выписала арбидол и гриппферон и попросила позвонить в поликлинику через пять дней, чтобы узнать результат анализа

Когда они ушли, Зинаида Игнатьевна вновь измерила температуру. И опять она была 37 и 9. Прошлая бессонная ночь сказалась на общем состоянии Зины, и в десять часов вечера она уже спала. А когда на следующее утро измерила температуру, то градусник показал 37 и 5.

«Так, может, это еще и не конец?» – стала думать Коломенская. Старушка долго тыкалась в современный айфон, целый день читала статьи о коронавирусе. Есть она ничего не могла уже второй день, и понятно почему – при коронавирусе всегда пропадает аппетит. А у некоторых даже обоняние!

Вечером градусник показал 37 и 2, а на следующее утро температура стала нормальной. Радостная Зиночка вновь отправилась в магазин, забыв о перчатках и маске. Она вдруг перестала бояться этого вируса!

Однако, только выйдя на улицу, ощутила, что болезнь не прошла. Ноги были ватными, и путь до магазина показался нескончаемым. Войдя в «Пятерочку», Зинаида Игнатьевна почувствовала, что вся обливается потом.

Через несколько дней ей позвонили из поликлиники и сказали, что тест на ковид оказался положительным. «Извините, – ответила Зиночка. – Но это, должно быть, ошибка. – У меня прошла температура».

Она вновь потянулась за градусником. Температура была 37 и 3. Еще недели две старушка чувствовала себя довольно паршиво, с трудом

ходила в магазин, однако в то же время совсем не задыхалась, о чем постоянно твердили по телевизору. Однажды ей позвонила врач и велела вновь сдавать тест. Зинаида Игнатъевна воспротивилась.

– Не верю я всем этим тестам, – сказала она. – Определили коронавирус, а в действительности обычная болезнь, вроде гриппа.

Но врачи настояли, и Зиночка вновь сдала мазки. Тест оказался отрицательным.

Зинаида Игнатъевна была реалисткой и терпеть не могла, когда ее дурачили. Она вдруг ясно стала понимать, что опять оказалась жертвой чудовищного обмана. Сомнения развеяла Софья Исааковна, старший научный сотрудник Института эпидемиологии. Она тоже жила в одном доме с Зиночкой. Софья Исааковна была очень уважаема нашей героиней. Она знала ее покойных родителей – медицинских профессоров, покойного мужа, известного в городе адвоката Зильберблатта, который виртуозно называл снег черным, а уголь – белым, когда того требовали интересы платежеспособного клиента. Так вот, Софья Исааковна и рекомендовала Зиночке сходить в их институт и сдать кровь на антитела к ковиду. «И вам на сто процентов скажут, дорогая, был у вас ковид или нет».

Чтобы поставить все точки над *i*, Зинаида Игнатъевна потащила в Институт эпидемиологии. Дважды упала на голом льду, вошла сначала не в те ворота, поссорилась с отвратительным солдафонистым охранником. Наконец, оказалась она в маленькой чистенькой комнатке, где толстая и доброжелательная медсестра Елена взяла у нее кровь из вены.

А через неделю ей позвонили из института и сказали, что у нее в крови – огромное количество антител к ковиду. На этот день и час Зинаида Игнатъевна была уже достаточно образованна, и она вдруг отчетливо поняла, что всё, что с ней происходило, и был тот самый ковид, которым вот уже год пугали с телеэкранов население огромной страны.

Боже мой! Она так боялась этого коронавируса! А он оказался всего лишь волками, намалеванными на старом немецком холсте... Как всё это отвратительно, как грязно и как жалко!

Вся жизнь промелькнула у нее перед глазами. И мама, и папа, и лысый академик Вовси, и Ермолаев-Рыбников, и начальник госпиталя, и бесконечный страх заболеть. Почему всю жизнь ее только пугали? Почему она всегда так подвергалась этим страхам?

Зиночка смотрела на свои сухие, высохшие ручки с тоненькими чернильными ниточками подкожных вен и горько плакала.

Почему ее никто никогда не любил?!

В этот день она сняла со стены картину с волками и отнесла ее к мусорному контейнеру.

Минут через десять проходящий мимо бомж Сергей взял картину под мышку и понес ее на продажу в магазин к знакомому антиквару.

– Не возьму я это, Серый, – вежливо сказал антиквар. – Бездарно нарисовано. И не важно, что сорок четвертый год. Страшно смотреть на эту мазню. Сразу видно, фашист рисовал.

ПЕЧАЛЬНАЯ ТРИЛОГИЯ

1

Я теперь почти каждый день езжу по этой улице. С одной стороны – суровое и страшноватое в своей суровости здание областной прокуратуры, с другой – унылые блочные, похожие друг на друга, как оловянные солдатки из одной упаковки, девятиэтажки. Эти дома построили в начале восьмидесятых, а тогда, когда я ходил домой к Лене Осокиной, на улице Ижорской нежно прижимались друг к другу гнилые убогие двухэтажки. В одной из них, на втором этаже, и обитала Лена. Семья у нее была самая обыкновенная – папа, мама, бабушка. Квартиру ее я плохо помню. Запомнилась только длинная скрипучая деревянная лестница на второй этаж и комната, оклеенная нелепыми советскими обоями с изображением круглых коричневых электрических розеток, в которой мы мучили старенькое черное пианино «Волга», пахнущее почему-то валерьянкой.

Честно говоря, никогда бы я у Лены в гостях не побывал, а стало быть, и рассказ этот не появился бы на свет Божий, если б не наша учительница, Вера Александровна Тарасова, а попросту Тарашка, как ее называли в музыкальной школе. Кстати, Вера Александровна совсем не заслужила такое уничижительное прозвище. Оно было связано вовсе не с ее фамилией, как зачастую бывает, а с безумными вытаращенными из орбит глазами яблоками – Тарашка страдала тиреотоксикозом. Она настоятельно требовала, чтобы мы с Леной репетировали в свободное от занятий время. Ансамбль – предмет особый, коллективный. Здесь мало личного старания. Если твой партнер не знает свою партию – пиши пропало. Когда вопрос о том, кто к кому должен ходить для совместных занятий, был поставлен ребром, решено было, что ходить к Лене буду я, поскольку она жила на одной улице с музыкальной школой и, стало быть, мне было куда проще забежать к ней после очередного урока, чем ей тащиться ко мне в центр города.

Лена в ту пору была смешлива, улыбчива и довольно толста. Две крупные косицы обрамляли ее прыщавую физиономию, на шее прорисовывался второй подбородок, а на голове всегда был завязан огромный бант алого цвета. До сих пор не понимаю, куда пропала ее толщина в дальнейшем. Возможно, женские гормоны расщепили избыток жира на бедрах, животе и заднице. Хотя и в свои четырнадцать лет она не страдала недостатком гормонов и как женщина вполне сформировалась.

Музыка ее совсем не интересовала. Однако то положение вещей, которое было инициировано Тарашкой, неожиданно понравилось ей. Обычно Осокина выходила из своей комнатки очень легко одетая. Я тогда не понимал еще, что делалось это исключительно ради меня.

Она использовала меня как лабораторную крысу – ради своих женских экспериментов.

Однажды Лена специально не застегнула две нижних пуговицы на халате и вальяжно развалилась на вращающемся коричневом стульчике возле пианино. Когда я, разучивая в сотый раз вторую партию польки Рахманинова, смотрел на колечки рыжих волос в низу ее живота, она как-то неестественно, театрально смеялась. А однажды посмотрела мне в глаза и сказала как-то грубо и отчаянно: «А хочешь, я тебе всё покажу?» Я сделал вид, что ничего не понял, и напряженно уставился в ноты. Однако эти слова, разумеется, сохранила отроческая память.

И тут в комнату неожиданно вошла бабушка. Она вдруг вся вспыхнула, увела Лену на кухню и долго что-то внушала ей. Когда Осокина вернулась, курчавый лобок был надежно прикрыт старенькими, дырявыми на коленках, коричневыми колготками.

– Вот и всё, – сказала она, смеясь. – Упустил возможность.

Я тогда решил, что все девочки такие. Решил потому, что просто не с кем было сравнивать. Однажды, после очередного разучивания вышеупомянутой польки и арии Фигаро («Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный»), она неожиданно пригласила меня вечером погулять по городу.

– Я обычно во дворе гуляю, – ответил я.

Лена дико захохотала мне в ответ.

Но прогулка все-таки состоялась. Уже тогда Лена была настойчива, и это качество с годами у нее только прогрессировало. В время гуляния она говорила про какие-то свадебные платья, которые шила ее родственница, о неизвестных мне мальчиках-актерах, об индийских фильмах, которые я не любил. Мне было откровенно скучно с ней. В мае мы сдали экзамен по ансамблю. Мне поставили четыре, а моей партнерше – три с плюсом. Она покатывалась от приступообразного смеха и повторяла, что нет нелепее оценки, чем три с плюсом. «Смешнее может быть только два с плюсом», – внушала она мне. Я возражал, говоря, что и единица с плюсом – это тоже смешно. Лена не соглашалась, подчеркивая, что единицу не ставят в дневниках, поэтому это вовсе не оценка.

В сентябре я узнал, что Осокина покинула музыкальную школу – ушла, не доучившись один год.

«Она объявила, что никогда не любила музыку», – сказала мне Тарашка, которая теперь вела у меня аккомпанемент. На занятия приходила старая костлявая певица, которая заливалась «Соловьем» Алябьева, обнажая отвратительные золотые коронки. Тогда, глядя на эту живую рекламу стоматолога-ортопеда, я впервые пожалел, что Лена ушла из музыкальной школы – смотреть на волосатый лобок прыщавой ровесницы было на порядок интереснее и приятнее, чем на это зубоврачебное чудо.

А весной следующего года, когда я оканчивал седьмой класс, неожиданный выброс гормонов произошел и у меня. Так вот получилось, что Лена опередила меня в этом направлении на год-полтора. Золотистый курчавый равносторонний треугольник внизу живота я уже вспоминал не с интересом экспериментатора, а с каким-то новым, еще не известным мне чувством. В начале апреля умопомрачительно таял снег, по улицам нельзя было ходить из-за огромных нечеловеческих луж. Я носил тогда большие бабушкины резиновые сапоги и думал исключительно о Лене Осокиной. И почему еще год назад я совершенно не

хотел воспринимать ее поползновения, почему я тогда не нуждался в них? Надо было срочно исправлять ситуацию. И действительно, зачем было искать кого-то, если на улице Ижорской живет такое сексуальное чудо?

Наконец, я решился и после занятия по музыкальной литературе отправился на Ижорскую. В ушах еще гремел знаменитый марш из первой части «Ленинградской симфонии», о которой вещала беременная красавица Ревекка Моисеевна по прозвищу Суламифь, и под напористое тремоло маленького барабана (*tamburo militare*) резко позвонил в знакомый черный прямоугольный, заляпанный голубой масляной краской звонок, висящий на одиноком белом проводочке.

«Кто?» – послышался скрипучий голос бабушки-пуританки. Я вспомнил историю с коричневыми колготками и почувствовал, как часто забилося под старым свитерком крупной домашней вязки отроческое сердце.

«Войдите и поднимайтесь, а то мне трудно по лестнице спускаться», – проскрипела старушенция. Я помню только, что у нее было какое-то замысловатое островское имя и отчество, что-то вроде Домны Феофилактовны.

По скрипучей, пахнущей кошачьей мочой деревянной лестнице я поднялся на второй этаж, споткнувшись на грязном столетнем пыльном половике.

Оказалось, что Лена уже три месяца назад уехала с родителями в город Хабаровск. Папу ее, подполковника-танкиста, перевели в Дальневосточный военный округ. Но это ненадолго, успокоила меня бабушка, поскольку через три года подполковника должны были отправить в отставку по возрасту. И тогда семья Осокиных опять вернется сюда, на Ижорскую, если дом, конечно, не сломают.

С чувством глубокого разочарования спускался я по лестнице вниз. «Упустил возможность», – вспомнил я в который раз слова прыщавой Лены, и мне стало обидно до слез. Весна тревожила молодую кровь, вовсю орали мартовские коты, гоняясь за кошками, и я тогда совсем еще не понимал, что это было самое-самое начало жизни, той самой единственной и неповторимой жизни, которую можно было устроить и построить совсем иначе, чем построил ее я.

2

Уже тогда, разыгрывая знаменитую арию Фигаро на улице Ижорской, я понимал, что Лена Осокина в жизни моей не случайная переменная величина, а явление знаковое. Она была послана мне свыше для того, чтобы я открыл одну из тайн непонятной еще мне жизни. И я ни минуты не сомневался, что обязательно встречу ее – рано или поздно...

Случилось это неожиданно и в том самом месте, где я как раз и не ожидал встретить Лену. Провинциальный музей, авторский вечер местного поэта. Публика элитарная, творческая и немногочисленная. Молодая поэтесса представила мне свою подругу.

Передо мной стояла фотомодель. Изумительная фигура, правильные черты лица, длинные ноги. Только бедра были немного широковаты, ну совсем чуть-чуть. Я не сразу узнал ее. Да, это была Лена Осокина. Куда подевались все ее жиры, я не понимал.

– Ну как, – спросила она. – С пианино пыль сдуваешь?

В те годы я ежедневно играл на пианино, о чем рассказал Лене.

– Не верю, – отрезала она решительно. – Ты же в музыкалке звезд с неба явно не хватал. А как Тарашка тебя ругала! Помнишь, мы с тобой играли вместе? А как ко мне в гости ходил?

– Хорошо помню, – не растерялся я. – Так, может, еще сыграем как-нибудь

– Женья! Как ты изменился! – сказала она. – А когда-то ты мне казался таким маленьким, мечтательным, нерешительным, не от мира сего.

Через день я уже понял, что за эти годы Лена набралась такого опыта в известных отношениях, о котором мне предстояло только мечтать.

События развивались стремительно. Жила Лена теперь в том же районе, что и раньше, в полукилометре ходьбы от места, где стояла ее сломанная двухэтажка, на улице Генкиной, в трехкомнатной квартире. Бабушка в ту пору уже сильно болела и практически не выходила из своей комнаты, мама работала неподалеку, в глазном отделении тридцать пятой больницы, а демобилизованный подполковник преподавал на военной кафедре в строительном институте. Обстановка на этой военной кафедре, как я понял, была совсем не военной, поскольку папа мог прийти домой в самое неожиданное и неподходящее время – в середине дня, например, и нам с Леной приходилось срочно прерывать свои любовные упражнения.

Однажды после такого неожиданного, около двенадцати часов дня, возвращения папы с работы Лена предложила мне съездить в пансионат «Буревестник», на Горьковское море, где нам уж явно никто не будет мешать общаться друг с другом.

Оказавшись в пансионате, я понял, что Лена совершенно не подходит мне по темпераменту. Одно дело встречаться на квартире один-два раза в неделю, а другое – проводить вместе несколько дней подряд. В первый же день после завтрака мы долго наслаждались тем, что никакой папа не вернется с работы – настолько долго, что пропустили время обеда. В столовой нас, конечно, накормили остатками борща и голубцами.

Но после этого Лена захотела кататься на лыжах. Катание продолжалось пять часов подряд. Я едва успевал за своей подругой. Проехали в общей сложности километров двадцать по чистому полю без всякой лыжни, после чего Лена объявила, что всё бы хорошо, но она хочет еще покататься с горок. Горок там, однако, почти не было, если не считать крутые склоны на берегу Волги. Когда я однозначно отказался кататься с этих склонов, Лена объявила, что в таком случае будет кататься с гор одна. Она несколько раз падала, растянула связки голеностопного сустава, разбила в кровь коленку.

После ужина моя девушка решила, что нам просто необходимо поплавать в бассейне. Честно сказать, посещение бассейна было для меня менее приятно, чем пятичасовая лыжная прогулка. Там было настолько холодно, что я даже не решился зайти в воду. Лена плавала два с половиной часа. Уже ночью она призналась мне, что купалась бы и больше, если б не дискотека, которую надо было обязательно посетить.

На дискотеке я сидел в углу и чувствовал, как засыпаю. Лыжная прогулка давала знать о себе. Лена танцевала до часу ночи. Когда во втором часу мы вернулись в номер, она заявила, что очень счастлива. «Ведь теперь мы можем заниматься сексом всю ночь», – сказала она.

Действительно, ночь прошла очень хорошо, ярко и нестандартно. Однако на следующий день повторилась то же самое – лыжи (на этот раз до обеда), большой теннис до ужина, потом бассейн и дискотека.

Слава богу, впереди была последняя ночь. Моя подруга смилостивилась надо мной и где-то в три часа ночи объявила, что сейчас можно и поспать.

Когда на следующий день после обеда мы стали собирать вещи, я был счастлив до безумия.

Через неделю она объявила, что познакомилась с хирургом из тридцать пятой больницы, который ухаживал поначалу за ее мамой, но, увидев однажды Лену на улице Генкиной, сразу же переключился на нее. Лена вовсе не отправила меня в отставку. Она сказала, что от меня зависит, продолжатся наши отношения или нет, но встречи с хирургом сейчас для нее приоритетнее.

К этому времени мой пыл немного поиссяк. К тому же и как человек Осокина мне никогда не нравилась. Поэтому я решил воспользоваться этой ситуацией, чтобы закончить отношения. «К женщине надо найти подход, – часто повторял мой папа. – Но при этом надо уже обдумывать и возможные пути отхода». А тут ничего обдумывать не надо было. Все решилось само собой, появился хирург. И слава богу. К тому же я понял окончательно, что мы с Леной живем в разных измерениях и к ее жизненным темпам я приспособиться просто никогда не смогу.

3

Страшно сказать, но прошло тридцать три года! Илья Муромец все это время пролежал на русской облезлой печи, вдыхая запах потных хомутов, а я успел окончить два института, защитить две диссертации, жениться, развестись, воспитать ребенка.

И тут вдруг сообщение в «Фотостране»: «Привет, Женя. Как дела?»

На фотографии, конечно, была она, моя Лена. Изменилась, конечно – годы берут свое. Но такая же красивая, стройная. Пишет, давай встретимся, вспомним прошлое. У «Паруса», в четыре часа.

«Парусом» называлось известное кафе в центре города, излюбленное место студенческих посиделок. Мы с Леной в «Парусе» сживали не раз и не два, ели жирные куриные ножки и пили кофе с пирожными. Не важно, что никакого «Паруса» давно нет и кафе теперь носит совершенно блеклое название «У Александра». Впрочем, можно было бы назвать его иначе – «У Сергея», «У Андрея», например. Ничего бы не изменилось, поскольку минимум для двух поколений моих земляков оно так и осталось «Парусом».

С возрастом меня всё стало раздражать. Неужели я превращаюсь в ворчливого, вечно всем недовольного старикашку? В этот день меня раздражало, что в городе совершенно негде припарковаться. В конце марта образовались чудовищные, фантастические наледы, на которых стояли машины, как памятники на постаментах. Автомобиль удалось припарковать за полкилометра от «Паруса», в каком-то богом забытом дворе, возле гаража, до половины облезлой двери которого возвышалась одна из вышеупомянутых причудливых наледей.

Вся улица была заставлена машинами, однако никакого движения на ней не было, даже пешеходов я не видел. У двери кафе мерзла старушка в короткой желтой курточке, одетая явно не по сезону. Короткая юбка, черные колготки, высокие сапоги на шнуровке. Какое-то странное сочетание старости и молодости. Я стал открывать тяжелую дверь заведения и вспомнил, что она и раньше была такой же тяжелой.

– Женя, ты что, не узнал меня?

Это говорила старушка. По-видимому, она обращалась ко мне.

Уже потом, анализируя свои тогдашние ощущения, я подумал о том, почему всё-таки решил, что встретил у «Паруса» какую-то старую знакомую, которую не узнал, и совсем не подумал о том, что эта старушка и есть Лена Осокина. Ведь я не просто шел в это кафе, я шел на запланированную встречу.

Через пять минут, сидя за овальным столиком, я понял в чем дело. Лена выложила на сайт фотку пятнадцатилетней давности. В сорок лет она еще совсем неплохо выглядела и была похожа на себя в молодости. А сейчас... Сейчас передо мной была ее бабушка, Домна Феофилактовна, или как там ее звали в действительности.

Темперамент у Лены не изменился, да и понятно – такие вещи не меняются с возрастом. Она говорила и говорила. Я узнавал ее жесты, любимые выражения. Больше всего, наверное, изменился у нее голос. Он стал низким и хриплым, как у северной, портовой, вечно пьяной и простуженной проститутки.

У Осокиной развязался длинный шнурок на сапоге, и она начала педантично его завязывать. Нет, Лена совсем не изменилась внутренне, ее женская суть никуда не ушла. Я вспомнил арию Фигаро, польку Рахманинова... тогда ее руки, бегающие по клавишам, еще не были такими сухими и подкожные вены не выпирали так уродливо.

– Ты знаешь, а ведь я так и живу в той же квартире на Генкиной, – сказала она. – Сын женился и уехал в Москву, столицу завоевывает. А я теперь одна в трех комнатах. Заходи как-нибудь... Адрес помнишь?
– Конечно, – ответил я. – Обязательно зайду.

Уже только по тому, что я не уточнил номер дома и квартиры, Осокина сразу же поняла, что заходить к ней я в настоящее время не собираюсь и, по-видимому, так никогда и не соберусь, но сделала вид, что не поняла этого.

– А ребенок твой чем занимается? – поинтересовалась Лена, и я обрадовался тому, что появилась, наконец, тема для разговора.

Мы пили кофе и говорили о своих детях. Ее сын был на восемь лет старше моего, я его никогда не видел, но поймал себя на том, что жизнь этого неизвестного парня гораздо мне интереснее, чем перипетии судьбы самой Осокиной.

– Может, еще по чашечке? – спросила она. – Ну ладно, я вижу, ты не хочешь больше, и я тоже не хочу. Что я одна буду пить. Ты, наверное, еще один вопрос хочешь мне задать, – сказала она.

Я почему-то подумал, что она начнет скучно на бобах разводить о личной жизни, но продолжение было очень существенное.

– Ты думаешь, а зачем она старое фото на сайте выложила? Ведь ты подумал об этом?

У меня иногда бывает такое состояние, что я вдруг становлюсь предельно искренним. И я честно ответил Лене:

– Я не узнал тебя сегодня только поэтому. Ты очень сильно изменилась, постарела.

Лена вспыхнула от оскорбления

– Знаешь, – ответила она не сразу, – а ведь ты тоже не похорошел. Впрочем, мужчины на этом не закликаются.

И, помолчав немного, уже спокойно произнесла:

– Проще всё, Женя. Если я настоящую фотку выставлю, никто со мной встречаться никогда уже не захочет.

– Ну, так ведь это не сайт знакомств, – ответил я, надеясь смягчить ситуацию. – Это «Фотострана». Там люди просто друзей ищут, общаются, создают группы по интересам.

– Ну что ты за хрень понес! – возмутилась Лена. – Ну какой мужик будет с женщиной встречаться, чтобы обсуждать рыбалку или рисунок протектора? Не бывает такого...

Мы уже стояли у тяжелой двери «Паруса».

– Я машину на горке поставил, – наврал я, чтобы не идти вместе с Леной по улице.

Я дошел до набережной и, глядя на заволжские дали, в тысячный раз ощутил, что ничего-то не понимаю в этой жизни. Ладно, что я других людей понять не могу, это явление обычное. Я до сих пор сам в себе не разобрался. И странно мне, что я себя не знаю, и пугает меня жизнь, которая каждый день преподносит всё новые и новые сюрпризы

И вспомнилось мне почему-то, как мама купила в Астрахани у цыганки литровую банку черной икры. Засунула в банку столовую ложку, а там, внутри, маргарин. Отвратительный запах маргарина преследовал меня до конца этого неприятного дня, а потом я переключился на свои дела и стал забывать про Лену и неудачное посещение «Паруса».

Впрочем, совсем не «Паруса». Оговорился я опять. Нет больше «Паруса», как нет и Лены Осокиной.

«У Александра»!

Александра МАКАРОВА

Родилась в 1988 году в Киеве. Окончила Нижегородскую академию МВД РФ, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Работала в печатных изданиях и на телевидении, пиар-директором, руководителем рекламных проектов, учителем русского языка и литературы в школе, экспертом отдела информации и общественных связей ГУ МВД РФ по Нижегородской области, занималась индивидуальным предпринимательством.

Автор романов «Нас рано хоронить» и «Мой личный драмтеатр», участник Московской международной книжной ярмарки (2021). Живёт в Нижнем Новгороде.

КИЛЬКА В ТОМАТНОМ СОУСЕ

Тридцатиградусный мороз щиплет глаза, слезы против воли капают на малиновые скулы, стекают вниз, к подбородку, смешиваясь с водой из носа, а подтереть некому, приходится пускать в ход мохнатую варежку.

Цепочка детей, словно гусята, неуклюже ковыляют под тяжестью зимних одежек от остановки к самому величественному зданию на улице Ленина – Академическому театру драмы, парами, как положено.

Серый исполин полюбился Татьяне с первого взгляда, громадный прямоугольник с хитрыми лестницами, непонятно откуда начинавшимися и неизвестно где заканчивающимися, некрасивый, но могучий, исполненный силы и достоинства. Летом они с бабушкой часто ходили к нему в гости, не спектакли смотреть, а в фонтане рядом купаться. Раздевалась до трусиков, залезала за мраморные бортики вместе с другими ребятами и чувствовала себя бесконечно счастливой, бултыхаясь в мутной воде. Зимой своенравная девочка предпочитала не ограничивать себя в забавах и ныряла в каждый сугроб, этот день не стал исключением.

Надежда Борисовна вытащила Журавлеву за воротник белой шубы, когда воспитанница уже провалилась по пояс, вздохнув, отряхнула как могла и вернула в строй. Девочке необыкновенно нравилось, когда синие вязаные штаны покрывались мелкими шариками снега, как репейником, отдирать их было очень увлекательно.

Спустя десять минут малыши оказались внутри театра, словно рыбешки в брюхе кита, переговариваясь с эхом, гулко разносящимся по практически пустому пространству. Через множество коридоров пробрались в гримерку, смирившись с предстоящим выдиранием волос, «пальма» из разноцветных кислотных резинок на макушке – то еще испытание.

Мама всю ночь шила дочери нарядную юбку из собственной белой атласной блузки, даже снежинками из фольги от шоколадки украсила, правда, свои шикарные туфли «Лемонти» не дала, хотя сопливая модница уже вполне уверенно ковыляла в них по квартире.

Когда редкие пшеничные колоски на голове у девочки наконец-то превратились в прическу, вошла сказочно красивая женщина «из телевизора», сопровождаемая огромными мужчинами в черных пиджаках, и почему-то в солнечных очках, две маленькие артистки засмеялись, зима же! Воспитательница шикнула, подружки приветственно поклонились, сделав реверанс. «Звезда» улыбнулась и поцеловала обоих поочередно в лоб, пролепетав что-то на непонятном языке.

– Дети, на сцену, пора! – ворвалась в комнату толстушка с испуганными глазами и криво намазанными густыми голубыми тенями на веках, как у соседки тети Нюры.

В тот предновогодний вечер пермские дошколята выступали «на разогреве» у Виктории Руффо, которую все в России называли «просто Мария», сходя с ума от популярного мексиканского сериала. Танина бабушка даже слегка подпрыгивала от удовольствия, такая честь, а дедушка тренировал:

– Внуч, тебя должны услышать даже на Северном полюсе! Давай громче!

Стихотворение про снеговика было выучено безукоризненно, насколько это возможно с выпавшим накануне передним зубом.

Выступали по очереди, кучковались за тяжелой бархатной шторой, ожидая своего выхода. Младшая из ребят Лиза разревелась и наотрез отказалась петь частушки. Танюша снисходительно на нее посмотрела, подняв левую бровь, и отправилась на середину светового пятна, как репетировали. Глаза опять заслезились от ярких лампочек, она пыталась разглядеть в зале маму, обещавшую отпроситься с работы и прийти. Папа офицер находился в командировке в Чечне, а бабушка болела, дед за ней ухаживал.

Мамы не было, только чужие взрослые, сливавшиеся в единую темную массу.

Увидев видеокамеры, девочка гордо выпрямила спину и во все горло продекламировала стих в микрофон. Раздались такие громкие аплодисменты, что уши заложило, оказывается, справа от нее в это время вышла знаменитая актриса. Слегка разочарованная, что хлопали не ей, Таня вернулась за кулисы и задумчиво потащилась вслед за всеми в гардероб, завидуя, что каждого ребенка уже вели за руку родители, присутствовавшие на концерте.

– Доча!

Она подняла голову и засияла. Мама стояла за железными рамками рядом с теми же странными мужчинами в черных пиджаках.

– Я не могу пройти, пусть Надежда Борисовна поможет тебе одеться, я тут подожду.

– Хорошо! – побежала к воспитательнице, с небывалой скоростью натянула штаны с валенками, остальное схватила в охапку и потащилась к матери, наступая периодически на варежки, болтавшиеся из рукавов шубы на растянутых резинках. – Я думала, ты про меня забыла, – вдруг серьезно сообщила, поджав губы.

– Ну ты что, я просто немного опоздала, долго автобус ждала, а охранники меня потом уже непустили, я караулила тебя здесь, – мама заплакала, присев на корточки и обнимая худенькое туловище. – Рыбка

моя, прости, что оставила одну в такой важный вечер, нужно было раньше отпроситься, но я правда думала, что успею.

Девочка гладила ее по голове, по самым шелковистым на свете угольным волосам, и приговаривала:

– Ничего мамочка, не расстраивайся, еще увидишь, меня по телевизору покажут.

Женщина утерла слезы и улыбнулась.

– А я мандаринов тебе купила, вот смотри, – открыла тряпичную сумку, – и «Птичье молоко», две коробки!

– А это что? – девочка недоверчиво вертела в руках незнакомую банку.

– Килька в томатном соусе, папа ее очень любит, телеграмму прислал, через два дня будет дома, так что Новый год встретим все вместе!

* * *

– Толя, звезда на елке коротит что-то, пойдй посмотри. – Любовь Александровна торопливо накрывала на стол.

– Да бог с ней, давай потом, две минуты осталось. – Щелчком пальцев отправил недокурную сигарету в форточку.

Анатолий Викторович достал открывашку из ящика стола, пару банок консервов из холодильника и присоединился к жене в гостиной.

– Сделай погромче, начинается, где пульт?

– Ты на нем сидишь!

Прибавил звук ящика, вскрыл шпроты и кильку, поставив на край стола. В груди как-то неприятно сдавило. На экране замелькала заставка новостей.

– Вот она, смотри, смотри!

– Да тише ты, я же не слепой, вижу, дай послушать.

Молодая женщина с пшеничными волосами вела спецрепортаж с Украины:

– Мы находимся на улице Грушевского, где в данный момент бойцы «Беркута» вытесняют протестующих, уже поступила официальная информация о троих погибших. Из-за черного дыма от горящих покрышек, плывущего над «Евромайdanом», сложно назвать точное количество митингующих, по предварительным данным, их около пяти тысяч человек, и эта цифра постоянно растет. Уточняется, что милиция применяет только резиновые пули и свето-шумовые гранаты. Мы продолжаем следить за развитием событий. Татьяна Журавлева, Артем Осипенко, из Киева, специально для телекомпании «Мир».

– Господи, Толя, как же она там. Рыбка моя, будь осторожнее, прошу тебя. – Мать, еле сдерживая слезы, перекрестила телевизор трясущейся рукой.

– Люба, успокойся, она пиранья, моя дочь, не пропадет. – Вздохнув, отец поднялся, потеряв интерес к выпуску с началом рекламы, бросил взгляд на стол и схватился за сердце. На белой скатерти медленно растекалось красное пятно. Открытая банка с надписью «Килька в томатном соусе» лежала перевернутой. Взял себя в руки, оглядываясь на жену. – Видимо, задел, когда вставал, пошли елку убирать, пора.

Старые чеченские раны нестерпимо ныли, а звезда на макушке новогоднего дерева, мигнув в последний раз, погасла.

Валерий БОХОВ

Родился в 1941 году в Москве. Окончил вечернее отделение машиностроительного факультета Московского инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе. Работал в ряде НИИ, с 1993 по 2013 год – в системе ФНС России.

Печатался в журнале «Дальний Восток», других периодических изданиях и сборниках. Живет в Москве.

ЯВЛЕНИЕ

Наконец-то это бессердечное солнце садится. Всё когда-то кончается! И злое светило вот-вот закатится за большой бархан.

И тут-то только и начнётся нормальная жизнь. Помню, в прошлом году геологи у нас стояли. Нет, не геологи. В прошлом году археологи были. Но и у тех, и у этих много схожего: натянута палатка; навесы; тенты. Столовая у них, душ. Биотуалеты такие из пластика. КаМАЗы мощные, чтоб за арбузами гонять на базар, за водой, за отрядами, что по пустыне раскиданы... Так вот они в волейбол только по ночам играли. Солнце село, пришла бодрость, и появилась охота двигаться.

И все мы живём в таком же ритме. Спадёт жара, тогда и можно будет расслабиться! Появится аппетит. И я как следует смогу поесть: первое; второе; третье. Единственный раз в день! Утром пью воду или компот; иногда лепёшку пожую. А потом – весь день без еды. Лепёшки у меня жена делает! Сыт ли, голоден ли – не оторвёшься! Она белый кунжут сыпет в тесто! Когда горяча лепёшка, то больше ничего и не надо! Я, считай, для этого тандыр ей и сложил – всем на зависть.

Стемнеет скоро! Шурпу разогрею. Хороша она у меня – ароматная, наваристая, острая...

Иногда я и сам делаю шурпу. А чего там: жир растоплю; мясо добавлю; луку побольше поджарю, помидоры там... Заливаю водой и с очищенной картошкой варю. Всё! Я вам говорю – всё! Ничего больше не захочешь. Ни манты, ни шашлыка! На второе я вчерашний плов возьму, остался. А потом или зелёный чай, или шубат, это кумыс такой, возьму. Шубат у меня не кобылий, верблюжий! А верблюдица у меня – ни у кого такой нет. Шубат из-под неё получается и сладковатый, и солоноватый – всё в меру. Ничего добавлять не надо! Вот врачи из экспедиций говорят: очень полезная вещь. Будто не знаем – с детства этот животворный напиток пьём! Как-нибудь разберемся. Я почему сегодня всё

сам: грею там, разогреваю? Жена моя, жёнушка, с детьми к родителям уехала.

Но я не сильно по ним пока скучаю. Есть чем заняться. Есть у меня своё увлечение, хобби иначе. Поем вот я, посуду сполосну – арык у меня прямо за дувалом течёт – не пожалел денег, дал трактористу – он тут и прокопал ров. Чуть-чуть раздвоил русло! Получился что твой Каракумский канал! Широкий! Все в махалля довольны. Да что там в махалля, во всём кишлаке все радуются. Идёт вдоль наших дворов и строений, а потом к своему руслу прежнему возвращается. А то был арык, поля только орошал; а у нас арычок – тюбетейкой перекроешь... Теперь и в сады отводочки не надо далеко тянуть... Ну вот, посуду мою, потом глиняный пол в доме водой полью... Щедро полью! Чего жалеть! Нет, не для мытья. Это для прохлады! Для блаженной прохлады. Ночью в простыню закутаешься... и спишь на полу, как младенец. Благодать! После армии первое время как я наслаждался! А там наоборот – мучился. Я в стройбате служил. Холод, снега, зима. Тяжело было. И мастерству мало чему новому в армии научился. Много и до армии мог. Тандыры – моя работа. Ещё умею колодцы копать. Дувалы кладу. В армии лишь фундаменты научился делать. Это для меня новое. А до армии я трёхмесячные курсы электрика и киномеханика окончил. В армии пригодилось. По специальности я и в теперешней экспедиции работаю. Сегодня работы не было – никто не вызывал.

Так. Ну, до заката немного осталось. Подожду! Весь день ждал, а уж минуты – это не вечность же, пролетят.

Так я про хобби говорил. Это после еды я залезу на крышу своего домика. Возьму с собой бинокль. И вот, если смотреть на северо-восток и ждать появления луны, то оно появится – это чудо. Но сначала там, вдалеке, заалеют сахарные верхушки гор. Значит, дневное светило послало напоминание о своей злобной силе – свои закатные лучи.

Потом засверкают звёзды – прохладные и чистые, будто омытые временем. И тут начнёт восходить луна. Постепенно так воспаряет. Луна синего цвета в окружении лёгкой дымки. А вокруг луны голубые столбы и пятна.

Они называются гало. Так говорил геолог Валентиныч. Знаете его? При восходе луны, медленном и плавном, появляется такое явление.

А затем уже появляется видение.

Валентиныч говорил:

– Это лунный мираж.

А я и сам знаю. Вот уже два года с мая по август я любуюсь им и оберегаю его.

Я знаю это, Валентиныч знает и жена моя. Несколько раз смотрела. А больше – никто!

Не пальмы с озером, как обычно рисуют миражи. Нет! Те на солнце.

А тут появляется очень маленький кишлак. Постепенно появляется, не сразу. К нему ведёт наш дувал и наш арык. Но не доходят. Я проверял сам. Шагами. Я ходил туда. Я знаю, где этот мираж. Точно знаю. Много раз днём проверял. Но днём его нет. И следов никаких нет. Из нашего мира там растёт один тополь. Не такой, как рисуют – высокий, пирамидальный. Нет, этот кургузый, на нём мало листвы, почти одни сучья. Мало того что я их считал и пересчитывал, я привязал красную тряпку на его нижнюю ветвь. Эта тряпка, эта ветвь, этот тополь видны в мираже. Только они. И в бинокль видны и без стёкол на самом деле видны.

А больше там ничего нет из окружающего мира, из нашего кишлака.

А в том, лунном мире видно пять глинобитных домишек. Всего пять. Мазар, заросший зарослями можжевельника и арчи. Видно, что давний мазар, очень древний. Наружный слой глины на нём весь потрескался. На радость ящерицам. Их в лунную ночь ясно видно. Из одной трещины деревце абрикосовое растёт. Там виден ещё ручей, продолжение нашего арыка, весь в зарослях тугаев. Как там в жару, должно быть, прохладно! И на окраине этого уютного кишлака высится небольшой бугорок, холмик. И вот на этот бугорок перед полночью всегда выходит девушка. Её вижу и без бинокля, а могу и в бинокль. Она всегда смотрит в сторону гор. Ни разу она не обернулась. Ни разу! Постоит там полчаса или час и исчезает. Не уходит, а исчезает. Растворяется в воздухе. Так мне кажется.

А больше там никто не живёт. И животных нет. Никого не видно!

У нас тут, в нашем мире, всего много. Индюки, куры, собаки, ослы, верблюды живут. Ревут, кудахчут, квохчут, лают иногда. А там – тишина. Сколько раз вслушивался – нет звуков! Даже цикады там не звенят. И кроме девушки этой, а может, девочки ещё, – никого нет.

И вот что интересно – тут шумно: возгласы, гам, крики, удары по мячу, свистки, площадка залита светом. Аккумуляторы у них знаешь какие? Силища! Ну нигде таких нет! А крики – муэдзин бы был, не был бы услышан. А ей хоть бы что! Не обернётся! Не посмотрит сюда! Мне кажется, я думал об этом, она глухонемая. Бедная девочка! И жена как-то говорит:

– Конечно, её жалко; она очень, очень одинокая!

Я много раз туда, в лунный мир, ходил. Тополь есть, тряпка есть. А больше – ничего. Тряпку никто не трогает. Кизяков туда я приносил, топить ведь надо чем-то. Не голодает же она! Так вот кизяки она тоже не трогает. Сознаюсь, я дыню как-то туда отнёс! Мы с детства знаем, что плод с чужой бахчи всегда слаще! Долго она там лежала нетронутая, эта дыня. А потом исчезла. Не знаю уж, куда делась. Исчезла!

Много раз я видел, как перекасти-поле через её кишлак насквозь проходили и у нас появлялись. Там – нигде не задерживались, ни разу, через все дома проходили. А у нас у дувала останавливались или в арык сваливались.

Долго я думал, как нам с девочкой встретиться, познакомиться. Ведь не дело это – рядом соседями жить, а не повидаться... Я такой человек: без помощи никого не оставлю. И жена моя такая же. А вдруг ей помощь нужна? Или что-то?

Как-то я в Ургенч поехал. Наша кинопрокатная база там расположена. Поехал, а чтобы ленты не в кассетах жестяных везти, беру там обычно картонные ящики. Ящики ведь всегда пригодятся в хозяйстве. В них и кладу катушки. Привёз всё как всегда. А в одном из ящиков вижу – кипа вощёной бумаги лежит. Из-под чего – не определишь, нет надписей на ящике. И вот стал я из этой бумаги кораблики делать и посылать в тот кишлак, соседний. Опускал их в арык. Иногда просто кораблик, а иногда с надписью на бумаге: «Мы рядом! Мы здесь!»

Иногда ещё и добавлял: «Приходи!»

В бинокль, да вообще при луне, я не видел там этих корабликов из вощёной бумаги. Днём как-то я видел их там, где арык отворачивает. Несколько штук, их прибило на повороте. А потом, позже, я уже ни разу возле арыка их не находил.

Конечно, разгадал я, почему письма наши без ответа оставались – она читать не умеет. У нас редко когда девчонки в школу ходят. И сейчас не ходят, а раньше тем более.

А вот однажды, месяц назад, в июле, ночью сильный туман был. И девочка соседка еле-еле видна была. И вот от неё в сторону гор дальних шёл караван верблюжий. Медленно так идёт, даже, точнее если сказать, плывёт он. Величаво так, уверенно, гордо. Как все караваны. А чуть выше того каравана ещё один, где верблюды поменьше ростом. А выше ещё один караван отражается; совсем мелкий. И понял я, что туман этот не просто туман, а это – далёкое прошлое. Это было. И девочка провожала этот караван. Когда-то. А потом она стала выходить и ожидать его.

Кто в этом караване туманном виден был? Старик с белой бородой и мужчина молодой. Кто они были, я не знаю. Может, отец её, с ним, может, брат её, а может, и жених?

А на днях к девочке, когда она стояла на своём пригорке, со стороны гор пришёл молодой длинноногий верблюд. Показался он сначала издалека точкой, а потом стал подходить всё ближе и ближе... Расти стал. И вот он встал перед девочкой. В полный рост. Она обняла его, рада, значит, была, узнала и увела с собой. Я сразу понял, что это караван послал ей гонца. Не знаю, какую весть он принёс девочке: что идёт караван по-прежнему, не сгибаясь; вопреки песчаным бурям, насквозь. Или что-то случилось с ним. Не знаю.

А вчера вот девочки не было. Да и кишлак нечёткий был какой-то и недолгий, появлялся лишь на короткое время.

Что-то не терпится мне сегодня посмотреть, как там, в том кишлаке? Появится ли? Очень беспокойно мне. Как там девочка с верблюдом? Солнце уже село. Ну ладно, позже поем, а сейчас на крышу полезу. Бинобль только прихвачу.

Сижу на крыше, ничего я не вижу, сколько не вглядываюсь. Исчез лунный мираж. Нет его. Не вижу. Ни кишлака, ни девочки – никого.

Смотрю, а во двор мой мул пришёл какой-то, незнакомый. Не видел его никогда раньше. Может, он пришёл на свет лампы, что высвечивает квадрат двери моего дома? На мула, смотрю, навьючен хурджин. Красивый хурджин. Видимо, много времени его вязали и украшали цветными нитками... А хозяйина с ним нет. Мул один пришёл. Ну, решил я переменить сумку посмотреть. Интересно ведь, что там в ней? Слез с крыши.

Посмотрел. В сумке оказалась примерно сотня корабликов из вощёной бумаги. Все они высушены и перевязаны синей лентой. Я думаю, девочка-соседка перевязала кораблики.

Умела она читать или не умела, читала она надписи на парусах или нет, не покидала она своего поста даже на короткое время. Она стойко ждала своих. Может, и дождалась. Но мне это не дано было увидеть – мираж исчез.

КРАСОТКА

До моей остановки ещё далеко, пока есть время – погляжусь!

Ну, что можно сказать? Красива! Да, безусловно, красива! Никто не возражает? Нет? Я тоже присоединяюсь к общему мнению. То, что красива, вообще говоря, девочки, это уже и не новость – это ведь известно, из детства тянется и через школу... Я к этому привыкла. И это мне не наскучило!

Тонкие черты лица. Очень правильные. Очень милые. Нетривиальные. Даже, пожалуй, из ряда вон; в них даже есть что-то космическое! Что скажете?

Ушки немножко торчат. Но это ведь не вопрос, это ведь не проблема. Так, вопросик. И очень легко его снять. Вот так вот слегка подправим локоны. И всё! И никаких вопросов! А всё потому, что у меня волосы, чудные локоны, кудри... По крайней мере не патлы, не космы и не лохмы... Прекрасные расчесанные волосы. В меру пышные, абсолютно чистые, волос к волосу! Прелесть! А аромат – чудо! По-моему, такие духи навсегда можно запомнить!

Побольше бы в глазах романтики, таинственности... Чуть-чуть бы добавить... Капельку...

Перед вами, господа, сидит в вагоне метро чудесная брюнетка. Вам очень повезло. И вы можете смотреть и видеть – вам никто не помешает, народу в вагоне немного, потому что уже часы пик прошли и наступило одиннадцать утра. Спешите, спешите! Ведь сойду и всё – адье!

Свет мой, зеркальце, скажи, а кого ещё можно назвать красивой? Без ёрничанья если. Без выкрутасов. По настоящему красивой?

Софи Лорен, да – блеск! Стоит посмотреть её фильмы или фото пятидесятих – шестидесятих годов. Сердце ёкает, даже у меня. Фигура, лицо, волосы – восторг. Кумир Италии, и не только!

Вот хорошо у Блока описана незнакомка. Сказано пунктиром: «...девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне...» По-моему, это о Софи. Очень подходит! Не помню название фильма...

Ну, конечно, Салма Хайек! О чём вы говорите? Современная мексиканская актриса, певица, режиссер... Мой нынешний идеал и кумир! Правда, ей уж скоро пятьдесят! Но всё равно – в ней есть загадка! Посмотрите на эти глаза с бархатистыми ресницами. Глаза, которые горят! Глаза с влажным блеском! В ней и шарм, и изюм: она необыкновенно жива и подвижна! Каменного лица у неё не бывает! Она не застывает чопорной красавицей. Фигура – всё хорошо: бюст, талия, бедра, нога!

Что тут скажешь, господа? Если имя её вам ничего не говорит, вспомните её частого партнёра – Антонио Бандераса. Мужчина! У него

и в фамилии даже звучит Эрос. Но это так, между прочим. Пока это без нас, пожалуйста! Нам не надо! Пока, по крайней мере! Мы ещё очень молоды!

Да, мало таких идеальных фигур и лиц; Софи, Салма, я ... Это если смотреть очень строго! Ну, есть ещё...

Кого ещё отметим? Ведь много кого, господа, мы с вами ещё можем отметить.

Например, «Незнакомку» Ивана Крамского. Она на лошади. Нет, не путайте, не «Всадница» Карла Брюллова, а та, что в открытой карете! Едет мимо вас. Там всё – и чистота, и скромность, и загадка, и изюм, и тип наш же – брюнетка. Красивая брюнетка! Она несколько надменна, она никого не замечает, она смотрит с прищуром. Смотрит гордо. Смотрит вдаль...

Мою же планиду, милые мои, я вижу, что надо быть более земной. Не более доступной, а более земной. Не отворачиваться от людей! Сейчас ведь время другое! Говорить «здрассте», «до свидания», «спасибо»... Это несложно. Это культура. А значит, и нужно.

Что ещё, друзья? Кого вспомним? Конечно, современную начинающую актрису отметим. Это Вика Соловьёва.

Играет в «Солнечном ударе» Михалкова. Фильм по мотивам рассказов Бунина.

Никитон последнее время мне не нравится. Звона много, но чего-то нет. «Солнечный удар». Вопросы заданы, задаются, но ответы даются скупой, вскользь, мимолётно, в двух словах, ни о чём... Без весомых объяснений в теле фильма. Может, так и надо, но я ожидала большего. Ранние фильмы его замечательны; там, где он передавал атмосферу, обстановку... Чувствовалось и время, общество, люди... «Раба любви», Обломов, механическое пианино... Там Никитон передавал всё – вплоть до запаха, до аромата. Тепло и холод мог передать. Для меня он – пример режиссёра. Хотя в последних фильмах этого умения его нет или не используется.

Так, мы хотели говорить, коллеги, о Соловьёвой Виктории. Красива, современна. Какое широкое лицо у неё! Наверное, очень здорова? Вуаль – вот что мне у неё понравилось! В вуали есть и какая-то восточная сказка и таинственность! Надо при случае купить. Нужная вещь, полезная. Много добавляет шарма.

Надо у отца перестать брать деньги! У мамы ведь проще!

В принципе я всем обеспечена. Я не на последнем курсе, а на предпоследнем, и у меня уже всё – квартира, одежда, как нетрудно убедиться, нормальная жизнь. Нянечка затоваривает родительский холодильник, заодно и мой. Папа собирается подарить мне авто, когда я буду на последнем курсе. Не могу отказаться! Безусловно, выигрышно: молодой адвокат на авто; значит, он – успешный адвокат. А дальше – надо идти самой. Только самой! Независимо! Больше денег у папы не брать! Сколько можно? Зарабатывать надо самой, начиная со следующего курса! Учиться и работать! Это необходимо!

О чём-то интересном мы рассуждали, господа? А, о Михалкове. Много у него родни сидит в кинематографе. Дети, племянш Егор, потом по линии Вертинских, брат его... Как его, ещё художница была... Кончаловская. Андрей Кончаловский – вот. Он уже старик запредельный. О нём и речи вести не будем. Но о нём надо знать – вдруг в компании речь зайдёт, мне же нельзя сидеть молча... Подумают – блондинка полная; несмотря на мои тёмные волосы. Надо быть в курсе всего!

Фильм его о белых ночах почтальона какого-то смотрела. Странно. Без сюжета фильм. Совсем без сюжета. Показана монотонность жизни. Просторная комната сельского дома, светлая ночь, серый кот, светлое утро, тапочки (вид сверху), моторка, почта. Снова просторная комната сельского дома, светлая ночь, серый кот, светлое утро, тапочки (вид сверху), моторка, почта. Женщина, соседка почтальона. Потом кража мотора. Сельская обыденность. Довольно однообразно всё. Задумываешься, как же люди живут в других городах и деревнях? Для меня это всегда было загадкой! А ничего! Некоторые даже довольны. Даже спрашивают:

– Как вы можете в такой толчее, среди толп народа? Всё бегом, всё как бы не опоздать!

А я удивляюсь, как же они там могут? Без музеев, без театров, без жизненного тонуса, без насыщенности, без удобных удобств, без всего, к чему тут привыкли, наконец? Понятно, интернет появился... А раньше? Работа... Только работа...

Так, голубушка. О чём бы нам ещё? Давайте-ка, милая сударыня, об однокурсниках. Кто они, что они, как с ними вести себя? Наша линия поведения, так сказать.

Послушайте, ну, кто там?

Там Вадик. Красив? Да, за ним все девчонки бегают. А что нам от этого? В принципе мы с вами не бегаем. Мы не из тех, кто бегают. За нами? Да! А мы – нет. Итак, Вадик. Пустышка? Да, полная. Ни стержня, ни хребта у него нет. Значит, только внешне и то – полуулыбка.

Юрий? Красив, и стержень есть. Учится прекрасно. Даже лучше меня, это признаём. Что для него главное? Пошуметь в компании, поострить, погитарить, попить пива... Розыгрыши... Скорее всего, не наш вариант. А вы не ошибаетесь, мадам? Не наотмашь ли отбрасываете всех? Ну, можно ещё приглядеться, но много сомнений...

Кто ещё? А больше, пожалуй, и всё. Доморощенные гусары и гусарики. Несколько обычных людей, совсем обычных. Без заметных плюсов.

На курсе и вообще в институте я для студентов приветливая и привлекательная. Такая у нас установка. Этого курсора и придерживаемся. Ведь у нас основная цель – впитывать знания в режиме губки. Тогда в результате мы будем специалистом. Что и требуется доказать. И всю жизнь придётся доказывать. И докажем!

Вот объявили – моя следующая...

Надо царственно встать, пойти царственной поступью, царственно подойти к дверям.

Вполне может быть, челядь с разных сторон может подбежать, помочь, поддержать... Мысленно, конечно, взглядом... Каковы мои действия? Как я себя веду? Что делаю? Окидываю всех царственным взглядом. Не высокомерным, не надменным. Рассеянным, равнодушным? Да! Но так, чтобы обжечь. Не совсем, не прожечь насквозь, а слегка. Показать, что я – не чёрствый человек. Показать, что я – не небожитель, а тоже чел. А главное – внимательно смотреть и оценивать, какой будет их ответ, их реакция. Подобострастие, восхищение, восторг, что там ещё? Обожание...

Сейчас пойду, а ведь никто не скажет: «Девочка идёт сдавать курсовую».

А это ведь именно так. А что же могут сказать люди? Представим себе. «Вот это ноги!» – Это понятная реакция. Ноги всем в глаза

бросаются. Но это всё не ново. Это даже где-то надоело. Не совсем, конечно, так. Не точно. Но всё равно, это всё было!

Что ещё могут невольно выдать?

«Какая цыпа! Какая лапа!» – Немного вульгарно. Как-то грубовато. Где-то пошлово. Но люди имеют право на своё мнение, своё высказывание? Свою терминологию? Имеют! Всё равно, грубовато...

А вот школяр, кадет, что сидит напротив и всю дорогу пялится. Помоему, он не верит, что такие, как я, бывают на свете. Подойду к нему, скажу: «Твои глаза, малыш, не врут! Я есть на самом деле! Я не нарисована, глупышка!» – Но эти слова могут развенчать сказку. Промолчу. Может, поцеловать его в пунцовую щёку? А вот это недопустимо! Без хулиганства! Надо держать себя в руках!

Ну, что? Пора Белоснежке выходить в привычные будни, в обычную толчею. Но идти я должна незабываемым праздником для окружающих! Ярким метеором на фоне свинцового неба! Ау, я иду!

Олег ЛУЗАНОВ

Родился в 1964 году в Курске. Окончил Ленинградское мореходное училище и Курский государственный технический университет. Пенсионер МВД, подполковник милиции.

Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Берега» и других. Автор четырёх сборников поэзии и трёх сборников прозы. Живет в Курске.

ТИХИЙ НАРОД

– Мама, мы пойдём на вечернюю молитву.

– Что за вопрос? Вот только покушаем.

– А что у нас будет сегодня?

Мать покосилась на своего отпрыска, последнего оставшегося в живых из всех, что были у неё, – вот же пристал; если бы она сама знала. Но, с другой стороны, что с него взять, молодой совсем, мелкий, опыта немного. Сама-то она старая, мудрая, тёртая, хоть и не битая, уже ты-сячи раз наблюдала смену темноты и света, а уж во скольких переделках побывала... Матери в семьях – главные, без них никак не выжить в первое время после рождения. Но и они не всеильны, поэтому детей рожали помногу, чтобы хоть у кого-то был шанс дорасти до взрослости и продолжить род.

– На всё воля Всевышних, найдём что-нибудь.

– Мне понравилось, как было в прошлый раз.

– Да, такое нечасто случается, поистине божественное кушанье. На моей памяти это, кажется, второй раз, вот чтобы так много и сразу. Так что тебе повезло. Некоторые не дожили до... – Мать замолчала и призадумалась.

До чего? Сказать «счастья»? Но разве можно назвать событие счастьем, если, пока дошли до угощения, одного потеряли? Его схватил пучеглазый чёрный Отшельник, который мог иногда набросить сеть, но чаще прыгал сверху. Вот он и прыгнул, сразу цепко охватывая своими страшными руками и вонзая в тело жертвы свои ядовитые клыки, чтобы обездвижить и тут же начинать выедать внутренности. Никакой не было против него защиты, если нападал. Какое же счастье, если при возвращении потеряли ещё троих? Этих несчастных настигла кара Всевышних.

Сказать «везения»? Возможно, так будет точнее. Но в чём оно, это везение? Случилось так, как уже много раз бывало – пища будто бы

сверху падала. Скорее всё же это – провидение или дар высших сил. Чаще всего еда появлялась сама, просто возникала в том месте, в котором её недавно ещё не было. Больше её или меньше, не в том дело, главное – появлялась. Если не успеть к ней подбежать, Всевышние через какое-то время её забирали. Всё загребали, даже следов не оставляли, только запах ещё какое-то время раздражал нервы почти всегда голодных «тихий». Нужно точно рассчитать, чтобы и успеть, и чтобы не заметили. А если заметили – всё, вероятность погибнуть очень высокая. Везение обязательно было нужно для того, чтобы добежать, ухватить кусок и вернуться живым обратно в свою щель. Найти не сложно, а вот добыть – проблема.

Тихий народ жил всегда наготове и постоянно в поиске. Разведчики разбежались от убежищ то в одну сторону, то в другую. Чаще в темноте, но если особо отчаянный какой-то оказывался, то и засветло бегал. Вот только храбрецы эти нечасто возвращались. Поэтому все от мала до велика чётко отслеживали, когда и в какую сторону уходили разведчики. Если с той стороны не раздавались ужасные звуки, которые обычно сопровождают гибель, – грохот, звон, удары, – народ тоже мчался туда – значит, нашёл разведчик пищу. А если ушёл в темноте, но не успел вернуться до момента, когда стало светло, тут уж, извините, каждый сам решает: рискнуть и бежать следом или затаиться и терпеть голод. Самые умные засветло ни за что не покидали свои убежища под сумрачным навесом.

Народ каждый вечер собирался у старинного круглого предмета, который неизвестно когда появился на затенённой территории. Ходили слухи, что этот предмет очень сильно повлиял на первых из тех «тихий», которые сюда пришли. Как и когда – никто не знал, забыли, но традиция собираться и возносить молитву с благодарностью за прошедший день и просить благ в будущем сохранялась и передавалась из поколения в поколение.

Тихий народ подолгу жил на одной территории, но был по своей сути кочующим. Он мог сорваться с места и уйти в одночасье. Шли цепочкой след в след, не жалея об оставленном, и не зная, где придётся снова осесть. Иногда забирались на огромную высоту, карабкаясь по отвесным стенам, иногда уходили во влажные пещеры глубоко внизу. По любым щелям и трещинам скрыто перемещались, чтобы не привлекать внимания, в норах и пещерах прятались, сбиваясь в кучу. Народ мог выживать в самых сложных условиях, но очень не любил холод, всегда искал более тёплое место. Возможно, это потому, что народ – собиратели, а не охотники, и с мехом у них явная нехватка. Питались всем, что попадалось на пути, и растительную пищу ели, и животной радовались, а также многое могли проглотить такого, от чего других воротило. А ещё любой из народа мог подолгу обходиться без пищи, он становился тонким, почти прозрачным, но не терял охотничьего азарта и сил (такая выработалась особенность), разве что становился менее осторожным. Но вот зато «тихие» никогда не мстили. Никому и никогда. Всё принимали с опасливой, но философской мудростью фаталистов.

– Ма, до чего? – Мелкий уставился на мать бусинками глаз, ожидая окончания рассказа. – Ты сказала «не дожили до...».

Мать повернулась своим большим телом, повела головой на короткой, почти отсутствующей шее. Сын рядом с ней – букашка мелкая, ещё нужно время, чтобы вырос. Он вообще-то молодец, у этой мел-

коты всего в меру. И вперёд особо не лезет, но и не отстаёт. Потому, наверное, и жив пока. Другие – то храбрость показывали, то излишнее любопытство, то ленились и не торопились – вот и погибли. Растёт быстро, и чувствуется, что ещё вырастет в крупного красавца – ох, держись девки. И усы у него обязательно будут длинные, чтобы все и сразу понимали, что не мальчик. Сын станет жёстким, расчётливым, а хитрость и сообразительность у него уже сейчас не меньше, чем у иного взрослого.

– До твоего ума они не дожили, – мать ласково взглянула на сына и погладила его по спине.

Мелкий замер, внимательно вглядываясь в выражение её глаз. Он помнил, что ещё совсем недавно она жестоко расправилась с другим, почти таким же, как и он сам, только не родным. Только потому, что пища давно не было, а тот юнец подвернулся, как говорится, под горячую руку – рядом с их жилищем пробежал и задержался, что-то вынюхивая. Мать тогда очень быстро к заблудившемуся сородичу бросилась и убила без лишних разговоров – зашёл на чужую территорию.

Но нет, никакой опасности от матери не исходило, сейчас она его просто приласкала. Мелкий, несмотря на свой юный возраст, уже усвоил, что тихий народ в условиях голода склонен к тому, чтобы своих, тех, кто слабее и глупее или просто менее ловких и быстрых, использовать как пищу. А что тут такого? Выживать же нужно.

Мелкий тоже своих сородичей кушал. Вернее, пока только один раз, как раз того юнца, который недавно попался его матери. Зато хорошо усвоил, что к чужим взрослым, особенно, когда давно еды не было, лучше не подходить, да и с матерью нужно держать ухо востро, не расслабляться. А пока можно узнать от неё как можно больше о жизни и окружающем мире, опыт перенять – скоро ведь самостоятельно жить придётся, и даже, скорее всего, разведчиком стать. Бегать по округе, рискуя жизнью во благо всего народа. Его народа, который должен выживать в любой ситуации. На начальном этапе все проходили через должность разведчика.

Тихий народ уже достаточно давно проживал в бесконечно большой пещере, в которой не видно краёв. Даже для Всевышних, на что уж велики, здесь было много места: они перемещались, издавая сильный шум и каждым шагом сотрясая почву, – скрывались в неизвестность и из неё же появлялись. Старики рассказывали, что народ пришёл на эти территории сверху, но вот откуда, где тот ход, давно уже забыли, и никто из ныне живущих пока найти его не мог.

Кушанье, о котором шла речь, и которое так понравилось Мелкому, появилось неожиданно, упало с громким шлепком на открытую площадку перед убежищем «тихих». Это огромный Мохнатый Монстр, который был более ловок и быстр, чем любой из представителей народа, сделал очередной набег на владение Всевышних. Это его добыча.

Монстр так же опасен, как и сами Всевышние. Да нет, ещё опасней. Много опасней. Всевышние не могли видеть в темноте (атаковали только при ярком свете), и они никогда не затаивались на долгое время, чтобы поймать и съесть кого-то из народа. А монстр замирал и подолгу не шевелился, так что даже самые опасливые и опытные из «тихих» забывали о его присутствии и выходили из укрытий. Как же он был быстр! Одним броском прихлопывал любого, бил могучей лапой, а после пожирал, довольно урча. И ведь не голоден был, просто он так развлекался.

Всевышние спокойно реагировали на Монстра, мирились с его присутствием и даже в чём-то симпатизировали. Хотя, возможно, и поклонялись ему – часто делали подношения на специальном жертвеннике. А он никогда им ничего не дарил, зато позволял себе на них фыркать – выражал презрение и не всегда принимал их дары, уходил молча. Мог подойти, посмотреть, как подношения выкладывают, сделать вид, что потянулся к ним, и тут же уйти; важно уходил, чтобы понимали, что в этот раз ему не угодили. Монстру угодить трудно.

Когда Монстр уходил, народ, выждав, когда всё затихнет, торопился к круглому жертвеннику, на котором почти всегда лежало что-то съедобное, и хватал, хватал, запихивая в рот, сколько возможно, потому что до следующего раза многие могли не дожить. И очень хорошо, если всё происходило в темноте. Но когда жертвенник был освещён, огромные карающие снаряды оружия Всевышних зачастую убивали по нескольку «тихий» за раз.

Кто из этих ужасных существ главнее, никто из тихого народа не понимал. С одной стороны, Всевышние – они огромны как горы и невообразимо сильны, а с другой – Мохнатый Монстр позволял себе с ними такое, что и представить страшно, – он на них орал, расхаживал по их территории, не считаясь ни с какими нормами и правилами. Да и подношения делались ему, а не наоборот. Поэтому «тихие» благоразумно опасались и Всевышних, и Монстра.

В свой очередной набег Мохнатый Монстр в темноте пришёл откуда-то из далёких территорий, куда «тихие» предпочитали не заходить, и, оттолкнувшись своими страшными лапами, с лёгким, еле слышимым шорохом, взлетел. Да, Монстр мог взлетать по своему желанию. «Тихие» так не могли. Каждый из народа мог спрыгнуть с большой высоты без особого вреда для себя, забраться почти всюду, если было за что уцепиться, но взлететь – нет, никто не мог.

Итак, Монстр взлетел и где-то высоко загремел, заскрипел чем-то. Мохнатый что-то делал, отчего сопел громче, чем обычно.

– Что это? – сжавшись у выхода из дома спросил Мелкий. – Что он там делает?

– Не знаю пока, – ответила Мать, притаившаяся тут же, – но чувствую, сейчас что-то случится.

– Откуда ты...

И вот в этот момент сверху прилетело это. Ароматное, сразу понятно, что вкусное, оно смачно шлёпнулось, всколыхнув у любого из народа желание тут же мчаться к месту падения. От удара распласталось, смачно брызнуло жидким...

– Замри, – мать осадила пыл сына.

И точно, сначала сверху мягко приземлился Монстр, который тут же схватил кусочек острого зубами и начал сочно жевать, а после раздался топот Всевышних, и стало светло.

– Ах ты, паразит, – захохотало сверху, – как только посмел?

Мохнатый, утробно урча, жрал умопомрачительно пахнущий кус и, казалось, не обращал на гневный звук никакого внимания. Однако это только так казалось. Стоило Всевышнему приготовить карающее оружие, как Монстр умчался вдаль, скребанув на прощание лапами и оттолкнув остатки своего пиршества куда-то далеко, в темноту, где что-то постоянно грохотало и тряслось и недалеко от которой жил пучеглазый Отшельник.

– Эх, не достать теперь его просто так, – громыхнуло сверху с оттенком сожаления. – Ну, ничего, попадётся.

Всевышние еще долго грохотали в запредельных высотах, но постепенно утихли. Наконец наступила темнота. Почти сразу выбежали разведчики «тихих». За ними, выждав немного, потянулись остальные.

Действительно, достать отброшенную добычу Монстра оказалось непросто. Путь к ней пролегал мимо одной из засад Отшельника. И Отшельник не упустил свой шанс, сразу же атаковал, как только первые из народа приблизились к пище. Сам-то он ел только живую, трепещущую плоть, ему не нужна мёртвая и тем более обработанная, но как приманка – почему бы нет. Заплатив кровавую жертву одним из своих, народ облепил дар, случайно потерянный Монстром, и пировал до рассвета. Отшельник больше не появлялся, ему хватало свежатины.

Когда возвращались после пиршества, неожиданно вошёл один из Всевышних. Стало светло, народ побежал в разные стороны, чтобы спрятаться от гнева гиганта, но трое всё же были убиты карающим оружием. Разом!

А недалеко от жилищ «тихих» поджидал ещё один сюрприз – манящий и чем-то знакомый. Народ собрался возле загадочного предмета и осматривал его со всех сторон. Загадка явно была связана со Всевышними, ибо кто как не они только что разместили перед домами тихого народа этот предмет.

– Кто знает, что это и зачем? – задал вопрос рыжий толстяк, который считался одним из вожаков.

– Может быть, новая вещь для поклонения, – неуверенно раздался чей-то голос. – Смотрите, она напоминает старую.

И ведь верно – сходство присутствовало. Предмет пах загадкой, но два разведчика, рискнувших сунуться ближе в первый же момент, долго корчились в судорогах, суча ногами и выгибаясь в спине. Еле-еле их отпустило, хорошо, что внутрь не полезли. А ведь имелись в загадочной вещи открытые проёмы, через которые виднелось нечто золотистое в глубине, – они словно приглашали войти.

– Сильный предмет, – решили в народе, – будем молиться возле него после удачных походов. Да и так не помешает, главное – его не касаться и внутрь не влезать.

– А я хочу сейчас, – неожиданно заявила Мать и первая загудела молитву.

Её поддержали другие. Народ стоял плотным кругом возле «дара Всевышних», соприкасаясь телами, очень тесно, в сумраке нависшего свода и внимал музыке, которая странным образом рождалась у них в головах. Нигде ничего не звучало, но... Вероятно, предмет воздействовал.

– А-а-а, еда-а-а-а, – монотонно повторял народ, – у-у-у, найду-у-у-у.

И ведь, что странно, отметил про себя Мелкий, вот вроде он не спит, а состояние – будто сон смотрит. Всё как обычно, но намного ярче; и состояние какое-то нереальное, словно нет опасностей: иди куда хочешь, делай что пожелаешь, и даже свет не страшен. Чудо? Эйфория?

Очень хорошо, что Мелкий стоял дальше других, в последнем ряду. Очень долго стояли «тихие», неотрывно. Стояли и пели, ни на поиск добычи не ходили, ни по домам не разбредались. Свет сменяла тьма, и так много раз, но народ стоял как замороженный. Затем, те, кто находился ближе к центру, стали умирать. Умирили сначала самые сильные, кто ближе всех протолкнулся, потом более слабые взрослые, но всё равно из тех, кто ближе.

Это Мелкий понял, потому что песня зазвучала тише, голосов убавилось. Но и воздействие предмета стало слабеть. И вот Мелкий смог сделать несколько шагов прочь. В голове прояснялось, только очень хотелось пить. Путь к воде был далёк и опасен, сил едва хватало, чтобы карабкаться наверх. За Мелким ползли немногие выжившие, такие же, как и он сам, недоростки – остатки когда-то многочисленного тихого народа. Повезло: вокруг была темнота, ни Монстра не было, ни Всевышних... Напились чистой воды, и сразу проявился голод. Вернувшись к месту массового моления, Мелкий чётко увидел труп матери, лежащий в первом ряду, среди многих и многих.

– Уходить нужно, – громко заявил он оставшимся.

– Куда? – слабым голосом спросил кто-то.

– Не знаю, – уверенно сказал новый вожак, – но здесь нам жизни больше нет. Мы все скоро погибнем, если ещё раз нам такое подsunут. Всевышние не хотят, чтобы здесь был наш дом, а их дары опасны.

– Как же нам уходить, если дорогу отсюда никто не знает?

– Послушай меня, тихий народ. Мы давно живём на этой территории. Но иногда нужно о себе понять важное. Кто мы и чего хотим? Ситуация сейчас такая, что необходимо принять, может быть, самое важное в нашей жизни решение. – Мелкий говорил так, словно он всю жизнь был вождем, за которым идут. – Не знаю как вам, а мне надоело балансировать на грани тёмной тишины, которая теперь уже стала для нас опасной, и света, от которого никто из нас хорошего никогда не ждал. Ничего, что старая дорога забылась, найдём новый путь. Мы уйдём, чтобы возродить свой народ в другом месте. Построим свой собственный мир, без монстров, без непонятных и опасных предметов, без коварных Всевышних – мир без страха. Нам нужно ведь совсем немного. Итак, готовимся к походу. А теперь подкрепимся перед дорогой.

«Тихие» направились к груде тел своих родичей, которым плоть была уже не нужна... Молодой вожак не рискнул вести остатки своего народа к засаде Отшельника.

– А теперь все за мной, – скомандовал Мелкий через некоторое время и не оглядываясь направился мимо старого убежища, выискивая проход в другой мир.

* * *

В ночь, через три дня с того момента, когда Барсик неудачно вытащил из кастрюли на кухне у пенсионеров Савельевых куриную ногу, все тараканы из квартиры № 56 ушли в неизвестном направлении. Чтобы не распространялся неприятный запах протухающего мяса, сын Савельевых при помощи длинной рейки достал из-под холодильника извалянную в пыли курятину и выбросил в мусорный бак на улице. Туда же он отправил старую ловушку для насекомых. Новую на всякий случай из-под стола доставать не стал.

А паук сделал себе новое убежище в углу у водопроводных труб, натянул новую паутину, заготовил в лапах небольшую сеть и замер надолго, поджидая очередную жертву, которая появится в никому не известное время. Он привык ждать.

Павел ЛАПТЕВ

Родился в 1971 году в городе Выксе Горьковской области. Окончил Нижегородский государственный технический университет по специальности «инженер-электрик», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Работает инженером в электроэнергетике.

Прозаик, поэт. Участник Форума молодых писателей России в подмосковных Липках. Автор двух книг, ряда публикаций в российских журналах. Член Союза писателей России. Живет в Выксе.

БЫЛЬ

Смотрящий вдаль да увидит, да расскажет нам истории цветных времён, проносащихся стрелами войн и голубями мира, да устроит великий пир нам на поле брани на костях прошедших и на душах будущих. Веселись, сидящий на троне настоящего, пока есть ещё время. Прикажи раскопать эту гниль лесную. Чтобы извлечь из недр века девятнадцатого быть.

Ведь так и пелось у Матрёны внутри, и вырывал ась на волю странная легкость, и опять закрыла глаза, пряча от солнца, и так тоже плохо, и выпалась ведь, а рано. Так и убежали секунды, уводимые стуком настенных часов – тук-тук, бом-бом. Ух ты! Да ведь это колокольные! И вспорхнуло тело легкой птицей, подлетело к иконам в углу, опустилось.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь, – пытаюсь в ритм колоколов, запричитала.

И звон уж утих, а она не заметила.

– Пресвятая Владычице, моя Богородице... – знамение, поклон и дальше, дальше, и колени как-то не устают, – яко благословена еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков. Аминь! – протянула Матрена высоко. Несколько постояла ещё, опустив голову до пола, рассыпав волосы на половике и встала.

Еще перекрестившись, посмотрела в лампадке масло – долить бы надо – и пошла умываться.

День ещё не развился, петухи драли глотки, подзывая свои семейства, да пастух с шумной животной толпой прошагал, уводя на пастбища. Вот и пастырь, отец Алексей, послал мальчишку звонарить – подзывал народ во храм. Разливались волны далеко в леса и не утихли ещё, а Матрена уже закрыла калитку, осмотрела свой дом трёхоконный с узорчатыми ставнями, которые муж покойный резал, и поплыла.

Не пожилая, ещё и лицо-то гладкое, сейчас обрамлённое праздничным цветным платком, сколько раз советовали соседки – выходи замуж. Ан нет, доколе мне ещё заново жизнь-то начинать, уж коли судьба быть одной, значит, так и бывать. Да и привыкши как-то всё спокойнее. У детей своя жизнь. А у меня – всё к Богу.

Так и велось.

И на селе Выксуни Ардатовского уезда Нижегородской губернии, как и во всей России, жизнь новая только-только началась, как объявил Александр Второй о свободе царскою милостию высочайшим указом, так и чувствовалось – всё должно измениться к лучшему, и сам воздух наполнял что-то волнующее, праздничное, в самой атмосфере общения угадывалось зарождение чего-то небывалого и таинственного.

Самое утро, вроде как и такое же, вроде и какое-то большее, как бывало в девках, легкое такое, когда босиком по росе красивыми белыми ногами чувствуешь землю как близкое, родное и она принимает тебя, лаская и щекоча – приятно ногам – приятно всему телу. Здоровое, оно летело в тумане, и платяице не замечалось. Да ещё молодая ведь, да ещё никого вокруг, можно и бежать, кружиться, танцевать. А ну его, это замужество – вон на мать посмотришь, хоть плачь от горя, – вот прелесть – свободная! Пока. И будет ли ещё такое утро...

Так вот и шла Матрена, улыбалась про себя, вспоминая. Все так же испокон веков, только мы стареем. Да что ещё эти годы, как в лесу заблудишься в них и забудешь про них, только идёшь, идёшь, и дети уже взрослые, и мужа схоронила, а всё вроде так же душа поёт в такое утро. Только вот не спляшешь...

Очнулась – дорога к луже привела – Матерь Божья, как же так! Постояла, прикидывая, всё-таки чуть правее и пошла. Сроду здесь такой лужищи не было. Да когда ж она кончится, батюшки, и здесь всё сыро – пошагала, выбирая, да всё леском уж маленьким, среди сосен, ну вот вроде – пролезла.

Оглянулась вокруг – жутковато одной-то.

Здесь говорят, видели свечи горящие, да не раз и звоны слышали колокольные. Господи, Боже мой – перекрестилась.

И уж вышла почти на сухое-то, как на встречу женщина – в чёрном во всем и платке – уж не траур ли, не знай, вроде нет знакомых, у кого покойник, может, не знала чего. Поздороваться или нет, гадала Матрёна, пытаюсь разглядеть лицо незнакомки, да тщетно – непонятное какое-то лицо, какое-то неземное, и ближе уж разглядела – красивое, светлое.

Женщина тихо шла навстречу Матрёне, кротко так, но гордо смотрела на неё. Матрёна привыкшая смотреть все вниз, не на людей, не могла никак отвести взгляда от лица, невольно сравнив с иконой Богородицы, но опустила, уже приблизившись, как-то не выдержала и встала.

Что-то изменилось сразу и вокруг, и внутри. Оцепенение и благодать, нахлынувшие на Матрёну, завладели существом её. Так и стояла мгновение, и женщина пред ней. И кротко так, чуть улыбнувшись, спросила незнакомка:

– Куда ты идешь? – зазвучал голос нежный.

Вскинувши взор на голос, Матрёна увидела глаза – чистые, какой-то свет лился или отражался в них. И сразу это – голос и взор Незнакомки так задела её душу, что чуть не закричала Матрена, но собралась:

– Иду к утрени, – и добавила тихо: – В Выксу, – и опять опустила глаза.

– Зачем туда? – сразу спросила Незнакомка. – Пойдем в монастырь.

И почувствовала Матрёна что-то сильное и великое, чей-то взор на себе, призывающий по правую сторону. И оглянулась. И увидела.

Город в тумане показался – вот-вот руку протяни, шаг сделай и там уж будешь, там, где лес стоял только что. Фу, фу – сон, грезится.

– Не бойся, – гладь голоса в сердце вошла, и успокоилось оно, и сомнений уж нет, заменившись восхищением и радостью – как быстро выстроили!

– Пошли, Матрёнушка, в монастырь.

– А! А туда... Ну да.

И город этот, монастырь уже явно белым камнем вырисовывался, и кресты, кресты православные – Матрёна перекрестилась:

– Матерь Божья!

И женщина ближе подошла, лицо красивое-красивое, и пошла туда.

И Матрёна за Ней.

Не видывала она ничего такого, только на картинках.

Но – пошла за спиной Незнакомки и заметила, что пелена в глазах такая, как в девках на пруду под водой с открытыми глазами наплаваешься – на что не посмотришь – светится всё вокруг.

И надо же, на Выксуню такую красоту отгрохали, да быстро – дома большие белые, вокруг оградки чугунные резные, и монашки везде, и кланяются, здороваются, а где женщина – пропала, затерялась, но все в огромный храм идут, такой большой, до неба – у Матрёны дух захватил – вверх глянула, а бабы-то не знают, подумала.

– Вот что здесь есть, а я всё в Большую церкву хожу, да в малую иногда на Выксунь, а тут – монастырь!

– Как называется?

– Иверский.

– Иверский!

И кланяются, заходят внутрь. Запах, свечи, пение где – здесь, там. И народ разный – монашки и господа есть.

И стояла как хмельная уж конец службы, к Причастию ближе руки сложила крестообразно – пошла.

Как причастилась – словно летала в лёгком и уже не болезном теле, выпорхнула из храма, а тут женщина эта:

– Пошли провожу, Матрёнушка.

– Пошли, – покорно сказала, а что – как теперь и не знает до дому.

Пошли молча так, сзади Матрёна, боясь почему-то говорить.

В лесок вышли, леском чуть почаще что – глянула, нет женщины, туда, сюда, нет! Ещё чуть прошла – дорога, слава богу. И то ладно – домой.

А назавтра рассказала, кому успела. И пошли, кто захотел и поверил ей, посмотреть. Но ничего не нашли. Так и посмеялись – мол, приснился бабе монастырь. А она еще попам рассказала – те хоть и с недоверием, но рассказали митрополиту Нижегородскому Макарию. Как знать, но приедет на Выксунь через три года Варнава – иеромонах из скита Гефсиманского при Свято-Троице-Сергиевой лавре, чтобы строить обитель здесь, а услышав историю эту, не будет сомневаться нисколько, где быть сему, ибо знал – не шутят с таким.

Александр КОВАЛЕВ

Родился в 1949 году в Донецке. Окончил Московский энергетический институт. Инженер-энергетик по образованию, доктор технических наук, профессор, академик ПАНИ. Одновременно более 40 лет профессионально работает в литературе. Поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат премий Ленинского комсомола, имени св. блг. князя Александра Невского, имени маршала Говорова Законодательного собрания и правительства Санкт-Петербурга и других.

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

ТРИ МИНУТЫ ПО ГРИНВИЧУ*Поэма-предупреждение*

В связи с глобальностью размещения пусковых комплексов, в Стратегической службе США принята единая система отсчета стартового времени – по Гринвичскому меридиану.

Из доктрины Пентагона

Агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен. А мы как жертва агрессии, мы как мученики, попадем в рай, а они просто сдохнут.

Из речи В.В. Путина

* * *

В ту ночь от Юкона до Лены
до срока озера стали,
а утром от Уэлена
снялась последняя стая.

Дышала в затылок вьюга,
штормило пролив Берингов,
а гуси летели к югу,
к чужому,
к теплому берегу.

Откуда им знать, птицам,
про беды земного шара,
про страны, и про границы,
про чуткие наши радары.
Про то, что на синей планете
в чести не любовь, а бойницы...

Откуда про все про это
могли они знать,
птицы,
когда, в поднебесье ввинченных,
туманной,
студеной ранью
в 17.40 по Гринвичу
их вынесло на экраны.

Откуда им знать было,
что именно в эту минуту
их принял в «Системе тыла»
сошедший с ума компьютер
и, запрограммирован точно
по алгоритму страха,
выдал с дисплея строчку:

«ЯДЕРНАЯ АТАКА...»

* * *

В 17.40 по Гринвичу
в Бостоне – время обычное –
время «деланья долларов»
в офисах хьюмов и ротшильдов.
Но Тони, увы, не Ротшильд,
хотя в мастерской у Финча
механик Энтони Роджерс –
звучит и весьма прилично.
У Тони бизнес попроще,
да и карман поуже:
пока мистер Хьюм и Ротшильд
с конвейера гонят пушки,
автомеханик Роджерс –
с рожденья не слишком гордый –
для мистеров хьюмов и прочих
чинит моторы «фордов».
Он знает других не хуже:
за пушки платят дороже.
Но Тони не любит пушек,
просто терпеть не может.
Хотите, стреляйте сами,
красуйтесь с телеэкранов.
А он пострелял во Вьетнаме,
и хватит с него вьетнамов...

О, как он легко и просто
поладил с собственной совестью,
механик из города Бостона,
наивный герой нашей повести.
Он вертит гайки по схеме,
кепи сбив на затылок,
не зная, что в это время
компьютер «Системы тыла»,
оставив за Хьюмом и Ротшильдом
бункер 720-й,
внес уже Энтони Роджерса
в сводку
«ПОТЕРИ ШТАТА».

* * *

...Дымились в распадках росы.
Сжигая леса в округе,
дышала в затылок осень.
А гуси летели к югу.
Откуда им знать было,
что где-то на Потوماке
майор из Спецслужбы тыла
принял
СИГНАЛ АТАКИ.

Что ровно через мгновение
отличник вест-пойнтских классов,
легко подавив волнение
сорвет
ТЕЛЕФОН КРАСНЫЙ

и выдохнет в трубку потную,
распаренную докрасна:

**«ВРЕМЯ ПОДЛЁТА –
РАСЧЕТНОЕ.
17.41...»**

* * *

А над Хоккайдо и над Хонсю
полночь хозяйничает всю –
звезды спелы, как вишни.
Не сосчитать их –
собьешься со счета –
вон над деревней Тасиро Ямото
сколько их в небо вышло.

Жаль, что Тасиро
не смотрит на звезды.
И если про звезды спросить
серьезно,

он улыбнется, не более:
– Если и это моя забота,
кто тогда вместо Тасиро Ямото
выйдет с рассветом в поле?..

Ай да ответ!
Молодец, Тасиро!
Спи себе, парень, посапывай...
Сколько еще их, безвестных и сирых,
от Хиросимы до Саппоро,
там, в деревушках на краешке света
и в миллионных полисах,
так и не встретят сегодня рассвета,
так и не выйдут в поле,
а, под обломками руки раскинув,
ртом перекошенным всхрапывая,
корчиться будут в сплошной
ХИРОСИМЕ
от Хиросимы до Саппоро...

* * *

Над сопками дождь насеивал,
клубился туман бесформенно.
А гуси летели с севера
в далекую Калифорнию,
где заводи стрекозиные,
где над тростниковыми мачтами –
бездонное,
синее-синее...
Откуда им знать было, лапчатым,
что из поднебесья осеннего
безумная информация
ударит через мгновение
в
ГЛАВНУЮ ТРУБКУ НАЦИИ.

Что где-то за далью дальнею
через мгновение – через –,
до боли мембрану вдавливая
в свой президентский череп,
ОН сам уже в трубку полую
выдохнет, побледнев:

– **К ОТВЕТУ**
ГОТОВНОСТЬ ПОЛНАЯ!
17.42...

* * *

А на ратуше – бьют без четверти.
– Рановато?
– О чем тут спорить?

Может, в Мюнхене или в Эрфурте
три минуты чего-то стоят.
А в каком-нибудь сонном Лангене
можно ждать девчонку часами.
Вы не верите Густаву Хагену? –
так спросите у Юты сами,
если только дождаться сумеете
возле ратуши на скамейке,
если раньше не заржавеете
вместе с вашей сверхточной «сейкой»...

Если б только ты знала, Юта,
если б оба вы знали,
что, в сущности,
только три,
только три минуты
вам еще друг для друга отпущены
на земле этой Гёте и Гейне,
где и жить и любить положено,
на земле,
где теперь с рождения
дети делаются заложниками
чьей-то мерзости,
чьей-то подлости,
чьей-то сытости,
лжи отъявленной.
На земле, на которой –
помните –
вам еще три минуты оставлено.

**ТОЛЬКО ТРИ,
ТОЛЬКО ТРИ ПОСЛЕДНИЕ –
от любви и до самой
ВЕЧНОСТИ...**

Бьют куранты протяжно, медленно,
бьют до срока свои «без четверти».

* * *

...Смыкалось пространство серое
тугим морозящим кругом.
А гуси летели с севера,
а гуси спешили к югу.
Откуда им знать, безгрешным,
что где-то за горизонтом
от сумрачного Нью-Гэмпшира
до солнечной Аризоны,
эфир раскаленный испарывая,
летели команды и сроки.
Урал и Орел нашаривая,
раскручивались гироскопы.
Нацелены в небо низкое,

ревели турбины бешено.
Сверялись тангаж и «рысканье»
у «трайденгов» и у «першингов».
И как перед самосожжением –
до самых ногтей блёклые –
немели от напряжения
пальцы над
КРАСНЫМИ КНОПКАМИ.

И только у самого горла
отстукивало изнутри:
К ПУСКУ –
ГОТОВНОСТЬ ПОЛНАЯ.
17.43...

* * *

А под Лугою сумерки синие,
за околицей елки-сосенки.
Бабье лето –
гуляй, Васильевна!
Да умаялась, встала до свету.
А ведь было –
и нас не минуло –
до рассвета гармошка сыпала.
Ах, как пела, любила милого...
Да недолгое счастье выпало.
И осталось в то лето горькое
от бывшего – на сгибах стертая
только восточка треуголкою,
да еще похоронка желтая.
Да еще пепелище серое
там, где яблонькам
цвесь-румяниться.
Да еще вот Андрейка с Верою –
мал-мала – на годочек разница...

Как по-бабьи сумела-вынесла,
как в годинушку непролазную
на горбу всю державу вывезла,
так про это чего ж рассказывать...
Только больше б другим не выдалась
доля горькая, боль безмерная.
И чего им нейметя, иродам,
в непутевых своих Америках?
Вон Алёнка – опять с капризами.
Ей бы спать, да не спится, ладушке,
насмотрелась по телевизору:

– А война скоро будет, бабушка?

– Бог с тобой, да о чем ты,
внученька?

Ну-ка вытри платочком глазоньки.
Не пугайся, дай бабе рученьку,
вот послушай-ка лучше сказочку.

Значит так:
ЗА МОРЯМИ ЯСНЫМИ,
ЗА ЛЕСАМИ ЛИ,
В СИНЕМ НЕБЕ ЛИ
ЖИЛИ-БЫЛИ ПТИЦЫ
ПРЕКРАСНЫЕ,
ПТИЦЫ БЕЛЫЕ –
ГУСИ-ЛЕБЕДИ.
И ЛЕТАЛИ ТЕ ПТИЦЫ
ВВОЛЮШКУ,
ГДЕ ХОТЕЛИ
С УТРА И ДО НОЧИ...

Закрывай свои глазки, солнышко.
Вот и умница, спи, моя донечка...

А над Лугою сумерки синие,
ветер в соснах летает с посвистом.
Бабье лето –
гуляй, Васильевна!
Да вставать спозаранку, до свету:
То – по дому,
то – за скотиною,
да картошка в земле испарилась.
Вон, и вправду, стаи гусиные
третий день, как в бега ударились.

* * *

...Всходила заря упруго,
садился туман, скисая.
А гуси летели к югу,
не зная, совсем не зная,
что где-то, играя судьбами,
за миг до всемирной вспышки
компьютер системы «Дубль»
сумеет найти ошибку.

Что где-то на грани безумия
спасительная информация
ударит
ЗЕЛЕНЫМ ЗУММЕРОМ
в
КРАСНУЮ ТРУБКУ НАЦИИ.

И та уже вытолкнет с дрожью
весь воздух из клетки грудной:

**Я «ПЕРВЫЙ»,
ТРЕВОГА ЛОЖНАЯ.
ВСЕМ СЛУЖБАМ –
ПОЛНЫЙ ОТБОЙ!**

.....
.....

Дул ветер попутный,
слабенький,
сносил облака к Гуд-Сайду.
Спешили куранты в Лангене.
Мерцала звезда над Хоккайдо.
От Бостона и до Луги
светлел горизонт понемногу...

А гуси летели к югу –
торили свою дорогу...

Николай СИМОНОВ

Родился в 1950 году в городе Горьком. Около полувека проработал судоборщиком и слесарем-монтажником на заводе «Красное Сормово».

Публиковался в нижегородских и российских газетах, журналах, альманахах, антологиях и коллективных сборниках. Автор двенадцати поэтических книг стихов и пародий. Лауреат премий журнала «Нижний Новгород» и имени Александра Люкина. В 2013 году за книгу «Великий Чудотворец» удостоен премии Нижнего Новгорода. Участник и дипломант двенадцати всероссийских фестивалей иронической поэзии «Русский смех», лауреат трёх из них.

Член Союза писателей России с 1999 года. С 2004 года возглавляет сормовское литературное объединение «Волга».

Живёт в Нижнем Новгороде.

ЧТО ДЛЯ ШТАТОВ ХОРОШО...

Египетская сила

Куда меня по жизни не носило...
Меня вели без компаса и карт
Япона мать, египетская сила
И собственный – безбашенный азарт.

Не пожелаю никому другому,
Того, что мне встречалось на веку: –
Я лез в огонь, нырял в глубокий омут
И прыгал с кручи, очертя башку.

И пусть теперь я старый и болезный,
И нету миллионов на счетах,
Но жизнь я не считаю бесполезной,
Ведь не знакомы мне расчёт и страх.

Но у меня – свои мечты-химеры,
Но у меня безбашенный азарт...
Да жаль – я не талантливей Гомера
И не такой крутой, как Бонапарт.

Но если бы сейчас меня спросили,
За что я приключения люблю, –
Я вновь включу египетскую силу
И всё к японой матери пошлю!

Ода президенту

Не избалован дивидендами,
Я прожил долгие года.
За жизнь свою пред президентами
Не прогибался никогда.

Всегда клеймил я Борю с Мишею,
Мной руган Брежнев и Хрущёв,
Сейчас же стал намного тише я, –
Скажу немного тёплых слов.

Как всё в политике напутано,
Но говорю вам, не тая:
Когда вся сволочь против Путина,
То я за Путина, друзья!

Не зря Владимир Путин славится
Могучим русским мужиком,
Он на татами может справиться
С любым заморским чуваком.

Он зиму всю ныряет в проруби,
Проехал в «Ладе» полстраны,
За то его не любят «голуби»,
Ведь их пристрастия странны.

В хоккее играет Путин дивненько.
Ты не гляди, что ветеран.
Пять шайб в ворота супротивника
Всадил Володя-капитан!

Я б взял, когда б стал главным тренером –
Володю в сборную страны.
Он навтыкал бы этим гендерам.
Не сомневайтесь, пацаны!

Что такое хорошо?

Подражание Маяковскому

Байден-сын к отцу пришёл
И вопрос отгрохал:
«Что такое хорошо
И что такое плохо?»

И ответил сонный Джо,
Что лежал и охал:
«Штаты – это хорошо!
Раша – это плохо!»

Тут один вопрос ещё
Задал сын-пройдоха:

«Что для Штатов хорошо,
А для русских плохо?»

И сказал отец: «Ужо,
В новую эпоху
Сын, для Штатов всё гожо,
Что для русских плохо.

Можно рать толкнуть на рать,
Бомбами погрохать.
Можно клясться, можно врать,
Сделав русским плохо.

Я кричал всегда, везде
И сегодня крикнул:
Нужно мир держать в узде,
Чтоб никто не пикнул.

Что нам НАТО, что ООН?
Под шарманку нашу,
Пусть клеймят со всех сторон
Эту злую Рашу.

Мы диктуем без препон
Волю всем Европам.
Будем мы со всех сторон
Помогать укропам.

Пусть не кончатся у них
Бомбы и ракеты,
А что бьют они своих,
Не гляди на это.

Можно, судя по всему,
Без чужой придирки,
Язву, оспу и чуму
Вырастить в пробирке

После по ветру пустить
К тем, кто против наших.
Ведь за что-то надо мстить
Этой самой Раше».

В мире нынче смело врут,
И всё время ввали,
Так, что места нету тут
Правде и морали.

Хантер радостный пошёл,
Знает этот «кроха»:
Чтобы было хорошо,
Надо делать плохо!

Волга и Ока

Много лет я с моста люблюсь,
Как втекают, светлы, легки,
В Волгу искристо-голубую
Золотистые воды Оки.

И почти через всю Россию
Реки катят своё добро:
Волны окские – золотые,
Волны волжские – серебро.

Из-под Мурома и Рязани,
Ярославля и Костромы,
Эти волны, текут, как сказанья,
Их, как строки, читаем мы.

Если пасмурный день бывает,
Или с дождичком, или – без,
Реки сразу цвета меняют,
Отразив полумрак небес

Скептик скажет – и вся недолга,
Не подумавши, свысока:
«Ну и серая эта Волга,
Ну и рыжая эта Ока».

Я скажу: «Ты не прав, вития!
Твоё зрение не остро:
Волны окские – золотые,
Волны волжские – серебро!»

Олег ЗАХАРОВ

Родился в 1961 году в селе Новоликееве Нижегородской области. Окончил Волго-Вятскую академию государственной службы.

Поэт, публицист. Автор книг «Кстохмы» (2006), «Нежданный гость» (2011), «Иронист.ру» (2016), «Есть повод!» (2016). Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» 2007 и 2012 годов. Призер международного литературного конкурса «Жизнь прекрасна!» (г. Аахен, Германия). Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Председатель Нижегородского городского отделения Союза писателей России. Живет в Кстове.

НЕЗНАНЬЯ ГРАМОТЫ ВВИДУ

Пародии

Любимое судно

*Звонким даром твоим очарован,
В нём душевная боль – благодать,
Мир заветный к тебе пришвартован,
В нём воспета заветная страсть...*

Андрей Морозов, ветеран ВС России, Санкт-Петербург

Как я Вами, мой друг, очарован!
Эта страсть пламенеет во мне,
И хочу быть навек пришвартован
К Вашей крепкой надёжной корме.

К Вашей палубе тянутся руки –
Застоялся мой резвый корвет.
Почему же задраены люки
И молчит Ваша рында в ответ?

Как Ваш ход удивительно плавен!
Как прекрасен штурвала изгиб!
Заходите же в тихую гавань,
Где швартовы отдать мы могли б.

И однажды, потупив локатор,
Вы вошли, парусами звеня,
Бросить якорь в мой грешный фарватер,
Да попали, к несчастью, в меня.

Разошлись мы тогда обоюдно.
Не случилось любовной игры,
Так как только больничное судно
Мне важнее с той самой поры.

Зачем жениться...

*Дарите нежность ей, дарите доброту,
Не дайте думать, что её не любят.
В противном случае однажды поутру
Никто вам не закроет с пастой тюбик...*

Ольга Фокина, Усть-Илимск

Слова любви дарите ей сполна
И в будний день, и даже в воскресенье.
Ведь кто, как не любимая жена
До дома доведёт со дня рожденья?!

Не забывайте женщин ублажать
И целовать спасительные руки,
Ведь лишь она уложит на кровать,
Попутно сняв с тебя носки и брюки.

И если ты не конченный глупец,
Ей подари души своей частицу.
Ведь кто с утра похмелит, наконец?!
...А ты мне говоришь: «Зачем жениться...»

Исповедь прогульщика

*Как выйдет – вымокнет, замёрзнет,
Но воротник подняв, идёт,
Прохожий, одеял из-под,
Из тёплой кухни, чая после...*

Артём Горшенин, Санкт-Петербург

Не нахожу себе я места:
Зачем, как в басне стрекоза,
Гулял с друзьями школы вместо
Природной лени из-за?

Не поумнел и школы после:
Как лоботряса не стыди,
Я гаражей болтался возле
Балбесов уличных среди.

Теперь ни с кем, увы, не дружен,
Работу тоже не найду –
Ведь никому, увы, не нужен
Незнанья грамоты ввиду.

Пишу стихи, но так уж вышло,
Что и творил все годы зря –
Мои бесхитростные вирши
Лишь пародистов злобных для.

МОЛИТВА

*Оглохнуть бы и как Бетховен жить,
Лишь музыку души счастливо слыша,
Да так, что и в веках не позабыть,
И становиться молодею и выше...*

Иван Переверзин, Москва

Хотя имел я зрение и слух,
Просил Творца, нисколько не лукавя:
Хочу я быть, как тот Бетховен, глух,
При этом молодее и красивей!

Хочу быть одаренным, как Гомер!
Пусть был он слеп, но нет стихов желанней.
А заодно пусть стану, например,
Всех хорошей, а также обаянней.

Я так молил Небесного Отца!
Так истово мольбу шептали губы!
... Услышал Бог, да, знать, не до конца:
Я стал глухим, незрячим и беззубым...

ПОЖЕЛАНИЕ ВНУКУ

*Дорогой мой, милый внучек,
Снова праздник у тебя.
Будут радости и взбучки,
Будут годы без полочки,
Такова твоя судьба.*

Михаил Давыдов, Кстово

Милый внук, мы знаем оба
То, что счастья нет нигде.
Подрастай скорее, чтобы
Жить в невзгодах и нужде.

А ещё тебе желаю,
Дорогой товарищ мой,
Если тещу – чтобы злая,
Да зарплаты небольшой.

Чтоб на службе – вечно беды.
Чтоб начальник – идиот.

Подрастёшь – и станешь в деда
Остолоп и нищеврод.

У тебя не будет дома
И семье придёт труба,
Ведь жена уйдет к другому.
Такова твоя судьба.

Это наша, внучек, доля.
Ты улавливаешь нить?
Так что радуйся, доколе
Ты пока ещё не в школе,
... Так как в школе будут бить!

Изддержки плодотворности

*Но зато скажу без укоризны,
В русском слове, что не превозмочь,
Много есть названий для Отчизны –
Родина, Отечество и проч.*

Анатолий Аврутин, Минск

У меня давно нет жизни личной –
только поэтический каприз.
Я творю настолько энергично,
Что не успеваю всё запис...

Но зато и книг издал немало!
В Беларуси свой теперь Шекспир.
Снова строчка в голову запала...
Побегу, друзья! До новых встр.!

Станислава НОВИКОВА

Родилась в Москве. С отличием окончила МГИМО, где была одним из авторов студенческого журнала. Владеет английским, немецким, испанским и португальским языками. Работает устным и письменным переводчиком.

Живет в Москве.

АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ ПО КЕЛЬВИНУ

Виктор Марич выходит из дома в половине первого и полтора часа стоит в пробке на Третьем транспортном кольце, после чего бросает машину и пересаживается на метро. В метро пыльно и душно, как всегда, и рубашка на нем прилипает к телу, как всегда, когда он уступает место и прижимается спиной к дверям вагона. Букет цветов, который он купил с утра, выглядит мертвым.

Когда он выходит из метро у парка Горького, его волосы мокрые от пота, а цветы в руках совсем завяли.

Он надевает солнечные очки и идет по Ленинскому проспекту в сторону площади Гагарина, торопясь и перепрыгивая бордюрные камни. Он успевает к больнице номер один еще до обеда и спотыкается на самой последней ступеньке.

В регистратуре медсестра в форменной шапочке разговаривает по телефону, наматывает на палец прядь волос и советует кому-то разогреть котлеты вместе с подливой, чтобы они не получились сухими. Виктор терпеливо ждет, пока она закончит разговор и попрашивается.

– Маску наденьте, – говорит медсестра Виктору. – Чего вам?

– Я посетитель, – объясняет Виктор, – пришел навестить маму с ребенком. Новорожденным.

– Читайте, что написано, – она показывает на плакат за спиной у Виктора. Он читает, сощурившись. Плакат сообщает, что посетителей в родильном отделении ждут после трех часов дня. Сейчас половина третьего.

– Ее сегодня выписывают, – говорит Виктор. Медсестра в шапочке делает вид, что не слышит его.

Выругавшись, он выходит на улицу, прихватив цветы, теперь уже больше похожие на веник. Ему хочется закурить, но он не может

найти пепельницу у выхода. Иногда ему кажется, что вся его жизнь проходит в бессмысленном поиске пепельницы там, где не курят. Наконец он находит урну с пепельницей во внутреннем дворике около скамейки, с наслаждением закуривает сигарету и обнаруживает, что она оказалась последней. В такие дни, как сегодня, все кажется против него.

Он достает телефон и ищет ближайший табачный магазин, а потом сует цветы под мышку и идет через сквер. Ленинский проспект за оградой шумный и грязный. В табачном магазине его опять просят надеть маску, а заодно и предъявить паспорт, хотя Виктору уже двадцать четыре. Он знает, что на свой возраст не выглядит – не то что Давид с его хриплым голосом, шикарным носом и щетиной, которая пробивается уже после двенадцати. Виктор смотрит на это с восхищением, но без зависти, как на до нелепости красивую античную статую – если бы статуи бывали греческими только наполовину, как сам Давид. Завидовать бессмысленно, потому что в Давиде совершенно все, кроме, пожалуй, ступней, но всякому понятно, что ступни не играют в жизни особой роли. Виктор находит вполне закономерным, что именно Давид, а не он, пользуется таким успехом и редкие девушки, которые первыми заговаривают с Виктором, обычно делают это для того, чтобы спросить, как зовут его друга, этого высокого парня с таким наглым взглядом.

Виктору, наверное, не следует удивляться насчет Виктории тоже. Она дочь авиатора и с рождения привыкла к самому лучшему – новым иномаркам, а не припаркованной у метро машине без кондиционера, ресторанам с видом, а не шоколадкам, которые он таскал ей, уверенный, что она любит шоколад, красоте, а не тому, что Виктор каждый день видит в зеркале после того, как наденет контактные линзы.

Виктор докуривает сигарету и возвращается. В больнице он дает измерить себе температуру и надевает халат для посетителей. В коридорах чисто и пахнет хлором, как всегда в больницах. Ему странно, что Виктория может быть тут, она не любит все стерильное и скучное – по крайней мере она была такой раньше.

Он помнит ее в десять лет, ее круглые щеки и белые волосы – первый день в новой школе, где они оказались за соседними партами. Они так и просидели до выпускного – он справа, она слева, она носила учебники, а он решал за них обоих задачи по генетике и уравниения на метод электронного баланса, переводил заданную в контрольной температуру из шкалы Цельсия в кельвины по формуле, которую она никак не могла выучить. Не может быть, чтобы с того времени так многое изменилось.

Виктор проходит через турникет, придерживая халат на плечах. Он заходит в лифт и нажимает кнопку, когда чей-то голос просит его подождать. Он находит кнопку открытия дверей и смотрит, как медсестра в розовой медицинской рубашке заходит в лифт, толкая перед собой каталку с новорожденными. На них одинаковые распашонки и шапочки, и они выглядят совершенно неотличимыми друг от друга. Викторе смотрит на них и не испытывает ничего, кроме легкой тошноты от удушающе сладкого запаха. Он думает, может ли один из них быть ребенком Виктории.

– Вам на какой этаж? – спрашивает медсестра, кивая в сторону панели лифта.

– Третий.

– Нам туда же, – она улыбается ему, у нее загорелое лицо в веснушках, – мы на обед едем, – поправляет одеяло одному из младенцев. – Поздравляю вас.

– Это не меня, – говорит Виктор, – мою подругу. Я... просто навещаю.

Лифт останавливается, она понимающе кивает и подталкивает каталку к выходу.

– До свидания.

Она выходит первой, энергично толкая тележку перед собой, Виктор идет за ней, не слишком уверенный, где нужная ему палата. От цветочной пылицы и хлорки ему хочется чихать.

Он наконец находит нужную дверь в конце коридора. Виктория в палате на двоих, ее койка у окна, на другой спит темноволосая женщина. Виктор стучит и останавливается на пороге. Палата такая крошечная, что ему негде будет сесть.

– Эй, – она машет ему рукой, выглядит ужасно, у нее опухшее лицо и мокрые волосы, которые она высушила только наполовину.

– Привет.

Она садится, чтобы обнять его, отворачивает одеяло, у нее такой большой живот, что Виктор останавливается и смотрит, ничего не может с собой поделать. Она перехватывает его взгляд, опускает глаза и одергивает рубашку.

– Ты...?

– Живот еще не втянулся, – говорит она и виновато улыбается. Виктор понимающе кивает, ему неловко, они обнимаются, и это выходит натянуто, потому что он старается не прижимать ее к себе.

– Это тебе, – он сует ей цветы, хотя они совсем в не подходящем для этого виде, их и поставить здесь некуда, на тумбочке чайник, зарядка для телефона и открытки от ее родственников. Виктор поспешно выходит в коридор и просит медсестру принести вазу. В палате они с Викторией усаживаются на ее одеяло, он складывает руки на коленях, она молча смотрит на него.

– Поздравляю. Значит, мальчик?

– Да, – она невольно улыбается, когда он спрашивает, – почти четыре килограмма. Пятьдесят три сантиметра. Будет высокий, не то что я.

– Ага, – говорит Виктор. – Уже придумали, как назовете?

– Ну, – она залезает под одеяло и натягивает его на живот, – я думала... может, Василий. Знаешь, в честь папы.

Виктор не знает, что сказать, он помнит вечер, когда умер ее отец, Виктор приехал сразу, она стояла в прихожей, еще накрашенная в своем черном пальто, он все говорил что-то, пытался ее отвлечь, а она смотрела мимо его плеча и ничего ему не отвечала, и это было самое страшное. Они никогда не говорили о серьезных вещах, и вот теперь пришло, никто не знал, как надо, а в день похорон пошел дождь – в июле, было душно, и Виктор запомнил только красные цветы на свежей могиле.

Они оба молчат, за окном слышно стройку – строят новое больничное крыло, пыль поднимается в неподвижном летнем воздухе, и дребезжит дрель.

– Очень было больно? – спрашивает Виктор. Она морщится и неопределенно помахивает ладонью.

– Ну, – поворачивает подушку, чтобы сесть поудобнее, – сначала да, а потом я попросила обезболивающее, но оно действует только два часа, так что...

– А всего?

– Восемь. С половиной. Он ночью родился.

Виктор чувствует, как у него непроизвольно дергаются мышцы, как если бы кто-нибудь ударил его кулаком в живот.

– Ух. Ну ты герой. Героиня, – поправляет себя сам. – Настоящая.

Виктория пожимает плечами.

– Есть только очень хочется. Тут ничего нельзя нормального, ни сладкого, ни соли...

– Я понял, – говорит Виктор, – вот выпишем тебя отсюда, и с меня чебурек. С мясом, как ты любишь.

Виктория улыбается.

– И бульоном?

– Обязательно! – говорит Виктор, и они оба смеются, глядя друг на друга, и на секунду ему кажется, что все будет по-старому, хотя он знает, что это не так. Виктория откидывается назад и смотрит на него, на солнце у нее до нелепости голубые глаза – наследство от матери-эстонки, на которую она совсем не похожа.

– А Давид... ты его видел?

– Давида? Да, конечно, – ни секунды не думая, бодро врет Виктор, он не может сказать ей, что не видел Давида с прошлой недели, когда он, злой и дерганый, зашел что-то спросить, цеплялся к каждому слову и ушел, так ничего и не объяснив, открывая дверь пинком своих бордовых мартинсов. – Он очень рад.

– Правда?

Что-то меняется у нее в лице, Виктор не знает что, но ему неудобно, и он чувствует облегчение, когда в комнату заходит медсестра. У нее на руках двое младенцев, Виктория начинает улыбаться и дергает Виктора за рукав.

– Который?

– Справа, – говорит она, и он смотрит, но оба ребенка, запеленатые так туго, что они похожи на инопланетян, выглядят совершенно одинаково. Медсестра с очень загорелым лицом будит соседку Виктории по палате. Один из детей – невозможно разобрать, мальчик это или девочка – начинает хныкать, это быстро перерастает в плач, и скоро оба младенца заходятся таким криком, что у Виктора тут же закладывает правое ухо.

– По-моему, кто-то очень голодный, – весело говорит медсестра, пока соседка Виктории забирает у нее ребенка. Сын Виктории у нее на руках издает звуки, наводящие на Виктора мысли о чем-то потустороннем. Виктория выглядит замороженной, когда медсестра передает мальчика ей.

– Привет, малыш, – говорит она, приподнимая его съехавшую на лоб шапочку. Виктор перепроверяет, он никогда раньше не слышал, чтобы она с кем-нибудь так разговаривала, никакого сарказма, даже голос другой, спокойный и мягкий. – Он такой красивый, правда?

Виктору очень хочется с ней согласиться, он смотрит, но решительно не видит ничего красивого в красном, опухшем, нечеловеческом лице с шелушащейся на щеках кожей. Он не узнаёт ничего ни от Виктории, ни от Давида, потому что, как ни неудобно ему себе в этом признаться, ребенок больше всего похож на красную нечищенную картофелину. Мальчик перестает плакать, открывает глаза, которые оказываются почти черными, и так серьезно смотрит на Виктора, что ему становится немного не по себе.

– Очень, – наконец говорит он, – кричит просто как банши.

– Что?

Виктория поднимает на него глаза, у нее нахмуренные брови и немного растерянный вид. Ребенок дергается у нее на руках, и она дает ему мизинец, который он тут же начинает сосать.

– Это ведьмы... в Ирландии, – говорит Виктор и сразу понимает, что шутка не удалась, – так, значит, Василий?

Виктория смотрит, как возможный Василий старательно сосет ее палец.

– Я не знаю, – она убирает волосы со лба свободной рукой, – мы не... я еще не обсуждала это с Давидом. Я не уверена, понравится ему или нет, может, у него есть какие-то идеи...

Ребенок снова начинает плакать. Виктор непроизвольно улыбается.

– Смотри, понял, что его обманули, – говорит он Виктории, – знаешь, я думаю, решать должна ты. Ты же рожала, и вообще.

Слова даются ему с трудом – вся эта ситуация кажется ему нереальной, как бредовый сон или условия задачи в школьном учебнике. Такие, как Виктория, не рожают детей – для этого есть обычные женщины, которые на самом деле любят детей, а не пиво «Губорг», работают на нормальных работах, а не играют на ударных в рок-группе, выходят замуж, а не спят с чужими парнями.

По крайней мере, теперь Виктор не сомневается, что она и Давид действительно спали.

– Вы его кормить собираетесь? – громко спрашивает у них над ухом загорелая медсестра. – Мы вас сегодня выписываем.

– А, да, – Виктория извинительно смотрит на него, – слушай, может быть, ты...

Медсестра перебивает ее все тем же громогласным командным тоном.

– Папаша, подождите в коридоре.

– Я не папаша, – уточняет Виктор, поднимаясь на ноги, – но... да. Я внизу буду, окей? Ты тут собирайся пока.

Виктория рассеяно кивает, расстегивая рубашку. Виктор поспешно выходит из палаты, пока кто-нибудь из детей снова не начал плакать, и в дверях с его плеч соскальзывает больничный халат. Он хочет спуститься, но к нему два раза приходит лифт, идущий вверх, и он идет по лестнице, где ступеньки раскрошены через одну. Он думает о том, что ему до невозможности хочется пить, а еще о том, как изменилась Виктория.

В вестибюле постепенно начинает собираться народ, несмотря на жару и сиесту. Виктор обходит холл кругом, раз за разом, пока женщина из регистратуры не начинает озираться на него с подозрением. Он садится до ужаса неудобную скамейку и достает телефон, который с писком выдает сообщение о разрядившейся батарее. Ему сегодня везет.

Виктору ничего не остается, как смотреть в окно на подъезжающие машины. Одна из них, черный «Мерседес», тормозит с визгом. Водитель небрежно паркуется, занимая сразу два парковочных места. Виктор следит, как он спешно пересекает парковку и открывает дверь ногой.

– Наденьте маску, пожалуйста, – кричит женщина из-за стойки, прижимая к уху телефон.

– Да идите вы к дьяволу!

У посетителя раздраженный тон и такие же, как у Давида, вьющиеся волосы и высокомерный взгляд. Только одет он по-другому, никаких подведенных глаз и мартинсов, вместо – ботинки из итальянской кожи, очевидно дорогой костюм и часы фирмы «Таг Хоер», которые Виктор хотел, но так и не получил на свой двадцать первый день рождения.

– Добрый день, Дмитрий Сергеевич! – говорит Виктор.

Тот кивает, у него серьезный и не слишком довольный вид.

– Здравствуй. Он еще не пришел?

Виктор несколько секунд делает вид, что ищет Давида среди посетителей, и мотает головой.

– Я ему позвоню, – Дмитрий Сергеевич оглядывает холл вслед за ним и вытаскивает телефон из кармана, – никогда он ничего не может сделать нормально.

– Все в порядке, – говорит Виктор, но Дмитрий Сергеевич его не слушает.

– Мария подъедет позже, – он говорит быстро и по-деловому, как если бы вел привычное собрание акционеров, – она... она в парикмахерской. Делает прическу. Женщины...

Он изображает подобие улыбки, когда говорит о своей жене-гречанке. Виктор вынужден улыбнуться тоже. На самом же деле он дорого бы дал за возможность не участвовать в этой сцене.

До сегодняшнего дня он видел отца Давида только мельком, и, если верить последнему, это самый отвратительный из всех отцов, которые только бывают на свете. Из-за него Давид ни одного дня за двадцать пять лет не работал, учился в Лондоне, а теперь живет в двух шагах от Остоженки и имеет самую жуткую кредитную историю среди москвичей.

Виктор, который до сих пор живет с родителями, за такое, пожалуй, и согласился бы потерпеть тиранию Дмитрия Сергеевича.

– Как она? – спрашивает отец Давида, прикладывая телефон к уху, отмеряя шагами вестибюль.

– Кто «она»?

– Эта девочка... мать ребёнка.

Виктору и в самом деле начинает казаться, что он снимается в кино – не очень хорошо, вроде низкобюджетного сериала по кабельному, и ждет-не дождется команды «стоп», чтобы можно было выйти из кадра и отправиться по своим делам.

Вместо этого он отвечает, стараясь попасть в то ухо Дмитрия Сергеевича, которое свободно от телефона.

– Все в порядке. Ее через час должны выписать.

Дмитрий Сергеевич слишком занят попытками дозвониться до сына, чтобы расслышать ответ.

– Они же с Давидом не расписаны, – говорит он, – а эта девица? С которой он жил? Какой был скандал, когда она узнала, боже мой...

– Простите, – говорит Виктор. В нескольких шагах отсюда, в коридоре, он только что заметил сортир, который сейчас кажется ему куда более приятным местом, чем соседство с Дмитрием Сергеевичем.

– Но ребенок... это же мальчик, так? Мой внук. Первый внук, у нас по мужской линии всегда одни мальчики...

– Вы, должно быть, очень взволнованы, – подсказывает Виктор. Его умственные силы на исходе, и он жалеет, что сегодня утром бросил автомобиль и поехал на метро. Сейчас он мог бы стоять в пробке

в своей машине, где не работает кондиционер, зато есть радио, а главное – можно остаться одному и спокойно заниматься своими делами.

Он и так чувствует, что вторгся в личную жизнь Давида куда больше, чем следует, и в этой жизни оказалось на удивление мало Виктории.

Наконец Давид вторгается и сам, появляясь в больнице с недовольным лицом и двадцатиминутным опозданием. Без падающих на лицо кудрей и толпы обожателей по пятам он в своей мятой рубашке выглядит таким обычным, что Виктор немного оживляется.

– Черт, – он растягивает это слово так, что оно звучит не ругательством, а скорее приветствием. – Я ведь опоздал, да?

Он никогда не чувствовал себя виноватым, не чувствует и сейчас – смотрит лениво и с вызовом, как будто это окружающие провинились тем, что не перевели часы на двадцать минут назад. Его вопрос остается без ответа, хотя в вестибюле не продохнуть от друзей и родственников всех мастей. Эстонская мать Виктории со своими прибалтийскими манерами даже не оборачивается в его сторону, и тогда он обращается к Виктору.

– Блин, такой нервяк, – он шумно выдыхает, – я вообще думал не приходить, ну...

Виктору вспоминается прежний Давид, всегда такой смелый, самый лучший везде и во всем – его громкий голос, его позы и заявления, его несдержанный смех и обидные шуточки. Одного стука каблучков его ботинок всегда было достаточно, чтобы Виктория переключила свое внимание и оставила все, чем она занималась, – даже если это был Виктор.

Сейчас Давид стоит так близко, что ощутим запах его сигарет, а на загорелом лице видны проступившие капельки пота.

Трус.

Виктор хочется сказать Давиду об этом, высказать все, что он думает, но он никогда не осмелится. Вместо этого он оборачивается как раз вовремя, чтобы увидеть Викторию с ребенком и дурацкой улыбкой.

– Эй!

– Голову надо поддерживать, я же тебе говорила. Дай я покажу. Ты иди спроси про свидетельство о рождении.

Женщины вокруг громко восхищаются младенцем. Виктория закрывает глаза – так, чтобы это не заметила мать, но увидел Виктор. Стоящий рядом Давид раскачивается на пятках.

– Эй!

Давид делает шаг вперед и целует ее раскрытый в глупой улыбке рот – целует чуточку дольше, чем требуется. Она ниже его ровно настолько, чтобы стоять на цыпочках было неудобно.

– Больше ты ничего сказать не хочешь?

– Пап...

Ребенком завладел Дмитрий Сергеевич – держит его, как ружье, и торжествующе поглядывает на всех вокруг. Виктор с удивлением думает, как мальчик может спать в такой обстановке.

– Ты только посмотри, какая фактура – настоящий Сафонов.

– Мне кажется, он на тебя похож, – говорит Виктория Давиду, они все еще стоят в сантиметре друг от друга.

– Ну, наверное... да, – он неуверенно наклоняет голову, вглядываясь в крошечное лицо. – Как его зовут? В смысле, ты уже придумала или нет?

Виктория снова улыбается.

– Я у тебя хотела спросить... ну, то есть у меня есть пара вариантов, но если ты...

Давид кивает. Его красивые изогнутые брови сдвигаются друг к другу – глубокая задумчивость.

– Может, Марк... или Гарри. Как Гарри Поттер. Слушай, да! Гарри Сафонов. Чума вообще.

Дмитрий Сергеевич цокает языком.

– Вот еще! Неужели нет нормальных русских имен? – он смотрит на ребенка, потом переводит взгляд на Викторину. – Ты хотя бы скажи ему. Назовите, к примеру, Сергей – как твоего, Давид, деда. Хорошее, благородное имя.

– Я сейчас, – говорит Виктория, – нужно забрать свидетельство и вещи.

Она неумело берет начинающего скулить ребенка и уходит вместе с матерью. Виктор смотрит ей вслед, молча мечтая о том, чтобы ему можно было пойти с ней. Давид делает шаг назад, машет головой, стряхивая падающие на лоб волосы,

– Слушай, пап, – говорит он, – тебе обязательно сейчас комментировать, а? Это мой ребенок, и вообще...

– И мой внук! – говорит Дмитрий Сергеевич так громко, что на него оборачиваются. – И я не позволю, чтобы ты давал ему клоунское имя, как какой-нибудь американец, и чтобы его дразнили в школе и...

– Ах да, – Давид тоже повышает голос, он весь в отца, даже голову запрокидывает также, – это я придумал, поэтому это плохо, так? Я же никогда ничего не могу сделать нормально, да, пап?

Виктор не вмешивается, но слушает с интересом и легким ощущением неловкости за другого человека. Давид всегда ведет себя так, как будто он на сцене и за каждым его движением следят несколько сотен человек, – и этому веришь, люди и правда начинают смотреть, на него всегда всегда косятся, поглядывают, наблюдают, такие не забываются, и каждый присутствующий может в этом убедиться.

– Я этого не говорил.

– Не говорил, да, – Давид уже кричит во весь голос, срываясь, лицо некрасиво неузнаваемое, – да тебе никогда не нравилось ничего из того, что я делаю! Не так говорю, не так одеваюсь, не так себя веду, теперь еще это!

– Посмотри на себя, Давид, – тихо говорит Дмитрий Сергеевич.

– И ты пришел сюда, и ты даже не хочешь сделать вид, что ты за меня рад, потому что... потому что это бы значило, что тебе не плевать, а тебе же всегда было на меня наплевать! Зачем тебе этот блудный сын, да?

Виктор, да и не он один, явно заинтересован в развязке развернувшейся драмы, но женщина из регистратуры, по виду старшая из медсестер в пестрой форме и компрессионных чулках, подходит к Давиду и трогает его за плечо.

– Вы что себе позволяете?! Выйдите сейчас же, такой шум подняли, когда у людей праздник...

Виктор не остается послушать, что ответит ей Давид и как отреагируют собравшиеся в больнице люди. Он выходит первым, замечая в дверях побледневшее лицо Викторины. Она взмахивает рукой, пытаясь привлечь его внимание, идет за ним и ловит его на крыльце.

– Ты же еще не уходишь? – спрашивает она на одном дыхании и оглядывается через плечо, смотрит сквозь двери обратно, внутрь. – Так много

нужно сделать, все эти вещи и еще установить автокресло, ну, детское, а Давид...

Виктор вспоминает сцену в вестибюле – искаженное лицо Давида, то, как он топал ногой в бордовых мартинсах и все всегда получалось по его – с родителями, с девушками, с друзьями, с каждым, кому не повезло попасться ему на пути.

Он вспоминает и Викторину – ту, другую, ее круглые щеки и блестящие кроссовки, ее драные джинсы и голубые глаза, которые всегда, еще в пятом классе пристально следили за Виктором, но никогда, никогда толком его не видели. Она вся увешана сумками и пакетами, выглядит еще меньше, чем обычно, цепляется за него взглядом. Наверное, Виктор, должен чувствовать что-то – нежность, жалость, участие, но он не чувствует ничего. Абсолютный ноль.

– Нет, прости, – говорит Виктор и повторяет еще раз, твёрдо, – я все-таки пойду. Мне нужно забрать машину.

Именно это он и делает. На запыленном Ленинском проспекте дышится удивительно легко.

Протоиерей Владимир ГОФМАН

Родился в 1953 году в городе Городце Горьковской области. Окончил Рыбинский авиационный техникум, историко-филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Московскую духовную семинарию. До рукоположения в сан работал литейщиком на производстве, журналистом. С 1993 года – священник Русской православной церкви.

Автор ряда поэтических сборников, книг прозы и множества публицистических статей. Лауреат ряда литературных премий, за книгу рассказов «Персиковый сад» в 2012 году удостоен диплома 3-й степени Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

СКОЛЬКО БЫ ЛЕТ НИ ПРОШЛО

Аппендикс – небольшой отросток слепой кишки, функция которого в организме до сих пор точно не установлена. Он является одной из частых причин острых хирургических вмешательств...

Могу поспорить, что с годами голос человека не меняется. Лицо – да. Осанка тоже. А голос – нет, сколько бы лет ни прошло – все тот же. Когда мне позвонил армейский приятель Василий Жиллов, я его сразу узнал по голосу, не сойти мне с места, хотя не слышал пятьдесят лет. Честное слово.

– Вася, – говорю, – это ты что ли?

– Я, – отвечает. – Узнал?

Сердце у меня трепыхнулось, конечно.

– Как же, – хриплю, – конечно, узнал! Ёкарный бабай, Василий, сколько лет!..

Он смеется.

– А знаешь, как я тебя нашел?

И он стал рассказывать, как меня искал и в конце концов нашел. А у меня перед глазами картина, как мы его по снегу тащим едва живого. Как будто вчера было. Вот уже темно, и звезды над тайгой повисли, белые-белые, блестят, как елочные игрушки...

Хорошо помню то солнечное воскресное утро в начале марта.

– Взвод, подъем!

И мы уже на площадке перед бараком по пояс голые обтираемся колючим, рассыпчатым, похожим на сахарный песок снегом. Федя

Фатхутдинов по прозвищу Джигит – рот до ушей – повизгивает тихонько и по-русски матерится – научился за два года. Здоровяк Винокуров охает и отдувается шумно, как бегемот в зоопарке. Морозы отступили, солнце яркое, по глазам бьет. На крыльце старшина Хижняк жмурится, как кот на завалинке, а не раздевается, заячья душа, боится снега.

Весна, как говорится, не за горами, нет, а вот за Дембельской сопкой, самой высокой на перевале Дуссе-Алинь, наверняка. Того и жди в распадок спустится, растопит снега. А мы и ждём. За весной лето, за летом осень. Там, глядишь, приказ министра обороны. Считаю деньки до дембеля! «Дембель стал на день короче, старикам спокойной ночи!»

За три месяца мы в тайге обжились как дома. А что – вода есть, свет есть, тепло есть. Чего еще солдату надо? Кухня, столовая, свой хлеб печем. Хлебопеки бражку по-тихому ставят. Сторожевые вышки распилили на дрова. От лагеря одни бараки остались. И те скоро на слом пойдут. Пока еще в них квартируем. Но уже приступила авторота к расчистке площадки за рекой, там разместится палаточный городок. Будем жить повзводно в палатках. Замполит говорил, что и плац под восточной сопкой наладят. А как же! Без плаца в армии нельзя. Что-бы не забыл солдат, пусть и в железнодорожных войсках, про то, как строим ходить. Мы и не забываем – в столовую строим ходим, да еще и с песней. Как затянет запеваля наш громогласный Толик Васин: «Напишет ротный писарь бумагу...» И мы дружно: «Подпишет ту бумагу комбат...» Подпишет...

Эх, скорей бы!..

Воскресенье, оно и в тайге воскресенье. Выходной, значит. После завтрака и развода все без исключения – и обе путевые, и мостовая роты, и минеры, и связисты, и даже хозвзвод, кроме тех, кто в наряде и на дежурстве, освобождались от работы на просеке и на тоннеле. В городе, конечно, как счастливая карта, и увольнение могло выпасть, а то и в самоволку бы сбежали, а тут – куда пойдешь? И все-таки не в продымленном же бараке целый день сидеть. И мы вчетвером – я, Вася Жилов, узбек Федя, писарь продовольственной службы да связист с коммутатора Валерка Терентьев – доложились дежурному по части нашему взводному лейтенанту Никитину, что хотим пробежаться на лыжах. Он не возражал. Да и с чего бы вдруг возражать?

– Молодцы, – сказал взводный и хлопнул Жилова по плечу. А потом подернул на Феде спущенный «по-стариковски» ремень. – Но глядите у меня, чтобы к ужину были в расположении части!

И показал нам кулак. Парень лейтенант был не слабый, говорили, что занимался в былое время джиу-джитсу, и форму, по всему видно, держал. Не знаю, как насчет джиу-джитсу, но сам видел, как он на перекладине делал пять раз подряд выход силой на обе руки. Уважуха, ничего не скажешь. У меня такое не получалось. Максимум два раза.

– Есть! – бодро ответил за всех старший по званию ефрейтор Жилов. – Будем. Как штык!.. Как штыки! – поправился он и шепотом добавил: – Куда мы на хрен денемся!

Лыжи были дедовские, испытанные, с ремнями. Они вполне комфортно держались на рыжих «бамовских» валенках и легко катились по крепкому таежному насту.

Над маршрутом голову не ломали – наезженная дорога всего одна, налево – на запад, направо – на восток. Налево – значит на перевал, а подниматься туда на лыжах интересного мало, и мы отправились направо – вдоль подножия Дембельской сопки под уклон на Сулук.

От Дуссе-Алиньского перевала до Сулука двадцать километров. Столько мы, конечно, одолеть не планировали. Договорились так – катимся, пока не надоест, потом вернемся. В общем, выбрали, что полегче в начале пути, а зря. По уму, так надо делать совсем наоборот – вначале поднапрячься, зато в конце отдохнуть. Потом мы эту мудрость припомним, да поздно будет.

Под горку что не катиться! Душа поёт. На градуснике двадцать пять. Это для нас, переживших у костров пятидесятиградусные морозы, тепло. Надоевшие полушубки уже на бушлаты поменяли – скорее бы весна!

Солнце белое. Тайга белая. От деревьев на белом снегу фиолетовые тени. Тихо-тихо. Великое безмолвие. Только под лыжами снег поскрипывает. Красота!

Пару раз останавливались покурить и сфотографироваться.

– А что если тигр на дорогу выйдет? – спросил шутник Валерка, щелчком отбрасывая окурки. С тревогой спросил, будто и впрямь верил, что может из тайги настоящий тигр выйти. – Что будем делать?

Ефрейтор Вася пожал плечами, сказал с деланным равнодушием:

– Ничего. Он нас съест.

И тоже швырнул окурки в снег, но не щелчком, а как дротик. И подмигнул Валерке.

Некурящий узбек Федя заволновался.

– Нет тут никаких тигров! – проговорил он без акцента. – Сколько живем, зайца не видели. Даже птицы. А то – тигр!

– Зима. Спят звери, – сказал я.

Жилов согласно кивнул.

– Да. Разве что медведь-шатун.

– Какой медведь? – спросил Федя.

– Шатун.

– А-а...

– Да, шатуны и зимой бродят, – со знанием дела продолжил Жилов. – Жрать-то охота, а спать, как другие в берлоге, не могут, бессонница у них на нервной почве, вот и шастают по тайге. К весне так оголодают, только попадись что-нибудь живое!

– Жирненькое! – Валерка ткнул упитанного Федю в бок.

Но Федя, а по-узбекски Фатхутдин, на провокацию не поддался, оттолкнулся палками от обочины и покатил молча вперед. Ну и мы за ним.

Солнце, что сначала светило нам справа, теперь грело затылок. День клонился к вечеру. Так, возможно, мы бы и до Сулука по зимнику домчались налегке, если бы не прихватило у нашего ефрейтора живот.

Сначала шутили, мол, съел чего-то. Ну и про медвежью болезнь, конечно, вспомнили. Но скоро стало не до шуток. Лицо Васи сделалось белым с синевой, как снег под лиственницами, его тошнило, боль из верхней части живота опустилась вниз. Он медленно передвигал ноги и при каждом движении морщился и скрипел зубами.

Повернули назад, и тут поняли, что в гору не с горы, быстро не получается, надо немалое усилие прикладывать, чтобы лыжи резво катились по снегу. А больной наш шел все медленней, наконец, отдал палки Валерке Терентьеву и уже не отпускал от живота обеих рук, словно держал под бушлатом что-то и боялся это выронить.

Так с черепашьей скоростью продвигались мы в обратном направлении не меньше часа. Солнце скрылось за сопкой, и сразу стало холодно. Василий сел на снежный отвал у дороги, сказал:

– Все, ребята, больше не могу!

Мы остановились. Стали думать, что делать и решили так. Валерка, как самый шустрый, побежит вперед, в часть за машиной. А мы с Федей потащим ефрейтора потихоньку своими силами.

– Как потащим? – спросил Федя.

– Положим его на лыжи и будем тянуть, – неуверенно ответил я, пока что сам не представляя, каким образом удастся соорудить что-то вроде санок.

Сделали так. Двумя ремнями скрепили лыжи, а два других ремня, для чего и с Валерки ремень сняли, зацепили за передний крепёж так, что за них можно было тащить наши сани с Василием. Попробовали – получилось, хотя и очень тяжело.

Валерка докурил сигарету, сказал на прощание:

– Вспомнишь тут, пожалуй, и не только про тигров!

И, махнув рукой, исчез в сгустившихся сумерках.

Мы взялись за ремни и потащили по дороге вверх нашего больного. Он тихонько стонал. Быстро темнело. Вот и звезды повисли на черном небе. Меня всегда удивляли звезды на Дуссе-Алине. Таких крупных звезд я нигде не видел. Яркие, мохнатые, они светили над тайгой, словно лампочки. С ними было светло почти как днём, но почему-то более холодно.

Но не сегодня. Сегодня нам было жарко. Не останавливаясь, мы волокли Василия. Спины наши взмокли. Из рта толстяка Феде вырывалась струя пара, которую даже в темноте было хорошо видно. Он громко сопел и что-то бормотал по-узбекски. А подъем становился все круче.

– Скоро лагерь, – пропыхтел Федя. – Перекурим?

– Нет, – сказал я. – Лучше идти.

– Передохните, – подал голос Василий.

– Мы не устали, – ответил Федя, вытирая шапкой вспотевший лоб.

– Что-то машина не едет.

– Ничего. Приедет. Как ты?

– Хреново, – ответил Вася. – Рвет живот, зараза! Не отпускает.

Федя выдохнул очередную порцию пара и сказал:

– Потерпи, джура .

– Терплю, – отозвался тихо ефрейтор.

И тут впереди вспыхнули огни фар.

– Ну вот! – обрадовался я. – Вот и машина!

Это, действительно, была машина – комбатовский ГАЗ-69 с водителем-асом Костей Порошиным за рулем.

– Вот и скорая помощь! – крикнул он, вылезая из кабины. – Где тут раненый?

Вместе с Порошиным приехал прапорщик Аканаев, батальонный фельдшер. Он посмотрел на Василия и, не вынимая рук из собачьих рукавиц, поставил диагноз:

– Аппендикс воспалился!

– И что теперь? – спросил я.

Аканаев пожал плечами.

– Резать нада, – сказал он.

– Здесь? – испуганно спросил Федя и поднял лицо к небу.

Прапорщик посмотрел на него с презрением.

– Ты что, дурак? В госпиталь нада.

– У тебя все только бы резать, – пробормотал Федя. Он боялся уколов, а уж про операцию и слышать не мог. – А если не резать?

– Риск летального исхода возрастает, – отчеканил Аканаев с каменным лицом, как будто читал инструкцию.

– Какого исхода?

– Летального.

Прапорщик поджал губы и показал рукавицей вверх.

Я подумал, что так они могут беседовать без конца и сказал:

– Давайте что-то делать, время теряем!

– Правильно! – согласился Аканаев. – Давно пора. Вопросы их интересуют!

Вчетвером мы легко погрузили скрюченного Василия на заднее сиденье. Он так и не отпускал рук от живота, но стонать перестал. Испугался, наверно, слушая наши разговоры о летальном исходе.

– Поехали, – сказал Порошин. – В части разберемся.

– Аппендикс – дело серьезное, – продолжал запугивать Василия и нас вместе с ним безжалостный Аканаев, усаживаясь на сиденье рядом с водителем. – Да... Он может быть и простой, конечно, но может быть и флегмонозный. А то и вообще гангренозный. Крайне опасен. Вот тут уж...

Ефрейтор застонал.

– Хватит, товарищ прапорщик! – оборвал фельдшера Федя. У него вдруг появился сильный акцент. Сильнее, чем у Аканаева. – Умный больно. Видишь, человеку и без тебя плохо.

– Поговори у меня! – пробурчал Аканаев. – Получишь наряд вне очереди.

Но про аппендикс больше не разглагольствовал.

Нам с Федей места в машине не осталось.

– Ничего, сказал я. – Сами доберемся.

Порошин кивнул головой. Что-то проговорил Василий, но я уже не расслышал. Мотор рявкнул, машина умчалась по зимнику, и свет фар еще долго был виден в темноте.

...В бараке минно-подрывного взвода жарко топилась печка. Около тусклой лампочки вился густой сигаретный дым. Где-то в углу, невидимая, названивала гитара. Серега Одинцов пел про старого извозчика, которого вытеснило метро. Я так устал, что еле-еле дотащился до своего места, рухнул, как бревно, не раздеваясь, на нары и мертвым сном спал до подъема.

История эта окончилась благополучно. Василия успешно прооперировали в госпитале. Аканаев его туда доставил вовремя. Аппендикс, к счастью, оказался никакой не гангренозный, а совершенно простой. И через десяток дней ефрейтор Жиллов вернулся в часть живой и здоровый.

– А помнишь?.. – взволнованно кричал в телефон Василий.

Помню. Я все помню. Плохое со временем забывается, а хорошее навсегда в памяти остается. Потому что его намного больше. И по голосам я всех узнаю, сколько бы лет ни прошло. Особенно друзей. Их все равно больше.

Александр КРАМЕР

Родился в 1953 году в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт. По профессии инженер, участвовал в ликвидации последствий аварии в Чернобыле.

Поэт, прозаик. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Союз писателей», «Веси», «Дарьял» и других.

Живет в Любеке, Германия.

БЕНГАЛЬСКИЙ ОГОНЬ

1

Ноги были обсыпаны бляшками на коленях и икрах, еще несколько небольших бесформенных пятен укоренились на левом локте и выше, и, на закуску, у самой шеи – лиловое воспаление величиной с яйцо курицы то появлялось, то исчезало. Больше нигде никогда ни пятнышка не выступало. Но и этого было вполне достаточно, чтобы она на людях неизменно чувствовала себя ущербной, отверженной. Ей постоянно казалось, что оденется она, как другие, на нее обязательно будут смотреть, жалеть, оценивать, обсуждать, ухмыляться... Поэтому платьев с восьмого класса ни разу не надевала. Со скандалом, но настояла, чтоб больше не покупали. Носила исключительно брюки и джинсы и вечно куталась во что-либо глухое, темное, все ущербное, проклятое тело скрывающее. Только так чувствовала себя защищенной от чужих рефлексий и взглядов. Иногда даже мысленно над собой насмеялась: перейти в мусульманство, что ли...

2

Ей вечно казалось, что кто-то как-то не так, что как-то брезгливо, недобро, уничижительно, уничтожающе смотрит. Всегда что-то такое в людских взглядах мерещилось, что до слез раздражало, подавляло, опустошало изнуренную душу и психику...

Но иногда, сама с собой перед зеркалом, в настроении редком, приподнятом, находила себя очень даже!.. Считала, что густые черные волосы и очень белая нежная кожа могли бы, наверное, привлекать мужское внимание. Еще находила, что у нее изящные и даже красивые руки и что ножки (на улице она часто придирчиво разглядывала чужие, а потом со своими перед зеркалом сравнивала) – очень и очень секси и она, наверное, очень и очень сумела бы... Представлялось, как запро-

сто кружила бы кавалерам головы, как чудесно могла бы кокетничать, соблазнять, заманивать...

А что еще оставалось, как только не считать и воображать!..

А еще последнее время все чаще и чаще лезли в голову мысли *об этом, об этом, об этом...* Дурацкие, отвратительные картинки помимо воли разжигали, дразнили, мучили воображение.

Душа и тело не могли больше вместе ужиться. Они ненавидели, отвергали друг друга. Иногда ей даже казалось, что от чего-то ей просто необходимо избавиться. Но вот от чего и как, и кто сделает этот выбор? Кто и когда?!

Впрочем, где-то на самом дне измученной и опустошенной души теплился крошечный огонек странной, ирреальной надежды на что-то... На что?! Впрочем, теплился.

3

За всю недолгую жизнь почти нигде не была. Жили скудно, поэтому летом на отпуск родители старались снять комнатку в каком-нибудь недорогом захолустье – просто чтобы из города прочь, просто чтоб на природу. Когда выросла, из-за проклятой болячки делала то же самое: забиралась в какую-нибудь глухомань, подальше от глаз людских – читала, бродила по безлюдным окрестностям, печально плескалась в заболоченном, полном кувшинок и лилий лесном озерце, куда даже мальчишки не желали заглядывать – до того мелко и илисто. Скучала, конечно, но другого выхода не находила – с самого детства на людях не раздевалась, даже представить себе не могла, что такое возможно, стеснялась до дрожи, до обморока.

А тут вдруг, неизвестно с чего, так ужасно, так отчаянно захотелось ей неожиданно поехать на море! От необоримого желания увидеть его, услышать, раз в жизни наплаваться всласть, по-настоящему, как нормальные люди, – за короткое время извелась просто до невозможности! Ни о чем больше думать была не в состоянии. Как будто судьба, как будто вся жизнь от этой поездки зависела.

Две недели почти ходила как в воду опущенная, еще печальнее и потеряннее, чем обыкновенно; ее даже спрашивать стали, не случилось ли что... А потом вдруг, как в омут, кинулась утром в кассу, купила случайный билет на вечерний скорый, на нерве вырвала краткосрочный отпуск и в невероятном ажиотаже ринулась по магазинам.

4

Она купила себе самый яркий, самый броский, сногшибательный просто купальник, вызывающий до того, что аж дух мужской должно было перехватывать. У нее внутри все одновременно отчаянно ликовало и сжималось от привычного обморочного страха. Она деньги у кассы никак не могла посчитать – такое творилось. Продавщица, наверно, решила, что это от цены – окончательно запредельной, и даже слегка надменно и снисходительно улыбнулась. Но где ей было понять!

После купальника ни малейшего шанса повернуть назад уже не было, поэтому накупила в придачу замечательных летних платьев – облегающих, ярких, беззастенчиво открывающих все, что только возможно, совершенно умопомрачительных, а напоследок – гори всё дьявольским пламенем! – прикупила снежнобелые шорты.

5

В ней будто внезапно вспыхнул чудесный бенгальский огонь. Все страхи, все комплексы в один миг пропали бесследно. Будто бы раскаленные искры бенгальской свечи угодили на них, и все до единого испепелили в мгновение ока.

С утра мчалась на пляж. Плавала до изнеможения в теплом, подернутом утренней дымкой, прозрачном и ласковом море. Потом бежала на замечательный южный рынок – купить что-нибудь вкусное-вкусное, диковинное, совершенно необыкновенное – к завтраку. После завтрака снова на пляж – купаться и нежиться под обжигающим солнцем. После обеда, устав от моря и солнца, с наслаждением долго спала. А вечером, нарядившись в одно из шикарных платьев, порхала пестрой веселой птицей по набережной, наслаждаясь вечерней прохладой и чудесным благоуханием моря, цветов и трав.

И такой восторг бушевал в ней все это время, как будто чудесных бенгальских свечей зажигали все больше и больше, и от этого огонь внутри разгорался все ярче, и ярче, и ярче...

6

На ней была алая полупрозрачная блуза, пресловутые шорты и огромная красная шляпа – одежда, которую она неизменно все эти несколько дней надевала на пляж. Она вышла из маленького кафе, где лакомилась хинкали, стояла в редкой тени китайской веерной пальмы и с наслаждением, как маленькая, облизывала потрясающее фисташковое мороженое.

Она так была увлечена сладким кушаньем, что поначалу ничего вокруг себя не замечала. Наконец мороженое закончилось, она стала оглядываться и вдруг, на другой стороне, увидела веселую группку парней лет двадцати – двадцати пяти. Парни стояли развернувшись лицом к кафе, тыкали пальцами в ее сторону и ухохатывались.

Почему-то ей показалось, что это они над нею смеются, ее обсуждают. Может, скорее всего, ей просто почудилось, и они над чем-то совершенно своим веселились, и абсолютно не в ней было дело... Кто теперь знает!.. Но только в то же мгновение нервы ее, все эти дни запредельно, безумно натянутые, не выдержали, оборвались, волшебный бенгальский огонь молниеносно погас – окончательно, бесповоротно, как будто потоком воды лучинку искрящуюся окатили.

Остаток несчастного дня и до самого вечера следующий просидела она в своей комнате в полном оцепенении – не пила и не ела. Нет, не плакала, но почти не дышала. Только когда на приморский город опустились густые ночные сумерки и веселые отдыхающие разошлись по домам, она выбралась наконец, едва живая, наружу. Точно сомнамбула, бесконечно бродила, бродила, ничего не видя, не слыша, по незнакомым каким-то узким наклонным улицам, пока неожиданно не услышала море.

Она села на парапет, отделяющий город от пляжа, и долго-долго сидела, уткнувшись лицом в колени. Насидевшись, стащила через голову блузу, бросила на песок, будто тряпку, и с разбегу, прямо в шортах, бросилась в воду.

Вода была теплой, нежной и ласковой; вода была доброй и милосердной; вода унимала боль и несла облегчение... Поэтому она все плыла, плыла и плыла – не в силах остановиться, не в силах вернуться обратно – в отвратительный и безжалостный мир – к неприязни, отверженности и одиночеству.

Инна ЧАСЕВИЧ

Родилась в Сарове. Окончила Нижегородское театральное училище им. Е. Евстигнеева, Литературный институт им. Горького (семинар драматургии). Работала в Дзержинском кукольном театре, в настоящее время – актриса Саровского драматического театра.

Публиковалась в периодике, в 2018 году вышла ее книга «Две повести». Живет в Сарове.

ПИСЬМО ДЕДУ

«Здравствуй, дед»... Сколько раз я представляла, как могла бы написать тебе письмо и что начала бы его так – коротко и просто: «Здравствуй, дед». Такой же простой и короткой была и твоя жизнь... Знаешь, как-то даже странно писать «дед» тому, кого я сама старше на добрых пятнадцать лет... Да и писать письмо тоже, наверное, странно, когда знаешь, что адресат его не получит. Но очень хочется. И с каждым годом это желание не проходит, оно становится только сильнее. Одним словом: «Здравствуй, дед!»

Представляешь, а Надюша все твои пятнадцать писем сохранила. На желтой тонкой бумаге, протершиеся на сгибе до дыр, с плохо кое-где видимыми чернилами, она их все наизусть выучила. Жалела, что так мало было – поздно вы весточки друг о друге получили, поздно писать друг другу начали, когда война уже на перелом пошла и громили немцев по всем фронтам.

В самом первом своем «треугольнике» (жена твоя, кстати, всю жизнь их складывать могла), ты написал: «Что дети живы отношу это твоей материнской любви»... Эх, дед, не знал ты – какой силы была эта любовь и что ей стоило дочерей твоих сберечь. Не писала она тебе об этом, потому как жаловаться не привыкла, а может, считала – так оно все и должно быть и не герой она вовсе. А я все-таки напишу – как выжила тогда моя «бабца»... Ничего, что я ее так называю? Тебе трудно представить, но твою жену, младше тебя на пять лет, я только седой помню и старенькой, а потом – совсем старенькой. Девяносто пять все-таки было... Гордились мы нашей «бабцой» не меньше, чем тобой – дедом-героем. Правда, гордость эта не сразу пришла: в детстве-то мы думали, герои – это те, кто под танк с гранатой или как ты – на пулемет, а бабушка и не партизанила даже. Кстати, о том, что в оккупации была, мы не так давно узнали – не жаловали раньше тех, кто на земле, немцами занятой, оказался, пусть и не своей воле.

Тебя забрали в первый день войны. Вернее, ты сам, после истошного крика соседки: «Война! Война, миленькие! Что ж теперь будет?!» – сказал спокойно и даже как-то буднично: «Надюш, собери вещмешок». И ушел, чтобы, как было сказано в твоей военной книжке, «явиться на призывной пункт в первый день объявления военных действий». И ты явился. Как повелось веками, постоял на пороге, подкинул под потолок Светланку, поцеловал «Белый Грибок» по имени Аллочка в вихрастую макушку, жену обнял, матери поклонился и ушел...

В военкомате спросили – умеешь ли в седле сидеть? Кивнул утвердительно, как же иначе – чтоб такой «шебутной» и не мог?! Вот и направили на два месяца в Лиски в учебный полк, премудрость кавалерийскую постигать. Полк, куда тебя определили на «учебку», стоял совсем рядом, и тебе через пару-тройку недель удалось на часик заехать к своим. Твоя старшенькая, которой тогда еще даже трех лет от роду не исполнилось, хорошо запомнила, как ты лошадь привязал у крыльца и в дом пошел, а она возьми и отвяжись. У твоей дочери всю жизнь перед глазами так и стоит картинка – улица, июльским солнцем залитая, на ней по своим делам люди снуют, а посередине дети малые играют – возрастом как сама Светланка, ну, может, чуть младше или чуть старше, а прямо на них лошадь несется – звуков громких испугалась. Они понять толком не могут – какая беда на них надвигается, как стояли посреди улицы – так и стоят. Лошадь все ближе, стало быть, и опасность ближе, тут те, кто мимо шел, – замерли от ужаса... Но не таков ты был, чтобы детям пропасть дать. Любил их сильно – и своих, и чужих, – всех детей. Когда из дома на работу уходил, у Светланки всегда спрашивал: «Чего принести?» И заказ ее «колбаски и ситро» всегда выполнял. А на Новый год сам игрушки мастерил и Деда Мороза из папье-маше сделал красивого-о-о... Разве ж мог такой человек, как ты, от опасности детей не уберечь? В окно выглянул – проверить, все ли в порядке, картинку не маслом, а жизнью написанную, увидел, в секунду через подоконник перемахнул, в несколько огромных прыжков догнал свою Звездочку и на холке повис. Остановилась она, только бока раздуваются да ушами прыдет – от гонки отходит... Смелый – мало сказать – отчаянный ты был! В детстве на кулачках драться ходил, хоть и пытались тебя за пианино усадить... Нет, играть ты на нем, конечно, научился, только не больно жаждал. А вот кулачные бои – это твое было. Когда сестра младшая Нина в пору жениховства вошла – мало кто рисковал к ней подойти. Один на танцах нашелся – ангажировать решил, она отказалась со смехом: «Ты ж вон какая каланча, как мы танцевать-то будем? Разве что на руки возьмешь, так и завальсируем?» Парень тот не местный, потому не знал, с кем дело имеет. Он отомстить «пигалице» пригрозился, только товарищи поумнее быстро его на грешную землю спустили: «Ты хоть знаешь, чья она сестра?! Сашки Ширкина! Не, мы с ним ссориться не будем». Тот не унимается, а дружки-то пальцем у виска кавалеру неугомонному покрутили и ретировались от проблем. Ну и он, глядя на них, смекнул, что лучше не испытывать судьбу, сам тоже «огородами, огородами» и подальше от танцплощадки. Ведь здоровый парень был, тебя повыше и плечи пошире, а испугался даже не видя, одних слов уважительно-боязливых хватило. Нападать, конечно, ты ни на кого не нападал, но за своих постоять умел...

Через месяц после побывки домашней вас на фронт отправили. В тот день кто-то твоей Надюшке сказал, что эшелон с кавалеристами

на станции стоит, отправления ждет. Как же она бежала!.. Никогда в жизни так не бегала. Вообще Надя с детства спортивная была, в детдоме наверху «пирамиды» стояла – еще бы, «соломинка», как ее все называли, – она ж за пару секунд и на самой верхотуре уже. Не обидел ее бог быстротой и выносливостью, а все ж не успела... Подбегает к станции, а перед ней вагоны проплывают... как в кино... Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, быстрее, а она бежит рядом и в лица вглядывается – вагоны-то открытые, в них лошади, а рядом – бойцы стоят. И чудится ей, что увидела она тебя, хоть и на секундочку, хоть и на один вздох, а разглядела. Вроде ты даже крикнул ей: «Я вернусь, детей береги»... Не знаю, да и она сама не знала, точно – видела? Или только показалось?.. Хотя, наверное, это уже не важно, главное, то мгновение – вымышленное или наяву бывшее – ей душу согревало, когда совсем сил жить не было...

Поезд ушел в военную даль, оставив после себя черный дым, рвущийся в небо, и протяжный плач тех, кто на перроне остался. Надюша опустила на землю, и на желтое в горох платье покатались слезы, смешанные с вокзальной пылью...

Надя, как ты на фронт отбыл, в госпиталь работать пошла. Сколько она бинтов перестирала – ужас, даже кожа на руках слезала. А уж чего там только не насмотрелась... Особенно часто вспоминала летчика... Он за простышкой лежал, отдельно от всех – полностью раздетый, его ничем нельзя прикрывать было. Летчик весь обгорел, ни одной клеточки здоровой – одна сплошная рана, а представляешь, молча лежал, не стонал даже! Как его только врачи с сестричками ни выхаживали, но все равно не спасли...

Еще лейтенантика молоденького помнила, тот все метался и кричал: «Пристрелите меня, пристрелите», – видать, терпеть боль сил не было. Ранения всякие попадались. Самые «такие» Надю отправляли обрабатывать, как женщину замужнюю. Не девчонок же посылать, когда у бойца ранение мягкого места имеется?! Он, бедолага, когда под артобстрел попал, на животе лежал, оттого ранение у него такое интересное получилось – все сидячее место как траншеями изрыто. Раны эти прочищать надо было, чтоб не гноились. Вот Надя бинты, растворами пропитанные, через них и протаскивала.

Закроет детей малых дома и в госпиталь, а что делать? Садики уже не работали, хорошо, когда мама твоя на работу не ходила – окопы рыть, тогда она с внучками оставалась. Вот раз возвращается Надя домой, а на подоконнике Светланка скачет и кричит в форточку, весело так, громко, радостно: «А нас бомбили!» Дети – они же маленькие, глупенькие – не понимали, что бомбы настоящие и убить могут. Как ту девушку в белом платье. Всю жизнь потом Надя белый цвет не любила – перед глазами трамвай разбомбленный вставал, и рядом девушка молодая, красивая, на земле лежит. Платье белое задралось, а вместо ног – пустота...

Бомбили часто. Когда снаряд в городской холодильник попал, все ринулись мясо по домам разобрать – с продуктами уже напряженка была. Надя с сестрой твоей, Ниной, вместе со всеми побежали. Схватили на радостях две туши, а по дороге одну бросить пришлось – тяжелые они были, да еще замороженные – разве долго пронесешь. На той дороге потом много туш коровьих валялось. А через несколько дней бомба в кондитерскую фабрику попала – опять все за продуктами побежали. Надя с Ниночкой, как все, за патокой поспешили. Чуть не погибла тогда

твоя сестра – на передние ряды стали задние напирать, она равновесие не удержала и в бочку с патокой с головой нырнула. Из бочки Надя ее спасла, а волосы обрезать пришлось – ничем не отмывались – торчали во все стороны, как деревянные. Артобстрелы в это время шли почти непрерывно. Как выдавалась минутка затишья, Надя с Ниной сразу на речку бежали – за водой. Однажды только набрали воды – стрельба началась. Они на землю упали, а ведра перед собой поставили. Молодые были, глупые – разве ж спасли бы их ведра те от пули или осколка шального?.. В один из таких походов за водой Надя в реке бойца нашего увидела... Мертвого... Шинель распласталась и на воде его держала, и плыл он вниз лицом по красивейшей реке Дон, неведомый защитник страны...

А потом пришли немцы... Они заходили в дома и выразительно показывали на входную дверь: «Матка, фьють-фьють!» Надюша, хоть и побледнела, но стойко держалась, а прабабушка Катя, мама твоя, как стояла, так на диван замертво и повалилась. Хорошо немец незлой попался, добывать не стал, подождал, когда она в себя придет и все из дома выйдут. Ночью в чужой избе, куда набилось много народу переночевать перед дорогой, Надя заснуть не могла – лежала и думала: «Ничегошеньки с собой не взяли! Как же теперь совсем без всего?» Сон не шел. После полуночи она встала тихонько, чтоб никого не разбудить, выскользнула на темную улицу и, крадучись и поминутно озираясь по сторонам, стала пробираться к своему дому. Чуть-чуть, чтобы не дай бог, не скрипнула, приоткрыла калитку и шмыгнула в избу. На ощупь, в кромешной тьме, она нашла детское одеяло, свое зимнее пальто, маленькую кастрюльку, пару чашек и каравай хлеба. Все это она быстро сунула в рюкзак и так же незаметно, стараясь слиться с окружающими деревьями, пробралась обратно. Жителей сразу предупредили – кого в своих домах увидят – на воротах повесят... Страшно она рисковала тогда, а что было делать? Так хоть что-то удалось взять в долгую дорогу.

Утром всех погнали на станцию огромной колонной. Стояла одуряющая августовская жара. Надя шла в зимнем пальто – чтоб не потерять его в суматохе, иначе нечем будет потом детей укрывать, за спиной рюкзак, на руках – Белый Грибок, за подол Светланка держится. В какой-то момент Наде показалось, что она сейчас упадет и больше не сможет подняться. Одна мысль только держала ее на ногах – дети без нее пропадут, а она, бывшая детдомовка, все детство мечтавшая о семье, никак не могла этого допустить. Пот лился градом, застилая глаза, руки тряслись от тяжести младшей дочери. Светланка, из-за дикой жары постоянно просившая пить, плакала, потому что ей воды не давали. Жалко ее было нестерпимо, а что сделаешь? Воды было мало, ее сэкономили, но как это втолковать ребенку, которому трех лет от роду не исполнилось?..

Внезапно рядом с Надей остановилась немецкая машина. Шофер открыл дверь и поманил их рукой: «Садитесь». Первая мысль – отказать? Могут расстрелять... Сесть? А куда повезут? Скорей всего, тоже на смерть. А вдруг нет, тогда куда? Неизвестность угнетала, казалось – и так и этак плохо, но маленький, слабенький росток надежды «а вдруг все обойдется» все-таки вырос в ее измученной душе. Не зря же ее Надей назвали. Она залезла в машину, втащив детей. По толпе пронесся вздох: «Куда Надю повезли?» «Если что... только бы сразу и всех...Они без меня не выживут», – глядя выгоревшие белые головки, думала молодая мать. Немецкий офицер, полу-

обернувшись к заднему сиденью, спросил у девчонок через шофера-переводчика: «А где же ваш папа?» Твоя старшенькая, любительница колбаски и ситро, гордо заявив: «Фашистов бьет!», провалилась от усталости и жары в тяжелый сон. «Все... Теперь точно не пожалеют... Только б не мучили», – судорожно сглотнула Надя, боясь повернуть голову в сторону немца. Но тот неожиданно засмеялся и отвернулся к окну. То ли шофер что-то не так перевел, то ли не все немцы зверями были, по крайней мере в начале войны, то ли кто из девчонок ему своих детей напомнил, не знаю. А может, мама Надюшкина, покойная, дочь свою любимую, так рано оставленную в сиротстве, как ангел-хранитель оберегала... Как бы то ни было, но не убили их, а подвезли почти до моста. Пока в машине ехали, Надя с детьми отдохнули и немного сил набрались, чтоб дорогу оставшуюся выдержать. Высадили их так же неожиданно, как и посадили, – немцам в сторону сворачивать надо было. Шофер помог детям из машины выбраться и тут же газанул. Опять они в колонну влились, дальше со всеми пошли. Дорога мимо «Орловки» проходила, где больных держали, которые, как тогда говорили, умом повредились. Обитатели этого скорбного дома приникли к окнам, радуясь неожиданному развлечению – огромной массе разных людей. Они улыбались, махали руками, кричали что-то неразборчиво-веселое. Особенно запомнилась шедшим одна девушка. Она ходила взад-вперед у открытого окна и громко скандировала: «Дуня я, Дуня я, Дуня ягодка моя». Она была единственная, кто не обращал на идущих ни малейшего внимания. Людская толпа текла и текла мимо, а она все так же вышагивала по палате, монотонно выкрикивая песенку про Дуню... После войны Надя узнала, что обитателей сумасшедшего дома немцы расстреляли...

На станции всех выгнанных из родных домов людей погрузили в свинячие вагоны. Набили столько, что можно было только сидеть, это еще если повезет и займешь хоть какое-то местечко на полу, про полежать речи, конечно, не было... В дороге заболела и умерла твоя племянница Клавдюшка, то ли от жары, то ли от воды грязной... Правда, злые языки шептались, что Нина дочку мясом жареным накормила – ну, тем, которое они из разбомбленного холодильника в четыре руки тащили, мол, пожадничала, только свою накормила, объелась она, поди, вот и померла. Люди всякое болтать могут... На самом-то деле никто не знал – отчего и почему. На очередной остановке, на полянке, где земля рыхлая попалась, Нина с Надей руками могилку выкопали... Вот в ней и нашла последний приют Клава...

Жара страшная стояла, когда везли их на Украину, туда, где немец всюю хозяйничал. Ехали несколько суток. Пили из луж на стоянках – платки положат на воду, чтобы муть внизу оставалась, и пьют. Однажды поезд у реки остановился, все кубарем на берег скатились – лицо и руки ополоснуть. А к воде подойти так и не смогли – берег вшами кишел! Надя такое первый и последний раз в жизни видела – чтобы весь песок был черными шевелящимися точками усыпан! После той остановки бабушку одну старенькую с поезда ссадили – успела, видать, она эту заразу подцепить, – на ней столько этих насекомых было – аж брови двигались, как живые...

Когда их на Украину привезли – кого довели, конечно, – в село с жутковатым названием Погребищи поселили. Чтобы как-то выжить, Надя с мамой Катей шить стали – кому рубахи, кому юбки, бывало, и брюки, и платья, и пальто заказывали. Скоро по селу слух

пошел – золотые руки у портнихи Катерины. Однажды даже немецкий офицер им шинель принес перешивать – не по размеру она ему оказалась, большая слишком. Как они тряслись, когда заказ отдавали: вдруг не понравится – всю семью расстреляют. Но офицер тот очень довольным остался. Хоть денег не заплатил, зато все живы остались, и то слава богу! Кусок ткани, который у них остался после переделки, потом на хорошее дело пошел – сшила бабушка после освобождения девочкам пальто, одно на двоих, зато теплое и сносу ему не было.

Чтобы Нину не угнали в Германию – тогда матерей с детьми маленькими не отправляли, – твою старшенькую за ее дочь выдали. Она Светланке крестной приходилась, та ее привыкла «мама Нина» звать – очень это пригодилось. Устроилась Нина на «каптахе» работать – птицефабрике по-нашему. Им там яйца разбитые иногда выносить можно было. Так они и жили: шитьем да кое-какими продуктами с «каптах», еще и земляков угощать умудрялись. На Масленицу напекли две сковородки блинов, а Надя с бабой Маней ни одного так и не попробовали – пока последние дожаривали, остальных уже не осталось.

Больше всего Надю в Погребищах удивило, что не столько немцы, сколько полицаи лютовали – на всех срывались, даже животных не жалели. У Надюши собачка была маленькая, беленькая, Мухой звали. Однажды полицай к ним в палисадник зашел, она его облаяла – понятное дело, собака же. А он винтовку вскинул и выстрелил в животинку. Как она, бедная, заскулила, закрутилась вокруг себя – до шеи раненой достать пыталась! Когда изверг ушел, Муху в дом унесли, перевязали. Долго она страдала, скулила, повязку зубами стащить пыталась. Выходили ее хозяева. Вы же с женой как на подбор попались – добрые, душевные, всех жалели. Помнишь, как сам беспризорных в дом приводил? Надя для порядка повозмущается: «Саш, зачем? Вдруг украдут чего?» А ты улыбнешься своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой, жену обнимешь: «Надюш, брать у нас нечего, а их накормить надо», она вздохнет тихонько – а ведь прав муж, – и на стол накроет. И правда, ничего никогда не украли у вас и беды никакой не наделали те обитатели котлов асфальтовых.

В партизаны Надя не подалась – за семью опасалась, а продукты нет-нет да и передавала лесным бойцам на опушке, у края поля, рассказывала – кто где из немцев живет, где комендатура находится. Риск большой был – на предателе ведь не написано, что он предатель, нарваться на такого запросто можно было. У них в соседях муж-украинец жену-еврейку три года прятал, про то многие знали, да молчали, а все же нашлась подлая душонка – выдала, ее незадолго до прихода наших расстреляли. Как летом и отца с сыном – связников партизанских. Лежали они оба русоголовые, в одинаковых вышитых рубахах...

Освобождали Погребищи под самый Новый, сорок четвертый, год. Весь день канонада стояла, крики, стрельба, а когда все стихло, самая нетерпеливая – Нина – на улицу выбралась. Все остальные у двери вслушивались, какая речь на улице – немецкая или русская, – уж больно неразборчиво говорили. Через несколько минут Нина вбежала – счастливая, радостная! С порога закричала: «Матом ругаются! Наши!» Тут все давай обниматься и на стол – накрывать – все, что было съестного, выставили и дверь в избу приоткрыли. По улице шли солдаты под проливным дождем – такой вот Новый год тогда был – незимний. С полушубков и висящих на веревочках рукавиц стекали потоки воды, валенки размокли, а они шли и шли

гнать на запад проклятого врага. Иногда несколько бойцов отделялись от строя, забегали в открытые избы, остограмливались, на ходу хватали щепотку капусты или картофелину и бежали дальше – догонять своих. Следом другие – так Новый год и встретили...

Пасха в сорок четвертом ранняя была – апрельская. Накануне Надя решила хату побелить – выскочила на улицу разгоряченная воду вылить, тут ее ветром и прохватило – много ли надо было организму, измученному войной, недоеданием и вечным страхом за детей? Началось воспаление легких. Кашель был такой, что, когда дочки подходили к кровати и брались ручками за грядущку, боль сотрясала все тело. Надя стонала: «Не надо, не трогайте». Никакие лекарства не помогали, все хуже и хуже Надежде становилось. Мама твоя плакала, девчонки, чувствуя, что на их маленькие головки готова обрушиться непоправимая беда, ходили по дому на цыпочках, разговаривали вполголоса и все время смотрели, вытягивая тощие шейки на кровать, где лежала заходящаяся в страшных приступах кашля Надежда. Представляешь, и на этот раз бог ее спас. Ангел-хранитель явился в образе женщины-врача из стоявшей в селе части Красной армии. Зашла она подшить халат медицинский и случайно именно во время болезни попала, только ведь случайностей в жизни не бывает, я это точно знаю. Как услышала она кашель, взглянула на белое, почти прозрачное лицо молодой женщины, раскинувшейся в беспомощности на кровати, сразу поняла всю серьезность положения. Она быстро вышла, так и не успев сказать, зачем приходила к портнихе Катерине, но тут же вернулась, неся в руках ампулы. Если б не военврач – где бы антибиотики нашли в то время?! Только они и помогли – болезнь отступила. Об этом Надя тебе, конечно, не писала – не такая она была, чтоб тебя, бьющего в пекле передовой немецкого зверя, огорчать...

Через месяц после освобождения Погребищ стали приходить от тебя письма. Когда Надя первый треугольник получила – глазам поверить не могла! «Жив, жив, жив!» – это слово стучало в голове веселой морзянкой, пело в душе весенней капелью. Домой она не шла, а летела – торопилась с радостной вестью. Два с лишним года ни одной строчки, ни одной весточки, уж и не чаяли узнать друг о друге, что живы. Да и как могли до оккупированных земель письма с фронтов доходить? Когда после госпиталя ты короткий отпуск получил, сразу домой поехал, а там одни обгорелые руины... всю родню ты тогда дальнюю обошел, всех знакомых спрашивал: «Где мои, не слышали? Что с Надей? Мать жива? А дети?» Кто-то неуверенно сказал, что вроде на Украину их увезли – а дальше что с ними случилось, об этом уже никто сказать не мог. Тогда больше полагаясь на страстное желание увидеть семью живой, чем на твердую веру, что они на самом деле не погибли, ты оставил маленькую фронтовую фотокарточку с надписью на обороте: «Покажите своей маме своего папку» и адрес полевой почты. Непонятно, каким чудом, через какие сложные оказии, через какое долгое время, но адрес до Надюши дошел! И полетели треугольники с фронта на Украину и обратно. А ведь находились вы тогда всего-то в двухстах километрах друг от друга, только для войны это все равно что на разных полюсах Земли – не дойдешь, не доедешь. Да и кто с передовой своих «навещать» пойдет?! В письме от четырнадцатого июля ты написал, что скоро в наступление и, если все пройдет удачно, приедешь в отпуск...

В начале августа к Наде вернулась ее открытка, в уголке было написано одно короткое слово. Как ни старалась, никак его разобрать не могла, и к кому ни обращалась помочь прочесть, все твердили: «Неразборчиво. Не прочтешь». В один из холодных августовских вечеров решила она печку открытой этой растопить, поднесла спичку, и вдруг сразу прочитала слово то, в уголке написанное: «Убит». Никому она тогда о своем открытии не сказала, а через несколько дней Надю в военкомат местный вызвали. Сердце до последнего верить не хотело, но когда казенный конверт вручили, сразу все внутри оборвалось. Как домой дошла – не помнила. Как сестрам твоим про похоронку сказала, тоже не помнила. В память только одно врезалось, как, услышав во дворе голос твоей мамы Кати, они вниз со второго этажа сиганули, чтобы мать по заплаканным лицам не догадалась, что беда смертная в дом пришла. Внизу бочки с водой стояли – для нужд лаборатории, что на первом этаже располагалась, приготовленные. Вот в них-то они и попали. Смех и горе рука об руку ходят, даже на войне...

Бабушка говорила, ты на белом коне в Берлин мечтал въехать. Я иногда даже представляла, как бы ты в логове немецком на лошади смотрелся – высокий, красивый с шапкой кудрявых черных волос, со своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой. Интересно, почему этот ваш район так междусобойно называли – Гусиновка? Вроде гусей там не больно много наблюдалось?.. А после войны тот «птичий» район стали МОПрой величать. По названию улицы. Народ у нас такой – как чего скажет... Жаль, мечта о Берлине не сбылась... Ни на лошади, ни пешком...

Про то, что случилось двадцать первого июля, Наде твои однополчане рассказали, когда бывших фронтовиков и их семьи красные следопыты на тридцатилетие Победы в село Пища пригласили. Говорят, мясорубка страшная была, потому как соединялись тогда части Красной армии и партизанские отряды. Село Пища в самом котле оказалось. Немцы, что никак свои позиции сдавать не хотели, дзот во дворе школы устроили, пулемет фашистский наши наступающие части косил, никакого сладу с ним не было. Последний оплот вражий столько бойцов положил, что наступление захлебнулось. Тогда во весь рост с гранатой в руках поднялся высокий черноволосый, с ослепительной белозубой улыбкой помощник командира взвода разведки, лейтенант Александр Ширкин... И на далекой украинской земле шагнул в вечность... Рядом с искореженным пулеметом валялись тела четверых мертвых немцев, рядом лежал русский боец. Наступление продолжилось, наши солдаты пошли в атаку, село было полностью очищено от фашистов. Лейтенанта похоронили там же, во дворе школы, где он совершил свой подвиг. А после войны герои тех дней нашли последний приют на кладбище под памятником с красной звездой. Надюша долго стояла у серого обелиска, глядя надпись, перебирая цветы и шептала: «Вот и свиделись мы, Саша...»

Я все-таки написала тебе письмо, дед. И мне почему-то кажется, что оно дойдет до адресата...

ФОТИНИЯ ЛАПИНА

Родилась в г. Оха на Сахалине в семье военного врача, ветерана Великой Отечественной войны. Имеет два высших филологических образования. Более 20 лет преподавала в школе русский язык и литературу, мировую культуру. Учитель высшей категории.

Автор семи романов (под псевдонимом) и ряда публикаций в периодике. Живет в Москве.

КОТЕНОК И НОЧНАЯ ВЕДЬМА

...В толпе безразличных людей, этих экскурсантов поневоле – а их заманили обещанием завезти на центральный рынок, что расположился далековато от дома отдыха, и выделить время на покупки, а главное, дешевой стоимостью поездки – твое имя прозвучало случайно и сразу задело меня. Экскурсовод, пожилая дама с красивым, несколько вытянутым лицом, с удивительным для ее профессии высоким и звонким голосом, коснувшись истории переименования Бердянска (я там отдыхала, загорая и купаясь в теплой воде залива, огороженного километровой косой) в Осипенко – в честь выдающейся летчицы тридцатых годов, между прочим добавляет, что ее родная тетя Евгения Руднева тоже родилась в этом городке, была в годы Великой Отечественной войны летчицей и погибла под Керчью.

Мелодичным голосом экскурсовод продолжает рассказывать о достопримечательностях скромного приморского городка, которые меняются калейдоскопом за окном автобуса, а я думаю только о тебе, Женя Руднева: неужели ты живешь теперь только в памяти ближайшей родственницы? Почему-то ты сразу вызываешь во мне интерес. Ниточка живой истории, связавшая меня с отцом, в 1941 году окончившим десятилетку, а затем Подольское артиллерийское училище, перекидывается и на тебя, соединяя нас во что-то непостижимое: ведь отец тоже мечтал летать, но в летное не попал из-за проблем с сердцем. А вот тебе удалось осуществить свою мечту. Или, может, вспоминаются слова отца, что все его одноклассники, ставшие летчиками, с войны не вернулись...

В спешке прощаясь с экскурсоводом, я не успеваю толком с ней пообщаться – нашим изголодавшимся экскурсантам пора обедать, а ее ожидает следующая группа. И все же, когда водитель автобуса уже спешит закрыть двери, эта приятная женщина быстро говорит мне:

– В городском музее есть небольшая экспозиция...

* * *

Крошка-музей занимает всего один этаж в старом домике, который давненько не видел ремонта. Из посетителей – только я и двое веселых загорелых детей с молодой легкомысленной мамочкой, спрятавшиеся здесь от южной жары. Все экспозиции создавались еще в советские времена и ни разу не возобновлялись: желтый ватман, на нем надписи блеклой тушью, теперь уже вышедшей из употребления. О тебе, Женя, здесь ни слова. Вынуждена обратиться к сотруднице музея:

– А где «ночные ведьмы»? Где у вас стенды с материалами о летчицах?

Заинтересованный, слегка удивленный взгляд:

– Это вы о ком?

– О Евгении Руденко.

Из-за жары и усталости я перепутала твою фамилию. Извини, Женя.

– А... Руднева... Впервые слышу, чтобы ее так называли. Вам следует посетить наш филиал, музей «Подвиг», там хранятся все материалы о войне.

* * *

Филиал, как разведчик, прячется на людной набережной, в лабиринтах аттракционов, уютных кафе, магазинчиков экзотических рыб и модной одежды – на первом этаже жилой пятиэтажки, в приспособленной для него квартире. Рядом с дверью почти незаметная надпись – «Подвиг».

Наконец-то мы смотрим друг другу в глаза. Я и ожидала, что у тебя будет такой взгляд: открытый, уверенный и строгий – так смотрели на фотографиях все девушки твоего поколения. Удивительно прекрасное, с правильными чертами лица. Короткая стрижка, военная форма, тяжелая портупея, обхватившая стройный стан... Ты рядом с подругой – на вас невозможно насмотреться, невозможно оторвать взгляд.

И тут словно раздался голос вашего полкового командира:

– Девушки! Какие же вы все красавицы!

Это не был пустой комплимент мужчины, желающего подбодрить уставших после полетов, балансирующих на лезвии бритвы девчонок, это была констатация не оспоримого временем и модой факта.

* * *

От шума мотора слегка заложило уши. Под мощными потоками воздуха от пропеллеров, словно ища защиты, припала к земле пожелтевшая трава. И внезапно в свете прожектора Женя увидела котенка. Он неслышно кричал от ужаса, трогательно открывал рот и с трудом удерживался на тоненьких лапках. И как такой малыш попал на аэродром, каким ветром его сюда занесло? Подхватив его на ладонь, девушка вскарабкалась в кабину, заняла свое законное место штурмана и под строгим взглядом старшей подруги спустила котенка вниз.

Испуганный грохотом мотора, котенок будто пытался его перекричать. Женина рука иногда находила маленький пушистый комочек, успокаивающе гладила по головке, худенькой спинке, а малыш пытался взобраться вверх по ее сапогу, но холодная скользкая кожа не оставляла ему никакого шанса. Котенок превратился в сплошное испуганное сердце.

* * *

До цели полета оставалось около трех километров, когда маленький самолетик У-2 был ослеплен вражеским прожектором. Теперь и Женино сердце застучало так же, как у этого испуганного котенка. Опытная лётчица Марина, держа обеими руками штурвал, закладывала виртуозные виражи. Ослепленные, они еще несколько минут летели на ощупь, но повезло – спаслись, ускользнули от света, словно в прятки сыграли с фашистами. Темнота ночи укрыла малыша У-2.

Отбомбились. Снова парили между лезвиями прожекторов, ежесекундно ожидая выстрелов из зениток. Топлива едва хватило добраться до своих, садились уже с пустым баком.

Земля! Дом...

Женька спрятала котенка за пазуху, осторожно соскочила с крыла самолета. Сорвала с головы шлем, расправила спину – вернулись! Или Марина, или она, Женя, – если не в рубашке, то уж точно в какой-то одежонке родилась! Повезло просто...

Женя замерла на пороге казармы. Помещение было почти пустым, со стройными рядами аккуратно заправленных раскладушек, – временное пристанище лётчиц. На ее законном месте сидела Наташка, и так вдохновенно читала что-то в тоненькой тетрадке, что не услышала шагов. Согнулась, не отрывая взгляда от страниц, густо исписанных мелким аккуратным почерком, прищурился глаза, чтобы легче было читать в свете походной копилки.

Женя быстрым движением вырвала из рук слишком любопытной Наташки свой дневник. От неожиданности девчонка подскочила, потом вся обмякла, сжалась, и ее лицо начало покрываться алыми пятнами.

– Это свинство – брать чужие вещи! Как ты посмела так подло поступить? Это хуже, чем читать чужие письма! Тебя в школе не учили, что чужое брать – преступление? А читать не предназначенное лично тебе – хуже воровства.

– Но ты сама, Женечка, оставила тетрадку на тумбочке.

– Да. На своей тумбочке, а не на твоей, – прижатый к животу котёнок сдерживал гнев, успокаивал. И Женя осторожно усадила беспомощное создание на подушку.

– Женечка, прости меня, глупость сделала! Не сердись, ну пожалуйста! Ты так пишешь... Я тоже все так же чувствую, а сказать, вернее написать, как ты, не умею. Вот послушай это.

Наташа забрала из рук уставшей Евгении тетрадь, начала выразительно, почти артистично читать:

«После первого полета я словно заново родилась, стала смотреть на мир другими глазами... Иногда мне даже страшно становится, потому что я могла прожить всю жизнь и ни разу не летать...»

Девушка торжественно посмотрела на подругу:

– Такой дневник не в тумбочке нужно прятать, а в книге напечатать, пусть бы все читали и восхищались! Звездочет, ты настоящая писательница!

Звездочетом Женю прозвали за то, что до войны она училась на астрономическом факультете. Немного успокоившись, девушка небрежно бросила дневник в тумбочку, блаженно вытянулась на раскладушке, закрыла глаза. Рука начала гладить котенка, доверчиво прильнувшего к ней.

– Жень, а Женька, ты на меня больше не сердисься?

– Пересердилась... Дай отдохнуть.

– Ты так хорошо написала. Я иногда тоже думаю разные мысли, только не записываю, как ты, трудно словами выразить те чувства, что переполняют... Точно не помню цитату. Хотя тоже мечтала в университете, как ты, учиться, на филологический планировала документы подавать. Забыла, за год все забыла... Нет, главное другое, я хочу сказать, что Пушкин – пророк. Он сто лет назад все знал о нас. Знал, что племя будет... Там у него есть эпиграф в «Евгении Онегине», что рождается племя, которому не страшно умирать.

Женька взглянула на подругу и увидела взволнованное лицо и ужас, мелькнувший в глазах Натальи.

– Наташ, разреши дружеский совет. Не думай о смерти. Она с нами рядом, но ее как будто нет. Невидимка. Игнорируй! Сейчас для нас самое главное – найти цель, не промахнуться, сбросить груз и вернуться к своим. И все, и больше ничего нет. И только в этом сейчас смысл. И ничего не бойся – слышишь? – ничего не бойся. Пусть эти гады нас боятся! Знаешь, как они нас называют? «Ночные ведьмы». Средневековые какое-то у фашистов в головах. Тогда их фрау якобы на метлах летали, и их как ведьм на кострах сжигали – колдовства боялись. И нас они тоже боятся, мы на своих самолетиках им кровушки еще поьем...

И тут Наташа неожиданно заплакала и сквозь слезы прошептала:

– Прости, что я взяла твой дневник, но мне все равно бывает страшно в полете, я с детства – ужасная трусиха. Кажется, что даже волосы дыбом встают.

– Наташка, дорогая, покажи в эскадрилье хоть одну дуручку, которой не страшно. Все боятся, только виду не показывают, даже мужчины. Все скрывают свой страх, и чем он глубже запрятан, тем лучше: принимаешь взвешенные решения и имеешь больше шансов вернуться на землю. А теперь всё, дай поспать.

* * *

– Евгения Максимовна, ну какой котёнок может быть в полете? Ладно бы Марина или Наташа, те совсем еще девочки, но вы же взрослый сформировавшийся человек, два года учились в институте!

– Нет, три года.

– Тем более! Какой котенок? Откуда?!

– Наш котёнок, советский. Иду, вижу: сидит на взлётной полосе и плачет, такой беспомощный, малюсенький. Не оставлять же одного в темноте, он же перепуганный, без мамы! Самолеты то взлетают, то садятся. Затопчут, думаю, задавят.

– Где в уставе говорится, что в боевой полет можно брать посторонние вещи? К примеру, домашних животных?

– Но в уставе и запрета нет.

– Евгения Максимовна! – повысила голос командир эскадрильи, торпливо наклонив лицо, чтобы спрятать улыбку. – Институт благородных девиц получается, а не эскадрилья – одна куклу возит с собой и полёты берет, другая кота прячет. Мужчины будут насмехаться, если узнают. Котенка сдать на пищеблок.

– Есть сдать котенка на пищеблок, но по вашему письменному приказу и только под расписку. Они же его там съедят!

– Евгения Максимовна, вы сейчас договоритесь до выговора. Вы же штурман эскадрильи, девушки на вас молятся – и такое легкомыслие! Свободны!

– Есть! – Женька торжественным шагом вышла из блиндажа.

* * *

У тебя впереди – еще полтора года боев, по военному времени – почти вечность. Еще столько счастливых возвращений с боевых заданий, одиннадцатидневный отпуск домой, короткая встреча с тем, кто мог, но не успел стать тебе родным человеком, последняя весенняя прогулка в апреле сорок четвертого по Керчи... Подруга запомнила твой искренний возглас, когда ты любовалась расцветшей вишней: «А все же жить так хорошо, – можно творить, думать, бороться, любить, читать. А что может быть лучше этого?»

В рассказе приведены цитаты из книги Евгении Рудневой «Пока стучит сердце: дневники и письма» (Москва, 1958).

Рюрик ИВНЕВ

СЁСТРЫ

Повесть

(Из дневника)

Повесть «Сёстры» Рюрик Ивнев (1891–1981) написал незадолго до Октября 1917 года, когда образованное общество всерьёз увлеклось «потусторонними» проблемами, мистикой, оккультизмом и сексуально озабоченная значительная часть российской интеллигенции с упоением читала «Яму» Александра Куприна, «Санина» Михаила Арцыбашева и другие им подобные произведения, созданные на потребу прогнившей, «говённой», по выражению В.И. Ленина, интеллигенции, не понимающей, что она делает, и несущейся к неизбежной гибели. Как показывает история, перед крушением привычных условий жизни, социальных порядков резко возрастает оккультная зависимость полуграмотных образованцев и повышается градус их половых пристрастий и сексуальных перверсий. В те годы царская Россия стояла над пропастью, не понимая гибельности своего положения, и обезумевшие люди, считающие себя элитой, погружались в мерзость и порок.

Откликнулся и Рюрик Ивнев «на злобу дня» и, как всегда, нашёл свой подход к обсуждаемой и волнующей интеллигенцию проблеме: наряду с «продвинутыми» спецами в области отношений полов, как это ни удивительно нам – людям XXI века, в те годы были и такие, что просто не знали, откуда берутся дети и смотрели на мир романтически влюблёнными глазами. Такой перед нами предстаёт главная героиня повести «Сёстры», другое название произведения «История одного брака». И как у всякого крупного художника слова, здесь затрагивается несколько проблем: неравный (по возрасту) брак, незнание невестой практики семейных отношений (в те годы блудливое сожитие не прикрывалось лживым термином «гражданский брак»), неумение правильно строить свои отношения с сестрой и матерью... Многого можно увидеть в этой никогда не печатавшейся повести. А можно и не увидеть. Впрочем, после Октября 1917 года, эти кажущиеся огромными проблемы отошли на дальний план, и не до копания в своей душе стало людям. Спасаться надо было во взбаламученной, перевёрнутой, растерзанной России. Не буду пересказывать содержание повести, читатель может сам ознакомиться с этим произведением, пролежавшим более ста лет в архиве писателя.

Рюрик Ивнев трудился всю жизнь. Восемьдесят лет отдано литературе. И до сих пор огромный архив его не разобран, хотя работа над ним не прекращается.

За сорок лет, прошедших с его смерти было издано 20 книг стихов, прозы, воспоминаний, в основном неизвестных, не публиковавшихся ранее и забытых текстов. Вот и пришло время публикации повести «Сёстры».

Надеюсь, что это произведение будет по достоинству оценено взыскательной читающей публикой журнала «Нижний Новгород».

Николай ЛЕОНТЬЕВ

I

Вчера он подошёл ко мне, когда я гуляла на пляже, и сказал:

– Вечером я буду ждать тебя на берегу моря; там, где кончается большая дорога и начинается лес.

Я смотрела на его глаза, строгие, тёмные, как прорубь, на его губы, шептавшие мне загадочные для меня и странные слова. Мне становилось жутко. Холодно. Я чувствовала, что лёгкая дрожь пробегает по моему телу. Мне было странно и вместе с тем почему-то приятно. Сердце билось всё чаще и чаще, грудь поднималась и опускалась. Я ясно сознавала, что глаза его, устремлены на мою грудь, и от этого сознания становилось ещё томительнее. Я знала, что я приду в назначенное место, даже если дождь будет лить с неба непрерывными холодными струями, если даже будет бушевать холодный морской ветер, пронизывающий насквозь, если море поднимется и зальёт берег! Всё равно я пойду туда, куда он меня позвал, где, по его словам, «кончается большая дорога и начинается лес», пойду и буду ждать, волнуясь и дрожа от его прихода. Но я старалась отогнать от себя мысли о нём, избавиться от его обаяния и говорила громко самой себе: нет, я не приду. Не приду.

Я не могу заснуть. Сегодня мне не удалось его увидеть. Льёт дождь. Я сижу у окна и смотрю непрерывные струи воды, падающие в наш сад, и записываю свои мысли.

Утром, когда я вышла из калитки нашей дачи, Лёля выскочила из окна и побежала за мной. Я ускорила шаги, но она меня догнала. Пришлось пройтись немного и вернуться домой, так как я боюсь встречаться с ним при Лёле. Она такая любопытная и наблюдает за мной всё время. Я думала, что встречу Вадима и скажу ему, что не могу прийти вечером по той причине, что мама созвала сегодня гостей и заявила, что если я не буду, это будет «верх неприличия». Пришлось примириться. С мамой так трудно спорить.

Вчера целый вечер проскучала и волновалась страшно. Тётя Лина заметила, что я как будто «не в своей тарелке», как она выразилась, и сделала мне хитрые глаза. Это меня страшно сердило. Мне казалось, что все знают мою тайну, и я волновалась всё больше и больше. Лицо моё горело, взгляд был странный и далёкий; больше всего я злилась на Лёлю, которая помешала мне утром предупредить Вадима о моём горе, то есть о наших гостях и о мамином желании, которое пока для меня несокрушимо. В то время как я занимала гостей пустыми разговорами, отрывчатыми, сбивчивыми, он, должно быть, не меньше меня волновался там, на берегу моря.

Я даже завидовала ему. Всё-таки там, в уединённом месте, приятнее волноваться и терзаться. Никто, по крайней мере, не надоедает глупыми вопросами, не делает подозрительных глаз и намёков. Положительно, мне казалось, что тётя Лина знает всё. До того пристальны и многозначительны были её взгляды.

Когда все разошлись, и я попрощалась с мамой, я тихо, тихо, чтобы никто не заметил, юркнула в нашу калитку и побежала к морю. Взволнованная, с распустившимися от ветра волосами, уставшая, я очутилась одна в довольно пустынном месте. Но, конечно, Вадима не было. Не мог же он ждать больше четырёх часов. Вдруг мне стало страшно. Я почувствовала. Что я не одна. Оглянулась. Было темно, я не видела

никого. Чуть-чуть вздохнув, боясь шума собственных шагов, я хотела пробраться домой. Но в этот момент чьи-то руки опустились на мои плечи. Я вскрикнула и обернулась, но кроме какого-то тёмного силуэта, ничего не могла разобрать. Я не помню подробностей этой сцены, так как от страха я потеряла способность соображать. Помню, как сквозь сон, что кто-то меня крепко обнял и начал осыпать поцелуями лицо и шею. Когда я почувствовала боль от объятий, я вдруг поняла весь ужас моего положения и начала вырываться и звать на помощь громким, ужасным голосом: «Вадим, Вадим, помоги мне». Я почувствовала прилив сил, когда вспомнила о нём, и продолжала вырываться. Я не знаю, чем бы это кончилось, если бы вдруг не послышались шаги; мой преследователь забыл обо всём и продолжал меня обнимать. Мне сделалось дурно. Через несколько минут, когда я опомнилась, около меня стоял какой-то господин и уговаривал меня успокоиться. Оперевшись на его руку, еле живая от испытанного волнения, я умоляла его не говорить о происшедшем никому и не смотреть на меня. Я старалась закрыть своё лицо. Страх перед тем, что мама могла узнать об этом, довёл меня до того, что я со слезами на глазах просила исполнить мою просьбу. Проводив меня до нашей дачи, он раскланялся и исчез.

Всё, что я перенесла за эти несколько часов, отразилось на моём лице. Когда я посмотрела в зеркало, на меня смотрели печальные и страдальческие глаза.

Утром мама допытывалась, почему у меня такой скверный вид. Я сказала, что болит голова. Целый день волновалась, боялась, что вчерашнее происшествие всплывёт наружу, и я лишусь возможности гулять одной целое лето. А мне так надоела эта опека. Но что поделать? Вадима я не видела. Он исчез. Я думаю о нём. Чувствую страшную усталость, болит голова. Лёля, как назло, пляшет передо мной, напевает одной ей понятные песни и спрашивает меня, почему я «повесила нос». О, если бы она знала, что мне пришлось испытать вчера и что я испытываю сейчас, думая о Вадиме, как я страдаю.

Купалась сегодня одна. Лёля осталась учить свой урок. Как я рада, что, наконец, избавилась от зубрены, кислой начальницы и несносных классных дам. Мне не верится, что прошёл месяц, как я на свободе, с дипломом в руках и с хаосом в голове.

Когда я лежала на песке у моря и смотрела на бездонное ярко-голубое небо, я задумалась. Вспомнила первую встречу с Вадимом, наше знакомство, любовь! Как я хорошо помню каждую мелочь, цвет и узор его костюма, палку, шляпу. Всё-всё! Мне немного совестно признаться самой себе, но я помню даже, как лежали шнурки от его ботинок – я не могу это описать, но мысленно представляю себе ясно. Помню, как он стоял около меня, приветливый, широко улыбающийся, и говорил своим вкрадчивым, немного певучим голосом:

– Я видел вас. Когда вы купались. Простите, это случайно вышло. Но я рад этому случаю. Я не знаю, как и что говорить. Не делайте таких глаз, как подобает в «таких случаях», как сейчас. Представьте себе, что вас знакомят в добродетельной гостиной. Закройте на минуту глаза и вообразите, что рядом ваша тётушка или кузина, которая говорит сладеньким голосом: «Ма шер, позволь тебе представить м-сье Панкратова. Он давно хотел с тобой познакомиться». Довольны этой выдумкой? Вы перестали сердиться?

Так он говорил, улыбаясь, немного рисуясь, свою речь. Я смотрела на его тёмные глаза, красиво изогнутые брови и на всё подвижное

приятное лицо. И, действительно, в эту минуту я начинала забывать наставления мамы и некоторых из наших классных дам о том, как надо отвечать «пристающим на улице нахалам». От того ли, что всё это происходило летом, у спокойного, тихого моря или по каким-либо другим причинам, но я протянула свою руку, которую Панкратов горячо и почитательно пожал.

Мы погуляли недолго, и я вернулась домой. Когда я осталась одна, мне стало вдруг весело и хорошо. Я высоко подпрыгнула, совсем как в институте, и поцеловала руку, которую пожал «он».

В этот же день вечером, когда я с мамой и Лёлей была в сквере, Панкратов подошёл ко мне. Я сначала растерялась, но потом пришла в себя и представила его маме и Лёле, как старого знакомого, кузена подруги.

В таких случаях слово «кузен» бывает незаменимым. Мама, кажется, поверила. По крайней мере, отнеслась к нему, по-видимому, довольно благосклонно.

Когда я училась в институте, я была страшной дикаркой. Меня всегда смущали странные, жгучие взгляды мужчин, которые мне приходилось иногда ловить на себе. Часто на балах, которые устраивались в торжественных случаях, или на вечерах у подруг, я наблюдала за своими сверстницами и за их «поклонниками». Сама я сторонилась мужчин и избегала бывать с ними наедине, особенно после истории с французом, нашим преподавателем, который из-за меня вылетел в 24 часа из нашего института и благодаря которому моё имя долго не сходило с уст институток. М-сье де Виньи выглядел гораздо моложе своих 45 лет. Глаза его, большие, немного навывкате, таили в себе молодой задор и веселье. Раз, на одной из вечеринок, когда мы совершенно случайно остались с ним одни, в «маленькой гостиной», сделанной из нашего класса, из которого вынесли скамейки и доски и поставили кое-какой мягкой мебели, я, болтая непринуждённо о наших учебных делах, вдруг заметила, что его руки всё сильнее и сильнее обнимают меня за талию. Сначала я не придавала этому особенного значения, но когда через несколько секунд я взглянула на него, прочла в его глазах что-то непонятное мне и жуткое. Страшно испугавшись, я отдёрнула его руки и быстро выскочила из класса. Но, к моему ужасу, в дверях я столкнулась с нашей начальницей, которая окинула меня быстрым и пронизывающим взглядом. Я вдруг расплакалась. Всё это вышло так неожиданно и странно, что я не могла потом припомнить, как я держала себя дальше. Хорошо помню, что на другой день весь институт говорил только обо мне, о м-сье де Виньи. «Скандал» вышел огромный. Сначала мне было даже немного приятно, что я стала временным центром всей нашей институтской жизни, но потом меня это утомило и доставило много неприятных минут.

Я никогда не могла понять, что за удовольствие доставляет «им» причинять нам боль своими объятиями и поцелуями. И это всегда бывает при «любви»? Я сама всегда боялась заниматься флиртом, да и мама держала меня очень строго, но мне много рассказывали моим подруги, более осведомлённые, чем я.

Верочка Любанович сама мне говорила, что один из многочисленных её «поклонников», застав её врасплах в беседке, зацеловал так, что у неё остались синяки на шее и губы распухли. Но это меня не так забавляет, как то, что Верочка созналась мне «по секрету», что «это ей было приятно». Меня очень удивило и поразило это Верочкино признание.

Когда я встретила и полюбила Вадима у меня, правда, многие взгляды изменились. Так, например, мне было приятно оставаться с ним наедине, слушать его музыкальный голос, любоваться глазами, тихо целовать и получать в ответ такие же тихие поцелуи, но до того, чтобы получать удовольствие от объятий до боли или поцелуев, после которых распухают губы, я ещё не дошла.

Кроме того, Вадим совсем другой, чем все они – мужчины. Он такой мягкий и ласковый. В его движениях столько грации, в его поцелуях столько нежности, что у меня всегда сладко кружится голова. Когда он меня целует или когда я касаюсь своими губами его лица. И главное, от наших поцелуев нет никаких следов. А то что бы я сказала маме, Лёле?! Мама бы меня мучила расспросами, а Лёля бы извела совершенно. Наградил же меня Бог такой глазастой сестрицей! Она всегда всё замечает и принимает к сведению. Иногда мне кажется, что она не такая наивная, какую хочет себя изобразить. Иначе я не могу объяснить её наблюдения за мной, её пристальные, любопытные взгляды. И всё это, как видно, она хочет скрыть. Когда на неё посмотришь или спросишь: «Что ты подсматриваешь всё время за мной?» – она начинает отпираться, божиться, а потом ласкаться и напевать неведомые никому мотивы.

Сегодня я так и не увидела Вадима. Лёля пристаёт с расспросами, почему я такая скучная, подозрительно всматривается в мои глаза. Это прямо каторжная жизнь, а не летний отдых на даче. Лёля меня вывела из себя. Я разнервничалась, накричала на неё и объявила, наконец, ей, что мне надоело всё, всё! Она слушала меня, опустив голову на грудь, и ничего не ответила. Эта молчаливая покорность меня тронула, и я поцеловала её. Когда я посмотрела в её глаза, они были такими светлыми, что у меня легче стало на сердце. Поздно вечером, когда все спали, я вышла погулять к морю. На этот раз я старалась не уходить далеко от сквера, к тому ужасному месту, где «кончается большая дорога и начинается лес», где я должна была встретиться с Вадимом, но вместо этого подверглась нападению какой-то тёмной личности. Я бродила у самого моря; волны касались моих ног, и тихо шелестел песок. В глубине души у меня тлела надежда, что я встречу, может быть, Вадима. Но, кроме нескольких парочек, нежно ворковавших под шум моря и собственных поцелуев, я не нашла никого. Была чудная ночь! Луна освещала тёмное море, которое притягивало и манило к себе с такой силой, что было трудно удержаться и не броситься. Волны шумели мягко и нежно. Мне стало вдруг грустно, бесконечно грустно. Точно я одна была во всём мире, без родных и друзей, точно море хотело поглотить меня, надвинуться на меня своими певучими волнами, и... некому было заступиться, уберечь меня. Я тихо шептала: «Вадим! Вадим!», и волны еле внятно вторили моему голосу: «Вадим! Вадим!»

Я опять не спала целую ночь. Всю эту неделю я была нервная и почти больная. Ходила вокруг дачи, бродила у моря и слушала музыку волн. И мне казалось, что волны каждый раз, когда я их слушаю, поют разные песни, но смысл их один:

«Он не вернётся. Он уехал.
Тоскуй и плач всегда одна...
Ушли, как тени, взрывы смеха
И ароматная весна.

Тоскуй и плачь! Он не вернётся.
Зачем ты верила словам?
Пусть сердце трепетное бьётся...
И никнет грустно голова.

Смирись, забыв о всём прекрасном,
Люби, терзайся и молчи,
И на лице спокойно-ясном
Зажгутся светлые лучи».

И было больно от сознания, что первое светлое чувство не встречало ответного порыва. Пробовала читать, но не могу. Книга валится из рук. Лёля жалуется, что я забросила теннис, который так любила прежде. Мама каждый день спрашивает очень подробно о моём здоровье, но я всегда нахожу что сказать. Я боюсь, что узнают настоящую причину моей тоски, и страх сделал меня изворотливой и хитрой. К счастью, к нам почти никто не заходил и меня никто не мучил расспросами.

Какая неожиданность! Какая радость! Я чувствую себя так, как выздоравливающие больные после долгой и томительной болезни. Прошлое, это тёмный сон, тяжёлый, утомляющий. Настоящее – ярко и лазурно:

Отошёл туман и снова
Солнце греет и ласкает,
Прошлый день – глядит сурово,
Новый – счастьем обжигает.

Я получила, наконец, от Вадима письмо. Всё объяснилось. Он был вызван спешно по делам службы и завален работой. Он очень извинялся за вынужденное молчанье и просил прийти к морю. Не помня себя от радости, томясь и ожидая назначенный час, я бегала вокруг нашей дачи, в саду и нигде не могла найти себе места. Наконец, я вышла из дому, стараясь, чтобы Лёля не заметила. Когда я увидела издали знакомую стройную фигуру Вадима, я почувствовала сильное волнение. Едва двигаясь, с бьющимся сердцем, с вспыхнувшими глазами, я смотрела, как он медленным, уверенным шагом приближается ко мне. Я видела, что ему приятно моё волнение и отрывистые слова, которые я роняла на его расспросы и приветствия. Я быстро припомнила назначенное свидание и тот ужасный вечер... Это было немного глупо, но мне почему-то казалось, что Вадим мог об этом узнать и я боялась взглянуть пристально в его глаза. Но скоро я успокоилась. Вадим был таким ласковым и нежным, что я забыла всю боль, которую он доставил своим исчезновением, и вместо того чтобы упрекать его и сердиться, глядела нежно, покорно в его глаза. Мы долго бродили с Вадимом вдоль моря, и, когда возвращались, вечер окутывал море и берег лиловым туманом и в окнах загорались огни.

На душе было легко и спокойно. Опираясь на руку Вадима, я не чувствовала тяжести своего тела и была какой-то особенно весёлой, непонятной самой себе. Я ничего не говорила, но мне казалось, что я веду разговор о чём-то очень важном и тайном. Вадим был особенно дорог мне в эту минуту.

Когда мы подходили к дому, я увидела, что кто-то шархнулся от забора и скрылся по направлению нашей дачи. «Вероятно, Лёлька

подсматривала», – подумала я. Когда я вошла в комнату, Лёля усердно зубрила уроки, готовясь к переэкзаменовке, а мама раскладывала в гостиной пасьянс. Почему-то сегодня мама была не любознательна. Не спрашивала, где я была, что делала. Она только ласково потрепала меня по щеке и сказала, что я у неё умница.

Сегодня опять нашла туча и омрачила ясную погоду. Мне больно и обидно. Повторилась наша первая ссора с Вадимом. Первый раз мы поссорились через несколько дней после нашего знакомства. Гуляя по берегу моря, мы забрели с ним довольно далеко. Вечер был прохладный, и Вадим взял мои руки в свои, согревал их горячим пожатием. Мне было это приятно, и я готова была погулять с ним по берегу всю ночь. Но вдруг Вадим начал обнимать меня особенно сильно, и мне стало не по себе. Я сначала отстранилась, незаметным образом отдалялась от него, но он, должно быть, не понял меня и продолжал причинять мне боль. Наконец, я не выдержала и сказала ему, что мне неприятно «это». Моими словами он был очень обижен и весь вечер старался быть холодным и неприветливым. На другой день мы встретились так, как будто между нами ничего не произошло. Шли дни, но Вадим был удивительно сдержан и, кроме лёгких поцелуев, ничего себе не позволял. И это время я была бесконечно счастлива. Когда бывала с Вадимом – болтала без умолка, смеялась; была ласковой и довольной собой и Вадимом. И целым миром. Лёля в эти дни была от меня в восторге, я пела, шутила с ней, бегала по нашей даче и ни на минуту не переставала думать о Вадиме и о любви к нему. И вдруг теперь, когда я пришла к нему на свидание, после недельной разлуки, радостная и оживлённая, Вадим после поцелуев опять, как в первый раз, начал как-то особенно жарко меня обнимать и терзать своими объятиями, которые меня огорчали и пугали. Мне было больно. Я смотрела на его лицо, покрасневшее, взволнованное, на расширившиеся зрачки огромных глаз, на углы рта, и мне было трудно узнать «моего Вадима», того Вадима, о котором я всегда думала, кого любила горячо первою безумной любовью. Передо мной было чужое лицо, чужие глаза, не милые мне черты. Как было тяжело мне в эту минуту и как трудно высказать то, что было у меня на душе. Точно что-то святое, самое дорогое, на моих глазах втаптывали в грязь, а я не могла шевельнуть рукою, чтобы спасти...

Глазами, полными слёз, я смотрела на другого, незнакомого Вадима. Он это заметил и сразу стал печальным и встревоженным.

– Ты не любишь меня? – спросил он. – Если бы ты любила, ты иначе бы поступала...

– Нет! Это неправда! Я люблю! Люблю!

Я целовала его волосы и клялась ему, что он для меня дороже всех на свете, что без него я тоскую и чувствую себя больной; рассказала своё мучение и горе своё, когда он исчез на неделю, оставив меня в полном неведении о его судьбе, говорила, что он всегда в моём воображении, в снах, что я живу и дышу только им, но что мне неприятны и непонятны его глаза, рот, всё лицо, когда он делается «другим», «не моим Вадимом».

Кажется, моя горячая речь его немного успокоила. Попрощались мы мирно и условились встретится на другой день.

Я вернулась домой грустная, расстроенная; вся радость первого свидания, все мечты о нём омрачились нашей ссорой, и было душе – одиноко и пасмурно. Я невольно задавала себе вопрос; что будет, если

наши ссоры будут повторяться каждый день? До чего дойдёт наша любовь? Что будет, если после короткой вспышки счастья будут печальные часы разлада и мучения? После каждого «не милого», «не моего» взгляда Вадима, я становлюсь какой-то жалкой, ненужной. И мне становится обидно на него и на себя, что мы не умеем быть счастливыми, не омрачать свою жизнь ненужными ссорами. Но зато, когда бывает затишье, когда ничто не омрачает наших отношений, я становлюсь совсем другой, перерождённой. Глаза мои становятся ясными и из них, по выражению Лёли, «сыпятся звёзды». Я забываю тогда всё, отдавшись чудным воспоминаниям, делаюсь ласковой, доброй и отзывчивой.

Мама уже обратила внимание на резкие перемены моего настроения и объясняет это нервностью и переутомлением от экзаменов. Я не стараюсь её разуверить в этом, но... если бы она знала, как мы готовились к экзаменам, она бы этого не говорила.

Сегодня мы гуляли с Вадимом в сквере, куда прежде избегали ходить. Шум моря сливался с музыкой оркестра, и было трогательно и нежно. Мама сидела с Лёлей и о чём-то шепталась. Я заметила, что мама последнее время предоставляет без всяких сцен мне полную свободу и даже сердится на Лёлю, когда та «пришивается», по её выражению, ко мне во время моих прогулок. Я поражена такой необыкновенной любезностью и пользуюсь ею вовсю. Например, вчера ночью убежала из дачи и проблуждала с Вадимом до самого рассвета. Когда я возвращалась домой, верхушки сосен золотились первыми, нежными лучами восходящего солнца. Со стороны моря дул прохладный ветер. Пахло сырими листьями, грибами и смолой. Я жадно вдыхала в себя этот воздух, закрывала глаза, и мне казалось, что вокруг меня всё поёт и улыбается. Мне так приятно вспоминать эту прогулку ещё и потому, что Вадим был трогательно нежным, и ссоры не было. О прошлых стычках тоже не говорим, и я наслаждаюсь таким спокойствием. Вид у меня стал лучше. Мама об этом сказала мне как-то и одобритительно при этом на меня взглянула. Когда я собиралась идти домой, Вадим предложил мне поужинать в ресторане. Но своё согласие дать без мамы я побоялась. Должно быть, со стороны было смешно смотреть, как я, бросив Вадима, подбежала к маме за «разрешением» и потом помчалась обратно к Вадиму, и мы направились к ресторану. Правду сказать, я не ожидала, что мама позволит мне поужинать с посторонним человеком, не имеющим счастье принадлежать к нашей семье, в ресторане, да ещё без неё! Ведь это чудо! Лёля, очевидно, тоже не ожидала этого. Она почему-то страшно разозлилась и постаралась, пока я стояла около мамы, своим зонтиком испачкать мои новые ботинки. Но я была равнодушна к её «гневу». Мне в эту минуту было не до неё. Я была счастлива и довольна, что буду ужинать одна с Вадимом, в ресторане, в первый раз в своей жизни, как окончательно взрослая! Ведь прежде – о ресторане нельзя было и думать!

В общей зале, куда мы направились с Вадимом, играл струнный оркестр. Было шумно, ярко. Почти все столики были заняты. В зеркалах отражались огромные дамские шляпы, причёски, перья, мужские самодовольные, разгорячённые от вина, лица.

Мне было жутко и неприятно очутится в ярко освещённой зале, наполненной чужими, далёкими для меня людьми, под руку с Вадимом.

На нас обратили внимание. Дама лорнировала меня с некоторым высокомерием. Должно быть, я была удивительно комична в своём модном

узком платье, я, только вставшая со школьной скамьи. Я чувствовала себя неловко, не знала, куда деть свои руки и что делать, пока нам подадут ужин. Мне ужасно совестно вспомнить, но я начала от смущения, чтобы чем-нибудь только заняться, общипывать ломтики хлеба и клала их в рот. Мне даже есть не хотелось, но все, вероятно, подумали, что я голодна, и даже Вадим, мне казалось, конфузился от моего неумения себя держать. Но что же мне делать, если иначе я не умела себя вести. Я чувствовала себя ужасно скверно, я не могла ни о чём поговорить с Вадимом, я, которая, обыкновенно, не умолкая, рассказывала ему о чём-нибудь или просто смеялась, но никогда не молчала так томительно, как теперь. Все мысли, все слова куда-то уплыли, в туман далёкий, и я не могла ничего вспомнить из того, что нужно было говорить Вадиму. Он видел моё смущение и старался меня выручить. Он всё время говорил, задавал мне вопросы, старался втянуть в разговор; смотрел на меня ласково и ободряюще. В эту минуту он был почему-то мне бесконечно близок и дорог, а я смотрела на него внимательно и мысленно горячо молилась, что «тот», «другой Вадим» с расширенными глазами и порывистыми движениями больше никогда не заглянет мне в лицо.

На вопросы Вадима я отвечала односложно, качалась на стуле, ловила себя на этом, старалась сидеть спокойно, но не могла. Я начинала жалеть, что согласилась прийти с Вадимом в этот шумный, залитый ярким электрическим светом, зал. В эту минуту мне было особенно неприятно ощущать на себе взгляды мужчин, особенно когда я обратила внимание, что мой сосед по столику, совсем ещё молодой, почти юноша, бросал на меня пристальные, пронизывающие взгляды. Вадим сидел к нему спиной и не видел ничего. А тот развалился на своём стуле, спокойный, жизнерадостный, улыбающийся, вероятно, привыкший к этой атмосфере яркого электрического света, волнующей музыки и женщин, и лениво и медленно пил красное вино. Я сидела лицом к нему и невольно внимательно изучала его. Губы его, красные от вина и жары, были сложены в особую, мне казалось, умышленную гримасу. Взгляд был такой, что мне почему-то делалось стыдно и щёки мои покрывались всё больше и больше розовой краской. Я чувствовала, что я краснею, хотела избавиться от его взгляда, но если я не смотрела на него, то чувствовала его. Я невольно сравнивала его с Вадимом. У Вадима были удивительно привлекательное, красивое, спокойное лицо, но рядом с «тем лицом» оно казалось не молодым.

Первый раз в голову мне пришла мысль о годах Вадима. Я, недолго думая, спросила Вадима, сколько ему лет.

Он, как мне показалось, был очень удивлён моим неожиданным вопросом, который вырвался у меня совершенно случайно, помимо моей воли, и ответил без запинки:

- Тридцать семь.
- Я была уверена раньше, что вам меньше.
- Разве это имеет какое-нибудь значение?
- Нет. Я просто так...

Мне стало ещё более неловко, что я завела речь о годах, хотя я отлично знала, что это неудобно. Мама мне не раз говорила, что спрашивать о годах, это «крайне бестактно». Я хотела чем-нибудь загладить свой поступок и посмотрела на Вадима ласково и нежно.

С некоторых пор мама начала говорить со мной о Вадиме, о наших отношениях, чего прежде не было. Каким-то образом она разузнала,

что он служит в Энске, в канцелярии губернатора, что он на лучшем счету и метит в вице-губернаторы. Меня это крайне поразило. Я никогда не интересовалась социальным положением Вадима с тех пор, как мы с ним познакомились. Наше знакомство было такое оригинальное и не обыденно-будничное, что я не могла при всей своей фантазии представить себе Вадима в роли служащего, в роли чиновника, сидящего в деловом, строгом кабинете и пишущего какие-то бумаги. Как я далека была от этого. Мне казалось, что он не может «служить», ходить на занятия, сердиться на подчинённых, выслушивать почтительно замечания начальников, это было до того чуждо его душе, его характеру. Ведь я не могла сравнить Вадима со всеми другими, для кого, как мне иногда казалось, созданы все эти деловые кабинеты и тому подобное. Вадим мне казался оригиналом, фантазёром, немного поэтом, мягким и нежным. За эти качества, вероятно, я так сильно его полюбила. Я не могла его сравнивать со всеми моими знакомыми, с другими мужчинами, которые были для меня противны, со своими жадными, пронизывающими глазами и грубыми желаниями. Правда, и с Вадимом у нас выходили недоразумения и стычки, и он иногда бывал мне противен и ненавистен, но ведь это «тот», «другой Вадим», который иногда только прорывался, но сейчас же уходил вдаль. А мой настоящий Вадим, которого я любила безумно, горячо, «мой» Вадим был совершенно другим – и с ним мне бывает легко и хорошо, с ним я чувствую себя другой, перерождённой, с ним я как цветок на солнце, а без него как без солнца!

Я сижу у окна и торопливо записываю эти строки. Слышу, что зовёт мама. Надо идти. Опять, вероятно, кто-нибудь притащился и надо идти в гостиную и занимать гостей. Как это скучно! Право, и в положении «взрослой девицы» не только розы, но и шипы. Занимать скучных знакомых, это немногим веселее занятия с квадратными уравнениями. Лёля торжествовала бы, если узнала бы, с какой неохотой я иду в гостиную. Счастливая! Ей не надо идти туда! Она может отговориться незнанием уроков.

Вчера пришли Березовские, тётя Лина. И я должна была говорить с ними о последних шляпах, о погоде. Было скучно! Тётя Лина всё время говорила намёками, но я не хотела ничего понять. Я старалась быть оживлённой, весёлой, хотя в душе проклинала всех, и, кажется, вчера мне удалось скрыть свою скуку.

На этих днях мама собирается дать «гранд-сокретт»*. Будет приглашён оркестр, будет гореть фейерверк и тому подобные удовольствия! Лёля торжествует. Бегает всё время по комнатам и совещается со всеми, начиная от мамы и кончая горничной Дашей, какое её приготовить платье. Она много ждёт, кажется, от этого вечера. Я же совершенно равнодушна к этой затее.

Сегодня мама заговорила со мной о том, что необходимо пригласить на наш вечер Вадима Алексеевича.

– Он бывает всюду с тобой, – говорила мама. – Вы ужинаете вместе в ресторанах; это необходимо, чтобы он показался, наконец, в нашем доме.

Я всеми силами воспротивилась этому. Я не хочу, чтобы Вадим бывал бы у нас, вошёл бы в наш круг, перезнакомился со всеми нашими, чтобы тётя Лина переглядывалась и перешёптывалась на его счёт

* Так в оригинале рукописи.

со всеми. Нет! Нет! Нет! Я не могу допустить это! Мне не хочется делать его обыденным «просто знакомым», который приходил бы, когда вздумается в наш дом, целовал бы мамины руки, шутил бы с «младшей сестрицей» Лёлей, обедал бы у нас, ел суп с перловой крупой и давал бы советы маме, где дешевле покупать говядину!

От всего этого несёт такой тусклостью и скукой, что мне становится обидно до боли. Как в первые дни нашего знакомства я отговорила его «делать визиты» маме и вообще старалась, чтобы он был подальше от нашего дома. Для меня Вадим был всегда красивой и яркой сказкой. И теперь у меня хотят отнять эту сказку, хотят превратить её в будничные эпизод.

Вчера у меня произошёл с мамой довольно крупный разговор. Дело в том, что я отказалась пригласить Вадима на наш вечер. Мама рассердилась. Она объявила, что я не должна забывать то, что я дочь генерала Ласовского и что будь папа жив, он никогда бы не допустил, чтобы его дочь вела бы себя так «неприлично», как я.

Всё неприличное заключается, по мнению мамы, в том, что мы с Вадимом бываем всегда вместе, а дома у нас Вадим не бывает.

– Что о вас могут подумать знакомые; ведь они отлично знают, что Вадим Алексеевич не бывает у нас, – говорила мама с ноткой возмущения в голосе.

Я пыталась возразить на мамины аргументы, но мне было трудно сказать хотя бы одно слово. Мама начинала меня перебивать и, наконец, категорически объявила. Что если Вадим не будет на нашем вечере, то она считает неудобным продолжение моего знакомства с ним. Я ничего не могла на это ответить и ушла в свою комнату. Целый день у меня было из-за этого скверное настроение, я сидела в саду и делала вид, что читаю книгу, но читать не могла; буквы прыгали перед глазами, на которых блестели слёзы.

Я обдумывала своё положение, и мне кажется, что придётся сдать. В противном случае мама будет мешать нашим встречам и вместо того, чтобы покровительствовать нам, будет преследовать, а это не в моей выгоде.

После долгих колебаний я, наконец, сказала Вадиму, что мама хочет непременно, чтобы он был на нашем вечере. Я не скрывала от него, что мне это нежелательно и что я только покоряюсь маминой воле. Вадим на это сказал, что он чувствует необходимость всё равно рано или поздно войти в наш дом и что на вечере непременно будет.

Маме я сказала, что «уговорила» Вадима быть у нас. На это последовала благосклонная улыбка и слово «умница».

Как всё это скучно! Мне иногда бывает так тяжело, так тоскливо и ничего меня тогда не радует. Хочется забыться и уснуть! Когда я говорю об этом Вадиму, он говорит, что у меня расстроены нервы и что мне надо успокоиться.

Но как мне успокоиться, когда с одной стороны меня страшно волнуют наши отношения с Вадимом, а с другой – домашняя атмосфера, родственники, знакомые, которые изводят меня своими сладкими заботами и любопытными лицами! Я начинаю мечтать о том, когда мы уедем с дачи, когда опять вернёмся в город, где можно всё-таки укрыться от нескромных взглядов. Вчера, например, когда мы с Вадимом гуляли у моря, навстречу выплыла неожиданно тётя Лина. Надо было видеть, какие глаза она сделала! Пронизывающие! Сгорающие от любопытства –

пустого, ненужного! Вадим на это не обратил внимания, а я не могу не волноваться!

Вечер, который так страстно ожидала Лёля и из-за которого у меня было столько неприятных разговоров с мамой, наконец, состоялся. Как ни боролась я с мамой, но пришлось сдаться и ввести Вадима в наш дом. Меня удивило больше всего то, что Вадим нашел нужным непременно быть у нас в доме. Лёля с утра знала, что будет на вечере Вадим, и не скрывала передо мной свой восторг, несмотря на моё сердитое лицо. Ей ужасно хотелось поближе познакомиться с этим «загадочным» господином, который всё время бывает с её сестрой и ни разу не был ещё в нашем доме. Мама с утра волновалась не меньше Лёли и ходила озабоченная и серьёзная, точно полководец перед решительным сражением. Одна я – виновница всех этих приготовлений к вечеру, была равнодушна ко всему, кроме мысли, что Вадим всё-таки будет. Впрочем, я особенно не огорчалась, так как изменить ничего не могла и мысленно с этим примирилась. Лёля в своём новом белом платье, нарядившаяся и готовая «принимать гостей» чуть не с обеда, была оживлена и интересна. Когда я сказала её об этом, она вспыхнула и убежала в сад.

В 9 вечера, когда у нас собралось уже довольно многочисленное общество, в дверях показался Вадим, спокойный, чуть улыбающийся, в тёмном костюме, стройный и моложавый, все притихли и впились взглядами в него.

Все наши знакомые знали, что я бываю всюду с Вадимом, об этом сплетничали много на даче от нечего делать, и вдруг теперь «он» появится в нашем доме. Я заметила, что многие, стрельнув глазами в Вадима, сейчас же обращали свой взор на меня. Я чувствовала, что всё моё лицо покрывается краской смущения, и не знала, куда мне деть свои руки, на что обратить взгляд. Повторилось то смущение, которое было в ресторане, когда я ужинала с Вадимом.

Но меня ободрило и обрадовало то, что Вадим сохранил ледяное спокойствие.

Я только сейчас поняла, что значит «уметь держать себя в обществе», и постепенно успокоилась. Все называли свои фамилии, имена, делали какие-то странные, кислые гримасы, которые должны были означать что-то вроде улыбок, и роняли: «очень приятно» или «весьма приятно» и т. п.

Тётя Лина впилась в лицо Вадима своими хитрыми, маленькими глазёнками и что-то шептала своей соседке, тучной красивой даме. Обе слегка улыбнулись. Меня это рассердило, и я опять почувствовала, что начинаю волноваться. Когда все перезнакомились, начался «общий разговор». Начали говорить о погоде на даче, о развлечениях и постепенно перешли к политике. Говорили очень много, шумно, стараясь перекрыть друг друга. Мне было скучно и неприятно слушать пережёвывание старых слов, которых я наслышалась вдоволь за всё лето в нашем доме, тем более что я знала наперёд, что будет говорить Лина, что ответит её муж и как дядя Костя вставит, кстати и не кстати, свою любимую фразу: «Мы не виноваты ни в чём. Век наш XX надо винить. Мы дети века – нервные, больные».

Чтобы как-нибудь смягчить скуку, я подошла к маме и шепнула, что пора начать танцы. Мама вскочила с места, заволновалась, побежала узнавать насчёт «запоздавшего оркестра». Вадим молча стоял у дверей.

Он больше не принимал участия в общем разговоре и, когда я прошла мимо него, думая о том, как бы удачнее сделать равнодушное лицо, назло всем, кто в эту минуту впилась в меня своими взглядами, Вадим шепнул мне, что ему надо поговорить со мной, и глазами указал на сад.

Я не знала, как бы удобней выскользнуть из столовой. В эту минуту раздались звуки музыки, и показалась в дверях мама, улыбающаяся и оживлённая, приглашая всех в зал. Поднялась маленькая суматоха, которой я и воспользовалась и незаметно для других, выбежала в сад. Следом за мной пошёл Вадим. Когда мы очутились в глубине нашего большого сада, он вдруг обнял меня и начал осыпать горячими поцелуями лицо и шею. Я чувствовала его жаркое дыхание и, как сквозь сон, ласкающие, причудливые слова, которыми он опьянял меня.

– Я хотел бы поговорить с тобой об очень важном для меня. Но я так боюсь говорить об этом с тобой. Ты такая странная. Бываешь такой холодной ко мне, что я начинаю сомневаться иногда в твоей любви ко мне...

Я почти ничего не сознавала. От его поцелуев, от горячего, обжигающего дыхания, от близких и алых губ у меня кружилась голова. Звёздное небо было загадочно и ярко. Немного холодный воздух сада напоён ароматом ночных цветов. В эту минуту мне было так хорошо, как никогда. Я доверчиво прижалась к его груди и слушала его взволнованный, увлекающий, чудный голос, но слов не разбирала. Мне казалось, что я слышу какую-то неведомую, но прекрасную музыку, что ночь поёт волнующую и сладкую песнь.

Я опустила на скамейку около Вадима, и мы застыли, оба замороженные звёздными точками на небе, чудной ночью и своей бесконечной и светлой любовью.

Вдруг зашелестели ветки; заскрипел песок. Я вздрогнула и отодвинулась от Вадима. Раздвинулись кусты. Перед нами стояла Лёля, яркая, улыбающаяся, с ярко-красной розой на груди.

– Ася! Тебя мама ищет!

Глаза её с мучительным любопытством впилась в моё лицо, горевшее, как заходящее солнце, и стремились проникнуть сквозь меня, в тьму ночи, туда, где стоял Вадим. Но его она не увидела. Он вышел окружной тропинкой к дому, а я, растерянная, смущённая, пошла за Лёлей.

Мама внимательно окинула меня с головы до ног и сказала, что мне надо занимать наших гостей.

Музыка играла вальс. Я прошла несколько туров с какими-то молодыми людьми, которых видела первый раз в нашем доме, и один тур с Вадимом. Танцевал он плавно и легко. Когда под звуки вальса мы неслись с Вадимом по зале, я смотрела в его глаза и читала в них много ярких и дивных слов. Танцы продолжались. Я танцевала со всеми, и с Вадимом, конечно, но наедине весь этот вечер с ним больше не оставалась. Я заметила, что мама довольно долго разговаривала с Вадимом, когда я танцевала с другими, и была с ним предупредительна и любезна.

Разошлись гости очень поздно, почти под утро. У меня болела голова и ныли ноги. Вадим ушёл раньше других, успев шепнуть мне, чтобы завтра я пришла к морю. Я продолжала занимать наших гостей и старалась быть оживлённой и весёлой, хотя в душе было пусто после Вадиминого ухода. Но мне, кажется, удалось скрыть свою грусть. По крайней мере, мама посмотрела на меня одобрительным взглядом, который говорил: «Вот умница! Так и надо держать себя, чтобы никто из посторонних не заподозрил, что ты занята чем-то другим, а не только вечером и гостями...»

Когда все разошлись, и я очутилась одна в своей комнате, я опустилась перед кроватью и тихо заплакала.

Что случилось? Что произошло? Я хожу по берегу моря, смотрю на волны, смотрю на небо, и всё мне кажется новым. Душа, как волны. Я – как деревцо, качаемое ветром. Как мне быть? Что ответить? Я никогда не думала, что это будет именно теперь, что это произойдёт на другой день после нашего «вечера». Я застигнута врасплох. Вадим сделал мне предложение. Быть его женой! Я никогда об этом не думала. Как неожиданно для меня всё это произошло.

Когда я встретила на другой день с Вадимом он, после нескольких незначительных фраз, вдруг заговорил о женитьбе так просто, ясно, как будто о заходе солнца за море.

Мы сидели на нашем любимом месте у моря, на камнях, скрытые от нескромных взглядов посторонних. Мне было так хорошо сидеть рядом с Вадимом. Я вспомнила вчерашний вечер в саду и молчала. Когда я услышала, что Вадим говорит о женитьбе, то сначала не поняла, а когда поняла, что он предлагает быть его женой, оцепенела. Я видела, как он нахмурился.

– Я знал, что ты так, именно так отнесёшься к моему предложению. Тебе это неприятно? Ты меня не любишь?

Я сказала Вадиму откровенно, что о замужестве совершенно не думала и что его предложение для меня явилось полной неожиданностью.

– Если вы согласны, я завтра же явлюсь к вашей матери и буду просить у неё вашей руки.

Я ответила, что подумую, и ушла сейчас же домой. Целый вихрь мыслей ворвался в бедную мою голову, ещё набитую квадратными уравнениями и измерениями и ещё не выветрившуюся от различных советов и выговором классных дам.

Для меня всё это так неожиданно и странно. Яркое первое увлечение, тайные поцелуи, свиданья на берегу моря, на камнях, шёпот под звук волн, ударявшихся о песок. Загадочный лунный свет, далёкие звёзды... И вдруг... «явлюсь к матери», «разрешение на свадьбу»... Серьёзное, торжественное лицо Вадима.

Я не могу представить Вадима, «моего», того Вадима, который говорит со мной на берегу моря в первый день нашего оригинального знакомства, торжественно целующим пухлую мамину руку и произносящего холодно официальным тоном: «Имею честь просить руки вашей дочери Анны Ласовской»..

Мне смешно и обидно. Я не могу объяснить, почему мне стало грустно, после Вадиминого предложения... Я убеждаю себя, что я должна быть радостна и весела, что я должна быть довольна, что «выйду замуж». Ведь об этом мечтает так много моих подруг. И выйду замуж за человека, которого я люблю, который любит меня безумно. Но в душе пустынно и холодно. Я записываю эти строки в дневник, и мне кажется, что я потеряла что-то дорогое, милое. В раскрытое окно доносится шелест деревьев... Вот несколько зелёных листьев упали на подоконник... Пахнет далёким морем... Боже мой, как грустно, как бесконечно грустно...

Когда я сказала маме, что Вадим мне сделал предложение, она вся просияла и торжественным тоном стала восхвалять достоинства Вадима. Меня удивило это, так как мама говорила с ним всего один раз

на нашем вечере. Видя моё удивление, мама поняла его по-своему и сказала, что я должна радоваться и благодарить Бога, что так скоро нашла себе «приличную партию», назвала несколько знакомых барышень, которые «ждут, но не дождутся жениха». Под конец мама совсем растрогалась, обняла меня, поздравила и прослезилась.

Когда же я сказала, что ответила Вадиму «подумаю», была бесконечно огорчена.

– Ведь ты же любишь его? Что тебе надо ещё? Он молод, красив, занимает известное положение, не сегодня-завтра будет вице-губернатором! Любит тебя сильно. А ты ломаешься ещё. И «думать» не надо. Наконец, этим ты его можешь обидеть.

Я была совсем сбита с толку маминым «красноречием», не могла совершенно понять, почему она так распинается за Вадима. Мама, заметив моё смущение, посоветовала «выбить дурь из головы» и понять, что «такая партия – редкая удача».

– Нечего кривляться. Сама потом будешь каяться. Если ты думаешь, что тебе ещё рано выходить замуж, то ты ошибаешься. Я вышла ещё раньше тебя и, слава Богу, была счастлива с твоим отцом.

Я много думала о Вадиме, когда осталась одна. Мне представилось его лицо. Ясное. Спокойное. Вспомнила я первый день нашего знакомства. Его взгляд. Потом наши встречи. Маленькие ссоры. Нашу любовь. Как всё это началось? Я не могла ясно вспомнить, когда я почувствовала любовь к Вадиму. Почему мысль о замужестве не приходила до сих пор мне в голову?

Я не выходила из дому. Лёля была печальной и замкнутой. Подходила ко мне иногда; мне казалось, что она мне что-то хочет сказать, но не решается. Я не заговаривала с ней, хотя мне ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями.

Вечером к нам кто-то пришёл, но я не выходила и пила чай у себя в комнате, закутавшись в мягкую, пушистую шаль, полулёжа на моём зелёном диване. Лёле я сказала, что мне нездоровится, и она старалась ходить на цыпочках.

Мама меня не беспокоила и не просила принимать гостей. Я о многом передумала в этот вечер. Почему-то вдруг, неожиданно для самой себя, я почувствовала всю связанность и тягость жизни у нас в доме. В институте как-то не так было заметно эта связанность. Но теперь, когда я кончила, когда я очутилась на свободе, мне захотелось вдруг настоящей свободы, а не тихого, хотя и уютного прозябания в нашем доме. Я вспомнила мамин деспотичный характер, наши частые ссоры, и почему-то в этот вечер то, что я считала неважным и несерьёзным, для меня приобрело какой-то новый отпечаток. Я старалась уяснить себе, отчего это происходит, но не могла. Я чувствовала, как голова моя тяжелела, как какое-то неприятное предчувствие пронизывало моё тело.

Что будет дальше? Что будет дальше? И вдруг – мысль о Вадиме, о «моём» Вадиме, ясном, светлом, любимом. Мне стало легче. Я лежала на диване, грызла галеты и слушала, как из сада доносились голоса молодёжи. И из глаз моих капали светлые слёзы.

Я сказала Вадиму, что согласна быть его женой. Я долго думала прежде, чем дать своё согласие и пришла к тому выводу, что всё равно, рано или поздно «нужно выйти замуж», как говорила мама, а ведь лучше соединить свою жизнь с таким человеком, как Вадим, чем с кем-нибудь другим.

Боже мой! Что со мной делается? Я, кажется, начинаю мыслить совсем как мама. Всё, о чём говорила мне мама в продолжении нескольких дней, мне теперь кажется моим собственным мнением.

Но я дала своё согласие Вадиму. Он, должно быть, не ожидал этого, так как лицо его преобразилось сразу и помолодело. Лёгкий румянец покрыл щёки, и я, почувствовав желание его поцеловать, кинулась ему на шею. Он меня прижал крепко-крепко к своей груди и голосом, тронувшим меня своей нежностью, прошептал: «Благодарю тебя. Благодарю».

Мы ходили по берегу молча. Я наблюдала за Вадимом, чувствуя, какую огромную радость доставила ему своим согласием, и меня радовало это и приятно щекотало нервы. Он проводил меня до самой калитки нашей дачи, но к нам не зашёл, за что я была ему очень благодарна потому, что не хотела, чтобы его видел сейчас кто-нибудь из наших. Как хорошо и легко я себя чувствую.

Дома у нас всё вверх дном. Мама волнуется больше всех, с утра до вечера у нас в доме портнихи, готовят платье, бельё, томят меня примерками и т. п.

Я вижу Вадима реже. Мама целый день держит меня дома из-за примерок.

Вадим на два дня уезжал по своим делам и через несколько дней должен опять поехать в город.

Вечером, иногда, встречаемся, как и прежде, у моря. Вадим трогательно нежен. Много говорит о нашей будущей жизни и спрашивает меня обо всём. Он говорит, что без меня ничего не устроит в своём доме. Он хочет, чтобы всё было по моему вкусу. Своим мягким, вкрадчивым голосом он убаюкивает меня. И когда я сижу около него, я забываю обо всём окружающем.

Только мне бывает немного страшно, когда он прижимает меня к себе и как-то загадочно смотрит в мои глаза сверху вниз. В такие минуты мне кажется, что он гипнотизирует меня, и я становлюсь печальной и покорной. Я не думаю о будущем. Когда Вадим говорит о нашей жизни, она рисуется для меня в смутных и бледных красках, но без этой «новой жизни» я бы не могла жить, я бы не могла вернуться к прошлому, забыть Вадима, жить с мамой и Лёлей, каждый день встречаться с нашими родственниками и не иметь своих желаний. Когда я думаю об этом, у меня начинает голова кружиться, и я радуюсь, что скоро будет всё по-другому.

Вадим говорит, что я буду свободна, что я буду делать всё, что захочу, и что ему будет приятно исполнять мои желания и чувствовать, что мне хорошо.

На днях Вадим вернулся из города и привёз мне подарок: чудный браслет, усыпанный рубинами и бриллиантами. Мне было стыдно принять эту вещь от него, но мама уверяла, что это «так принято», что женихи дарят невестам подарки.

— Он, должно быть, богат, — сказала мама. — Этого я не знала. Вот видишь, как тебе повезло.

Когда Лёля увидела браслет, она взвизгнула от удовольствия и глаза её загорелись таким ярким, сверкающим огнём, что я удивилась. Откуда у неё такая любовь к драгоценностям? Она поздравляла меня, целовала, прыгала около меня и подпевала себе. Потом взяла браслет, надела себе на руку и долго смотрела на него.

Я наблюдала за ней, смотрела на её пылающие глаза, и в эту минуту она казалась мне не несносной, «подсматривающей», сестрицей, а дорогой и родной. Я притянула её к себе и крепко поцеловала.

– Когда я выйду замуж, я подарю тебе такой же.

Лёля вдруг заплакала и отбросила браслет.

– Не надо. Не надо. Я не хочу этого.

Я была страшно удивлена, расспрашивала её, но ничего не могла добиться. Она вырвалась из моих рук и убежала в сад.

Мама официально объявила Вадима моим женихом. Я получаю поздравления. Цветы. К нашей даче опять потянулись вереницы знакомых с деланными улыбочками и неискренними пожеланиями. Вадим торопит со свадьбой. Мама тоже хочет как можно скорее покончить со всеми предсвадебными приготовлениями. Одна я не тороплюсь. Мама ко мне теперь не пристаёт, вообще совершенно изменила ко мне отношение, и я чувствую себя великолепно. Мне даже больше нравится положение «невесты». Я хотела бы протянуть это время. Мама предупредительна, Вадим особенно нежен, знакомые только и говорят, что о моих свадебных туалетах. Всё-таки это приятно, когда сознаёшь, что ты служишь «центром», вокруг которого вращается многочисленный круг дачников, хотя порой и надоедает.

Я с Вадимом по-прежнему показываюсь всюду, под руку, и чувствую, что все на нас смотрят, а некоторые подруги, судя по тем взглядам, которые они бросают на меня, завидуют.

Дома у нас лихорадочное оживление увеличилось в несколько раз.

Все бегают, суетятся, исполняя поручения мамы и портних, которые теперь воцарились у нас в доме. Свадьба будет в городе; после свадьбы мы с Вадимом поедem на две недели путешествовать по Волге, а потом поедem прямо в город; на даче останется мама с Лёлей. Мама всё время настаивает, что надо совершить свадебное путешествие за границу, но Вадим теперь по своим служебным делам не может отлучаться далеко, поэтому мы решили с ним проехаться по Волге.

Когда я начинаю думать о том, что через какую-нибудь неделю в моей жизни произойдёт такой крупный перелом, у меня приятно кружится голова, но в душе какое-то неловкое чувство тоски и тревоги.

Я стала заметно нервничать. Мама уговаривает меня не волноваться и вообще «не придавать этому особенного значения».

– Ты должна была привыкнуть к мысли о замужестве. Ты с детства знала хорошо, что в твои лета единственное дело – это выйти замуж. Что же ты теперь волнуешься, точно в первый раз в жизни услышала, что тебе надо выходить замуж?

Иногда я закрываю глаза и представляю себе величественную Волгу, маленький пароход и себя с Вадимом на палубе. Я даже чувствую запах воды, мне кажется, что я слышу скрип канатов...

Неужели это будет теперь, так скоро?

Неужели это возможно?

Вадим приходит теперь к нам каждый день с цветами, конфетами; просидев минут 10-15 дома, мы обыкновенно уходим гулять. Я всегда тороплюсь выбраться скорей из дома и очутиться в «нашем уголке», где мы всегда бродили с Вадимом, на берегу, около груды больших камней, разбросанных в красивом беспорядке. Мама ужасно волнуется, когда

я долго не возвращаюсь, делает страшные глаза и просит не забывать, что на днях наша свадьба и что нужно «пока» быть сдержаннее и осмотрительнее... Я не понимаю, что ей надо от меня. После бесконечной свободы, которую она предоставила мне в дни нашего знакомства с Вадимом, в самые последние дни она следит за мной неотступно. Я так устала от этих свадебных приготовлений и маминых наблюдений, что жду с нетерпением, когда наступит «тот» день.

Вчера Лёля страшно напугала меня своим истерическим припадком. Вообще в последнее время она стала какой-то болезненно нервной. Перед самой свадьбой произошёл следующий случай, который заставил меня призадуматься над многими вопросами. После одной из прогулок с Вадимом, вернувшись в свою комнату, я заметила, что кто-то лежит на моей кровати, я была страшно напугана. Стояла молча и была не в силах сдвинуться с места. В эту минуту луна вышла из-за туч и осветила комнату серебряным холодным светом, и я увидела, что на моей кровати спит Лёля. Я хотела подойти к ней, расспросить, каким образом в этот поздний час она, вместо того чтобы спать в своей комнате, лежала на моей кровати. Но в эту минуту, когда я сделала шаг по направлению к ней, она вдруг проснулась, точно почувствовав моё приближение.

Видя моё полуиспуганное, полунедоумевающее лицо, Лёля кинулась ко мне на грудь и прошептала:

– Прости меня, Ася! Я, кажется, напугала тебя, – и, спрятав свою голову в моих руках, начала тихо всхлипывать, потом приблизив свои губы к моему лицу, начала горячо и сильно меня целовать.

На мои расспросы она отвечала, что пришла со мной проститься, так как я выйду замуж и буду для неё потеряна.

И снова принималась плакать и целовать меня.

Я говорила, что всё это глупости, что моё замужество ничего не изменит по отношению к ней, что я останусь такой же, как и была раньше. Но всё было напрасно. Её всхлипывания переходили в рыдания. Плечи её тряслись, руки цеплялись за моё платье, и вся она была в эту минуту жалкой и маленькой.

Я забыла все её подсматривания за мной, порой надоедливый характер, всё-всё, за что я её не особенно долюблівала, и острое чувство жалости пронзило мою душу.

Я гладила её волосы, говорила слова утешения, всё, что приходило в голову в эту минуту, но её рыдания переходили в серьёзный истерический припадок, и я начала бояться за её здоровье. Будить маму и поднимать на ноги весь дом я не хотела, а сама ничем не могла помочь Лёле.

Но вдруг она стала затихать, плач её становился всё глуше и глуше и, наконец, прекратился. Я наклонилась над ней. Она лежала без чувств. Когда через несколько минут я намочила полотенце и приложила к её воспалённой голове, ей стало немного лучше, и она постепенно пришла в себя. Я хотела проводить её в её комнату, но она отказалась.

– Не гони меня хоть сегодня! Я хочу тебе сказать всё-всё. Я только сейчас смогу это сделать. Не сердись, дорогая Ася, что я тебя так напугала и обеспокоила... Но я должна же была когда-нибудь рассказать тебе, как я люблю тебя. Я не могу, не могу с тобой расстаться. Я тебя люблю, обожаю, как никого на свете. Ты этого не знала? Да? Ты не любила меня, сердилась на меня часто за то, что я всегда смотрела за тобой. Я знаю, не отказывайся, но я не сержусь на тебя; ты видишь, наоборот, я ещё больше люблю тебя. Когда ты уходила из дома,

в то время, когда ты гуляла у моря со своим Вадимом, я лежала на кровати в своей комнате, одинокая, никому не нужная и плакала тихо, сдавленно, чтобы никто не услышал. Иногда я от злости рвала свои волосы и кусала губы! Боже мой! Если бы ты видела меня, милая Ася, в одну из таких минут, ты, должно быть, пожалела бы меня! Когда ты познакомилась с Вадимом и начала бывать с ним, я обо всём догадалась сразу, но молчала, никому об этом не говорила только из любви к тебе. С каким нетерпением я ожидала всегда твоего прихода, с каким напряжённым вниманием я ждала шороха, шелеста твоего платья. И когда я слышала, что ты вернулась, я закрывала спокойно глаза и засыпала. Как хотелось мне в такие минуты прибежать босиком в твою комнату, прыгнуть на твой зелёный диван и поболтать с тобой хотя бы пять минут, но я не смела. А раз, я помню, ты долго-долго не возвращалась ночью. О, как я мучилась тогда, как страдала. До твоего прихода я не могла сомкнуть глаз, сон не приходил ко мне.

А днём! Днём я была всегда весёлой и радостной, кружилась вокруг тебя и пела. Я была счастлива потому, что ты была со мной, а ты часто сердилась на меня и хмурила свои милые брови! Как мне больно бывало тогда! Если бы ты знала, если бы только знала!

И, точно вспомнив что-то тяжёлое и кошмарное, она закрывала глаза, мучительно запрокидывала голову и снова крупные, прозрачные слёзы падали на её щёки, шею, плечи. Весь её полубред, прерываемый иногда слезами, иногда истерическим смехом, я выслушивала с недоумением, не веря своим ушам в то, что слышу. А Лёля продолжала шептать бессвязные признания в горячей любви и просила её пожалеть и не отталкивать. Я успокаивала её, как могла, целовала её волосы и лоб, а сама страшно боялась, что мы разбудим маму и что вдруг она сейчас войдёт в мою комнату. Постепенно Лёля утишилась и, наконец, обессиленная таким нервным напряжением, заснула на моих руках.

Я долго думала о том, что означает этот эпизод, и недоумевала, откуда у Лёли такие сильное и горячее чувство любви ко мне? До этого времени я ничего не замечала. Что означают её слова о том, что я буду для неё потеряна, если выйду замуж, её нервность, её волнение? Я ничего не могу понять. После вчерашней почти бессонной ночи у меня ноет голова и скверное настроение.

Завтра свадьба. Через час я, мама и Лёля едем в город. Я на дачу уже не вернусь. После свадьбы – прямо на Волгу. Боже мой! Я не верю, что всё это – завтра, что всё кончено с прошлым. Я бродила у моря одна, у тех мест, где мы всегда бродили по вечерам с Вадимом, и прощалась с волнами, с прибрежными камнями, с дачами. Мне почему-то грустно. Лёгкий ветер доносит до меня запах водорослей, цветов. Кружится голова.

Хрустит песок. Шаги быстрее.
О чём, о чём душа грустит?
Вот ветер, ласково повея,
Ветвями тихо шелестит.

Вот парус в синей дали тонет,
А море – море, как эмаль.
Волной лазурной сердце тронет
И обнажит мою печаль...

Лёля была эти дни тихая и замкнутая. О «том вечере» с ней больше не разговаривали. Она помогала мне укладывать вещи, бегала по моим поручениям и всё это тихо и покорно. Я к ней переменила отношение; у меня не хватает сил сказать ей что-нибудь грубо или нахмуриться. Почему-то мне её жаль до боли. Я стараюсь быть с ней ровной и весёлой и не говорю о Вадиме, который уже уехал в город кое-что приготовить. Скоро ехать! Последним уложу свой дневник, который был для меня лучшим другом, которому я говорила всё, что не решалась бы сказать даже Вадиму.

Итак, прощай моё прошлое, прощай жизнь с былыми радостями и горестями. Начинаются новые дни – вторая жизнь!

II

Боже мой! Что произошло за это время, как я забросила свой дневник! Прошлое мне кажется кошмаром, от которого я до сих пор ещё не могу совсем освободиться! Где грёзы прежние? Где та «новая жизнь», которая рисовалась мне в таких заманчивых, ярких красках?! Разбито, уничтожено всё-всё. И душа моя, точно степь после пожара. Всё, что в ней было, чем я жила, измято кем-то неумолимым и грубым. Когда я начинаю вспоминать прошлое, когда воскресают в моей памяти некоторые картины, мне делается нехорошо я чувствую себя опять больной и слабой! Я ещё не оправилась после болезни, мне вредно всякое волнение, как говорит доктор, но я не могу иногда не вспоминать моего кошмара, не могу не поделиться с дневником, так как тогда будет ещё хуже. Я пробовала сидеть на кровати и ни о чём не думать, но это мне не удавалось. То и дело выплывали образы, воспоминания и, как уколы пчёл, жгут меня и томят.

Больше месяца я была больна. Теперь я только узнала, что болезнь была опасная. Я всё это время ничего не сознвала. Лежала без памяти. Сейчас я едва держу перо. Уже чувствуется усталость.

Руки мои стали тонкими, бледно-синими, мне больно на них смотреть. Точно пальцы покойницы. А лицо? Когда я смотрю в зеркало, вижу провалившиеся печальные глаза. Щёки впали и покрылись болезненной бледностью. Я не узнаю в этом лице прежнюю Асю. Точно кто-то подменил меня. Но всё это мелочь и пустяки сравнительно с тем, что мне пришлось пережить с того момента, когда я переходила порог «новой жизни», о которой так много говорила мама, о которой так ласково нашептывал Вадим и которую я ждала, хотя и с тревожным предчувствием, но всё же с надеждой и сладким ожиданием...

Вчера я не могла закончить. Перо выпало из моих слабеньких, синих рук.

От наплыва ли горьких воспоминаний или оттого, что я ещё не оправилась от своей тяжёлой болезни, но я вчера чуть не лишилась сознания... Доктор запретил мне читать, писать, волноваться! Но я тайком веду свой дневник и в этом нахожу утешение. Я не знаю с чего начать, как описать всё, до малейшей подробности... От наплыва мыслей у меня кружится голова...

Всё началось с того вечера, когда, вернувшись с берега, где я гуляла с Вадимом, я застала на своей кровати Лёлю. С того вечера, когда она, рыдая и прося не отталкивать её, призналась мне в своей страстной,

лихорадочной любви ко мне. Я внешне осталась спокойной, в следующие дни готовилась ко дню свадьбы, но в глубине моей души уже тлели неведомые искры и заставляли порой сжиматься моё сердце, точно от мучительного и странного предчувствия. Я объясняю своё волнение тем, что я доживаю последние дни на нашей даче, кончаю со старой жизнью и начинаю «новую». В доме у нас было такое лихорадочное оживление, что моё волнение не особенно бросалось в глаза. Мама советовалась с тётёй Линой и дядей Костей, как поэффектнее устроить свадебный вечер, и волновалась так, будто сама выходила замуж.

О дне венчания я почему-то помню хуже всего. Помню только очень ярко момент, когда я стояла в церкви рядом с Вадимом и старалась сосредоточить всё своё внимание на словах священника. Я не могла в эту минуту понять ничего, и мне почему-то всё время вспоминался последний мамин совет «сохранять на лице во время венчания гордое спокойствие и торжественность». Не знаю, что было на моём лице, но мне сказали, что «торжественности» в нём не было, и мама была, должно быть, недовольна, что я не исполнила её напутственные советы.

Я стояла под перекрёстными взглядами огромной толпы, состоящей из родственников, подруг, знакомых и незнакомых, и чувствовала себя очень скверно.

Как я была рада, когда всё кончилось и мы очутились с Вадимом в карете вдвоём, вдали от любопытной толпы. Я помню, как сквозь сон, торжественную встречу, которую устроила мама у себя, море цветов, музыку, шампанское, неумолкаемые возгласы и поздравления.

Я старалась казаться весёлой, спокойной, радостной и счастливой, отвечала любезно на поздравления, раздавала цветы, смеялась громко, но голова у меня болела, в висках стучало, и на душе было скверно и пусто. Когда...

Вчера не могла закончить свои воспоминания. Вошёл доктор, который запретил мне пока «читать, писать и вообще волноваться!» Я страшно была напугана, и едва успела спрятать дневник под подушку. Днём мне позволили немного погулять. Это в первый раз за мою болезнь. Я с наслаждением вдыхала в себя свежий, ароматный, прохладный воздух и чувствовала, как ветер целовал мои волосы. Небо было ясное, загадочное. Деревья шелестели своими ветвями... У меня сладко кружилась голова от острого, приятного запаха сосны.

Когда я вернулась с прогулки и хотела сесть за свой дневник, пришла мама и Лёля. У мамы лицо измученное и уставшее. Под глазами круги. Мне её стало жаль. Зато Лёля весёлая и радостная, как солнце.

Она принесла мне огромный букет резеды и с такой нежностью протянула его ко мне, что я не могла не обнять её. Мама сидела хмурая и молчаливая и что-то вяло рассказывала, а Лёля стояла у окна и что-то рисовала пальцем на стекле.

Возвращаясь к прошлому... к Вадиму, который для меня потерян теперь навсегда. Надо ли жалеть об этом, что он для меня умер, или нет? Не знаю, но когда вспоминаю его, в моём воображении сначала встанет первый образ того Вадима, которого я любила, «моего Вадима», который знакомится со мной на берегу моря, и мне его жаль, и чувствую, что люблю его, но сейчас же я вспоминаю «другого» Вадима уже из моей «новой жизни», и этот последний вытесняет первый образ, и мне уже не жаль его, и я не люблю...

Сначала мы с Вадимом решили ехать на Волгу после свадьбы, но потом Вадим переменял этот план и сказал мне, что его задерживают дела в городе и что нам придётся поехать на Волгу только через неделю. «А пока мы будем жить у меня, в городе», – сказал Вадим.

Я сначала ответила Вадиму, что будет лучше, если я пробуду эту неделю у нас на даче, но Вадим настаивал, говоря, что у него готова для нас квартира, и мама поддерживала его, говоря, что никогда не бывает, чтобы после свадьбы муж и жена разъезжались бы в разные стороны.

Хотя мне не улыбалось жить целую неделю в городе вместо того, чтобы поехать на Волгу, о которой я так мечтала, но я согласилась для Вадима на это.

После торжественного приёма, который мама устроила в нашей городской квартире, после танцев, ужина, цветов и поздравлений, когда мы ехали с Вадимом в его дом в карете, я не думала о переломе в моей старой жизни, о «новой жизни», о свадьбе и вообще о свадебном дне, таком торжественном и шумном. У меня было на душе тихо-тихо. От волнений, усталости у меня болела голова, и мне хотелось поскорее забыться во сне. Поэтому я не отвечала на поцелуи Вадима и не обращала внимания на его горячие объятия.

Когда я вошла в его дом, в первый раз за всё время нашего знакомства, мне стало немного жутко. Большая передняя, зеркала, цветы... от всего этого веяло холодом. Мне было всё это незнакомо. Когда Вадим провёл меня в спальню, я поцеловала его в лоб и в изнеможении опустилась на кровать. Вадим вышел. От усталости я не заметила тогда, что в комнате две кровати. Я положила голову на подушку и лежала, не раздеваясь.

Несмотря на то что у меня, когда я ехала сюда, слипались глаза, заснуть я не могла. Тело моё отдыхало. А в голове кружились мысли, обрывки воспоминаний, образы... Почему-то вдруг вся жизнь промелькнула в моей памяти... Детские годы, институт, история с французом, подруги, окончание курса, знакомство с Вадимом... Любовь! Как он сделал мне предложение. И вот теперь я лежу в его доме, на кровати, на которой никогда ещё не спала! Как всё это странно. Непонятно. А Лёля? Что она теперь делает? Я вспомнила тот вечер, когда она лежала на моей кровати и рыдала, и вдруг острая, щемящая боль пронзила моё сердце. Я приподняла голову. Оглянулась. Чужая для меня комната. Я почувствовала тоску, горе...

В эту минуту вдруг открылась дверь, и показался Вадим, в синем шёлковом халате. Я сначала не узнала его, и всё это было так неожиданно, что я вздрогнула и тихо вскрикнула. Он подошёл ко мне ближе. Я посмотрела на него и испугалась. Как изменилось его лицо. Жилы надулись, глаза налились кровью. Передо мной был не «мой любимый Вадим», а другой, чужой, мне ненавистный.

Он обнял меня сильным, страстным движением и начал срывать дрожащими руками моё платье, ломая крючки и петли и покрывая безумными, обжигающими поцелуями мои плечи и грудь.

Я не могла вымолвить ни одного слова. Обида, горькое чувство, боль, острая и сильная, сделали то, что я чуть не лишилась сознания. Вадима для меня больше не существовало, был посторонний, чужой человек, который издевался над моим светлым чувством и насиловал мою волю.

Точно молния, прорезавшая тёмное небо огненной полосой, моё сознание пронзила мысль, сравнение – и в эту минуту выплыл тот вечер

в первые дни нашего знакомства, когда я ждала Вадима на берегу моря и когда на меня кто-то напал, пользуясь темнотой и безлюдностью. Тогда я чувствовала то же самое, что теперь. То же возмущение, то же негодование, то же чувство физического отвращения. Видя моё изумление, Вадим шептал задыхающимся голосом, что это так надо, что не следует бояться и т. п. Он говорил отрывисто, торопливо, но в то же время руки его продолжали обнимать моё полуобнажённое тело и губы тянулись к моим губам.

Всё это на меня подействовало так ужасно, что я довольно резко отстранилась от Вадима и просила его оставить меня одну в моей комнате.

Но Вадим не слушал меня, вернее, не слышал. Он продолжал покрывать безумными поцелуями моё тело и умолял не нервничать и отнестись ко всему спокойно.

Я почти примирилась с его поцелуями, с его возбуждённым и незнакомым мне лицом «чужого Вадима», но то, что произошло потом, заставило меня выйти из себя!

Когда я очутилась в тяжёлых объятиях Вадима, я почувствовала, что его руки всё сильнее сжимают меня. И вдруг что-то острое, режущее остановило биение моего сердца. Я рванулась со всей силой, прилив которой вдруг почувствовала в себе, и, вырвавшись из объятий опешившего Вадима, выскочила из комнаты. Цепляясь разорванным платьем за ручки кресел и за стулья, я кинулась в первую попавшуюся дверь. Я очутилась в тёмной комнате. «Это, должно быть, гостиная или кабинет», – подумала я и начала в темноте ощупывать стены, желая найти дверь в переднюю, но, кроме мягкой мебели и столов, не могла найти ничего. Я уже начала отчаиваться, когда вдруг одна из дверей приоткрылась и полоса света, упавшая на пол, осветила немного гостиную. В дверях стоял Вадим, жалкий, растерянный, в распахнутом синем халате.

– Ася, – шептал он. – Куда ты убежала? Иди ко мне. Не бойся меня.

Но я не могла вернуться к нему и, пользуясь тем, что стало светло, нашла какую-то дверь и кинулась в неё; когда я очутилась в другой комнате, услышала, что Вадим что-то крикнул и кинулся за мной. Сердце моё билось так сильно, что мне казалось, будто удары его слышны Вадиму. Волосы растрепались, глаза были полны слёз. И это «новая жизнь»? Мои надежды? Я закусила губы до крови и решила во что бы то ни стало уйти из Вадиминого дома. Дверь распахнулась, и опять появился Вадим. На этот раз он не просил, не утешал, а просто кинулся ко мне, желая меня удержать, поняв, должно быть, что я хочу уйти совсем. Я выскользнула из его рук и кинулась опять в гостиную. Он побежал за мной. Опрокидывая стулья, этажерки, натываясь на столы, я убежала от Вадима, выскользывая из его цепких рук, поражаясь своей силой и ловкости. Наконец, я попала в переднюю. Накинув шубу, я дёрнула со всей силой электрические провода. Свет погас, и я стала ощупью пробираться к выходу. В эту минуту я услышала, что вышел Вадим. Стараясь не дышать, я еле двигалась к выходу. Вадим стоял и прислушивался. Он, вероятно, не знал, здесь я или нет. Наконец, я повернула ключ и очутилась на улице. Я облегчённо вздохнула.

Что было дальше, я помню очень смутно. Знаю только, что я страшно напугала маму, когда ночью явилась домой, растрёпанная, с воспалёнными горящими глазами, в разорванном платье, в шубе, накинутой кое-как!

Бедная мама так испугалась, что ни слова не могла вымолвить и стояла ошеломлённая и печальная. Потом кинулась ко мне и заплакала.

– Ася! Бедная! Милая! Что с тобой?! Расскажи. Боже мой! На тебе лица нет! Ты больна?

Я молча опустила на стул и вдруг зарыдала – громко, истерично. В этом рыдании было всё: и разочарование в бесконечных мечтах, и слёзы измученной, непонятой, нездешней души.

Мама утешала меня. Через несколько минут вбежала Лёля в одной рубашке, прямо вскочившая с кровати и начала гладить своими ручонками мои волосы. Эта ласка, безмолвная, тихая, которой прежде я пренебрегала, теперь подействовала меня успокаивающе и ободряюще.

На другой день я в постель. Весь период своей болезни я совершенно не помню. Пока я не могу даже добиться, чем я была больна. Все напустили на себя какую-то таинственность и говорят со мной мало, ссылаясь на доктора, который запретил мне волноваться. Но всё-таки теперь я чувствую себя гораздо лучше. И руки у меня сегодня уже не такие синие, как были раньше. Голова не кружится, и мысли яснее, отчётливее. Сегодня опять гуляла. Погода прохладная, ясная... пахнет грибами и дождём... Я говорила сегодня с доктором и была оживлённая. Он улыбается и на вопросы ничего не отвечает. Поменьше волнуешься! Славный старичок.

Когда я начинаю вспоминать о недавнем прошлом, мне делается бесконечно грустно. Я уже не страдаю так остро и томительно, но грусть не уходит... Я много думаю о пережитом, о Вадиме. Мне обидно и больно за «моего Вадима», но Вадима «того», который причинил столько горя и мучений, «того» Вадима мне не жаль! Мама говорила со мной очень много о Вадиме, о замужестве, уговаривала подумать хорошенько и свыкнуться с «жизнью замужней женщины». Мама недоумевала и спрашивала, неужели я не знаю, что меня ожидает, почему я отнеслась так ужасно к «тому, к чему надо отнестись было просто».

Только я начинаю поправляться, как начинаются опять разговоры с мамой, которые меня волнуют и возмущают. Как я могу жить с Вадимом после всего, что произошло, после того, как он одним грубым порывом уничтожил все мои мечты о «новой жизни», смял мою душу, ворвался в неё неумело и пошло и убил мою первую, мою светлую любовь. Я знаю теперь, что есть известные отношения, с которыми надо мириться, есть много сложного и запутанного в любви, но всё же при воспоминании о «том» вечере я не могу простить Вадиму потому, что горе, доставленное им, слишком велико.

Впрочем, если я даже прощу его, всё равно жить я с ним не могу и не буду. Я обо всём этом сказала маме. Она промолчала, но по глазам её я видела, что она ещё много и долго будет говорить об этом.

Мама намекает мне, что Вадим хочет меня видеть. Она не говорит определённо, но я это вижу по всему. Я мучаюсь ужасно. Я не могу видеть его. Не хочу смотреть в его глаза тёмные, на его руки, которые сжимали и терзали меня! Но я чувствую, как он хочет меня видеть. Мама тоже во что бы то ни стало хочет устроить это свидание. Я хожу по комнате и не знаю, за что взяться. Я уже поправилась настолько, что должна что-нибудь делать. Меня тяготит бездействие.

Сегодня мама заявила определённо о том, о чём она пока только намекала: Вадим хочет меня видеть! По словам мамы, он измучился

за это время, изнервничался. Говорит, что он не успел узнать мою душу, мой характер, что есть ещё время всё исправить.

Всё это для меня пустые, скучные фразы. Я не могу поверить, чтобы Вадим не знал мою душу. Мы были знакомы очень недолго, но встречались часто, сблизились быстро, и он знал меня очень хорошо. Вот я ошиблась. Я не знала Вадима. Что я могла сказать маме? Она всё равно меня бы не поняла. Я сказала коротко: «Нет! Я не могу его видеть».

Сегодня прибежала ко мне Лёля. Она сообщила мне тысячу маленьких новостей. Была ласкова и нежна.

Лёля рассказала о тех сплетнях, которые распространились про меня, когда я прибежала от Вадима ночью домой. Об этом говорит почти весь город. В течение нескольких дней обо мне говорили, не умолкая, наши родственники и знакомые. Оказывается, этот «скандал» на маму подействовал удручающе. Она долго не могла успокоиться.

Рассказывали, что я давно уже не была девушкой, и, когда Вадим об этом узнал, то выбросил меня в окно. Другие говорили, что я сбежала сама, так как Вадим напился пьяным и начал меня избивать!

Обо всём этом Лёля, со свойственным ей умением всё узнавать и подслушивать, поведала мне. «Прежде, – говорила она, – когда ты была опасно больна и доктор запретил тебе волноваться, я боялась говорить тебе, так как это тебя взволновало бы, но теперь ты поправилась, и я не хочу от тебя ни чего скрывать». Я поблагодарила её за внимание. Когда она уходила, она бросила такую фразу: «Это хорошо, Ася, что ты ушла! Я никогда, никогда не выйду замуж». И вдруг, упав в мои объятия, начала горячо меня целовать и плакать.

Странная девушка, эта Лёля, но как она сильно ко мне привязана. Её любовь для меня единственное утешение.

Мама опять просит меня принять Вадима. «Ведь это, наконец, бесчеловечно, – заявила она мне, – так мучить человека».

Этот тон мамин вывел меня из себя, и я начала кричать, что никогда я больше не увижу его, что я не хочу встречаться с ним, чтобы меня оставили в покое, иначе я больше не выдержу этой пытки. В эту минуту как раз пришёл доктор, который приходит теперь раз в неделю. Я кинулась к нему и вдруг разрыдалась. Мама перепугалась, принесла воды, утешала. Доктор сделал недовольное лицо и сказал, что если меня не будут беречь и станут волновать, то я не смогу поправиться.

После этого случая о Вадиме мама больше не упоминает. Только иногда, сидя в моей комнате, она тяжело вздохнёт и посмотрит на меня печально, и больше ничего!

Я уже почти здорова. Чувствую только лёгкую слабость. Мне хочется уехать куда-нибудь далеко, в глушь, одной, но это только мечты... Одна я не могу ехать, с мамой мне тяжело, а с Вадимом окончательно, бесповоротно всё кончено. Боже мой! Как мне грустно становится, когда я подумаю о своей жизни... Печальная, никому не нужная! В сердце пусто и томительно!

Боже мой! Вынесу ли я это горе! Новое несчастье, новый удар! Только что я оправилась после болезни, как вдруг узнала ужасную новость. Смерть Вадима. Смерть из-за меня! Это ужасно! Что я буду делать? Я чувствую опять прежнюю слабость, чувствую, что всё тело дрожит, точно в лихорадке. Вадим застрелился! Вадим застрелился!

Об этом мне только что сообщила Лёля, тайком от мамы, так как мама запретила мне говорить о смерти!

Когда Лёля, запыхавшаяся, взволнованная, вбежала в мою комнату, я почувствовала, что случилось что-то страшное. Я кинулась ей навстречу и стояла около неё, ожидая чего-то ужасного.

Моё лицо было покрыто такой бледностью, что Лёля спросила: «Ты уже знаешь? Знаешь, что Вадим застрелился?»

Я вскрикнула и, если бы меня не поддержала Лёля, я упала бы на пол.

За что? За что новое испытание? За что нахлынуло новое несчастье? Я не могу заснуть! Сон не приходит ко мне. Образ Вадима, бледный, с запёкшимися губами и сомкнутыми глазами, рисуется моему воображению.

И всё из-за меня! Из-за меня! Я не могу никуда уйти от мёртвого взгляда его закрытых очей. Мне кажется, что эти очи умоляют меня о ласке и любви, и холодный пот выступает на моём лбу!

Руки его тянутся ко мне, пытаются меня обнять. Я не могу вырваться из его цепких объятий... Он душит меня поцелуями, и я не могу не отвечать на них... Вот он тут, со мной рядом, вот он исчез опять.

Что за мука! Что за мука! И во всём виновата я! Он убил себя из-за меня потому, что я отвергла его, не хотела его видеть, не хотела услышать несколько последних слов!

Целую ночь не могла заснуть. Вид у меня ужасный. Под глазами тёмные-тёмные круги. Глаза воспалены. Под утро только я забылась на несколько часов, но сон был тяжёлый и беспокойный. Около двенадцати дня зашла мама. У неё вид не лучше моего. Она, вероятно, тоже страдает, бедная.

Мне иногда мучительно стыдно. Сколько мучений я принесла своим близким. Но как же мне было быть, если я не могла мириться с тем кошмаром, с тем памятным для меня вечером. Разве я одна виновата во всём этом? Может быть, всё было бы иначе, если бы не поступок Вадима, который забыл обо всём: и о душе моей, и о стыдливости, и обо всём для меня святом, забыл из-за одного своего грубого, животного желания. А мама? Кто торопил со свадьбой? Кто уговаривал меня выйти замуж немедленно, точно боясь, что Вадим может раздумать? Я вспоминаю теперь все подробности моего печального прошлого и могу сказать смело, что не только я виновата в таком ужасном конце Вадима. Но вместе с тем мне бесконечно грустно. Я тоскую: зову слёзы, ведь они облегчают, но они не приходят.

Мама по моему виду сейчас же догадалась, что я обо всё уже знаю, но почему-то заговорить об этом пока ещё не решилась.

Она говорила какие-то ничего не значащие фразы, что-то расспрашивала насчёт моего здоровья, но я поняла, что она хочет говорить о смерти Вадима, но не решается.

Мне не хотелось говорить с ней об этом потому, что я не смогла бы сдержаться и высказала бы ей много самых неприятных и горьких истин.

Поэтому, когда я почувствовала, что мама собралась с духом и вот сейчас заговорит о Вадиме, я закрыла глаза и сделала вид, что мне дурно.

Мама испугалась. Принесла мне воды. Я попросила, чтобы меня оставили одну, и, таким образом, разговор наш, который должен произойти рано или поздно, был отложен.

Две ночи подряд я не сплю. Сегодня заходил доктор, и по его лицу было видно, что он опасается, как бы не вернулась моя болезнь.

Он о чём-то долго и таинственно совещался с мамой в другой комнате, и, когда вошёл ко мне, я заметила, что в его добрых старческих глазах блеснули слёзы.

Это подействовало на меня так, что я уткнулась в подушку и заплакала.

Опять доктор! Я слышала на этот раз, как он сердится, что мне сообщили ужасную новость о смерти Вадима.

Я чувствую слабость; хочу забыться, не думать больше о смерти Вадима, но не могу. Его образ, то прежний, «любимый, мой», то новый, «тот», который я боялась и не любила, всё время перед моими глазами, как живой.

Сегодня, когда я, после долгих часов бессонницы, наконец, заснула, мне приснился сон. Берег моря, голубое ясное небо. Белый парус. И будто я иду рядом с Вадимом. Он держит меня за руку. И мы говорим тихо, ласково. О чём – не помню. И этот сон был до того реален, так хорошо я помню малейшее наше движение, цвет моря и даже запах, какой-то особый, пряный, зарослей и морских камней.

Когда я проснулась, я почувствовала ещё сильнее контраст между прошлым, ярким, безоблачным, и настоящим, чёрным как ночь.

Неужели всё кончено? Неужели моя жизнь так быстро отцвела? Неужели больше не будет огней, красок?

Меня навещают родственники и знакомые. Узнав, что я настолько окрепла, что могу их принять, они потянулись ко мне с пожеланиями скорей поправиться и т. п. Я уверена, что они ходят ко мне просто из любопытства, сравнивают моё бледное, болезненное лицо с сиявшим и красивым в тот день, когда я выходила замуж, и радуются! Они все очень любезны и ласковы, но я чувствую, что всё это не искренне, что они осуждают меня, одну меня, за всё происшедшее, за смерть Вадима... Я уверена даже, что и мама осуждает меня в глубине души, но не говорит об этом. Все-все меня осуждают, кроме Лёли. Она, действительно, искренне и от всей души восторгается моим поступком.

Я вовсе не хочу себя оправдать, но я говорю, что не виновата ни в чём. Разве я виновата в том, что моя душа возмущалась против грубого чувства, что я не могла примириться и свыкнуться с тем, чем другие так легко и быстро примиряются? Разве я виновата, что у меня есть свои определённые взгляды и чувствования, которые не могут измениться от давления окружающих? Разве я во всём этом виновата?

Пусть меня называют истеричкой, психопаткой, пусть говорят, что я ненормальная. Мне Лёля передавала всё, без утайки, что про меня говорили и о чём ей удалось подслушать.

Я не возмущаюсь. Не сержусь.

«Они» иначе не могут говорить.

Но я чувствую в глубине своей страдавшей души, что правда на моей стороне.

Что я могу сделать, как объяснить «им всем» то, что ясно мне и Лёле? Сестра в последнее время говорит со мной обо всём. Несмотря на то что она больше чем на год моложе меня, когда я говорю с ней, я не чувствую себя «старшей».

Мама несколько раз заговаривала со мной на эту тему.

– Тебе надо об этом подумать, – говорила мама, – нельзя же обойтись без «этих отношений» в браке. Ты ещё так молода. Возможно, что ты

встретишь ещё человека, которого полюбишь. Теперь ты знаешь, что тебя ожидает, и ты должна быть к этому готова.

Я не поддерживаю этот разговор с мамой, так как знаю, что мы друг друга не поймём. Мы говорим на разных языках.

Когда я вспоминаю последние дни перед моей свадьбой, мои прогулки у моря, мои думы, мне делается томительно и грустно.

Я с трепетом, с приятным волнением ждала «новой жизни». Я ожидала чего-то высокого, почти божественного, что вознесло бы меня на недосягаемую высоту. Я ждала новых откровений, новых возможностей.

Мне казалось, что жизнь, которая меня ожидает, будет яркой, как солнце, что меня ожидает счастье настоящее, полное. Были, правда, какое-то неясные предчувствия, какие-то смутные ожидания, но такие предчувствия сопровождают всякое крупное событие, всякую перемену в жизни.

И вдруг вместо этого... вместо осуществления красочных мечтаний – какой-то полупьяный порыв, напоминающий мне самый ужасный эпизод моей жизни, порыв, лишённый человечности, какое-то сказочное превращение человека в зверя, надувшиеся жилы и... я не могу больше об этом писать, вспоминать, думать. У меня начинают дрожать руки и в глазах – туман. Сколько я перестрадала, сколько перенесла муки, горя из-за него, и вот теперь я ещё виновата в его смерти! О, да, конечно, виновата я. Он ведь из-за меня пустил себе пулю в сердце.

Мама говорит, что он любил меня, что не мог без меня прожить, что получив последний отказ от меня его принять, застрелился.

Любил ли он меня?

Если бы его любовь была настоящей, а не порывом, всколыхнувшим его тело, он понял бы меня и не сделал бы того, что сделал в тот вечер, когда одним взглядом своих изменившихся глаз он убил во мне и любовь, и желание любви.

Я много думаю о наших близких отношениях и прихожу к заключению, что я ошиблась в Вадиме. Я ещё раньше, когда была в институте, рисовала мысленно образ человека, который мог бы дополнить меня, но все эти мечты были слишком смутны. Когда я встретила Вадима, мне показалось, что это тот, о котором я думала.

И в этом я была уверена до «того вечера». Теперь, когда вокруг говорят про меня, считая меня единственной виновницей смерти Вадима, я должна молчать. Пусть все осуждают меня, пусть бросают в меня комья грязи и насмешек. Видит Бог, я не могла поступить иначе. Я не могла после всего случившегося видеть Вадима.

И если он и застрелился из-за меня, то я не хотела его видеть за его вину, а не за свою.

Мне тяжело и больно, что всё случилось так, но я не чувствую себя виновной.

В воздухе ощущается приближение зимы. Носятся по земле сухие истлевшие листья. Лес, омертвевший и тоскливый, скорбно шумит, когда налетает резкий холодный ветер. Когда я шла по тропинке, последний раз обходя сад, который, вероятно, больше никогда не увижу, сухие ветви хрустели под моими ногами с такой скорбью, как мне показалось, с такой невыразимой тоской, что я едва сдержала поток слёз, готовый хлынуть из моих глаз. Одна! Во всём мире одна! Эти сухие ветки, умирающие, отжившие свою недолгую жизнь, казалось, понимали меня и плакали со мной сухими жалобными слезами.

Небо было холодное, бледное, такое далёкое.

Завтра мы едем с мамой на Кавказ. Туда меня послали доктора. Перед моими глазами – дорога. Вагоны. Бесконечные равнины. Не знаю, что будет дальше, а пока я тоскую.

Мама старается меня чем-нибудь занять, развлечь. Она думает, что я раскаиваюсь в «своей жестокости» и грущу по Вадиму. Нет! Я ни в чём не раскаиваюсь. Я грущу по своей умершей, отлетевшей любви. Я грущу по своим разбитым надеждам.

Дома у нас опять хлопоты. Сборы. Это напоминает мне то время, когда Вадим мне сделал предложение и мама готовила мне приданое, это напоминает мне то неясное предчувствие, которое волновало мою душу. И от этих воспоминаний ещё острее чувствуется моё одиночество. Мама страшно волнуется как всегда, как и «в те дни».

Лёля ходит из угла в угол, печальная, тихая такая. Она будет жить всё время, пока мы с мамой будем на Кавказе, у тёти Лины.

Когда мы вернёмся – это ещё неизвестно. Лёля тоскует. Она не говорит ни слова ни маме, ни мне, но я вижу по её глазам, что отчаянию её нет предела. Бедная! Мне её бесконечно жаль. Я так полюбила её, так привязалась к ней! За последнее время Лёля была единственным существом, с которым я делилась своими мыслями. Она мне облегчила переживания моего страшного горя, она заботилась обо мне и оберегала меня, как никто из наших. Она понимала меня. Она одна не только не осуждала, но восхищалась мной. Говорила, что она поступила бы так же, как и я. В комнате у нас такой беспорядок, точно после пожара. От этих разбросанных вещей, заколачиваемых сундуков и ящиков, делается ещё тоскливее на душе.

Я сижу у окна и смотрю на улицу. Она такая пустынная, жалкая. Вдруг я чувствую, что меня обняли чьи-то тонкие руки. Я обернулась. Передо мной Лёля. Она приблизила своё лицо к моему и начала меня горячо целовать.

– Милая, дорогая! Не забудь о моём существовании. Пиши.

Я посмотрела на неё. В глазах её слёзы. Она такая усталая, бледная. Вероятно, опять не спала всю ночь.

Глаза её смотрели в мою душу с невыразимой скорбью, грудь вздрагивала от душевных её рыданий. Губы, алые, запёкшиеся, тянулись к моим губам с мучительным трепетом. Она целовала меня, отрываясь для того, чтобы шепнуть:

– Не забудь. – И снова целовала меня.

Я не могла больше выдержать и, рыдая, упала к ней на грудь.

Стихи по кругу

Анастасия РОСТОВА

Нижний Новгород

Т-777 (Сара Коннор)

Слову «ленты» ты думаешь вслед «патроны»,
Слову «провод» – «под током» и «оголённый»,
И не знаешь, не веришь, не ждёшь «не трону» –
В руководствах по ближнему бою такого нет.

Мир бурлит раскалённой и хищной болотной жижей:
Перепрыгнуть, скользнуть, обмануть, перебраться – выжить,
И в процессе прослыть беспринципной, дурной, бесстыжей,
Но не думать об этом... Бежать – по мостам в огне.

Повторяя, как мантру, что всё в интересах сына,
Обещая ему: «Я и горы, и звёзды сдвину!» –
Опасаться любого, кто смотрит и дышит в спину,
Спать и помнить наощупь точёный бугор курка.

Над тобою смеются: «Какой эротичный гонор,
Про таких говорят – ну и как, вам не жмёт корона?
Скиньте фартук, станцуйте для нас, мисс Коннор,
Паранойя у вас неоправданно велика!»

...Струйка крови чернеет, тускнеет оскал заката...
Не понять, друг ли, враг, человек или терминатор,
Но не всё ли равно? Здесь и брат убивает брата...
...Собираться в дорогу, пока досыпает Джон.

Вместо неба над нами – раскрытая пасть Скайнета,
Заболевшим ребёнком рыдает во тьме планета,
Сара сплюнет и скажет: «Уроды, ещё и это!...» –
Над рассветным шоссе проскользнул серебристый дрон.

220 V

Вот бреду я в тумане сыром и тьме,
Заключённый в телесной своей тюрьме,
Заверчённый в бессмысленной кутерьме –
Рядовой, подуставший уже хомячок колеса фортуны.

Говорят, что я с виду пока «ничё» –
И по трендам я спец, и не стар ещё,

Только время не капает, а течёт,
И старпомы тихонько дерутся за пост капитана шхуны.

Над тобой будто вовсе не властны и тлен, и зло –
Над тобой купол счастья звенящего, как стекло...
А я так и не вычислил, что же нас развело –
Может, смена частот и помехи, а может – поломка раций.

Все законы бессмысленны, что там ни узаконь,
Бывший друг выдыхает: «Кончаем его, огонь!»
От лица отнимаю сырую свою ладонь –
Ну, спасай как умеешь. Давай свои двести двадцать.

Дмитрий КАРШИН

Курск

* * *

На прошлый век ложится первый снег.
На мальчика, скамейку и собаку,
На рукава прохожих и теней,
На лужу под ступеньками продмага,

На мамино осеннее пальто,
На синий дядиженин «запорожец»,
А рыжий пес снежинки ловит ртом,
А небо отражается в галошах,

Безмолвное, как темная вода.
И пусто решето наполовину,
И старый дом, и мертвый календарь,
И снег идет, и дворник смотрит в спину,

Как будто знает, что окончен век,
И первый снег – давно последний снег.

* * *

Со станции, которой нет,
Уже не долетает эхо.
Смотритель глух, смотритель слеп,
Винить его во всем нелепо,
Но окна не выходят в сад,
Но в лоджии живет ворона,
Но запах воска и лекарств
Не перебить одеколоном.
С остановившимся лицом
Ждут четверга часы на башне,
И белка крутит колесо
В продолженном ненастоящем.

Ярослав КАУРОВ*Нижний Новгород*

* * *

Как сердце разорвать на части,
Как руку отрубить свою,
Безумно также ради власти
Разрушить дружную семью!

Нельзя от века и донине,
Помилуй, Боже, и спаси,
России жить без Украины,
И Украине – без Руси!

Сбываются, как в страшной сказке,
Адольфа Гитлера мечты –
И тут же сбрасывают маски
Гаранты лжи и клеветы!

Где ваши милые улыбки,
Благодарный мягкий тон?
Где демократий голос зыбкий?
Где роль продажная ООН?

Оскалы, окрики, угрозы!
Из Франции, из СэШеА!
Поляков вычурные позы!
Ганзейцев наглые слова!

Нас разорвать не удастся?
Не верите? Докажем вновь!
Во мне самом на четверть льется
Малороссийских предков кровь!

Не злите нас! Побойтесь Бога!
Святых не трогайте границ!
На свете есть еще немного
Не взятых русскими столиц!

Александр ГУТОВ*Москва***Страшный суд***Н. Б.*

Да, она, ты ее не касайся:
до печенок она пропечет;
если можешь, иди, – и кайся
за растущий погибших счет.

Не кричи, не шепчи, не сетуй
на натянутых злой струной;
им, идущим на встречу с Летой,
дело делать, – любой ценой.

Да, она. Не примерить судеб
тех, кто сходит в окопный ад.
Даже Бог тех ребят не судит.
Мы, наверно, грешней стократ.

Мария ЛЕОНТЬЕВА

Санкт-Петербург

* * *

Даже здесь, где плачущий оркестр
Вырывает звук из тишины, –
Паузы страшны и неуместны,
И непредсказуемо длинны.
Точно ходишь по кремлю, по кругу,
Небо над бойницами темно.
Кто теперь, теперь мы кто друг другу,
Кем молчание разрешено?
В паузах колышутся у башен
Колокольчик и бродяга сныть.
Было нашим, вслушайся – не наше.
Значит надо взять и разлюбить
Небо, достающее до края
Тишины, бегущие в реке
Огоньки, но мир трещит, сгорая,
Остаётся музыка в руке.

* * *

Не узнаю лица деревьев в парке,
Недолюбленные стоят, сгорбленные.
Будь они плодами, сказали бы:
Гнилая середина, сморщенная кожура, кислые.

Когда моя бабушка обнимала деревья,
Были они высокими, гладкими,
Плодоносили облаками.

Возьми, прохожий, яблочко с добрых ветвей,
Помяни, вырони.

* * *

Пока в упрямый купол голос льётся,
И замирает вдох в голоснике,

Проходит круг невидимое солнце,
И волны засыпают на песке.
Пока отлив перебирает гальку,
Смеётся, дно речное оголив,
День проступает медленно сквозь кальку,
С печалью, заштрихованной в дали.

Неузнанной тростинкой у моста,
В тени собора, южного придела,
Мелодией, в которой немота
Нашупывает очертанья тела.
Где наливают форму в голосник,
А глина – ей – застывшая, тесна...
Качается потерянно тростник,
Соскальзывает нить с веретена.

Дмитрий АНИКИН

Москва

Из цикла

«В память большой поэзии и чего-то другого...»

* * *

Ночь на дворе,
сад в серебре
колком, морозном;
вышел на воздух
старый хозяин
наших окраин –
вышел один
мест господин.

Спичкой чиркну́л,
окрест зыркнóл,
курево тлеет,
небо яснее
до дна, до бога,
стало немного –
ходу-пути –
снег прекратил.

Шепчет чего –
страх от того:
слово да слово,
свято и ново;
что старый скажет,
тем навек свяжет –
жестка, груба
выйдет судьба.

* * *

Насыпало семян бог весть откуда,
из мест благословенных, столько, что,
и пролетев полмира, не теряют
сил жизненных, прозорливости доброй –
и уж на что пустырь там за сараем
мертв, неродящ, а он, да и сарай, –
в побегах свежих, ярких, извести
которые никак – пускай себе
сорняк мои владенья заполняет,
соседей мучит нудною работой...

Мария ВДОВИНА*Павлово, Нижегородская область***Счастье**

Когда тебя спросят о счастье,
чтоб не выглядеть неблагодарным,
ты конечно ответишь, что счастлив,
и всё у тебя хорошо.
Есть у тебя работа,
машина, квартира, дача,
семья и хомяк щекастый
в клеточке небольшой,
а глядя, как он усердно
колёсико в клетке крутит,
ты думаешь чаще и чаще,
насколько же схож он с тобой...

Владимир ЛЕБЕДЕВ*Нижний Новгород***Крайние**

С рождения до старости
Мы очень любим крайности.
То горькое, то сладкое,
То жесткое, то гладкое,
То бранное, то лестное,
То кислое, то пресное,
То доброе, то жуткое,
То грубое, то чуткое.
То правое, то левое,
То черное, то белое,
То сильное, то слабое,
То кроткое, то наглое,
То резкое, то плавное,

То целое, то рваное,
То грозное, то милое,
То честное, то лживое.
И так в большом и в малости
До самой крайней крайности.

Елена ГАЛИАСКАРОВА

Красноярск

Про житьё-бытьё

Всюду сугробы, деревья стоят в снегу,
Вьюга летает по небу воздушным змеем.
Глянь-ка, Ассоль веселится на берегу –
В шубе и красных сапожках гуляет с Греем.
В здешнем поселке мужчины все рыбаки –
В море уходят на лодках больших с рассветом,
Женщины трудятся тоже – шарфы, носки
Вяжут, на рынке потом продают всё лето
Местным, туристам... Куда ж ты спешишь, Ассоль?
Быстро сгущается тьма за полярным кругом...
Не надоела ещё тебе эта роль –
После недолгих свиданий встречать разлуку?
Стерва-трактирщица знает житьё-бытьё,
Туфли на шпильках надев и пальто с беретом,
С Греем целуется. Ты им кричишь: Adieu!
Я, наблюдая за вами, пью чай с конфетой...

Галина ТАЛАНОВА

Нижний Новгород

* * *

Как в мае нынче яблони цвели!
Тяжёлыми пахучими цветами,
Что даже наклонялись до земли,
Как будто бы с созревшими плодами.
Всё пустоцвет.
Опали лепестки.
Всё точит время,
Даже вечный камень.
И почему (ведь были так близки)
Теперь лишь ходим около кругами?
Круги всё шире,
Будто на реке,
Бегут по ряби мелкою волною.
И я стою на лёгком сквозняке,
Как будто бы за каменной стеною.

* * *

На даче сумрачно и волгло.
 Сплошь затянуло всё вдали.
 Стена дождя висит над Волгой,
 В которой тонут корабли.
 И ветер хлопает в ладоши,
 Всё бьёт баклуши за окном.
 И, глину намотав, галоши,
 Скользят по тропке в мокрый дом.
 И сад, исхлестанный весь ливнем,
 Понуро ветки опустил.
 Сучок проткнул, как будто бивнем,
 Забор, что клонится без сил.
 Второй десяток лет
 Всё то же...
 Одна.
 Но тени по углам...
 И нет живых, кто всё дороже
 И ходит тихо по пятам.

Владимир БОЛОХОВ

Новомосковск

Из цикла «Собачьи мотивы»

* * *

Скулила псина близ дороги.
 Бездомная? – не в этом суть.
 А в том: кому-то пёсьи ноги
 пересекли колёсный путь.

Скулила псина обречённо,
 бессильная уковылять –
 хотя бы в угол отрешённый,
 чтобы собачью смерть принять.

Над безвиновной животиной –
 глухим был сап слепых авто.
 И виноватым был над псиной –
 мой вой задавленный: «За что-о-о?!..»

* * *

*Хочешь, пёс, я тебя поцелую
 За пробуженный в сердце май?..*
 Сергей Есенин

Беспамятный кружит просёлок –
 в раздолье некошенных трав.

И как не свернуть за пригорок,
где брызжет призывное «гав!»?

Не зря озорной сын собачий
ликующий шлёт мне привет:
в кармане – среди крошек табачных –
найдётся и пара конфет...

Окрест – лучезарные всплески
да жаворонки – надо мной...
И твякнул с лукавостью детской
пружинный комок – за спиной.

Забавная радость мордашки,
восторженный танец хвоста.
С обёрточной сладить бумажкой –
задача не так и проста.

Урчит забияка лохматый,
лобастой крутя головой...
И кажется, – б о л ь ш е – не надо
ему – да и мне – н и ч е г о...

Арсений ЛИ

п. Виноградово, Московская область

* * *

За пустырьём, где стройка, и река –
Даёт излучину – светла и прихотлива,
Снимали сети, споро и трусливо
три мальчика с соседнего двора...

Смеркается. Живое серебро
Чуть рдеет на закатном косогоре...
Конечно, вырастут, конечно, выйдут в море,
Ну а пока смеются у костра,
И закипает в котелке вода,
И время их обходит стороною...

Всё будет – снег, стихи и лагеря,
Или допустим, как-то обойдётся,
Всё будет, а пока мерцание огня,
И сердце бьётся...

Василий АВЧЕНКО

Писатель и журналист. Родился в 1980 году в городе Черемхове Иркутской области. Вырос в семье геологов во Владивостоке, где и живёт. Окончил журфак Дальневосточного государственного университета (тема диплома «Теория и практика политических манипуляций в современной России»). С конца 1990-х годов штатно и внештатно работает в различных СМИ Владивостока и Приморья. Публиковался в журналах «Знамя», «Москва», «Двина», «Нижний Новгород», «Новый мир», «Дружба народов», в тихоокеанском альманахе «Рубеж», альманахе «Енисей». Автор документального романа «Правый руль» (2009, Ad Marginem), беллетризованной энциклопедии-путеводителя «Глобус Владивостока» (Ad Marginem, 2012), фантастической киноповести «Владивосток-3000» (2011, «Астрель» – Terra Fantastica, в соавторстве с музыкантом Ильёй Лагутенко), книги «Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях» (2015, Редакция Елены Шубиной – АСТ), биографии «Фадеев» в серии «Жизнь замечательных людей» (2017, «Молодая гвардия»), романа «Штормовое предупреждение» (2019, в соавторстве с Андреем Рубановым), книг «Олег Куваев. Повесть о нерегламентированном человеке» (2019, в соавторстве с Алексеем Коровашко), «Дальний Восток: иероглиф пространства» (2020, Редакция Елены Шубиной – АСТ), «Очарованные странники. Литературные первопроходцы Дальнего Востока», 2020, «Молодая гвардия»).

Лауреат общероссийской литературной премии «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева. Действительный член Общества изучения Амурского края Русского географического общества.

ДОЧЬ ЕЖОВА

Очерк колымской судьбы

Есть в Охотском море большой залив – Тауйская губа. Сюда впадает река Ола, в устье которой стоит одноимённый рыбацкий посёлок – старинный, основанный больше трёхсот лет назад. В 1928 году здесь высадился десант геолога Юрия Билибина. Вскоре его экспедиция открыла большое колымское золото. С этого начались и знаменитый трест Дальстрой, и заложенный неподалёку от Олы, в той же Тауйской губе, город Магадан – «столица Колымского края». До его появления центром побережья была Ола. Сегодня в посёлке живёт немногим больше пяти тысяч человек. Частный сектор, пятиэтажки... Мы с товарищем попали в Олу (здесь говорят – «на Олу») по делам, о которых расскажу как-нибудь после. Заодно нам нужно было упаковать для долгой до-

роги рыбу – вкуснейшего гольца-мальму, нежную кунджу и морского окуня, именуемого в этих краях ершом. Зашли в продуктовый (в далёком советском прошлом – книжный), попросили картонных коробок, их всегда много в магазинах. Уложили в них рыбу, перемотали скотчем и поехали в Магадан. По дороге я думал о женщине, судьба которой оказалась связана с Олой на долгие десятки лет.

1

Николай Иванович Ежов был человеком очень маленьким – если не карлик, то почти. Рост его составлял 151 сантиметр.

Несмотря на малорослость, рабочий паренёк попал в армию – на Первую мировую. Потом – другая война, Гражданская. Красная армия, партийная карьера, новые должности – всё более высокие...

И вот – главное: в 1936–1938 гг. Николай Ежов руководит НКВД, сменив на этом посту Генриха Ягоду, которого вскоре расстреляли.

В 2015 году Верховный суд России признал Ягоду не подлежащим реабилитации, но по сравнению с Ежовым это были ещё ягодки.

Не каждому человеку выпадает окрестить своей фамилией целое явление. Репрессии 1937–1938 годов, когда по политическим мотивам было осуждено до 1,5 млн человек, причём около 700 тысяч из них – расстреляно, прозвали «ежовщиной». Это не только разгар террора, но и самые громкие дела: Бухарин и Рыков, заговор Тухачевского, казни видных деятелей науки, культуры, армии, партии... Ничего подобного по масштабу и накалу не было ни до, ни после.

На плакате Бориса Ефимова «Стальные Ежовы рукавицы» нарком душил многоголовую змею, символизирующую троцкистов, бухаринцев, рыковцев и прочих врагов. В смертельную рукавицу попадёт, уже под занавес ежовщины, и брат художника – знаменитый журналист Михаил Кольцов.

Руки у Ежова – даже не по локоть в крови. Он в крови весь, с головой – подлинный Николай Кровавый.

Предлагал переименовать Москву в Сталинодар.

Хранил в столе пули, которыми были расстреляны Зиновьев и Каменев...

Превзошедший в репрессивном рвении Ягоду, он кончил столь же бесславно.

Кабинет Ежова на Лубянке занял Лаврентий Берия, которому пришлось тормозить пошедший вразнос карательный маховик. Демонизированный ещё при Хрущёве и додемонизированный в перестройку, Берия арестовывал «ежовцев», включая следователей, фабриковавших политические дела. При нём же прошла первая массовая реабилитация.

Ежова взяли весной 1939-го. Формальным поводом стал прошлогодний донос начальника Ивановского областного управления НКВД Виктора Журавлёва. В юности он служил в партизанской армии Петра Щетинкина – Георгиевского кавалера Первой мировой, прославившегося поимкой барона Унгерна и в 1927 году скончавшегося в Улан-Баторе (по официальной версии – от паралича сердца, по неофициальной – с ним расправились не то недобитые унгерновцы, не то японские агенты, не то вездесущий чекист Блюмкин). Этот самый Журавлёв написал в ЦК партии о «недостатках» в работе Ежова, Берия дал письму ход (возможно, он-то и подтолкнул Журавлёва к его написанию). Скорее всего, судьба Ежова была уже решена, иначе трудно объяснить

самоубийственную смелость его подчинённого. Бдительного Журавлёва назначили главой управления НКВД по Московской области, но вскоре убрали подальше: сначала начальником лагеря в Караганду, потом вообще в Дальстрой. В 1946 году Журавлёв умер при странных обстоятельствах: выпивал с каким-то военным в вагоне-ресторане, упал... Одни считали, что Журавлёва убрали, другие – что он отравился намеренно; не оставляет ощущение, что все прикасавшиеся к Ежову запускали роковой механизм.

Экс-наркома обвинили в заговоре, шпионаже, подготовке терактов и восстания. Он не признал себя виновным, сетуя лишь на то, что «мало почистил» органы от врагов народа. В последнем слове заявил: «Я в течение двадцати пяти лет своей партийной жизни честно боролся с врагами и уничтожал врагов. У меня есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять... но тех преступлений, которые мне вменены обвинительным заключением по моему делу, я не совершал... Я не отрицаю, что пьянствовал, но я работал как вол».

Ежов просил расстрелять его «спокойно, без мучений». Обеспечить мать, воспитать дочь, не преследовать родных (брата расстреляли, сестру не тронули). Передать Сталину, что будет умирать «с его именем на устах».

В начале 1940 года Ежова расстреляли. Было ему неполных 45. Знаменитый разведчик Павел Судоплатов утверждал, что перед смертью Ежов пел «Интернационал».

Официально о расстреле не сообщалось. Железный нарком попросту исчез – из жизни и с совместных со Сталиным фотографий. Останки захоронили в «могиле невостребованных прахов» Донского кладбища – рядом с теми, кого расстреливали по приказу Ежова.

2

Кроме невостребованного праха и недоброй памяти остались близкие.

С первой женой Антониной Титовой, дожившей до 1988 года, Ежов разошёлся в 1930 году, официально брак не был оформлен. Титова работала во Всесоюзном НИИ свекловичного производства, в 1940 году выпустила книгу «Организация работы звеньев в свеклосеющих совхозах».

Вторая жена в девичестве звалась Суламифью Фейгенберг. Выходила замуж, носила фамилии Хаютина и Гладун. С Николаем познакомилась в Сочи, в ведомственной санатории. Он тогда ведал кадрами Высшего совета народного хозяйства и распределом ЦК ВКП(б) – выгодный жених. Вскоре она стала Евгенией Соломоновной Ежовой.

Николай и Евгения удочерили девочку. Точная дата её рождения неизвестна, только год – 1932-й. Наташу взяли из детского дома младенцем. Кто были её родители – неизвестно, документов не сохранилось. Одни считали Наталью цыганкой, другие – грузинкой. Василий Гроссман в рассказе «Мама» предполагал, что девочка родилась в Англии в семье референта советского посольства, расстрелянного вместе с женой по приказу Ежова. По другой версии, Наталья – внебрачная дочь самого Ежова. Или же, напротив, её мать – Евгения Ежова, а отец – Исаак Бабель...

Евгения Ежова работала в иллюстрированном журнале «СССР на стройке», ориентированном на иностранную аудиторию, и считалась

дамой высшего света. В её литературном салоне бывали тот же Бабель, Утёсов, Шолохов, Кольцов, Эйзенштейн... С некоторыми из них, как утверждала молва, Евгения имела романы. И вообще больше интересовалась светскими раутами, чем девочкой.

А вот Ежов дочку обожал. Несмотря на занятость, подолгу играл с ней, пел песни приятным тенором. Бывший питерский рабочий, он с удовольствием мастерил ей игрушки. «Был потрясающим отцом. Я же всё помню, как он коньки мне двухполосные своими руками сделал, в теннис играть научил, в городки. Всё для игры в крокет соорудил, эти лунки, на подмосковной даче в Мещерине, где мы жили, чуть ли не сам копал. Он со мной занимался очень много. Я у него была отдушина какая-то», – вспоминала Наталья.

Евгения умерла незадолго до ареста мужа. Говорили, что её отравил Ежов, но у него достаточно своих грехов, чтобы навешивать лишние; вероятно, она ушла из жизни по своей воле. Нервная система у неё была расшатана, женщина замкнулась: всё время слушала патефон, перестала ходить на работу, не общалась с дочерью. Даже павлины, которых она развела на даче, Евгению больше не интересовали. Осенью 1938 года она попала в санаторий имени Воровского с диагнозом «астено-депрессивное состояние». Вскоре 34-летняя женщина наглоталась люминала и скончалась.

Накануне ареста Ежов и Наташа «кормили» на подмосковной даче игрушечного поросёнка, потом отчим уложил девочку спать. Утром, когда хозяин шёл к персональному автомобилю, девочка бросилась за ним; он взял её на руки, поцеловал – и исчез навсегда.

3

После смерти приёмной матери и ареста отчима Наташа попала в казённый дом. Вместо кремлёвской квартиры и госдачи, где были кинозал, бассейн, автомобиль с весёлым шофёром Ваней, прислуга, говорящий попугай, павлины, берег Пахры, куда на день рождения к Наташе приходили дочери Сталина и Молотова, – детский приёмник, дошкольный детдом в Пензе.

Фамилии «Ежова» её лишили, записали Хаютиной – по одному из мужей Евгении Соломоновны, не имевшему к девочке никакого отношения. Отчество «Николаевна» оставили.

Только во втором, школьном детдоме она наконец узнала, кем был её приёмный отец. До этого знала только, что – большой начальник и, конечно, лучший человек на свете. «Мне открыли глаза... Такого злорадства я ещё не знала. Меня упрекали на каждом шагу, и мне здорово доставалось как от взрослых, так и от детей. Меня постоянно обзывали предателем, маленькой сволочью, врагом народа... Я могла только глотать слёзы, и, если били, – царапалась».

Отречься от отца не хотела – сопротивлялась изо всех сил. Это многое сообщает и о её характере, и об отношении Ежова к приёмной дочери. Ждала, что папа или няня приедут и заберут её домой, сидела на подоконнике, смотрела на дорогу... Когда её хотели отдать в семью, отказалась: «Не пойду, у меня есть отец».

Пряталась на чердаке, смотрела в слуховое окошко на играющих детей, которые отворачивались, стоило ей к ним подойти. «Я своим детским умом ещё не могла понять, почему же они меня так ненавидят, что я им сделала?» Её не любили ни дети, ни воспитатели: «Все в душе

презирали меня... вечно упрекали, и наказаний я получала больше, чем заслуживала».

Она никогда не скрывала, чья она дочь. Твердила, что она – не Хаютина, хотя её заставляли забыть зловещую, зачумлённую фамилию. «Я упорно повторяла, что я Ежова. За что и получала по губам».

Тычки, оскорбления... В минуты отчаяния девочка мечтала, что когда-нибудь отомстит. Однако выросла, по её же словам, незлопамятной: «Никому не отомстила, просто остался в душе и сердце осадок на всю жизнь». Вспоминала немного светлое: «В моей жизни было не только плохое... Даже в детдоме меня любили Татьяна Петровна, медсестра Надежда Ивановна, повариха Марусенька». Если кто-то заговаривал с Наташей, она светилась от радости.

После детдома – ремесленное училище. И снова – изгойство. Ни с кем не общалась, замкнулась, получила прозвище «монашка». «Все от меня шарахались, как от прокажённой». Поставила на видное место портрет отца. Директор приказал сжечь, она отказалась; тогда он сжёг портрет сам...

В минуту отчаяния пыталась повеситься.

Но вот ремеслуха позади, часовщик-сборщик четвёртого разряда Хаютина перебралась в заводское общежитие. Здесь было полегче. Когда принимали в комсомол, на вопрос об отце ответила, что ничего о нём не знает. Отступилась, схитрила? Но это была правда – о настоящем отце она не ведала.

Первая любовь – студент индустриального института Юра. Дружили, даже почти не целовались, не говоря о другом. Друзья отговаривали Юру от общения с Натальей. Он сдал экзамены и, не простившись, уехал в Уфу...

Отработав обязательные годы на заводе, Наталья уволилась и поступила в Пензенское музыкальное училище. Освоила аккордеон.

В 1958 году попала в Магаданскую область. Туда, где не так давно швартовался дальстроявский пароход «Николай Ежов» с очередной партией арестантов.

Важно, что распределилась она на Колыму – по собственному желанию. В этом был, наверно, какой-то вызов. Почему она поехала именно туда? «Вот я сама пришла к вам, не прячусь от тех, кого сажал отец»? А может, искала отца, надеясь, что он ещё жив? Или просто хотелось сослать саму себя куда подальше? Дальстрой упразднили в 1957-м, на Колыме жило много освободившихся из лагерей. Едва ли бывшие ээки питали добрые чувства к нарккому Ежову. Наталья много лет ждала: однажды в её дверь постучат, чтобы отомстить за отца. Но за колымские полвека оскорбительные слова она слышала только раз.

В начале 1960-х ненадолго вернулась в Пензу, потом снова отправилась на Колыму – уже пожизненно. Работала руководителем художественной самодеятельности в колымских посёлках, играла на аккордеоне в клубах. Писала стихи и песни. Кочевала по Колымскому краю, куда в те времена входила и Чукотка, – до самого Певека. Магадан, Ягодное, Тахтоямск... В итоге обосновалась «на Оле», где прожила четверть века.

В каждом новом жилище вешала портрет отца. 1 мая отмечала его и свой дни рождения, разговаривала с фотографией. Вспоминала: «Из-за папочки я и осталась одна-одинёшенька, имею в виду – без мужа, без нормальной семьи». Привыкла к непониманию и одиночеству – много-

летнему, абсолютному, кромешному. Друзей у неё не было. Зато родилась дочь – внебрачная, от женатого мужчины.

«Я много лет думаю о вине отца и считаю, что Бог его, может быть, когда-нибудь и простит. А вот люди – никогда, потому что тогда не будет виноватых», – говорила Хаютина. В годы перестройки она безуспешно добивалась реабилитации Ежова. В 2008 году власти удовлетворили другое ходатайство Хаютиной – о признании её, никогда формально не осуждённой, жертвой политических репрессий.

Публиковала в местных газетах невыдающиеся стихи и рассказы, издала воспоминания «Одна против всех» и «Я помню всё». В 2000 году написала: «А жизнь-то продолжается! И я думаю, что не всё будет так уж плохо складываться. Надеюсь, и меня посетят счастливые деньки. Дай-то бог!»

После инсульта чувствовала себя плохо, выходила только на балкон своей однокомнатной хрущёвки. В начале 2016-го Натальи Николаевны Хаютиной не стало.

4

За что ей достался такой отчим? Есть в этом какой-то смысл? Никому не пожелаешь быть дочерью Ежова – даже не родной, даже плохо его помнившей. Пусть за упыря, убийцу – но пострадала и она тоже, невинная душа. Дочь за отца не отвечает? Ей пришлось отвечать всю жизнь. Она не помнила зловещего палача – только любимого и заботливого папу. Видела от Ежова лишь хорошее. Не верила в его кровожадность.

Не знаю, как со всем этим быть.

Оправдывать Ежова нет смысла, но понять и объяснить всё-таки хочется. «Не судите, да не судимы будете», «о мёртвых – хорошо либо ничего»... Или к таким, как Ежов, это не относится? Что он сам о себе думал? Жуткий человек, садист, «кровавый карлик»... Но ведь не всегда он был таким? Писатель Юрий Домбровский, несколько раз осуждённый, прошедший Колыму, вспоминал доэнкавэдэшную жизнь Ежова, когда тот работал в Семипалатинском губкоме: «Многие из моих современников... с ним сталкивались по работе или лично... Не было ни одного, кто сказал бы о нём плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек».

А взять отношение Ежова к приёмной дочери – выходит, было в нём и хорошее, нет ведь людей абсолютно отрицательных? Значит, и в этой чёрной душе, в каком-то её уголке, бывал Господь? Или вовсе не была она чёрной – просто Ежову выпала незавидная роль орудия, штыка, петли, более того – козла отпущения, а сам он искренне считал себя кристальным солдатом Революции, отважно борющимся с её врагами?

А если бы его не назначили главой НКВД – каким бы он мог остаться в памяти?

Тут же – другой вопрос: а что было бы, прими лётчик Чкалов предложение Сталина возглавить НКВД?

Вправе ли мы осуждать родителей, если они – преступники? Или это – табу, пусть другие осуждают, а детям нельзя? Неизбежно думаешь: а если бы я... – и не находишь ответа. Успокаиваешь себя тем, что твой-то отец – не Ежов. Или же никто не обязан иметь чёткое мнение по каждому вопросу? Не знаю. Но отношение Хаютиной к отчиму, её детскую верность – уважаю.

На снимке 1937 года с приёмной мамой у кудрявой девочки всё хорошо, она радостно улыбается. На фото периода ремеслухи замечаешь прежде всего большие выразительные тёмные глаза. Одно из последних фото: Ола, 2015-й, в комнате – старая женщина. Впереди – недолгие одинокие дни и ночи, сзади, за спиной – портрет Ежова.

Мне рассказали о ней на Колыме – в Сусумане. Когда потом попал в Олу – хотел с ней встретиться, толком не понимая зачем. То ли невытравленный журналистский инстинкт сработал, то ли ещё что... Но оказалось, что она недавно умерла. На Ольском кладбище – могила: холмик, деревянный крест, молодое фото, ФИО, годы жизни. И – тишина, только мягкие лапы лиственниц шуршат.

Ходил по окрестностям Олы, спустился к морю. Красивейшие скалы, выбеленный плавник, галька в крапинку. В воздухе – кричащие чайки, в волнах – нерпичьи головы, на берегу – стела: место высадки отряда Билибина. Когда 27-летний геолог ступил на этот берег, не было ещё на свете ни Дальстроя, ни ежовщины, ни колымских лагерей, ни приёмной дочери сталинского наркома, завершившей здесь свои печальные земные дни.

Владимир КУТЫРЕВ

Родился в 1943 году в д. Высокая Чкаловского района Горьковской области. Учился в Заволжском строительном техникуме и на философском факультете МГУ. В 1991–2003 годах – профессор Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. С марта 2003 года – профессор Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Основатель научной школы «Философия антропоконсерватизма», дважды лауреат премии Нижнего Новгорода, вклад в российскую философию отмечен медалью С.Н. Булгакова, включен в изданную в США антологию «Русская философия в XXI веке». Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Скончался 4 октября 2022 года.

ЧЕЛО-ВЕК XXI: ДЕГРАДАЦИЯ ПРОГРЕССА*

Наша техника так совершенствуется, что человек скоро сможет обойтись без самого себя.

Ст. Ежи Лец

«Прогресс не остановишь»

– своего рода *Ultima ratio regum* (отрубание голов несогласным как последний довод королей) в многочисленных спорах о судьбе человечества в эпоху Великой технологической революции и производимых ею перемен. Никто не решится оспорить только одну особенность этого процесса: все перемены идут в направлении, когда межчеловеческие, в том числе и вещные отношения, да и сам человек трансформируются в информационно-технологическое и виртуальное состояние. Принципиально иное, в сравнении с тысячами лет исторически существовавших традиционных обществ. Вместо общества возникает глобально-универсальная система – Технос. А человек – ахиллесова пята Техноса.

* Предыдущие публикации «эсфоризмов» (афористических эссе) из серии «Унесенные прогрессом» в журнале «Нижний Новгород»: «Философия всегда», 2016, № 1; «Прощание с природой», 2017, № 1; «Техника решает все(x)», 2018, № 2; «Традиционный человек: многая лета и вечная память», 2018, № 6; «Мир и человек, которых мы теряем», 2019, № 5; «Если положение безнадежно, надо сделать все, чтобы его изменить», 2020, № 4; «Про(сти)щай, Человек!», 2021, № 1; «Чело-век XXI: прогресс деградации», 2021, № 6.

Фраза «прогресс не остановишь» двусмысленная. С одной стороны, прогресс отождествляется с благом, а с другой, подразумевается и какое-то скрытое зло, смысловым выражением которого напрашивается пос(про)чтение: «деградация неизбежна» или: «от смерти не уйдешь». Но в подавляющем большинстве понятие прогресса трактуют не задумываясь о сопровождающей его тени и отрицательном подтексте – как несомненное «хорошо», хотя для философии и любого думающего человека подобная однозначно фаталистическая установка недостойна. Она требует более глубокого осмысления и – преодоления. Как это делает каждый индивид, стремясь замедлить свое движение к смерти, не смотря на то, что знает о неотвратимости печального конца.

Веками философы утверждали, что человек свободен, а если нет, то, по крайней мере, должен исходить из презумпции свободы, т. е. что существует много вариантов возникновения нового. Многовариантность теперь предполагается и на переднем крае науки – нелинейной, вероятностной, допускающей периоды неопределенности. Значит, надо делать выбор одного из них. В этом суть и польза мировоззренческой рефлексии для жизни, без которой наше мышление остается узко техническим, «цифровым» – не имеет ориентирующего смысла. Все так, но лозунг «прогресс не остановишь», не смотря ни на что, господствует, хотя, если его исповедовать буквально, он несет в себе превращение в свою противоположность – деградацию человека. Как это и происходит в нашей современной жизни.

Что есть истина?

Вечный вопрос. Ответов было много, вот еще несколько, навеянных духом времени. Это:

- то, к чему все стремятся;
- что никому не нужно;
- о чем обычно молчат;
- что как факт не существует.

Как вольтова дуга, она вспыхивает на мгновение – в столкновении разной лжи. А сколько разные гносеологические авторитеты иронизировали над марксистским, особенно ленинским тезисом о классовости и партийности (по)знания. Которые сейчас торжествуют абсолютно. До дикости. Что хотят, то говорят, любой факт могут превратить в свою противоположность. В информационно-психологической войне истина погибла окончательно. О ней даже стыдно помнить. И не вспоминают. Говорят: постистина. *Фейковщина.*

Нет фальшизму!

Настоящее знание, особенно гуманитарное, человек получает из жизненных ситуаций, в которые попадает. Знает, потому что живет. Начиная с детства. В столкновении желаний, воли, и интересов, страстей, радостей и страданий. В труде, игре и драке. Оно – бессознательное, инстинктивное. Потом из собственных наблюдений над жизнью, чувственного общения с другими людьми. Все это уровень «живого знания», знания-понимания, которым обладает любой нормальный, хотя бы совсем безграмотный и неученый человек, именно оно формирует его «ordo amougu» – порядок любви, характер и силу духа. Потом от любования красотой или отвраще-

ния к безобразию, из искусства и только после этого из «думания-мышления», специального обучения и чтения теоретической литературы. И почти совсем не получает «понимающего переживания» от информации из компьютера и виртуальных картинок. Которые он забывает через час-два. Человек может очень много знать, но если нет первичных бытийных импульсов, это только ученость. Ею в основном заполнены все журналы, книги и сайты. Праздномыслие. Лишь немногие – «с импульсом». Живые. Только их и надо читать. Но как их выделить? Надо самому быть живым. Это называется «герменевтический круг».

Логика примирения с явно патологическими достижениями прогресса такова: Да, это опасно, плохо. Но мы не можем остановиться в своем движении, оно неизбежно. Значит, это хорошо. Переряживаемся. Вполне цинично, но как бы не замечая. Все действительно разумно, говорил апологет Просвещения Гегель. Значит, в реальности зла нет. Одно добро. Необходимость зла превращает его в благо. *Злаго*. *Злобро*. Есть люди злые и добрые. Но все мы, в сущности, злобрые. Фатализм стал доминантой современного технократического сознания. Особенно у тех, кто любит говорить о свободе и правах человека. У политкорректных. Вернее, любил. Говорил. Теперь вся их идеология стоит на все выравнивающей фальши. На ценностях вырождения и постжизни. Злые критики утверждают, что это своего рода фашизм. Но фашизм культивировал антикультурное (в духе Ницше) поддержание жизненных инстинктов. Вплоть до бестиализма. Поэтому про современную ситуацию тотального подавления жизни техникой и нежелание понимать это, лучше сказать, что мир погружается в *фальшизм*.

Обманывать себя – опасно для жизни. Скольким людям можно бы поставить этот диагноз! Но печат неврозы, сердце, а многих все равно их настигает (даже) молодая смерть. Это относится не только к индивидам, а и к странам, обществам.

Решение большинства проблем состоит в том, что из острых они становятся хроническими. А на месте старой чаще всего появляется новая – более трудная, даже тупиковая. Но снятие старой, надоевшей и ставшей невыносимой проблемы воспринимается как решение. Что в лечении тела, что в политике. Так и живем, так и решаем-ся. ***Прогресс проблем – вот суть «проблемы прогресса».***

Крот истории

Говорят о глубинном государстве предполагая при этом что-то скрытое, конспирологическое, сознательно античеловеческое. Заговор. Если трезво – то да, это глубинная власть, процессы, действительно идущие под поверхностью, часто в противоположном ей направлении, чем непосредственно видится. Но, к сожалению, они идут без чьей-то злой воли и не на кого, нет субъекта, на кого бы можно сваливать то, что в них не нравится. Увы, это не заговор, а объективное саморазвитие человечества, его детерминация будущим, хотя оно представлено какими-то людьми, функционерами. Но не более, чем представлено. «Крот истории», как говорили раньше, копает самостоятельно. В эпоху Просвещения, в марксизме уповали на него, полагая, что он копает в пользу человека, ради его лучшей жизни вообще или «при коммунизме». Сейчас видно, что крот-то техногенный и прокладывает тоннель в направлении антиутопий, к апокалипсису традиционного макромира людей,

называемому в науке «сингулярностью», результатом которой будет вырождение жизни на Земле, по крайней мере, в ее высших формах, замена ее искусственными системами. Включая человека. Антропоцен сменяется техноценом, как уже произошло на планетах, где мы «не находим ни жизни, ни разума». Потому что искусственный, силиконовый разум «съел жизнь» и «замурован», «глубинно закодирован» в мертвой материи как ее структура. Энтузиасты и враги прогресса – те и другие с этим соглашаются, только одни с радостью, другие со страхом, что «к 2100 году количество бит информации сравняется с числом атомов на Земле». Ну, тогда действительно, если и когда атомы и биты будут одно и тоже – силиконовая планета. *Космос осваивает Землю.*

Осторожно, Технос!

Все новые и новые достижения техники, освобождающие человека от разных тягот и обязанностей жизни. Главным результатом четвертой промышленной революции будет возникновение производства без человека. «Всего». Человек не будет работать не только руками, но и головой. Вместо не(е)го – Искусственный Интеллект. Радость, радость-то какая, если внимать перспективам, впавшего в деменцию прогрессивного человечества. Освободим человека от самого себя. А пока «новые люди», поколение Z^* , может быть оно увидит светлое будущее, о котором веками мечтали – «спасение души», «свободный труд», «творчество», «всесторонне развитая, гармоническая личность» и т. п. Только такое ли оно будет? Фактически сейчас формируется нечто противоположное: общество из людей с встроенными в них и управляющими ими чипами, + электронным досье на каждого, начиная с детского сада, + когда даже в деревне стали говорить: ничего не надо садить и растить, все можно *купить в магазине*; потом: куда не надо ходить и ездить, все можно *получить не выходя из дома*; и наконец, «цифровые аборигены», идеал которых *жить не вставая с дивана* (все большую популярность приобретает лежание со смартфоном в «позе эмбриона» – удобно, попробуйте). Вот он, Рай, сплошные плюсы, а по инерции все ноют, что плохо живем. На самом деле, люди никогда, никогда так хорошо, легко и богато не жили. Правда, действует закон «обезьяньей лапы», которая выполняла все желания владельца, но превратным образом: когда он пожелал больше денег, ему принесли страховку за убитого сына. Технос – наша обезьянья лапа. Достигнутый с ее помощью Рай – это концлагерь в буквальном смысле слова, где человек под полным контролем, при том распадается на «Цифровой профиль» в компьютере и «Шевелящуюся протоплазму» перед ним, на Земле, что, собственно, предвосхищали(сь) уже постмодернисты. Но концлагерь непрерывно благоустраивается и поэтому (?) никто не вступается, не борется за свободу, которую веками чтили, к ней стремились, ее провозглашали как главную ценность человека, особенно либералы, но они «прогрессивно помалкивают», хотя казалось бы, должны рыдать и биться головой об стены от того, что Homo sapiens лишается не просто свободы, а способности к сколько-нибудь оригинальному мышлению и творчеству, вообще – индивидуальности. «Самого себя». Что происходит комфортная

* Поколение Z , они же зумеры, – молодые люди, родившиеся с 1995 по 2010 год. Это первое поколение, полностью сформировавшееся под влиянием гаджетов и соцсетей.

духовная смерть и физическая трансформация в иное. У(по)казывают на это, ворчат и жалеют, но не больше, в основном консерваторы. Антропoкoнсерваторы. Типа меня. Про(сти)щай, Человек!

Постмодернистский мир

Трудно стать певцом, если у тебя есть голос и слух. Эстрада не принимает: «неформат». На слуху те, у кого нет слуха. Трудно получить известность художнику, который умеет рисовать, ваять и образно видеть мир. На виду те, кто совершают какие-то инструментальные действия, «инсталляции», фокусы. Трудно прослыть философом, если предлагаешь решение какой-то проблемы и ясно мыслишь. Известность придет, если ты внес лепту в запутывание вопроса темным и вычурным языком. Блуждание в словах (не хочу говорить – словоблудие, самому обидно) – самое типичное занятие философов. Праздномыслие, ученая сухотка, текстурбация – пожалуйста, будут читать, толковать, а ясность, истина, смысл – это старо. Очень, очень немодно. Ясно – всегда опасно. Это «репрессивная ясность», возмущался Деррида, когда кому-то удавалось развалить его хитроумные построения. Людей злит, что правда проста, – говорил Гете. Да и кому она нужна (страшная) в мире, вставшем под знамена бога смерти Танатоса? Постараются не заметить или закид(ыв)ают камнями. И чем-то еще.

Пол ИЛИ гендер

Пол – это физиологическое различие между мужчиной и женщиной по фактуре, функциям и поведению. Деление на самцов и само присуще всем высшим животным как условие их воспроизводства. Половое деление было «революцией в эволюции» всего живого, его переход на принципиально новый этап развития жизни на Земле. И вот – дожили. В XX веке началось отрицание полов, их замена на гендер. Гендер – это социопол, то есть физиологически, по всем признакам это мужчина, а провозгласить и вести себя он может/будет как женщина. И наоборот. Считаться мужчиной или женщиной – это зависит от того, кем он себя провозгласит.

Физиологической реализацией гендера (мужчина по природе и женщина по социуму или наоборот) являются ситуации перемены пола. Которых становится все больше, однако говорить о действительно осуществляемой перемене пола – поверхностный подход. Мужчина, считающий себя женщиной, по сути, ею не является. У «нее» нет главного полового признака женщины – способности рожать. Женщина, считающая себя мужчиной, по сути, им не является. У «него» нет главного полового признака мужчины – способности оплодотворять. Принятое латинское название этих феноменов – транссексуалы, очень точное. Приставка «транс» означает переход «за», «через», в нечто другое. (Транс-гуманизм – то, что после гуманизма, транс-дисциплинарность – нет дисциплин, транс-национальные корпорации – деятельность без госграниц и т. д.). Иногда переименованных пол называют трансгендерами. Это ложный ход мысли. Ликвидация полов не преодоление, а осуществление гендеризма и вместе с транссексуализмом есть вы(пере)ход за пределы пола – в постчеловеческое «Оно». Если гендер социально-теоретическое «оно», то транссексуал практико-физиологическое

«оно». Транссексуал как биологически реализованный гендер – это (по) явление постсексуальности. Эволюционная революция, сравнимая с возникновением человечества, великий поворот, но уже трагический – по вектору само-у-ничто-жения...

Ибо человек, утративший свою половую сущность, и не мужчина и не женщина, это, в сущности, еще невиданное на Земле эволюционно новое существо – постчеловек. Ликвидация половой принадлежности человека есть предпосылка/подготовка его превращения в нечто псевдочеловеческое, недочеловеческое – однако не в плане животного недоразвития, а в биоробота, в плане техно-дегенеративного переразвития – «в свое другое». Почти очевидно, что бес-полые биороботы, как по телесности, так и по сознанию есть ближайшая стадия дальнейшей трансформации людей уже не обязательно на биологической основе. Или, для начала, не только на биологической основе – появление так называемых «технолюдей». Таким образом, гендеризм – это идейный, предварительный, а транссексуализм – начальный, физиологический этап формирования действительно постлюдей, выход прогресса за пределы жизни, тем более Homo sapiens, антропологии и гуманизма. Этап, который по справедливости надо относить к трансгуманизму, точнее, *трансгоманизму=трансантропологии*. «Инопланетяне среди нас». Распространяясь из центров сосредоточения НБИКС-технологий влияние постлюдей п(р)оявляется в обществе. Идеологией этого процесса в ее научном облачении являются так называемые «гендерные исследования».

МЕ ТОО (меня тоже – насильовали)

(Эволюционный смысл гендерной патологизации сексуальности)

Процесс ликвидации пола у индивидов не может не отражаться на социальных отношениях. И/или наоборот: происходящий процесс технологизации и виртуализации нашей жизнедеятельности создает почву для изменения отношений между полами. Их деградации, принимающей, как правило, преврат(шен)ную форму. Веками физиологическому взаимодействию мужчины и женщины сопутствовало особое предварительное поведение: ухаживание, соблазнение, заигрывание, флирт (на популярном в мое время молодежном жаргоне: «кадриться», «клеиться», «прикалываться») – все это подача «знаков желания». (Что, как известно, существует и в живо/тн/ом мире.) У разных полов оно неодинаковое: в силу особенностей физиологии (думающий и, несмотря ни на что, еще и чувствующий читатель сам знает – почему) открытым инициативным ухаживанием занимаются – «домогаются» женщин самцы/мужчины. Женихи Пенелопы «приставали» к ней, пока их не изгнал Одиссей, добрые молодцы в русских сказках должны допрыгнуть на коне до окна царевны, чтобы поцеловать ее. В китайской средневековой повести «Сюцай в царстве теней», обвиненная во встрече с любовником государыня Люй оправдывается перед супругом: «Всем известно, что в нашем мире мужчины заигрывают с женщинами, а не наоборот. В тот раз я действительно позвала его во дворец, чтобы обсудить одно важное дело. Попав в мои хоромы и увидев богатства, он, как видно, решил, что ему все позволено и стал ко мне приставать...» И т. д. Даже в наше время постмодернист и критик постмодернизма Жан Бодрийяр, считал, что «Все любовные и сексуальные грехи можно про-

стить, потому что они не являются оскорблением. Единственное, что вам никогда не простит женщина, это не то, что вы ее не любите (с любовью или сексом всегда как-то улаживается), а то, что вы ее не соблазнили или же что она не соблазнила вас. Этого ничем не искупишь...»

Однако все это, включая мнение великого критика постмодернизма, сейчас стремительно устаревает. Оскорблением начинает считаться само внимание к женщине, хотя бы как-то реально выраженное. Оно все больше воспринимается как Sexual harassment или даже насилие. Притом, как ни парадоксально, значительной частью самих женщин, прежде всего «гендерных», которые вдруг начинают вспоминать, что их когда-то «домогались» или даже «из-насиловали». Под сурдинку об этом сообщают и некоторые мужчины. Хотя изнасиловать без сопутствующих условий, если партнер действительно не хочет, чрезвычайно трудно, фактически это «грабеж тела», разбойное нападение, о котором как преступлении сразу сообщают в полицию. Теперь насилием чаще всего объявляется «домогательство», которому когда-то уступили, «проявив слабость», или из корысти, а потом раскаялись и/или сообщают о нем тоже из корысти (второй раз). Одновременно к домогательству начинают относить все, что угодно: «оскорбительные позы», «неподобающий взгляд», «неприличные намеки» – любое, выражающее симпатию поведение, когда-то связывавшее мужчину и женщину как желающих друг друга сексуальных субъектов. В теоретической статье нет необходимости приводить примеры исторического, хотя часто фальшивого, осуждения подобной живой связи, достаточно напомнить, что в США, стране, возглавляющей прогресс, возникло «me too» (меня тоже), целое социальное движение. Присоединиться к этому (умо)помешательству достаточно легко: «когда он сказал, что ему не нравится, если женщина занимается боксом, я почувствовала себя изнасилованной».

Фундаментом этого социально-гендерного одиночества является истончение, а постепенно и полная утрата когда-то разлитой между людьми любовно-эротической или, наоборот, неприязненной, но всегда эмоциональной ауры. Однако это не причина, а следствие происходящей трансформации межчеловеческих отношений в сторону их универсальной технологизации и виртуализации: «если вы так уж хотите познакомиться, напишите о своем желании по интернету». Заговаривать или как-то обозначать его off line, на улице, «в толпе», особенно в больших городах, неприлично, да и небезопасно, вас обвинят в sexual harassment-те. Главное, чтобы не было полноценного общения. Только коммуникации с насадкой на глаза и уши. Происходит блокирование спонтанности, эмоций, непосредственности и, конечно, никакой «любви с первого взгляда». Человек окукливается, бюрократизируется, роботизируется, его переживания уходят в виртуал, где окончательно (до смайликов) оскудевают, в реальном мире он лишь «присутствует». Возникает новый, исторически доселе невиданный тип человека: технологический = цифровой = роботообразный зомби-оно (*зомбино*) = ориентированный на Сеть – и попадающий в нее.

Превращающийся в робота, чему все больше свидетельств. Появилось выражение «когнитивный робот» – это человек, который не может сопротивляться внешней программе управления, хотя никаких железок внутри его тела нет... Там, где стоят видекамеры и системы распознавания образов, нарушать инструкции становится все сложнее, человек все быстрее превращается в робота. Если мы посмотрим

в интернете отчеты наших бывших соотечественников, которые живут в других странах, то увидим, что слово «робот» встречается в их рассказах все чаще и чаще. «В Австралии живут роботы», – говорит некто Игорь (серия роликов «Австралия без купюр»), продолжая, что у коренных австралийцев, как у голосовых помощников, есть набор стандартных фраз, за рамки которых австралийцы не выходят. Нам, в России, утешаться, что появление роботообразных как первая стадия трансформации людей в «постчеловека» происходит только «в Австралии» или в Америке нет никаких оснований. Процесс гендеризации и роботизации единый, он глобальный, обусловленный достижениями технического прогресса. Если им/ему никак не сопротивляться, не пытаться управлять, тогда все земнородное человечество упадет, реально, на наших широко закрытых глазах уже падает вниз, на более высокую стадию деградации, в нечто принципиально новое – постчеловеческое.

О целях для человечества

Отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость. На ...+ ... = (p)ебенок, Человек! Такова суть антропоконсерватизма как идеологии, стержневым фактором которой является сохранение половой субъектности Homo Genus в виде мужчины и женщины. Нашего продолжения на живой Земле. Эта цель одна из главных, а в сущности, главная, потому что для нас, людей, конечная: *экология М-Ж сексуальности есть условие дальнейшего существования в известной нам Вселенной и обозримом будущем Человека как ее единственно(го) Духовного Суще(го)ства! Реального Бога. Чтобы Он не умер, священная обязанность каждого живого индивид(ума) поддерживать его актами воспроизводства своего образа и подобия.*

Моя новация

В новационных центрах создавать специальные отделы по усложнению ясного и простого, которое хорошо работает, но уже несколько лет, по созданию разнообразных ненужных мелочей и патологий, которые бы оправдывали деятельность по придумыванию новаций. Спрос рождает предложение? Нет, теперь предложение рождает спрос. Надеюсь превратить эту идею в инновацию (вот только что позавидовал достижению, о котором сообщает реклама: «продается пляжное одеяло Hi-Sun со встроенными динамиками»). Хорошо бы усовершенствовать одеяло чем-то еще из «нано». «Микроодеяло с мегадинамиками». Пошлю заявку в Сколково, чтобы запатентовать. Дайте корму (грант)! Это будет мой гуманитарный вклад в процесс техноэволюции.

Самая простая и глубокая, лежащая на поверхности событий тайна нашего времени: технонаука стала стихией и в этом качестве врагом человека. Среди людей растет число техноидов и тех(еще)идиотов. Одинокие социальные зомби реализуются уже физиологически, в легкой форме – транс-гомо-сексуализма, в тяжелой, но которую скоро объявят нормой – аутизма. Больше всего их в Силиконовой долине, про Сколково не знаю, у нас этой статистики нет. Аутистов как бы лечат, но это будущие хозяева жизни. Как ее/их (мутантов), пока еще возможно,

укротить? – Вот основной вопрос (жизни) человечества! Но об этом не способны или бояться даже думать, да и писать рискованно. Даже кто понимает, чем все кончится.

Говорят, огорчаются, заботятся, что у человечества нет цели, идеала, к которому оно стремится. Да неправда это, оно деятельно занято своим самоотрицанием, оно хочет «перестать быть» заменив себя техникой, во всех сферах, даже в мышлении и сексе, т. е. самоуничтожением. И название этому идеалу есть – состояние сингулярности, и даже даты его достижения примерно назначаются – 2045 г. Сингулярность, к которой «прорываются», на нее «работают» и жаждут, это научное наименование апокалипсиса, конца света, которого вроде бы бояться. И все одновременно. При этом не видят оче-видного нарастания процессов своего само-у-ничто-жения. И даже приветствует его, мечтая, что «к 2100 году человек разумный перестанет существовать, так как сам себя модифицирует с помощью искусственного интеллекта и биотехнологий» [Цитата! Из Манифеста! трансгуманизма]. *Перестать существовать – вот цель прогрессивного человечества!* (а говорят, что у нас нет идеалов). И все продолжают пугать геноцидом. Он для отдельных наций страшный. А для всего человечества провозглашается Манифестом. Целое движение. Трансгу(о)анизма.

К сожалению, с этими по виду будто бы людьми разговаривать уже бесполезно. Духовно они постлюди. Ино-планетяне.

Непрерывное ожидание конца света. Назначают и откладывают даты. Да не будет его. Потому что произошел: мы находимся в этом процессе, внутри его, стремимся к его усилению и продолжению, считая при этом благом. Но с исторической точки зрения – это мгновение, «сингулярность». Только для нас оно – длится. Все так очевидно, что даже доказывать неудобно.

И все-таки, какое это злое благо – Интернет.

Конец света начался с трагической смерти Бога. А завершается счастливой смертью человека. Эвтаназия – вот она, Великая цель современной цивилизации.

Бывает: мелкая праведность, трусливая святость, глупая добродетель.

Или: великие грешники, добрые разбойники, гениальные злодеи.

Это все крайности. Средний человек – посредине. Середина, в переводе на латынь – норма. Девиз нормального: долой великих грешников, добрых разбойников и гениальных злодеев. Бей праведников, святых и добродетельных. Пусть все будут одинаковыми. Только это – политкорректно. Только это – демократия.

Слово или цифра

Тонкость смыслов живого, земнородного языка. Степени значения событий: я это буду помнить; я это надолго запомню; я запомню на всю жизнь; я буду помнить до могилы; я это буду помнить в могиле.

Время дня, распорядок быт(а)ия. Обед, об-ед, общая еда, до обеда(ы), об-еденный перерыв. Ужин, уже, ужо (тебе), не дам, жди, это к «ужотью» приготовлено; есть вечером, вечерять = уж(е)инать. Кто не наелся, жди завтра(ка), завтра(к), еду в будущем, на другой день, когда взойдет заря. От зари до зари, ден-ница. Ночь, ничь, «ничь яка мисячна, зоряна ясная»; ничевать, ничег(в)о, спать-ночевать, когда торжествует ничто. Перерыв в быт(ован)ии.

Вот что значит родной язык. За ним реалии жизни, пласты сознательных и бессознательных смыслов, история, дух и бытие народа. Замена родного слова иностранным оставляет от него пустую информационную оболочку, а замена цифрой не оставляет ничего – знак оболочки. На Нюрнбергском процессе присвоение заключенным номера вместо имени осудили как способ обезличивания людей. «Я не цифра, я свободный человек» – говорил герой какого-то фильма. Смерть родных языков прямой путь к скудоумию, к превращению Homo sapiens в Homo dementia (чтобы смягчить ситуацию, говорят о «младенческом мышлении» техногенного человека). Сейчас оно культивируется on-line образованием и прочим тестированием: живи и действуй в виртуале, в том числе, молча выполняй любые обязанности не вставая с дивана, по интернету. Вся сила гражданина, его права, долги и обязанности – в комфорте. «Яндекс есть – ума не надо» – таков девиз, под которым идут реформы образования и нашей жизни вообще. Такова плата за технический про(ре)гресс. Все больше аутистов, их вроде бы жалеют, лечат, но это просто авангард прогресса. Продукт тестирования, там ведь тоже говорить не надо. А думать и говорить – занятие консерваторов. Тем более воображать и чувствовать – все эти творцы, художники, писатели и поэты – существе пережитки прошлого, реакционеры, тормоз прогресса, ибо его субстанция – исчисление, отбор, комбинирование и программирование. В конечном счете – Искусственный интеллект. Или же – борьба с ним: антропоконсерватизм, гуманитарные фильтры, экологическая экспертиза, «власть зеленым», надежды на кризисы, управляемое развитие, философия сопротивления и прочий плач Ярославны, которому предаюсь я.

Антракт

Надо передохнуть перед Megasciens, когда мы не будем знать, что нас не будет. Не знаем. Несмотря на это, вперед, с благопожеланием: «Хорошо – быть хорошим. Даже не для других – для себя. Начинать – с себя. Быть добрым, открытым, дружеским, да еще бы щедрым и веселым. Как люди этого не понимают? Не стремятся к этому как главному смыслу жизни? Мучаются завистью, злятся, вредничают, надуманные и тусклые. Плохим – плохо. Страдают, без видимых причин много болеют, жалко их. Не повезло».

Megasciens: в последний час

Появились творцы и идеологи не ползучего, а прямого техногенного светопреставления. Человечеством создан и работает Адронный Коллайдер, признают, особенно когда открывали, что из-за этого эксперимента возможна цепная реакция и неконтролируемое развитие процессов. «Ученые утверждают, что запуск коллайдера безопасен, однако в мире немало и тех, кто готовится к концу света» (это сообщение Интерфакс было от 13 сентября 2008 г.). Другие физики (сами физики!) признают, что такая вероятность есть, но она очень, очень мала. Хотя все-таки есть. Вместо «бога» может по(с)лучиться «черная дыра». Так «проговаривались» и физики, соорудившие коллайдер (двое из них подали в суд, кажется швейцарский), правда потом, когда против

них поднялась критика коллег, уже все стали утверждать, что нет, все безопасно.

Но слово сказано. Пусть вероятность маленькая-маленькая, зато какая – великая! Величайшая! И если она все-таки есть, так зачем же играть в эту безумную игру? Запускать русскую рулетку для всей Вселенной? «Науке интересно». Но чтобы до конца понять явление, его надо воспроизвести. Хотят воспроизвести рождение нашей Вселенной. В принципе, это значит, что моделируется = создается «новая Вселенная». А две Вселенных сразу быть не может. Значит, какая-то из них должна исчезнуть. Может быть, это будет «старая». Если ее сразу не взорвут, разыскивая одну «частицу Бога», то к этому будут двигаться, решая следующие, более сложные задачи. О том, что игра продолжится, говорят как об очевидном. Аппетит приходит во время еды. В проекте новый коллайдер, в несколько раз более мощный. И вероятность «неконтролируемого процесса» будет возрастать. Философское осмысление данной ситуации обязывает сказать, что в контексте вялотекущей деградации **человечество приступило к экспериментам по самоуничтожению**. Адрес Универсальной Машины (УМ-а) смерти: Европа, граница Швейцарии-Франции; время начала ее работы: сентябрь 2008 года. Отсчет пошел, рано или поздно этот УМ сработает. И ничего его/ее не остановит. Крики 3-5% экологически озабоченных, философски понимающих, что происходит, людей, жруще-жующая, шопингующая толпа и «немыслящие» технаучные фанатики не услышат. «Однако в среду вряд ли удастся стать свидетелями конца света, поскольку образование новых частиц возможно лишь тогда, когда протонные пучки будут сталкивать. Пока же их запустят в одном направлении» (сообщение Интерфакса от 13 сентября 2008 г. – продолжение).

«Вряд ли удастся стать свидетелями конца света» – сожалеют авторы официального сообщения. В этом чудовищном выражении – бессознательное «всё» нашей, по-видимому, безнадежно обез(д)умевшей цивилизации. Ее «осв(я)етителей», готовых ёрничать над самой трагичной возможностью. Хотят быть свидетелями(!) конца(!) света(!) и печалются, что «в среду» он еще не случится, а если случится, «в четверг?», то это недостаточно скоро!!! При этом хотят остаться наблюдателями, как в телевизоре или перед компьютером. Начинаешь верить, что когда фантасты объясняют причины отсутствия в космосе сигналов разума неизбежностью гибели цивилизаций в результате самоубийства, они не слишком большие фантазёры Да и предсказанный в Библии конец света – вот он, рукой подать (потрогать). О нем же мечтают все «сингуляристы». **Конец света (будет) по-научному.**

Вторая попытка

В других развитых странах, в том числе нашей, начали строить свои коллайдеры, чтобы производить собственные «концы света» = «маленькие Большие взрывы Вселенной в лаборатории». Другими словами: все больше физиков хотят присоединиться к экспериментам по сотворению (нового) мира; техно-боги; вместо старого и его насельников, безумная гордыня и радость трех- или пятилетнего ребенка (ну и что, что в звании член-корреспондента или действительного академика) от чирканья спичками раз за разом, пока не загорится.

Скажем, при этом, на мини-величину вероятности провоцирования реального взрыва, которая допускается даже самими некоторыми экспериментаторами (но не больше, чем «падение на Землю очень, очень,

в несколько километров, крупного астероида», хотя против него космологи почему-то предлагают строить защиту). Но ведь этот взрыв будет в тысячи раз мощнее любого ядерно-водородного. Ибо в столько же раз мгновеннее. Если вдруг на милли-миллисекунду передержат(ся). Он будет действительный, не в компьютере... Последняя инновация! Утешает одно: никто ничего не почувствует. Не успеем. Как сейчас, ни о чем не думают/ем. Ни тени сомнения. Не только у ученых, но и у будто бы философов (науки). Что подделаешь – Большая Наука. Она уже в масштабах Вселенной и требует хотя бы «маленьких» жертв. «Маленькой жертвой» в контексте Универсума и исследующей его Мегасайенс может считаться какая-нибудь планета. Земля – не самая из планет большая. Предельный, (не)мыслимый авантюризм – и никого не волнует.

Третья спичка...

Потом может быть четвертая, до тех пор, пока какой-нибудь эксперимент не доведут до победного конца. Какого? Ну, например, работающие над одним из них физики, чтобы не было скучно, «шутят» насчет причин Большого взрыва: «Каждые 14 миллиардов лет ученые Вселенной собираются вместе и строят Большой адронный коллайдер»... Остальная толпа над анекдотом весело смеется, она же знает, ей уже говорили про атомные станции, которые абсолютно надежны. Настолько, что «выдержат падение самолета». Как будто в случае военного конфликта обстреливать друг друга будут самолетами, а не взрывающимися, в том числе, на огромную глубину, бомбами и ракетами. Так что, как допускают и надеются многие веселые люди, конец света завершится полным успехом... Все равно взорвут-ся.

Нас спасет только чудо!

Из огня да в полымя

Загрязнение природы CO₂. Зеленые в основном против него борются, передовой мир поставил задачу достижения «углеродной нейтральности». Радиоактивные отходы атомных станций тоже утилизируют. Но главное спасение видят в переходе на «чистую» энергетику, в сущности, чтобы везде было электричество. А то, что идет интенсивное загрязнение всего живого электромагнитными излучениями, – не видят. WI-FI, беспроводные наушники, микроволновки на кухнях, мобильные микроволновки в каждом кармане, излучающие вышки на улицах, готовятся ставить вышки под 5G и т. д. Этого не хотят видеть, почти не обсуждают. Потому что – «прогрессивно». И стремление к идеалу: вместо традиционных бензиновых и газовых автомобилей – электромобили. Потоки, тысячи электромобилей на улицах... Я, конечно, тут профан, но знаю, что по СНиПам (Строительные нормы и Правила) запрещается строить дома возле высоковольтных линий электропередач (наведенные электромагнитные поля). Но не будут ли такие же поля от потоков электротранспорта? Может, стоит очнуться, начать думать и спорить? Да ни за что. Просто будут гордиться, как гордятся прогрессом медицины в лечении все шире распространяющегося рака. И растущего числа других пандемий.

Крупнейшие мыслители Запада первой половины XX века говорили и тревожились о дегуманизации искусства и умирании культуры (Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер, Г. Бёлль, В. Вейдле, Г. Марсель,

М. Хайдеггер и т. д.). О драме Жизни. Думаю, что сейчас, со второй половины XX века (после информационной революции), надо говорить и свидетельствовать о дегуманизации жизни и умирании реальности. О трагедии Бытия.

Вне-очередное доказательство (не)бытия Бога

Како веруешь? В Бога или в Прогресс? Здесь именно «или». Можно сказать: «мой бог Прогресс», но это поверхностное представление и Боге, и о прогрессе. Что делать, если я разочаровался в Прогрессе, а поскольку не имею религиозного опыта, не переживал такого состояния, то не получается и верить в Бога (ум как кислота разъедает живую веру). Как жить, если не получается верить ни во что. В Бога, потому что нет Его, в прогресс, потому что стал страшным, переступает через человека. Стал Регрессом как движением к Иному, уже постчеловеческому миру. Мертвая рука прогресса умалывает, подавляет нашу чувственность, проявления жизни, любви к ней, которые с очевидностью истощаются у современного смертно-живо(тно)го человека. Как с возрастом у нас истощается социальное стремление к самореализации и желание исполниться. Утешает, что это позиция честности. Без подпорок. Без иллюзий. Одним сухим умом, без/после любви и после/без алкоголя, «без адреналина», а (все еще) живой. Наверное, это и есть «невыносимая легкость бытия». Когда тяжело легко жить. При «Молчании Небес».

* * *

После чудовищного количества споров о том, что такое материя и наша реальность, в качестве высшего достижения современной мысли родилось мнение: это отходы, своеобразное загрязнение чистого пространства-времени. Так заявляют многие логики, математики, теоретические физики и другие представители переднего края познания. Если перевести подобные идеи с птичьего языка (и сознания) ученых на язык людей, то чистое пространство-время есть Мысль. Значит, материя – это загрязнение мысли. Таково теперь решение «основного вопроса философии». Но материя, природа включает в себя все живое, в том числе человека как естественное существо. И вот он и природа предстают как отходы мысли, как грязь от функционирования созданной мыслью искусственной реальности. Мы свидетели настоящей экологической перверсии. Если обычно речь шла о загрязнении природы результатами научно-технической деятельности, то здесь природа рассматривается как отходы самой этой деятельности. Как загрязнение ноосферы, мусор и помеха в развитии нового искусственного мира, который будет, для начала, «природоподобным». Ее симулякр. Так человечество «найдет выход из экологического кризиса», – обманывают(ся) технократы и верят им глупцы, особенно в том числе они сами. Следствие становится причиной. **Смена субстанции.**

Больше того. В мировоззренческой ипостаси чистое пространство-время – Разум. Всемогущий и всеобщий разум – Бог. Раньше Бог творил природу и человека в своем высшем усилии – из уст. «В начале было Слово. И Слово было у Бога». А теперь это цифры, его экскременты.

Он посетил отхожее место, в результате чего возник мир. Итак, по данным новейшей науки и мы, и мир в целом – г... Правда, Бога. Вот ответ на все, мучающие философов тысячи лет, вопросы, что есть Бытие? И его высшее проявление – Человек. **Божественное Г...! Б-Г. Это утешает.**

* * *

Бог – это конечный образ бесконечности. Таинственной и непостижимой. **Вечность, представленная во времени.** Предполагая, допуская бесконечность и вечность, предполагайте и допускайте Бога как их *человеческое переживание*. И Бог – антропоморфный. (В историческом споре о причинах веры в Бога между французскими материалистами, Фейербахом и марксистами с высоты времени прав оказывается Фейербах; я марксист-фейербахианец). Это переживание, недоступное (по определению) науке. И духовно, до рациональности истощенным людям (большинство современников). Но... верьте в Него. Будьте эстетичны, в состоянии любви и желания, а не теоретичны, в состоянии измерения и вычисления. По-читайте Его.

Некоторые не попадут в рай

Это консерваторы. Для прогрессистов он готов гостеприимно распахнуть свои двери. Добро пожаловать в Метавселенную, написано при входе. Метавселенная это действительно Рай, только не в мечтах верующих всех религий, а созданный наукой, виртуальными технологиями, в силиконовых долинах, «в Facebook». Как в обычном традиционном Раю, там можно все. Души-аватары, т. е. души в облике тела осуществляют любые свои желания. Они двигаются, действуют, играют, коммуницируют. К их услугам аватары-ангелы и аватары-гурии. Но если в религиозные метавселенные допускались только праведники, то в Рай по-научному попадут все люди прогресса, трансгуманисты, техницисты, виртуалисты, геймеры, все, кто день и ночь сидит в компьютере, особенно кто уже может заказать себе еду прямо в кресло (пробирки с питательными растворами в объемных принтерах, а также и свои отходы не сходя с места в усовершенствованных креслах для тел без органов, но еще не превратившихся в чистую шевелящуюся протоплазму). Осуществляется их главная мечта: души-аватары бессмертны! Так осуществляется великий Союз=синтез=симбиоз науки с религиями. Консерваторы не попадут в рай, потому что продолжают защищать архаическое существование в живом смертном теле. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (Пушкин), «Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?» (Лермонтов). Не могут они представить, что «играя на мозге», можно дать им и страдание. Только зачем – вот в чем вопрос, если они голографические и бессмертные. Да и мозг нужен только в начале переселения душ-аватаров. Потом они будут совершенствоваться сами. Ну а земная природа, живые тела, какой-то Homo Genus – это прах. Увы великим религиям и ура великой науке. Вот куда ведет апокалипсис, а консерваторы боялись! «И рад бы в рай, да грехи не пускают» (русская поговорка). Теперь – пускают. Кого угодно. Надо только захотеть.

Как все-таки человечество заблуждалось и заблуждается насчет своего будущего. Все происходит иначе, чем предполагаем. Предполагали

совершенного человека и коммунизм, а выходит трансгуманизм. Предполагали рай на Небе, а он образуется на Земле. (См. его рекламу: «Все, что любишь!» на скорости до 500 мбит/с). В Раю предполагали Бога, а он Цукерберг как создатель Метавселенной и т. д.

И человечеству, оказывается, грозит не Апокалипсис, не Сингулярность, не Танатос, а Рай. Пугали Адом, что будем мучиться, а умрем в Раю, счастливой смертью. Но, увы, при жизни.

Смерть, бессмысленно прекращая жизнь, за(при)дает ей смысл.

On-line выборы и пещерные люди

Вал пропаганды + говорят и пишут диссертации «о цифровизации культуры», но, по-видимому, все-таки знание и образованность по-прежнему будут выражать в баллах: 1, 2, 3, 4, 5, только интерпретировать по-другому. Наоборот, чем раньше, в доинформационную эпоху. Составят новый ФОС – фонд оценочных средств, вариантами которых, непрерывно их изменяя, добавляя +, потом ++ с некоторых пор стали терроризировать преподавателей вузов в рамках замены науки наукометрией. Примерно так:

Цифра 5, это высший балл надо ставить тому, кто ничего не помнит и не знает (потому что не надо, глупо, так как все есть в компьютере, а главное, «компетентен» куда нажать, молча «тестируя» под девизом: Яндекс есть – ума не надо. Да и всю культуру получает виртуально, не вставая с дивана (например, вчера про-был/лежал 2 часа в Эрмитаже). На выборы тоже лежит в кровати со смартфоном, хотя иногда допускает слабость – передвинулся на жесткий стул. Садись (сиди) – отлично, настоящий прогрессор; *Цифра 4* – это если, к сожалению, студент все еще передвигается по квартире, иногда выглядывает на улицу и в доме нашлась книжка. Человек современный, но не самый передовой; *Тройка (3)*, только удовлетворительно, он опустил до того, что сам начал ходить по улице в магазин и знает, что нужно купить; сталкивается и здоровается с соседями, но компьютер включен не всегда. Отстает от жизни, традиционалист; *2 (двойка)*, плохо, ибо что-то еще делает руками, способен себе приготовить еду, получает газету, иногда к нему кто-то приходит, и они разговаривают, консерватор; *1 (единица, совсем плохо)* – ногами ходил «выполнять гражданский долг» на выборы, учится очно, выезжает за город, встречается на улице с другими людьми, женщинами, говорит о политике и нередко смеется. Пример полного, безнадежного реакционера. Махровый.

Получившим двойку и единицу, как не освоившим ФОС, диплома не выдавать. Это «люди с пещерным сознанием», как сказала Э. П. – начальница комиссии по выборам в Госдуму про тех, кто не восторгался возможностью заочного (электронного) голосования. В Москве, по опросам, голосуют «на удаленке» почти половина избирателей. В Москве, по опросам, голосуют «на удаленке» почти половина избирателей. К (по)следующим выборам будут гордиться, что вся страна, от Калининграда до Владивостока голосует, не вставая с дивана. Особенно политически активные, болеющие за свою партию, делают это как можно раньше, с утра, выполняют гражданский долг еще лежа в кровати, на спине, держа перед собой смартфон, хотя некоторые, малосознательные, могут приподняться на левый

локоть или даже сесть на стул. Но избирательную урну уже сейчас можно считать музейным экспонатом. Как и живого избирателя. Техника решает все(х).

Вот как может извратиться сознание: лентяй или равнодушный, кто не хочет встать с дивана чтобы реально пойти на избирательный участок – это хорошо, даже отлично, а кто не инфантил (чего стоят «глубокие» психологические исследования о причинах инфантилизации молодежи, когда все на поверхности), способен пойти туда своими ногами и вообще готов действовать – плохо. Этак они, пещерные люди, и при пожаре сами из квартиры выбегут да тушить начнут (привычка к жизни – страшная сила), вместо того, чтобы с дивана написать о нем в Госуслуги и ждать, когда приехавшие пожарные их будут из нее вытаскивать.

И еще раз про идеал человека в эпоху Большой Цифры. Получил высшее образование, прекрасно сдал ЕГЭ: само собой, ничего не умеет. Руки только для застегивания ширинки (если она еще будет нужна) . «Рученьки» (остатки рук). Ласты. Это уже сейчас. А дальше образованными людей будут признавать при условии, что в действительной жизни они ничего не понимают, да еще если «по земле с трудом они ступали, и браки их бесплодны пребывали». Голова только для компьютера и мозги как материал (студень) для нейронет. Хотя, конечно, останутся отчаянные – кто занимается кибер(анти)спортом. Интеллагенты. Как вирус – мертвый, но оживает в организме в соответствующей среде, так и тут: если такой образованец попадет в компьютер, минимум в смартфон, – то знает все. Все! (Никакой гений прежних времен ему и в подметки не годится.) Правда, бессмысленно. Высокообразованный тот, кто без рук и без своего ума. Да и без... Постмодернисты подобных идеальных людей предвидели и нужные эпитеты заготовили namного раньше: «тело без органов», «шевелиющаяся протоплазма», «кинетическая амеба» и т. п.

Консерваторы пугают, что тоталитаризм меньшинств, новый «толпоэлитаризм» навязываемых ими во имя политкорректности ценностей – это фашизм. По форме осуществления, может быть, правильно, но направленность их противоположная: фашизм апеллировал к сохранению естественности человека и даже усиления ее в духе Ницше до бестиализма, «белокурого зверя», а политкорректные лицемеры умаляют естественность ради выравнивания всех так, чтобы в конце концов расчистить место для постчеловека (одинаковый, «инклюзивный», феминизированный, бесполой, роботообразный, потому что с потерей субъектности от него все меньше чего-либо будет зависеть). Обманно апеллируя при этом к гуманизму. Это *фальшизм*. Глобальный технос. Мир-Глобалия. Который реализуется как всеобщее чипование, наблюдение, рейтингование и контроль Большого Брата.

Стрельба в школах и других местах скопления людей – обычно нападающие по внешнему поведению характеризуются как вполне правильные одиночки. Да, потому что они никогда не озорничали в детстве, не хулиганили в подростковом возрасте, не дрались во дворах, как раньше, – и вот «прорыв» накопленного негатива: становятся убийцами. Чаще убивают те, кто никогда полноценно не жил и сами проблемно-несчастные. Несчастные, безрадостные люди несут несчастье и горе другим.

«Heu! Miseri, quorum gaudia crimen habent!» (О, как несчастны те, чьи радости преступны. – *лат.*)

Лицо как средство производства

(Политэкономия XXI века)

Красивое, некрасивое, выразительное, грустное, веселое. Зеркало души. Божественный лик и человек как подобие Бога, лики святых. От лица и Личность. Когда случалось что-то плохое, говорили: «на нем лица нет». Совершить неодобряемый в обществе поступок означало «потерять лицо». В лице воплощалось достоинство человека. А какая борьба шла из-за бороды. Раскол, староверы; царь Петр вынужден был признать право не портить данный богом образ хотя бы духовным лицом. У мусульман верующие его еще сохраняют. Но у людей прогресса все это устарело. Лицо человека теперь средство оплаты при проходе в метро (FACE PAY – плати лицом!), покупке товаров или для обмена на денежные знаки в банкомате, если они какое-то время останутся нужны. Было: «показать товар лицом», стало: «показать лицо товар(а)ом». Лицо как «ресурс», средство производства и получения прибыли, хозяйственного и социально-политического управления, одно из достижений техники позднего капитализма. Биокапитализма.

Это достижение прогресса не предугадали никакие утописты. Пугали, начиная с Библии, что на лоб человека будут наноситься знаки, другие искали место для знаков на руке или предлагали отслеживать людей по отпечаткам пальцев, по голосу. Но оказывается, что все это недостаточно прогрессивно: руку можно спрятать, палец не приложить, голос не подавать. Остается «субъектность», какая-то свобода воли и самостоятельность решения. Научные разработки показали, что самое оптимальное для их уничтожения и превращения человека в элемент Техноса все-таки лицо. Его биометрические показатели, в сущности, тождественны человеку. По нему можно фиксировать эмоции, измерять «душу», и даже читать мысли. «Эмоциональный анализ» в московском метро уже практика. Готовятся к чтению мыслей, и тоже через лицо. Потеря лица шла по вектору: личность, актер, фактор, персона-ж, агент, аватар, ник, «индивидуальный цифровой след» – вот что должно остаться от лица. Цифра. А маски, которые сейчас заставляют носить, потом запретят. Это будет считаться асоциальным поведением, за что сразу понизят рейтинг. И лицо... накажут. Могут исключить из базы данных, т. е. социально умертвят. А можно умертвить и физически, послав соответствующий цифровой сигнал.

Стукачи, доносчики, шпионы – либералы все еще ими пугают. Отсталые люди. Не видят, что эти «профессии» ура/увы отмирают. Камеры слежения, биометрия, компьютеры, вообще технологии сделали их ненужными. Но прогрессивные свободолюбцы этого почему-то не боятся. Потому что они их жертвы.

* * *

В предыдущих «эсфоризмах» я пытался «слушать язык» (в духе Хайдеггера), интерпретируя слова, обозначающие разные органы человеческого тела, в том числе, особенно, лица. Божий лик. Глаза, уши, нос, волосы... А вот «рот» не понимал. Наверное, здесь не славянский, а более древний, индоевропейский корень. В основе – зев, зияние, пропасть, отверстие, его красная часть: рото фане – красный флаг, а тут красный – (рото)зев, ротозей. Это и в самом деле красная часть лица,

когда она открывается. Ну а если о ней более вульгарно сказать, то «как дам тебе по сусалу», что за «сусало»? Конечно, тут смещение буквы – сосало. Как дам тебе по сосалу, то есть по части лица, которой ребенок сосет. Рот-сосало. Еще вульгарнее – хлебало. «Как дам тебе по хлебалу» (хлеб, хлебать, похлебка), и второй, совсем древний смысл, если эту угрозу произносят без первых двух букв (читатель, не надо, я не виновен, это все язык).

* * *

Самое страшное, что идущий процесс самоотрицания, точнее, самоуничтожения человека почти никого не пугает. Даже записные моралисты, авторитеты и специалисты, съевшие собаку на преподавании и пропаганде этики – молчат. Хотя бы они человека оплакали, отдав ему «Последнее целование». Нет. Наоборот, к моральной смерти стремятся, жаждут, соревнуются, какое общество уничтожит представления о достоинстве человека в себе, а потом и себя в целом раньше других. В авангарде этого процесса, как высказываются на Западе традиционные ученые: «умные парни без здравого смысла». А это теперь, по сути, передовая = постчеловеческая наука как таковая. И все, чтобы не смотреть на реальность, соревнуются в политкорректности. В фальшизме непонимания того, что происходит. Впрочем, подобное без(д)умное состояние толпы предвидели во многих антиутопиях. Почти все их читали, удивлялись, как это возможно, что люди не будут осознавать своей деградации («сомы грамм и нету драм»), ужасались, а когда такое происходит с «читателями», тоже не отдают отчета. Хотя бы попросились сами с собой. Для сохранения чести человечества, его «исторического лица» (были, мол, все-таки, люди, кто понимал, куда идет дело), мне остается только опять и опять повторять свое заклинание: *Прогрессивно(е,) глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливо только непониманием того, что делается. Само роет себе могилу, радуясь, что делает это по заказу Большого Брата Компьютера, политкорректно и высокотехнологичными методами.*

Остается пожелать всем только одно (как любому отдельному человеку): *Festina lente* (спеши медленно – лат.)

Мое собачье дело

(из дневника обывателя)

Весь день был раздраженным. Вчера поругался со своим псом Мадрасом (второе более почтительное имя – Тиран Бояджиевич). Потому что он рванул поводок и бросился облаивать ребенка. Я его удержал, но тут же отшлепал (не любит детей, может оттого, что у самого было тяжелое детство (подобран в придорожной пыли на улице 3-месячным)). После чего он тоже был печален, отвернувшись, молча лежал на ковре, уже не у ног. Так и просидели весь вечер. Не знаю, когда помиримся. Пытался гладить – принимает, но смотрит в стену. Не улыбается. Не улыбаюсь и я. Он безобразно умен, на уровне чувств многое понимает не меньше многих людей. Что надо – спросит, только не словом, а голосом, а когда считает, что на него не обращают внимания, подойдет и «скажет» хвостом или мимикой: ты что, забыл меня? Но сам довольно злопамятный.

Хотя мне тоже есть что ему припомнить. Два года назад в деревне, будучи на привязи у магазина, он зацепил зубами мальчишку, который подошел его погладить. Мальчишка хороший, на «дай посмотрю» – убежал, не надо, не надо, все нормально. Но у него папа, оказывается, был новый русский, вечером приехал с командой на двух машинах и, хотя пес, конечно, привит, ветеринар, посмотрев, сказал, что ничего особенного, утром по заявлению пришел полицейский, который оказался приличным человеком, да выяснилось, что когда-то учился в сельхозе у моей супруги, однако запись о вызове была сделана, и потом, по приезде в Нижний, меня все-таки призвали к мировому судье. Странно, но судья тоже оказался человек адекватный, просто поговорили, даже без штрафа. Вроде все. И вдруг через полгода получаю повестку в настоящий районный суд, куда подал заявление папаша мальчика с описанием возможных трат, «если поехать в Москву на осмотр и лечение». Захотел сорвать куш, насчитав вместе с «моральным ущербом» около 200 тысяч рублей. Пришлось нанимать адвоката, сам в суд не пошел, заявитель тоже, адвокат уговорил его на мировую за 50 тыс. да адвокату же отдал 40.

И так то и дело какие-то с ним события. Со вчерашнего дня пристально глядя мне глаза в глаза пес все время просится на улицу. Там у него подруга в особом состоянии. Я делаю вид, что не понимаю, потому что все бесполезно, ее тоже уводят. Да и сколько можно ездить в лифте с 9-го этажа. Наконец, вечером он, скуля и время от времени взлаивая, выкрикнул речитативом: «О Боже, как играют страсти в моей измученной душе, давай веди!» Пришлось ехать. Как все-таки много физиологически общего у некоторых людей с собаками. Такие вот «дела мои собачьи».

Как быть счастливым

Можно ли им быть, например, в тюрьме. К счастью, не знаю, но полагаю, что можно. Если не в одиночке и не пытаются. Потому что в 60-е годы, когда служил в стройбате, строили в лесу на болотах первые ракетные площадки, условия были самые примитивные, хуже, чем в тюрьмах. Так говорили, кто сидел раньше, их, если срок был не больше 2 лет, после отбытия наказания в стройбат (в нем без оружия) призывали. (Деревянные казармы на сто человек с двухэтажными железными койками, в обоих концах топились две печки-буржуйки, подход к казарме – мостки, хлюпающие над болотом, в центре квадрат песчаной площадки для построения всего батальона из 4 рот.) Немного в стороне длинный ряд прорезанных туалетных дыр с общим навесом, где по утрам мы сидели, как галки на проводах: так рождался коллективизм. Ракетчики приходили после нас на все более благоустроенное, с проложенными дорожками и кирпичными казармами. А все равно бывало всякое – и несчастное сознание, с уходом ото всех в лес (но никогда не выбирал березы, чтобы повеситься), и состояние внутренней радости. А внешней, когда приехал «на побывку», вышел в огород и прямо в сержантской форме с разбегу стал кидаться головой в сугроб. Это запомнилось, потому что соседка тетя Тая пришла к матушке: «Что у тебя с Володей-то?» – «Да сказал, пошел гулять по деревне, пойду позову». В общем, может оттого, что все скрашивалось смыслом: «крепили оборону Родины». Как писал уникальный Ницше,

«если человек знает “зачем”, он может вытерпеть любое “как”». Кроме того, один бесспорный для меня плюс от такой жизни остался, как ни странно, для стиля философствования: неспособность к схоластическому манипулированию словами без предметного смысла, когда слушая ответ философа на свой вопрос, перестаешь понимать сам вопрос. Не могу ни говорить, ни писать, если за текстом нет фактов, жизни, «земли».

Звери и дети – самые счастливые существа, с умилением говорят взрослые. Несчастье, однако, в том, что звери и дети не знают об этом. Так и все счастливые почти не знают о своем счастье. А узнав, начинают бояться за него. И счастье кончается. Знание – враг счастья. И вообще – бытия. Чем больше образованных, тем больше несчастливых? Безбытийных? Нет, это было бы сильно сказано. Мы не несчастные, мы – *бессчастные*.

«Пазл» современной цивилизации

Ее передового отряда – *подрыв условий и всего человеческого*, что, как известно, теоретически было со странным (поначалу) удовлетворением провозглашено в начале постмодернистской эпохи. Сейчас он, его клетки «заполняются» на практике. Высшим идеалом, нормой поведения, которым надо следовать – чтобы все стало противоестественным, патологичным, «было наоборот» тому, как требует продолжение жизни. От гомосексуализма/феминизма и извращения ради этого истории (прошлое как заложник настоящего), до пропаганды не заводить детей (*child free*). Ладно бы в перенаселенных странах, в Индии и Китае, а нет – в этносах, которые и так прогрессивно вымирают. Сверхпотребление перерастает в потребление самого человека. *Жизнь и реальность становятся традицией*. Значит, существование передовых народов – вопрос исторически короткого времени. Зато заговорили об «эротизации Апокалипсиса»! И все это объявляется цивилизационным идеалом, к которому всем и как можно скорее (Россия, к счастью, отстает) надо стремиться. Считаете, что человечество, особенно его авангард, Запад, не сошло с ума? Напрасно. Желать, стремиться к своему разложению и гибели – если это не безумие, то что оно такое, в чем должно состоять?

Политкорректная идеология, например, очевидно направлена против полов как условия воспроизводства рода (однополые гомосексуальные браки – оксюморон, полов (половин-ок) может быть только два(е) или их нет, по сути это «бес-полые браки», но тогда брака нет); семьи как ячейки общества (ювенальная юстиция) тоже нет. Вместо живого дела(ния)/леса – сухостой. Горельник. Идеология политкорректной толерантности эти процессы обосновывает и реализует. Как бы ни относиться к ним лично, проклинать, или (и) завидовать, или даже практиковать, их сколько-нибудь честная философско-историческая оценка заставляет, требует, обязывает сказать, что это разложение, распадение родового человека, его желания и воли к продолжению жизни. Свобода, опирающаяся на провозглашение прав индивида (частицы) выше прав общества (целого), похожа на свободу раковой клетки множиться за счет организма. *Самоотрицание. Вы(пере)рождение. Деградация*. Со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Которые, правда, (не) все (не) понимают.

* * *

Войнов Николай, парень из нашей деревни, работал на оставшейся от колхоза ферме, рано умер от известной, в деревне еще традиционной, «зависимости». Потом нашли тетрадку (моя супруга, у него в доме, в сложенных на растопку бумагах), Оказалось, он писал стихи.

Сегодня солнце не взошло,
Да будет холод.
В полях зерно не проросло,
И будет голод.
Снега засыплют мир Земли,
Весны не будет.
Мне не видать ее любви –
Она не любит.
Сады сжигают на кострах,
Но искры гаснут.
В людских сердцах гуляет страх,
И не напрасно.
В лесах птенцы не запоют,
Погибнут звери.
Нарушь свой маленький уют –
Открой мне двери.
Наш мир разрушит бог войны
И жар пожарищ.
Друг другу люди не верны.
Прощай, товарищ!
Пропало счастье на Земле,
Лишь боль и мука.
А я скучаю по тебе –
Подай мне руку.

Как ни умаляй, ни списывай на «самодеятельность», это поэзия. Настоящая. Был дар. В сравнении со многим-многими, официально признанными.

Да нет

Дожили: нельзя говорить слово «да». Пока по телефону. Мошенники записывают голос, который в технокапитализме, наряду с руками и лицом используется как средство производства, а «да» – ваше согласие. Его можно приставить к чему угодно, добившись от вас согласия даже на собственную смерть. Не говоря о таких пустяках, как снятие денег со счета или оформить на вас кредит. Нет, нет, и еще раз «да», говорит критик современного технологического безу(д)мия. Или может быть лучше использовать выражение «Да нет», (не) хочу. По крайней мере, иностранцев это всегда ставит в тупик. Надеюсь, что запутает и технику.

Да, кстати, для молодых, особенно если они прагматичные, многие из которых про себя думают: зачем нужно заботиться о стариках, вообще о прошлом, защищать его. Я говорю студентам: защита прошлого – это защита (вашего) будущего, если вам повезет и вы доживете до старости. Заботясь о стариках, вы заботитесь о себе – только с небольшой отсрочкой. Золотое правило морали, взятое лишь во времени: поступай

так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе. Это должно быть понятно даже самому отъявленному эгоисту, если он способен думать немного дальше своего носа. Такой же силлогизм применим и ко всему обществу.

Вопрос: Несмотря на возраст, вы...

Ответ: Да нет, я не все время думаю о смерти. Бывает даже забываю(сь).

Легендой человека делает только смерть. Желательно преждевременная. Представьте, Ю. Гагарин сейчас лысый, толстый, сидит в Госдуме в маске от какой-нибудь правящей партии... Нет уж, пусть он будет вечно молодым! Его смерть была нужна людям. И Рок пошел им навстречу.

Анатомическое наблюдение

Не знаю, как везде, а в России исчезли кудрявые люди. Не вижу. Да, наверное, кроме Африки, кудрявых больше нет нигде. А я застал время, когда они были. Сейчас остались их следы в языке: кудрявый, кудряш, Кудряшевы, кудрявенький, черные кудри, вьются русые кудри... Иногда говорили – кучерявый. Наверное, погибли от всевозможного ухода за волосами и общего образа жизни городской цивилизации. Волосы потеряли силу: хорошо хотя бы пока висят, а уж торчат и завиваться от упругости, увольте, не хотят. Сил нет. Гляди того, схожее заключение придется делать еще об одном анатомическом органе.

В утешение антропоконсерватору; три месяца назад слышал как двое парней, идя по тротуару, громко смеялись. И что удивительно, они не были даже пьяные. Глупый, все надеюсь, что может быть, когда-нибудь услышу и песню. Ведь писал же Салтыков-Щедрин про Невский проспект: «Выйдет пьяница из портерной и давай песни петь». В низах народа, где и когда изъяснялись матом, при споре кто умный, кто дурак, говорили: дурак тот, кто не пьет, баб не ... и песен не поет. Это про ученых и современную интеллигенцию? Так их еще не было. У Даля записана пословица: «Бедный (народ) песни поет, богатый (господа) слушает». Все теперь господа, но даже слушать нечего. А смеяться и петь – это было в доинформационную эпоху, у дикарей, я их застал и, может быть, был одним из них. Которые даже «плясали» и «танцевали». Сами. Не в телевизоре. Но, слава новому Богу, с этой самодеятельностью покончено.

На пути к постжизни: это когда живем как в раю и все сказки стали былью – сапоги скороходы под окнами, ковры-самолеты, как стаи мух в небе, волшебные зеркальца, где все видно, что делается на другом конце света у каждого в руках, кругом благоустройство, улицы все чище, безопаснее, магазины ломаются от продуктов и т. п., а радости в людях все меньше. Растет спрос на таблетки от страха и депрессивного состояния. Даже миллиардеры, живущие в роскошных замках, какие-то безжизненно озабоченные. Да что радости, наш известный юморист Петросян недавно сказал, что тех, кто сейчас бывает в хорошем настроении, надо считать героями. Вот как стало: улыбаешься, тем более засмеялся – героический поступок.

Однако... не будем впадать в полный пессимизм. Пережитки прошлого встречаются еще нередко: недавно на остановке видел человека в шляпе, и оказалась и в самом деле женщина; в другой раз – влюблен-

ных, которые вместо того, чтобы смотреть в смартфоны, целовались; в автобусе на маршруте № 66 какой-то поддатый вслух разговаривал и чуть не запел; в вузах, на фоне лекций о достижениях по замене людей техникой, все еще преподают философию. Хотя она тоже, как ее ни засушивай и ни формализуй, пережиток гуманизма (кафедры философии практически ликвидировали). И все на фоне общей борьбы с мешающими прогрессу и «технологическому прорыву в куда-то никуда» остатками свободы человека. Непоследовательность во всем. Да сам-то я, несмотря на «несчастное сознание» по поводу перспектив человечества, иногда, особенно вспомнив проделки своего пса, улыбаюсь.

За(ис)поведь консерватора

Конец света – такова будет последняя инновация человека. Самоубийственная. По-научному это – сингулярность. Достичь ее жа-ждут к 2045 году.

Принять «вызов сложности» или «вызов выживания» – так на птичьем языке постмодернизма выражается раскол человечества на два все более враждебных лагеря: сторонников технологизации или экологизации, роботизации или гуманизма, искусственного или естественного, бессмертия или жизни. И будут они бороться не на жизнь, а на смерть. Природа или культура – трещина, раскалывавшая XIX, первую половину XX века. Культура или технология – пропасть, образовавшаяся к концу XX века. *Человеческое или Иное* – вот глобальная, роковая проблема Третьего тысячелетия.

Благо(м)намеренные теоретики начнут поправлять: зачем «или», пишите «и». Мы не хотим «выживать», надо говорить «о жизни» – (по)учительно продолжают они. Да вы можете говорить о чем угодно, хоть о вознесении в рай, но это все пустые слова. На то они и пустые – эти люди-слова. Ситуация такая, что приходится выживать. Поколение сейчас-рожденных – будущие техноиды. Поколение мутантов. За ними будущее. У них нет будущего. Самое страшное в этой абсурдной цивилизации – ее успехи. Прозрачность зла. Кризис, неурядицы дают человеку хоть какую-то надежду. А успехи – никакой. *Современная цивилизация влюблена в смерть*. Беременна Иным. Её передовой отряд – безнадежно, для о(т)ставших-ся еще может быть разное.

Поэтому идти под знаменем полионтизма и реакции (выживания) или под знаменем линейного прогресса (самоликвидации) – вот выбор, который стоит перед любым думающим человеком. Наиболее оптимальный выбор – не думать, отдаться утопии. Типа ноосферы, бессмертия, космоса и т. п. Так или «никак» поступает большинство. «Отдаю(ё)тся». Чтобы не знать, когда нас не будет. Но это оптимально безответственный выбор. Философ на него не имеет права. Как обычный человек, делая утром зарядку и заботясь о своем здоровье, делает себя врагом прогресса, не говоря уже о таких отъявленных реакционерах, как посетители фитнес-клубов и косметических салонов, да даже и парикмахерских, он тоже должен действовать по логике сопротивления. *Эко-логике*. Нести крест понимания и надежды. В каждой деятельности каждый человек несет свой Крест. Пере-крестился – и неси.

Да нет, не пессимист я! А только за жизнь, что в теоретическом плане предполагает союз религии с философией против свободы науки. Пусть наука будет искусством! И немного техникой. Это воззрение –

диалектико-трагическое = подлинно философское. Всего лишь. (Не) оптимистическая трагедия. Когда признаётся, что оппозиции бытия и ничто, жизни и смерти, добра и зла имеют равно объективные основания. А борьба человека за победу бытия, жизни и добра над отрицанием как смертью и злом бесполезна. Но необходима. Смыслообязательна. Целесообразна. В бесконечном мире возможно все. Какая-то надежда есть на катастрофы. Особенно виртуальные, кибернетические. Они нужны для вразумления. Ибо одних слов, объяснений недостаточно. И они будут. Желательно небольшие, хотя бы средние. Чтобы приостановить вялотекущую, предотвратить или хотя бы отсрочить всеобщий самоапокалипсис. Знаменитый тезис К. Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его» сам должен быть изменен. Нынешний девиз: «Люди лишь различным образом изменяли мир, дело заключается в том, чтобы сохранить его». Сохранить как *нашу реализацию возможных миров. Как мир человека.*

И вот, наконец, драматическая правда отношения к деградации современного общества: «во многой мудрости много печали». Но... «мудрец всегда счастлив».

Вехи памяти

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульме (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского. Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

КРУЖЕВО БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Исполнилось 90 лет со дня рождения русского писателя
Василия Ивановича Белова

Василий Иванович Белов (1932–2012) – один из лучших наших современных писателей, истинно русский человек с добрым светлым лицом, лучистым взглядом, с распахнутым сердцем, душой болеющий за народ, родную землю. Его неповторимый голос кристально честный, чистый, абсолютно искренний. Уникальная писательская манера Василия Ивановича напоминает затейливое вологодское кружево – знаменитое северорусское даже не рукоделие, а народное искусство – подлинное, редкостное, драгоценное, в котором проявляется не просто мастерство создателя, но ощущается тепло его рук, биение сердца, светится его внутренний мир.

Вологодская земля – родина В.И. Белова. Название его родной деревни Тимониha звучит как диалектно-разговорное, простонародное женское прозвище – то ли на основе фамилии, то ли отчества. По всей видимости, подобными именованиями издавна наделялись женщины

в этой местности. В одном из интервью Василий Иванович вспоминал свою землячку Машу Павлонику: «Все мои приятели уже ушли из жизни. Все люди, которых я любил в детстве. И дружил в детстве. Никого не осталось. Осталась одна Маша Павлоница, как мы её звали. Она ещё жива, она училась со мной вместе в первом классе». Возможно, деревня Тимоница также получила своё имя от реально существовавшей женщины. И всё это живо, тепло, родственно сохранялось в памяти души писателя.

Здесь он родился, здесь же, согласно его желанию, похоронен. Как говорится в народе, каков в колыбельку, таков и в могилку. Никогда не переставал он быть верным взрастившей его родной земле, наделившей дарованием любить и понимать простого человека, служить ему своим самобытным талантом, честным словом большого русского писателя, неразделимого с судьбой своей отчизны.

Подобно великим классикам отечественной литературы, В.И. Белов воспринимал свою творческую, публицистическую, общественную деятельность как служение – Богу, истине, народу. «Писательство для Василия Белова – это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Всё, что написано Василием Ивановичем – от “Привычного дела” до “Канунов” и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, – всё в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знает», – так самую суть творческой деятельности В.И. Белова выразил его друг, замечательный современный писатель Валентин Григорьевич Распутин.

Он также свидетельствовал о неизменных за долгие десятилетия их дружбы бесценных человеческих и писательских качествах В.И. Белова, отмечая его «чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), – душу, которую он точно бы и сам стесняется в своём почтенном возрасте, маскирует её в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях, вмешиваться во всё, что происходит не по чести и совести».

Все эти общие свойства личности и творчества В.И. Белова проявились в его повести «Целуются зори», занимающей особое место в художественном мире писателя. Впервые она была опубликована в журнале «Аврора» в 1973 году.

По жанру это необычное произведение: согласно авторскому определению, «киноповесть». Сделать из набросков текста киносценарий В.И. Белову посоветовал его друг, замечательный русский писатель-самородок, сценарист, режиссёр, актёр Василий Макарович Шукшин. В тексте дана отсылка к этому факту: «Мой друг, причастный к кино, писал из Москвы, что я обязательно должен сделать сценарий. И вот я за три дня и три ночи написал этот сценарий».

Повесть создавалась в расчёте на кинематографическое воплощение и, действительно, была экранизирована в 1978 году режиссёром Сергеем Никоненко. Но вышло так, что текст оказался намного глубже, содержательнее, задушевнее, чем попытка его экранного воплощения. В советский фильм не вошли или были вырезаны цензурой многие эпизоды киноповести. Сокращение и перекраивание обедняло кинокарти-

ну, искажало художественный замысел, ослабляло авторскую позицию. Конечно, это не могло удовлетворить В.И. Белова – писателя и сценариста. Он вспоминал о работе над кинолентой: «Можно было бы назвать серьёзной комедию Сергея Никоненко “Целуются зори”. Но там так много было вырезано, целые сцены, финал вырезан. А тот, что в фильме, сделан помимо моей воли.

Снят был прекрасный материал с помощью моего друга, оператора Анатолия Заболоцкого (был также оператором в киношедевре В.М. Шукшина «Калина красная».— А. Н.-С.). Великолепные сцены были. И материала было очень много. Но когда наступил период монтажа, тут Никоненко сник. А ведь именно в монтажной создаётся фильм. Я уважаю Никоненко, но здесь он оплошал. Много из-за этого в фильме потеряно, нет настоящего финала. Нельзя, конечно сбрасывать со счёта, что в кинематографе была жестокая цензура».

Об экранизации других своих произведений Василий Иванович также высказывался критически и даже заявил о разочарованности в кинематографическом искусстве: «Я вообще кино не люблю... Я считаю, что кино – искусство синтетическое, а это уже плохо... Я признаю таких деятелей кино, как великий Жан Габен или Шукшин. Когда человек сам делает сценарий, сам актёр и сам постановщик».

И всё-таки даже в урезанном виде фильм «Целуются зори» получился светлым, лиричным, по-человечески тёплым и очень добрым.

Само по себе писательское слово В.И. Белова – ненадуманное, живое, полнокровное – в колоритном, сочном языке героев, в достоверности их речи до малейшего звука (переданы фонетические процессы «оканья» северных русских диалектов и «аканья» южных говоров), в лирических размышлениях автора предстаёт наиболее ярко, рельефно, даже более зрелищно в сравнении с экранными образами.

Удивляющее своей необыкновенностью метафорическое название повести «Целуются зори» восходит к местному вологодскому сказанию о белых ночах русского Севера. Эта образность из устно-поэтического народного творчества по красоте и необычности не уступает описанию А.С. Пушкиным белых «задумчивых ночей» в поэме «Медный всадник»:

И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

У Пушкина это белые ночи Петербурга – величавого города, который «вознёсся пышно, горделиво». Но здесь нет отдушины, вольного воздуха. Даже у Невы «державное течение», река закована в «береговой её гранит». Соответственно в пушкинских «звездах» Северной столицы есть что-то надменное, повелительно-властное («не пуская»), сродни чопорному городу – каменному истукану.

Белые ночи Белова – деревенские, простые, безыскусственные. Это и есть истинная жизнь самой природы в её особенных приметах. Повесть открывает пейзаж, наполненный умиротворением, тишиной, ласковым покоем, прохладой после страдного жаркого дня: «Вечерами облака встают у зари на приколе или исчезают совсем. Громадное солнце, румяное и покруглевшее, едва успевает скатиться за лесное кольцо, а в небе, над речкой, уже мерцают две-три зелёные звезды.

Тогда в палисадах долго возятся, устраиваются на ночлег хлопотливые стахи».

В многоплановом, многослойном повествовании присутствуют сразу несколько пластов, различных по семантике, тональности, рисунку. Пейзажные зарисовки, которые В.И. Белов воссоздаёт на протяжении всей повести, скрепляют эти разнородные пласты, пёстрые сценки в единое целое. Картины природы всплывают многократно. Словно художник любителю – не налюбуется красотой родного уголка земли. И чуткий читатель всецело захвачен тем же лирическим чувством. Беловская малая родина – часть общего целого, всей русской земли в её личностной и общенациональной значимости.

Свои этюды писатель рисует с натуры. В палитре художника прозрачные акварельные краски: «Белая ночь расстелила над деревней ласковые, нетревожные сумерки. Розовели, белели, желтели цветы в родимых полях, расходились по речке матовые туманы»; «Всё затихает в деревне, всё засыпает, один костёр ещё дымит у реки. Белый дым тонким, прямым, очень высоким столбом упёрся в зелёное небо».

Беловские пейзажи тончайшие, воздушные, нежные. Светлая летняя ночь Вологодчины «опускает на деревню неуловимо дрожащую кисею сумерек». Кисейные, кружевные, узорчатые белые ночи, словно знаменитое рукоделие из растущего на здешних полях льна, который называют даже «северным шёлком». Наверняка народные мастерицы переняли узоры кружевоплетения из родных картин: лёгких очертаний облаков летом, затейливых морозных росписей на окошках зимой. Отсюда же – и вошедший в песню знаменитый вологодский «резной палисад», искусная кружевная резьба по дереву, украшающая старинные русские дома.

В пейзажах раскрывается лирический смысл необычного названия произведения. Народнопоэтическое сознание уподобило свежее предутреннее дыхание белой ночи чистым, безгрешным поцелуям: «Сумрак, тишина. Но я знаю, что едва успеет погаснуть вечерняя заря, как на севере, чуть правее того места, где она только что потухла, родится дальний, еле уловимый отблеск утра. “Целуются зори”, – говорят в народе про эту странную пору».

«Странная пора» белых ночей предопределила и странные события повести – череду сменяющих друг друга курьёзных происшествий, которые только на первый взгляд могут показаться потешными. На самом деле перед нами тот особый сплав русской жизни, который Н.С. Лесков в повести «Очарованный странник» назвал «драмокомедия».

Персонажи Белова тоже странники. Есть в их странничестве и некие «чары», сказочность: ровно три дня и три ночи проводят героини вне родного дома, в чуждом и даже враждебном для них пространстве. Писатель показал скитания людей из деревенской глубинки в областном центре. В городе им было предуготовлено оказаться ненужными, бесприютными, заброшенными, оставленными на произвол судьбы. «Впрочем, – замечает В.И. Белов, – ничего и особенного, из ряда вон выходящего с моими друзьями не произошло».

Такова общая судьба людей из народа, сельских тружеников – кормильцев страны. От них всегда требовали из высоких бюрократических кабинетов только выполнения и перевыполнения планов по производству сельхозпродукции в сфере полеводства и животноводства, ударной, тяжёлой до изнеможения, чуть ли не круглосуточной работы в колхозах и совхозах.

Так и беловские герои смогли выбраться в город, лишь улучшив момент недолгой передышки в нескончаемой череде сельскохозяйственных работ: «Однажды в деревне выдалось праздное – под носом у сенокоса – время. <...> Только что закончился сев, косить же на силос было ещё рано». Вечные труженики-крестьяне не привыкли залёживаться – даже в краткое время (всего три дня) роздыха по всегдашней привычке встают «вместе с солнышком», стараются успеть побольше поработать в домашнем хозяйстве.

Дело происходило, как несколько раз подчёркивает автор повести, «лет двенадцать назад». То есть примерно в начале 1960-х годов. Бригадир колхозной бригады Николая Ивановича, который «закончил сев яровых и льна за десять календарных дней», вызвали на слёт передовиков в областной центр для вручения премии. Это несловоохотливый человек – «коренастый молчун», прошедший Великую Отечественную войну, получивший боевые ранения, которые до сих пор не дают забыть о себе неутихающей болью.

Предстоящей поездке он вовсе не рад: «– В какой город? – ругнулся бригадир. – Я и не собираюсь никуда, сенокос через три дня. <...> – Дак ведь завтра уж ехать-то надо, – расстраивался Николай Иванович. – Вот ведь... Как снег на голову». Он не прельщается мыслью о премии. Бывший фронтовик и колхозный передовик привык только воевать за освобождение родины да трудиться на её благо. Командировка даже немного страшит Николая Ивановича: а вдруг ему, молчуну, придётся выступать на слёте – краснобайство, демагогия, словесное переливание из пустого в порожнее совсем не его дело.

За бригадиром увязался в город молодой тракторист Лёшка. Ему хочется купить новую гармонь – непременно атрибут «первого парня на деревне», о котором вздыхают все девчата. Действительно, Лёшка – искусный гармонист на славу. В городском музыкальном магазине он опробовал тульскую гармошку: «Лёшка заиграл старательно и сильно. Игра была красивой, но довольно буйной, Лёшкины пальцы стремительно прошлись от самого низа до самого верха. Гармонь словно только и ждала такого хозяина».

Алексей ещё не служил в армии. Значит, ему нет и восемнадцати, недавно окончил школу. Писатель замечает, что Лёшка лет на тридцать моложе Николая Ивановича. Таким образом, получается, что бригадиру около пятидесяти лет. Несмотря на разницу в возрасте, в состоянии здоровья, в особенностях характеров, все сельские труженики внутренне схожи между собой: «Лёшка, здоровый и говорливый, моложе Николая Ивановича лет на тридцать, но уже сравнялся с ним в чём-то главном».

Стоит заметить, что колхоз неслучайно называется «передовой». Не только бригадир, многие здесь передовики, ударники социалистического труда.

Третий участник поездки – старик Егор Егорович, или просто Егорович. Он немного сродни деду Щукарю из романа М.А. Шолохова «Поднятая целина». Этот достопамятный шолоховский персонаж – шутник и балагур, а по сути своей горемычный человек – нередко попадает в несуразные ситуации. Так и беловские герои по неосмотрительности старого чудака Егоровича угодили в анекдотические, нелепые обстоятельства «драмокомедии». Очутились без поддержки и помощи – «на произволе судьбы», как горестно приговаривает старик.

Частенько повторяет он и другое своё присловье: троекратное «Добро, ладно, хорошо!» – во всех случаях жизни, не только в радостях,

но и в бедах. Видимо, за своё долгое нелёгкое житьё-бытьё дедушка привык постоянно терпеть, смиряться, воспринимать всё как должное.

Цель его поездки в город – продать кадушку солёных рыжиков и на вырученные деньги вставить зубы. Сейчас, при нынешних расценках на стоматологические услуги, недоступные многим даже в государственных клиниках, не говоря уже о частных, этот наивный план кажется совсем несбыточным. Егорович также хотел встретиться со своим зятем, знакомом старику только по переписке: «зять Станислав. На хорошей должности, квартиру отдельную дали. В гости в каждом письме зовёт». Но при курьёзном стечении обстоятельств Егорович потерял адрес родственника, у которого обещал разместить своих друзей на ночлег: «Места всем троим хватит, квартера большая». Старик помнил квартиру 50, дом 77 – «два топорика», но вот чуждое русскому слуху, инородное название улицы «Лассалья» никак не припоминалось.

Деревенскому деду представляется, что именно в городе, в гостях у зятя он получит наконец-то долгожданное признание, заслуженное уважение, соответствующий его преклонному возрасту почёт. В ночь перед отъездом старик от волнения не может сомкнуть глаз: «Егорович, ворочаясь на деревянной кровати, не спал совсем, но как наяву видел зятя Станислава, высокого, уважительного. Зятя он знал только по переписке, но явственно представлял его: высокого, уважительного. И обязательно в шляпе. <...> Потом они идут с зятем по городу, идут вставлять Егоровичу зубы, и все люди, даже большие начальники, с почтением смотрят на них».

Повтором определения «уважительный» подчёркнута мечта старика о «почтении». По всей видимости, потешный старый фантазёр свято верит в стереотипы, насаждённые советской идеологией, внедрённые в сознание народа с помощью жанра так называемой массовой советской песни. «Широка страна моя родная...» на стихи В.И. Лебедева-Кумача – одна из таких песен, наиболее знаменитых в СССР. Прочно вошла в речь, стала крылатой фразой строка из этой песни: «Молодым – везде у нас дорога, старикам – везде у нас почёт». Глубоко внутри Егорович жаждет этого не получаемого в реальной жизни, но твёрдо обещанного государством почёта, песнь о котором ежедневно лилась из радиоприёмников по всей стране.

Подобное предвкушение накануне поездки и у бригадира: Николаю Ивановичу «тоже снилось что-то непонятно волнующее, невиданное». Ну а Лёшке «снился весёлый город». Деревенскому пареньку хочется ярких впечатлений, развлечений, он наивно мечтает приобщиться к «шикарной» городской жизни. Ему снилось, как «он, Лёшка, сидит в ресторане и курит толстую папиросину».

По всей видимости, беловские герои выбирались в областной центр крайне редко, а то и вовсе там не бывали. Их деревня от города на порядочном отдалении: нужно добираться на попутной машине либо долго идти пешком через поля и леса до пристани, затем – почти сутки на речном пароходе.

Прикованные к земле работой безотдышной (это слово из знаменитого шедевра Лескова о труженике-праведнике «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе»), практически без полноценного сна и отдыха, крестьяне порой за всю жизнь не могли никуда вырваться из своего колхоза. С первых десятилетий советской власти и до середины XX века они и вовсе не имели ни паспортов, ни наличных денег. Зарплата не начислялась, подсчёты велись в трудоднях – так называемых

«палочках» в учётной конторской книге (один трудовой день обозначался одной «палочкой», графическим знаком вертикальной черты «|»), на которые затем скудно выдавались в натуральном виде какие-нибудь продукты или товары первой необходимости. Крестьяне фактически оставались на положении крепостных. Были таким же «продуктом природы», как и производимая ими продукция. В лесковском рассказе «Продукт природы» освещалась схожая тема.

Переживший эти тягостные времена В.И. Белов свидетельствовал: «И сколько ребят талантливейших было на Руси, так и пропавших в нужде, в безнадёжности, в полуобразованности. Намертво закрыты дороги были, у нас даже паспортов не было, куда денешься? Пробивались, конечно, кто как мог. Тот же Шукшин, или Астафьев тоже, может, и злость излишняя у него накопилась из-за этих лишений, Рубцов Коля, Валерий Гаврилин... Всё-таки положение крестьян было в моё время почти что крепостное. И все это понимали. Помню, мне Твардовский Александр Трифонович при первой встрече так и сказал в ответ на мои радикальные требования дать всем крестьянам паспорта: “Разбегутся же все...” Вот сейчас и разбежались» .

Массовый отток населения из деревень и сёл был вызван тяжёлым бременем жизни, бедственным положением крестьян. Сам В.И. Белов вспоминал: «Я помню, писал стихи, как убежал из колхоза».

Для всех троих героев повести «Целуются зори» предстоящая поездка в город – это целое событие, праздник, к которому нужно особым образом подготовиться. Писатель подробно обрисовал, как каждый из друзей позаботился приодеться в дорогу: «Три друга стояли в кузове над кабиной. Праздничные, глядели вперёд. Все трое принарядились, стали серьёзнее: Николай Иванович в двубортном костюме с галстуком, но в сапогах и в кепке. Лёшка тоже в костюме, но в соломенной шляпе и в ботинках. На Егоровиче был всегдашний картуз, сапоги, брюки хэбэ, а также шерстяной, из другого комплекта, пиджак и тёмно-синяя, в крупную белую полоску рубаха». Все эти несовместимые детали одежды, текстуально подчёркнутые противительным союзом «но»: «с галстуком, но в сапогах и в кепке», – нелепые и неуместные с точки зрения стили и моды, сразу выдают в колхозниках их социальное происхождение, род занятий, образ жизни – весь тот налёт, который городские обычно обозначают презрительным словом «деревенщина». В то же время в глазах приезжих городская уличная мода выглядит чем-то невиданно-несуразным, чуждым: «Асфальт отмякал и был весь истыкан дамскими каблуками. Приезжие дивились на высоченные женские причёски: тогда ещё были в моде узлы, набитые вместо волос капроновыми чулками. Лёшка вздыхал и оглядывался при виде модниц, щеголяющих в мини-юбках...»

В городе на каждом шагу героев воспринимают как каких-то второсортных, придурковатых, по меньшей мере – странных людей. С подобным снисходительным или даже презрительным высокомерием относятся не только городские к деревенским, но и столичные жители к провинциалам. Хотя в той же песне на стихи Лебедева-Кумача утверждалось равное достоинство советского человека повсеместно:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей

* Молюсь за Россию! (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым). Наш современник, № 10, 2002.

Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

В триаде своих героев, характеры которых отличает оригинальность и необыкновенная цельность, В.И. Белов сплотил три поколения советских людей. Молодой допризывник Лёшка, пожилой ветеран Великой Отечественной войны Николай Иванович и совсем уж старый Егорович, помнящий свою службу ещё в царской армии, – верные друзья, а не просто земляки-односельчане. После перипетий на пароходе по прибытии в город они твёрдо решают: «Кучей надо было держаться. Хоть сейчас-то давайте кучей держаться, не оставлять друг дружку». В городских злключениях они всячески стараются поддерживать друг друга, пытаются прийти на выручку попавшему по ошибке в милицию Лёшке: «Олёшку-то... Нам бы Олёшку-то выручить». Неслучайно он называет себя и своих друзей «три мушкетёра».

Автор-повествователь также несколько раз именуется этих героев повести мушкетёрами. В уподоблении прославленным персонажам из романа Александра Дюма-отца содержится скрытая отсылка к девизу благородных, отважных, верных друг другу французских мушкетёров: «Один за всех и все за одного». Однако, в отличие от бравых героев Дюма, у беловских крестьян из российской глубинки толком ничего не выходит. Город разъединяет друзей, на время они теряют друг друга. Поездка с самого начала не ладится.

Исконно русское, ёмкое слово-понятие «лад» в творчестве В.И. Белова наполнено особым смыслом, связано с началом святым, сакральным: «пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад», – утверждал писатель.

Стремление к русскому ладу, благообразию жизни, к извечным духовно-нравственным ценностям – вот магистральное направление развития человека и общества, к которому тяготел В.И. Белов.

Приметы дорогого писателю русского лада ещё несколько десятилетий назад можно было встретить в российской глубинке, в деревне. Пока она не была почти полностью уничтожена в постперестроечное время. С пронзительной душевной болью выразил этот процесс Николай Мельников в знаменитом своём стихотворении:

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.

И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.
<...>

Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.

В.И. Белов подтверждал: «Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущёвские удары, ликвидация малых

деревень и тому подобное. И всё это на моей памяти. Весь двадцатый век непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила окончательно».

Вот почему в своей повести с чудным названием «Целуются зори» писатель с особой любовью отмечал даже малейшие признаки дивного русского лада, который ещё теплился, сохранялся в деревне. Здесь человеку всё просто, понятно, всё любо-дорого: «И так хорошо дома, на своей земле, понятной и близкой любовью своей травинкой!» Белыми ночами в засыпающей после трудового дня округе вместе с крестьянами отдыхают их всегдашние помощники и кормильцы – домашние животные: «Лошади ржали в ночи, тоже понятно и ласково. Ласточка завозится в тёплом гнезде над окном, почиликает что-то сквозь сон. Либо вздохнёт во дворе корова, и снова всё тихо».

Днём радуется сердце и глаз «весёлый, горюшками, берёзовый лес», где «трава вдоль тропы была молода и первозданно свежа, берёзы вскидывались ветвями в одну сторону». Ласкают слух трели певчих птиц, голос предсказательницы-кукушки. «Пригорок сменялся пригорком, тропа стелилась теперь по высокому, обросшему сосняком берегу. Наконец открылась река, со спокойным синим плёсом внизу». Здесь источник душевного равновесия, духовных и физических сил народа. Всегдашнее присловье старика Егоровича: «Добро, ладно, хорошо», троекратное утверждение желанного лада, чуть ли не по-детски простого и мудрого, – также из этого источника.

В небольших зарисовках, рассыпанных в тексте, с разных сторон показана подлинная безыскусственная жизнь, в которой нет места фальши, притворству, лицемерию. Здесь нельзя укрыться за фарисейскими личинами и масками, в деревне всё и все на виду. Здесь нет двойных стандартов. Идеал от века единый – жизнь по-Божьи, по правде, по совести.

Такова в повести В.И. Белова четвёртая участница поездки – крёстная Лёшки Настасья. У неё своя цель:

«– А ты, крёсная, пошто в город-то? – спросил Лёшка Настасью.

– Да в церкву.

– Молиться, что ли?

– На Казанскую. Да и Степанушка помяну».

Христианское празднование в честь Казанской иконы Божией Матери происходит дважды в году – летом и осенью. Летом почитание чудотворной иконы совершается 21 июля. Так, указанием на православный праздник, устанавливается не только точная хронология в протекании художественного времени в повести, но и формируется её христианский подтекст.

Отблеск русского лада светится в образе богомольной Настасьи. Она отправляется в дальний путь на молитву за упокой души погибшего на войне мужа Степана. Все долгие горькие годы вдовства и одиночества Настасья бережёт в душе память о муже: «Одна и живу. Уж двадцать пять годов одна, как войну-то открыли, так его на второй день и вызвали. Одно письмо послал с первых-то позиций. В самый огонь и попал, да кряду, видать, и убили. Степаном звали.

Соседка сочувственно кивала, а Настасья рассказывала:

– Деток-то мы не успели накопить, ведь только две недельки и пожили – какие, милая, детки?» – делится она наболевшим со случайной попугачицей на пароходе.

В простой крестьянке – воплощение любви, верности, преданности, словно отсвет Божественного света Пресвятой Богородицы, которой

едет поклониться Настасья. Всех она жалеет, всем хочет помочь. Неизменно проявляется в ней любящее, сердобольное, материнское начало. Так, например, с сердечным участием расспрашивает она солдата, сошедшего с парохода:

«– Что, батюшко, какво вас кормят-то?»

Сержант буркнул что-то в ответ.

– Добро? – обрадовалась Настасья. – Ну и слава Богу. Матку-то, батюшко, не забывай, письма-то пиши».

Настасья делает всё неспешно, неторопливо, основательно. И с Божьей помощью у неё всё получается, всё ладится. Несмотря на то что крестник Лёшка и старик Егорович отговаривали Николая Ивановича брать Настасью в город: «На что нам эта крёсная? Поедем втроём!»; «Не надо нам Настасью с собой, – решил Егорович. – Баба, она баба и есть. Сколько разов с бабами езживал, всё время что-нибудь да стрясётся»; «в дороге с бабами тоже одна морока».

Обманув крёстную накануне поездки, Лёшка думал, что «отвертелся» от Настасьи. Мужики не взяли её в попутную машину: «Намаялись бы с ней, – сказал Лёшка, как бы оправдываясь перед молчавшим Николаем Ивановичем. – Пусть дома сидит. В религию, вишь, её потянуло».

Но женщина не отступает от своего плана: «обманутая ни за что ни про что Настасья долго охала и расстраивалась. Потом она взяла себя в руки и, перекрестившись, деловито пошла на пристань пешком». Так, осенив себя крестным знамением, благополучно, заблаговременно оказалась она на пристани, «уселась на брёвнах. Закусила чего-то, не спеша перевязала белый, в голубую горошину, бумажный платочек. Долго сидела так, глядя на реку». В то время как грузовик «мушкетёров» забуксовал в непролазной грязи, и они еле-еле успели на пароход. А добросердечная Настасья «сначала охала и жалела опаздывающих мужиков». Она ничуть не сердится на них за обман, напротив – сама просит прощения: «Ты уж не сердись, что вас-то не дождалась...»

«Так началась знаменитая поездка трёх моих друзей. Вернее – четырёх, хотя мужики и не брали в расчёт Настасью», – замечает автор, подчёркивая, что и она полноправная героиня повести, и также входит в число его друзей.

Герои, крепкие своей мужской дружбой и солидарностью, по-фанфаронски считали, что «с бабами одна морока», что «намаялись» бы с Настасьей, но вышло наоборот: именно без неё пришлось намаяться в городе «трём мушкетёрам». Ведь обстоятельная Настасья с самого начала предлагала им ночевать у хорошей знакомой: «У Акимовны и остановлюсь. Она мне всё рассортировала, куда идти, что за чем на дороге будет. <...> А то, думаю, дом у её свой, места бы для всех хватило». Героиня заранее знает, что в городе у неё будет уютный ночлег, с чаем, пирогами, деревенскими гостинцами. Но суматошные мужики-«мушкетёры» снова спешат от неё отделаться.

Кроткая Настасья, предпринявшая долгий путь ради благой цели, живёт с миром в душе и в ладу с миром – тихо, размеренно, как уготовано Богом: «Днями в полях млеют на солнце многоцветные травы. Повсюду нестихающий звон кующих кузнечиков, волнистое марево струится на горизонте, и белые, будто сдобные, облака выплывают из-за края земли. Они плывут широко и ровно, никуда не торопятся, в бездонном небе весь день плавится солнечный слиток».

Мудрая неторопливость гармоничной жизни природы контрастирует с бестолковой суетой, спешкой, сутолокой, огорошившей путеше-

ственников, едва они ступили на городскую пристань: «У пристани была шумная утренняя суматоха. <...> Кричали матросы, кидая чалки. Гудели легковушки. Пассажирская гуща хлынула с парохода». Если в деревне все знакомы друг с другом, каждый известен, по-своему ценен, у всех на виду, то здесь человек нивелируется, вместо людей, неповторимых личностей – многоликая масса, «гуща».

Живительная деревенская тишина сменяется нездоровым для слуха непрерывным городским гамом. Беспрерывный шум нарушает внутренний покой, болезненно раздражает нервы. Фраза «Город шумел» настойчиво повторяется в тексте много раз, неблагозвучным звуковым фоном подчёркивая мытарства главных героев повести: «Город шумел вокруг, везде спешили прохожие»; «Город шумел. Егорович не знал, куда податься»; «Город всё так же шумел под июньским зноем». Надо заметить, что в последнем из предложений допущена временная несогласованность: действие происходит «на Казанскую», то есть в июле.

Если дома, у родного очага, ещё сохранялся лад, то в незнакомом городе пошёл полный разлад.

Бездушным чиновничьим формализмом веет от плаката, на котором устроители слёта не потрудились полностью, без казённых буквенных сокращений написать приветствие сельским труженикам: «Над выходом трепало ветром длинный плакат с надписью: “Горячий привет участникам слёта передовиков с/х-ва!”». Эта многозначительная деталь всплывает в тексте повести дважды: в точности такое же полотнище натянуто поперёк скверика, где присели обескураженные герои, лишившись адреса Егорычева зятя, где планировали устроиться на ночлег. Никакого «горячего привет» от организаторов участник слёта Николай Иванович и его друзья не получили. Их даже никто не встретил, не позаботился о размещении, питании. Передовиков вызвали из районов на совещание в областной центр и буквально бросили на произвол судьбы.

Здесь они совершенно чужие, никому не нужные. Горожане даже самых обычных профессий из сферы обслуживания – вполне возможно, что и сами недавние выходцы из деревни: приёмщица в камере хранения на вокзале, работница справочного бюро, продавщица в музыкальном магазине, швейцар и официантка в ресторане, администратор в гостинице – относятся к колхозникам безучастно, с полным отчуждением: «Продавщица отсутствующими глазами глядела куда-то поверх голов»; официантка «так же, как продавщица, глядела куда-то поверх голов».

И от этого всеобщего безразличия, дистанцирования беловские герои сникают, как-то съёживаются. Молодой Лёшка ещё пытается хорохориться, но «Егорович, как и Николай Иванович, сразу стал непохож на того, каким был обычно в деревне». Старик совсем приуныл от свалившихся на них неурядиц, растерялся в путанице неблагоприятных обстоятельств. «Путаники, они всё на свете запутали!» – сетует Егорович. Советская пропаганда внушала крестьянам: «Всё вокруг колхозное – всё вокруг моё». Но в городе оказалось всё казённое, чуждое, постороннее.

От красоты целующихся зорь, благообразия жизни на природе здесь нет и следа. Напротив, представляется, будто невинные, неиспорченные люди попали в Содом и Гоморру – место разврата, пьяных драк, преступлений.

Впечатление неблагообразия усиливается дикой сценой в музыкальном магазине: скандал и ругань вспыхнули на пустом месте, когда Лёшка

самозабвенно заиграл на гармонии, пробуя инструмент. «Игра была красивой», но окружающие ни за что ни про что стали называть парня «сумасшедшим», «хулиганом», требовали вызвать «заведывающего». Деревенским друзьям пришлось спасаться бегством: «Путешественники, стремясь от греха подальше, быстро выпростались на улицу, завернули за угол и отдышались в каком-то скверике».

Обстановка в ресторане, где герои по причине деревенского любопытства, но не без колебаний решили пообедать: «Хоть поглядим», – поначалу поразила колхозников невиданной ими «роскошью»: ковровая лестница, зеркальная стена, громадный зал; неслыханными ранее блюдами в меню: «ромштекс», «цыплята табака». Даже Лёшка, которому поход в ресторан снился перед поездкой, «слегка опешил»; «Егорович был ошеломлен окружающим блеском». Бригадир Николай Иванович силился держаться степенно, но тоже чувствовал себя неуютно, не в своей тарелке, предлагал друзьям поскорее уйти. Обед не удался: «Цыплята таба... – читал Лёшка. – Табака... два двадцать восемь, ничего себе! Надо бы попробовать.

– Нет, мне дак лучше без табаку, – очнулся Егорович. – Суп-то есть?

Супу никакого не оказалось». Толком поесть не удалось, но пришлось выложить по счёту почти все взятые в поездку деньги.

Здесь не только обманутые ожидания незадачливых путешественников. Они обмануты в прямом смысле, причём несколько раз: прожжённой официанткой, подвыпившими завсегдатаями этого злачного места. Словечками из блатного жаргона, географическими названиями районов крайнего Севера, куда съезжались в те годы охотники («за длинным рублём»), пестрит лексикон самого нахального и задиристого субъекта, что косвенно указывает на его уголовное прошлое: «я тебе, Стас, я не какой-нибудь фраер, так? <...> – Пахан? Держи! Ты вот старый уже, так? А я с тридцать пятого, так? В Салехарде был, да? А в Норильске? А я был, гад буду!

– Добро, ладно... – Ни в Салехарде, ни в Норильске Егорович не бывал. – У меня тоже это... Зять, значит...»

Обескураженный дедушка не может распознать в этом ресторанном прожигателе жизни, наглеце и трепаче, своего «высокого, уважаемого» зятя Станислава, которого заочно окружил неким ореолом. Егорович простодушно мечтал, как он «заходит в новую квартиру, как зять Станислав усаживает его на диван и степенно отцом называет его». В воображении старика зять всегда представлялся добропорядочным, приличным человеком «на хорошей должности», «обязательно в шляпе» (непременный атрибут важного должностного лица), благодаря которому и он, Егорович, получит долгожданный почёт и уважение.

Однако никакой «уважительности» к простым сельским труженикам никто не проявляет. За коврами и зеркалами глазам скромным простакам открывается ужаснувший их грубый, пошлый балаган. Все как в угаре, всё как в чаду. Дымят сигареты; гудят «от первоначального возбуждения голоса посетителей», одурманенных парами алкоголя. В унисон всеобщей мешанине с эстрады грянула песня: «Вьюга смешала землю с небом». Парочки пошли «выделявать твист» – новомодный в 1960-е годы заокеанский танец, название которого в точности отражает особенности танцевальных па: twist в переводе с английского – скручивание, искажение, искривление.

Подобно этим телодвижениям, размеренная деревенская жизнь героев в городе стала искривлённой, хаотичной, сбивчивой. Лёшка из-за

пьяного драчуна Стаса по ошибке угодил в милицию и провёл свою первую городскую ночь в вытрезвителе. Мужики, оставшиеся без своего молодого товарища, как и в эпизоде с музыкальным магазином, рады унести ноги «из шумного, прокуренного ресторана»: «Хоть нас-то отпустили. Могли бы и нас...»

Они ещё больше смутились, сконфузились, словно почувствовали себя без вины виноватыми. В чуждом, враждебном человеку социуме даже ни в чём не повинные ощущают себя абсолютно незащитными, понимают, что могут оказаться наказанными неизвестно за что – согласно циничной расхожей поговорке «правоохранителей», бытующей до сих пор: «Был бы человек, а дело найдётся». Вот почему, надумав выручать Лёшку, Егорович отвергает предложение бригадира идти в милицию: «Да ведь это... – Егорович горячился: – Ведь им только покажись, оне и нас к рукам приберут. Нет, Николай Иванович, нам туда нельзя показываться! Оне и нас-то, наверно, давно ищут. Кабы зять Станислав... Нет, надо к защитнику. Защитнику скажем: так и так, мы невиноватые, дело такое вышло. <...> Скажем: так и так, помогите Олёшку найти, мы не виноваты. Ни в чём».

Двое друзей в ту ночь остались вовсе без крыши над головой. Писатель называет их уже не «мушкетёрами», а «пилигримами», то есть духовными странниками. И таким образом курьёзное, с комическими элементами повествование переводится в иную нравственно-ценностную сферу, обретает сакральную глубину.

В гостиницу пилигримов не пустили: «Мест у нас нет и не предвидится, – сказала администраторша». Не дали приюта крестьянам даже в Доме колхозника, несмотря на командировочное удостоверение бригадира, на жалостные увещания обходительного Егоровича: «– Дак ведь это... хозяйюшка, на произволе судьбы, можно сказать... – Егорович даже снял фуражку. <...> – Да ведь... Может, в коридор куда? Мы бы до утра только». Парадокс в том, что Дом колхозника – в нарушение своего прямого назначения – предоставляет места кому угодно: «на соревнования из Костромы приехала группа», «шестые сутки ансамбль лилипутов», «артисты с Кавказа не выписались», – но только не приезжим сельчанам.

Пытаясь преодолеть безысходную ситуацию через призму своего не замутнённого городскими установками на всеобщее отчуждение мировосприятия, чистого, младенчески наивного (в соответствии с заповедью Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» – Мф. 18: 3), герои по простому деревенскому обычаю решаются попроситься на ночлег к кому-нибудь из горожан, согласно пословице «Мир не без добрых людей»: «Вот ведь... А что, Николай Иванович, везде свои люди-то. Ежели у кого ночевать попроситься? Ведь, к примеру, окажись кто у нас в деревне, разве бы не пустили мы ночевать? У меня вон этот... студент четыре ночи ночевал, который иконы-то искал. Опять же люди мы не какие-нибудь, в бане мылись недавно... не воры никакие». Их святая простота, искренность, непосредственность никого не убеждает, их проблема никого не трогает. И снова – отгороженное безучастие, недружелюбие, неприязнь. Двери одна за другой захлопываются прямо перед носом странников:

«– Гражданочка, – начал Егорович. – Мы это... Можно сказать, на произволе судьбы... Ночевать не пустите? До утра только.

– Совсем обнаглели! – Женщина быстро захлопнула дверь.

– Добро, ладно, хорошо».

Народный лад исконно предполагал традицию русского гостеприимства, вошедшего во множество пословиц: «Гость доволен – хозяин рад»; «Гость не кость, за дверь не выкинешь»; «Рад не рад, а говори: милости просим!»; «Добрый гость всегда в пору»; «Для дорогого гостя и ворота настезь»; «Гостю – почёт, хозяину – честь» и др.

На Руси сохранялся святой христианский обычай принимать путников, давать им пристанище. Господь в Евангелии нарекает праведниками тех, кто исполняет Его заветы о помощи странникам: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня <...> Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? <...> И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 34–40). Эти заповеди легли в основу лесковского рассказа «Христос в гостях у мужика» (1880).

Но в повести В.И. Белова героев окружает среда прямо-таки безбожная. Искусственно выстроены социально-культурные, материальные, коммуникативные и иные барьеры, разъединяющие людей, подорвано их доверие друг к другу. Хотя официальная идеология, внедряемая через особый жанр массовой советской песни, утверждала обратное:

Наше слово гордое «товарищ»
 Нам дороже всех красивых слов.
 С этим словом мы повсюду дома,
 Нет для нас ни чёрных, ни цветных,
 Это слово каждому знакомо,
 С ним везде находим мы родных.

Этот миф развеивает горестная бесприютность беловских путников. Им буквально негде приклонить голову. Бездомным странникам приходится ночевать прямо на городском асфальте: «Утренняя заря уже народилась где-то за спящими домами, когда вечерняя еле успела угаснуть. Это была первая мушкетёрская ночь. Егорович и Николай Иванович устроились ночевать за какими-то воротами, у поленницы. Они лежали, подложив под себя фанеру и дощечки. С тротуара их было совсем не видно». Чудных целующихся зорь здесь тоже не видно, они скрываются за высокими зданиями: «Город затихал, одно за другим гасли зелёные и розовые окна в больших стандартных домах. Заря догорала за теми домами».

На время измученные путники забылись неглубоким, зыбким сном. Приснившаяся родная деревня – воплощение привычного крестьянского лада, защитительной силы родимого дома – принесла душе отраду, краткое отдохновение от городской маеты: Николай Иванович «слышал во сне звуки ночной деревни. Стояли у речки тихие бани, берёзы, и дергач кричал за омутом. Красный ребячий костёр горел за легким речным туманом. Желтели в лугах купальницы. Зеленели тихие палисады с выстиранным бельём на изгородях. Стояли спокойные, до последнего сучка знакомые срубы домов. А там, дальше, за родным окоёмом, целовались румяные зори».

Но пробуждение было неладным, безотрадным. Под утро «шаркала об асфальт метла дворничихи. Пыль и окурки летели в сторону под во-

рота». Вот и весь «почёт», уготованный передовику сельскохозяйственного производства и старику, отдавшему все силы вековечному труду.

Единственная «почесть», выпавшая на их долю, – завядшие букеты цветов, которыми со смехом закидали подзаборных ночлежников гулявшие до утра выпускники школы: «Дедушка, ловите! – крикнула бойкая девчушка в белом платье. Она бросила в Егоровича букетом увядших к утру цветов. Егорович машинально поднял букет. И вдруг букеты полетели, посыпались на путешественников. Молодёжь, смеясь и брэнча гитарой, исчезла, а мужики стояли в ворохе роскошных когда-то цветов.

– Ишь ты! – ворчал Егорович. – Какая нам почесть-то вышла!»

Старик этой «почести» не радуется, а ворчит. Такие грустные, увядающие цветы обычно бывают на могилах, навевают мысль о кладбище, о конце земной жизни. Знаменательно, что все в городе знают дорогу на кладбище (к смерти), а путь к церкви (к жизни в Боге) точно не может указать никто – в эпизоде, когда Николай Иванович задумал разыскать Настасью. В безбожной, атеистической среде на его смущённый вопрос: «Церква где, скажем?» – прохожие либо пожимают плечами, либо смеются, либо посматривают с недоумением и подозрением.

Что касается четырёх деревенских путешественников, то, вне всякого сомнения, это православные русские люди. Даже Лёшка, самый молодой из них, – крещёный христианин (хотя бы номинативно), не говоря уже о старших участниках странствия.

«Вера – это серьёзное дело... И её никакими знаниями не обретёшь. Может, даже наоборот. О ней и говорить много нельзя. Но только придя к ней, начинаешь много стыдиться в своём прошлом», – утверждал В.И. Белов в беседе с В. Бондаренко.

В последние дни поездки события вокруг беловских героев завертелись и завихрились ещё более причудливо. Непривычный для них темп жизни, коловращение городской сумятицы затянули путников в свою круговерть. Сбился с дороги Николай Иванович, так и не попавший на слёт. Егорович с перепугу начал метаться и заблудился в каменных лабиринтах незнакомых улиц. Попеременно каждый из «трёх мушкетёров» попадал в особо замкнутые пространства, западни и ловушки: в здание под вывеской «Дантист А. Б. Фокельман», в деревянной сарайчик Акимовны, который запирался только снаружи.

По милостивой Божьей воле друзья снова благополучно соединяются на пароходе, плывущем обратно. Никто из них не достиг своей цели. Даже Настасья сетует на формализм официальной церковной службы. Да делать нечего – по всей видимости, в их округе вообще нет ни одной церкви. Итог поездки подводит бригадир: «Нет, я дак больше не ездук, – сказал Николай Иванович. – Ни до сенокосу, ни после сенокосу. Я и эти три ночи по гроб доски помнить буду».

Писатель рассказал простую и мудрую, печальную и забавную, поучительную и трогательную историю. Даже не рассказал, а записал, как подчёркивает автор-повествователь, со слов своих друзей-земляков – людей с просторными сердцами, с душой нараспашку, щедро наделённых и трудолюбием, и терпением, и доброжелательством. Они и стали главными героями повести. Литературные персонажи получились такими полнокровными, цельными, что вполне узнаваемы в реальной действительности.

Глубина постижения жизни, характеров людей, судьбы русского народа в целом в творчестве В.И. Белова исходит из его личного опыта, собственной души, совпадает с Божьей и народной правдой.

В многосторонней проблематике повести «Целуются зори» основное даже не проблема взаимоотношений городских и сельских жителей и не оппозиция «город – деревня», как утверждают в один голос интерпретаторы произведения. Главное – это оппозиции истины и лжи, святой простоты и лукавого мудрствования, доверия и подозрительности, отзывчивости и безучастия, гармонии и дисгармонии, лада и разлада. На этих полюсах выстраивается система духовно-нравственных ценностей художественного мира В.И. Белова. «Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравнивал жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды», – справедливо отмечал В.Г. Распутин.

Даже в антагонистических обстоятельствах, когда угасает последняя надежда, является евангельская «сверх надежды надежда» (ср. Рим. 4: 18) на истинное возрождение России. Об этом – знаменательный диалог Василия Белова с Владимиром Бондаренко: «Белов: <...> я утверждаю, что тысячи деревень исчезли с лица земли. Я об этом писал и в прозе своей, не только в публицистике. Есть такой рассказ, как я ночую в деревне. И спрашиваю старенькую хозяйку: куда исчезла деревня? <...> через трубу и в синее небо ушла...

Бондаренко: И что, больше никогда не возродится? Ты сам по складу своему, по чувствам своим пессимист или оптимист?

Белов: Скорее всего, я пессимист. Но, если ты, Володя, спрашиваешь, возродится ли деревня, в этом плане я даже оптимист. Верю в возрождение Родины своей. Не только в возрождение деревни своей и земли вологодской, отеческого гнезда, но в возрождение всего нашего государства. Куда от этого денешься? А вот когда оно будет? <...> Не знаю. Но есть же ещё живые силы. Есть живые люди. Даже молодёжь есть, которая не даст доконать себя совсем. Мы ещё поживём».

Подтверждение этих святых упований писателя – в лирической стихии его художественных произведений о родине и русском народе. Образ целующихся зорь предстаёт как отблеск вселенской Божьей любви, отмечающий уже нездешний, внеземной горизонт бытия, знак жизни вечной.

Андрей РУДАЛЕВ

Родился в 1975 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета, два года работал там же на кафедре литературы. После был охранником в ночном клубе, замредактора в рекламной газете, корреспондентом «Северного рабочего», пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска.

Участник форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). Автор книг «Жизнь по чужим лекалам», «Письмена нового времени». С критикой и публицистикой выступает во множестве периодических изданий.

Живет в Северодвинске.

ПОБЕДИТЬ

Василий Белов в дни российской спецоперации

В отечественной литературе можно найти многие ответы по поводу происходящих современных событий. Все там есть. В свое время она предвосхищала будущий пожар разрушительной перестройки, рассказывала и о том, что происходит сейчас.

Можно вспомнить, например, повесть Валентина Распутина «Пожар», увидевшую свет в 1985 году и ставшей своеобразным предвосхищением перестроечных событий. В ней говорится о пламени, которое «заялось в таком месте, чтобы, загоревшись, сгореть без остатка», было и указание на «злой случай» или умысел. Отмечен и сам процесс тушения, который все никак не удалось организовать: огнетушители «то ли высохли, то ли выдохлись», также и народ никто не сумел собрать в «одну разумную твердую силу, способную остановить огонь». Народ оказался разъединен.

Подобный дар и отличает настоящего писателя. Он проистекает в силу его слитности и нераздельности с отечественной цивилизацией. Таков Василий Белов.

«Жутковато произносить эти слова, но их надо произносить снова и снова. Произносить открыто и честно: в России в разгаре третья Отечественная война», – в свое время написал Василий Белов, подхватывая мысль академика Игоря Шафаревича. Беловская статья, появившаяся еще в 1997 году, называлась «Окопы третьей Отечественной».

Третья Отечественная – часть вековой борьбы России за выживание. Развернулась она в горбачевскую перестройку и протянулась до наших дней. Неизвестно, сколько эта война продлится. Станет ли она

для страны последней, или Россия вновь устоит. Будто сегодня рассуждал писатель.

В своей статье Белов писал, что «русский народ сопротивляется очередному нашествию», но при этом не готов признать реальность происходящего. Люди «боятся признаться, что надвигается катастрофа», что идет война. Собственно, и Великая Отечественная начиналась под немецкие реляции по поводу освобождения от гнета большевиков. Горбачевская перестройка пошла намного дальше: она оболыщала, создала глобальную утопию-выверт, через которую реальность происходящих процессов крайне сложно было рассмотреть.

Вологодский писатель отмечал, что «окружающий мир с каким-то непонятым злорадством наблюдает за стремительным и поспешным расчленением нашей еще недавно здоровой и мощной государственной плоти». Явственно видел, что многие ждут, «когда Россия испустит, наконец, дух, разложится и станет политическим и экономическим перегноем для произрастания каких-то новых и, по их мнению, уже окончательных образований».

При этом Василий Белов апеллировал и к чувству самосохранения европейцев. Отмечал, что «микробы государственного разложения одинаково опасны для всех. Заразу нельзя ведь удержать в пределах национальных границ». Что сейчас явственно видно на примере украинских событий с откровенно нацистским уклоном. Возможно ли этот вирус запечатать в границах и излечить от него, или вновь распространится по всей Европе – большой вопрос.

Писатель акцентировал внимание на проблеме «самообмана», в котором пребывала страна все перестроечные годы, и даже после на руинах общество продолжало обманывать само себя, надеяться, верить в чудо, которое все само собой уладит, стоит только пойти туда, не зная куда... Этот самообман, из которого долгое время не хотели выходить, был в тоже время и формой самооправдания.

Обращал внимание Белов и на «фальшивые образы», которые завожили людей, ввели их в состояние, схожее с помрачением. Их суть в дуализме, двойственности, которая сбивает с толку: «Чтобы обнаружить упомянутую зеркальность, хотя бы свой собственный ненатуральный, обратный, иными словами – фальшивый образ, достаточно подойти к зеркалу, где правая рука становится левой, а левая – правой».

Таковым «фальшивым образом», например, является свобода. В екатеринбургском мавзолее постсоветской мифологии – Ельцин-центре – зал свободы венчает семь дней творения новой России, представлен в качестве ее результата. В современном мире много подобного рода понятий-перевертышей, которых используют для манипуляции массами. Таковыми оборотнями являются демократия и гуманизм. Еще в девяностые мир узнал, что бомбардировки могут быть гуманитарными.

Не обходил вниманием писатель и культуру отмены, которую называли реформаторством. По словам Василия Белова, «реформаторство, читай, не улучшение, а уничтожение чего-либо», своеобразный процесс выкорчевки и зачистки всего отечественного, своего.

Отмечал северный литератор и негативные последствия языкового реформаторства. На эти процессы смотрели, как и на рынок, дескать, язык сам во все разберется и «сам очистится от пены». Так, по мнению Белова, и происходило «забвение слова».

Цель культурного реформаторства состоял в особом выверте: «дай им волю, они отреформируют даже “Маленькие трагедии” Пушкина,

отреформируют арию Сусанина Глинки, да так, что ни от Александра Сергеевича, ни от Михаила Ивановича ничего не останется». Он производился через деконструкцию, своеобразное расчленение, после чего происходило наполнение новым содержанием, фаршировалось другими культурными кодами. Так же, как и в языковой среде. Подобная стратегия отмены через выверт действовала все последние десятилетия. Это тоже одно из проявлений Третьей Отечественной.

Сейчас беловская страстная публицистика воспринимается остро актуальной. Но тогда подобное, без сомнения, было смелым гражданским поступком. За что моментально записывался в разряд крайних маргиналов, на который как раз и не распространялось понятие свободы, как главное демократическое завоевание. Такими запугивали, клеймили, не стеснясь в выражениях. Иного и не могло быть в обществе, погрязшем в самообмане, в фантомах инореальности. Писатель же смотрел на много шагов вперед, он видел все происходящие процессы в их полноте.

Поэтому Белов с болью сетовал, что «несмотря ни на что, даже самая ответственная, самая размышляющая часть русского общества до сих пор не видит нового иностранного нашествия. Она зомбирована», лишалась памяти или ее память подменяли. Так советский период подменили памятью о темном и кошмарном прошлом.

Еще не было 2014 года, не наступило 24 февраля 2022 года, а Василий Белов отмечал, что «Запад ведет войну по всем классическим правилам, не брезгует ничем для победы над русскими, а сами русские до сих пор понимают войну как Сталинградскую или Курскую битву...». Отмечал, что «НАТО по маршрутам Наполеона и Гитлера вплотную двигается к нашим границам», и при этом «мать городов русских Киев грозит Москве натовскими войсками».

«Россия терпит нашествие», – взывал к обществу Белов, говоря об ужасных посевах, раскиданных повсеместно «драконовых зубах русофобии».

«Гражданская война в России стала фактом», – а это уже писатель говорил об октябрьских событиях 1993 года в Москве. А после были чеченские кампании, а уже сейчас развернулись украинские события. В один ряд с октябрём 93-го он ставит войну в Югославии, которая привела к расчленению страны. Сейчас видно, что та гражданская рознь протянулась на десятилетия, эхо ее звучит и в наши дни. Да и Югославия – репетиция и отработка действий по более глобальному расчленению и разъединению.

Поднимает писатель и злободневную проблему молчания зарубежных литераторов, наблюдающих за бомбардировками Югославии. Отчего и возникает вопрос: «Неужели писатели мира верят вселенской лжи о кровожадности сербов и дикости русских?» Стоит чуть переформулировать его и можно задавать сейчас, в ответ же получим предсказуемую веру во «вселенскую ложь». Как показывают нынешние события, в глобальном информационном зомбировании возможно все: черное всегда можно выдать за белое и наоборот.

Уже тогда писателю было все понятно о намерениях пресловутого коллективного Запада, отсюда и его вопрос, обращенный к профессору Кельнского университета Казаку: «Европа забыла одну простую истину: медведь никому не грозит, если он не ранен. Если он ранен, то он опасен! Или Европа в плановом порядке решила добить медведя? Но это ведь и совсем уже не мудро...»

У Василия Белова есть статья «Стыдобушка» (1999), в которой он говорит об общем ощущении девяностых: стыд за происходящее.

Он усиливается особенно, когда включается память, что в свое время страна устояла перед «грозными фашистскими полчищами», теперь же совершенно нет никакой воли к сопротивлению, будто утеряно чувство самосохранения, которое подменили различные фантазии и миражи, поразившие власть и всю страну «чужебесием». Говорил писатель и об идеологии наживы, которая на далекие задворки оттеснила патриотизм, производя отчуждение от своей страны и своего.

Также можно вспомнить, что и Валентина Распутин писал о том, что на исходе девяностых было ощущение наступления критического периода отечественной истории, что все окончательно рассыпается, что «силы не стало, воли», что «бросились врассыпную кто куда». Что людей «обчужили», чтобы они стали отзывчивыми и восприимчивыми к чужому и были отчуждены от своего. Образовалась человеческая пустота: «образ есть, а человека нету», будто через молотилку его пропустили.

Белов же отмечал, что «наша демократическая так называемая революция разделила русский народ. И старается делить его, дробить на все более мелкие составляющие. Нас лишают нашей национальной и духовной цельности. А когда душа начинает дробиться, невозможно никакое созидание». Какой тут может быть лад?..

Писатель вспоминал Бориса Шергина, который писал о том, что память и жизнь равнозначные понятия: «о родстве, о взаимной необходимости друг для друга “жизни” и “памяти”». Сейчас происходит сужение памяти до точки, отсечение ее, что дает простор для всевозможных манипуляций над разумом и человеческим сознанием. Так Белов и объясняет правоту изречения, что «народ, теряющий память, теряет жизнь». В горбачевскую перестройку, в годы разлома это и происходило.

В его «Плотницких рассказах» память связана с душой человека: «и никуда ты не денешься без следа, останешься». Нет ее, то получается, что и душа пропадает. И не только человека, но и рода, нации, страны. Поэтому необходимо строить, плотничать, создавать – беречь и запечатлеть ту самую душу, а не раскалывать, крушить. Разрушение или перестройка связана с потерей души или ее подменой.

Показательно, что в разговоре с критиком Владимиром Бондаренко писатель назвал себя советским человеком. Все потому, что «советский человек, по-моему, это прежде всего и русский человек». Для Белова была важна эта преемственность, противостоящая разделению.

Помните, сколько нам твердили о важности исхода советского или «красного» человека, которого нарекли «совком»? Дескать, тогда и наступит всеобщее благоденствие, а страна избавится от темного прошлого. Дело все в том, что целились в коммунизм, а попали в Россию. Впрочем, нет: целились как раз в Россию, только в нее.

Тот же Владимир Бондаренко спросил у него, чтобы пожелал своим читателям. Василий Белов ответил: «Победить». Преодолеть разделение, внутреннюю усобицу, ту самую гражданскую войну и установить лад, в противоположность существующему разладу. Выстоять в Третью Отечественную. Победить.

И еще о предвосхищении и видении наперед. В самом начале перестройки, в 1986 году, у Василия Белова вышел роман «Все впереди», название которого можно сейчас воспринимать пророческим. Это был год чернобыльской аварии, и в романе также упоминаются грозное предзнаменования в виде смерча, пронесшегося летом 1984 года по Ивановской области. В романе в том числе и о разрастании «мирового зла», которое «прячется в искусственно созданных противопоставле-

ниях – экономических, культурных, национальных». И действует через принцип «разделяй и властвуй».

По словам героя книги Медведева, этот принцип действует не только на людей, но и на время: расчленяет его на прошлое и будущее, оставляя на месте настоящего пустоту. Тот самый принцип нигилизма, когда настоящее «как бы не существует, и это позволяет твоему дьяволу придумывать и внедрять любые теории, любые методы». Например, такой, как «разрушение последовательности». Сейчас, после начала российской спецоперации на Украине, мы его можем отлично наблюдать, когда отсекаются все причинно-следственные связи и выдается мешанина подтасовок с целью демонизации России.

Через подобное разделение разрушается лад, порядок, строй, ритм и красота. Как отметил тот же беловский Медведев, дьявол, от которого идет это разделение, «антиэстетичен», с ним разрушается красота.

И еще очень важная реплика, озвученная на самом старте перестройки, которая в своих разрушительных последствиях простирается до наших дней: «чтобы уничтожить какой-нибудь народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами», можно действовать методами того ж разделения «достаточно поссорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам». Актуально, ведь правда?..

Да, и еще про это «все впереди» в самом начале перестройки: «Там, за океаном, уже знают, сколько русских останется к двухтысячному году... Сколько и что мы выпьем в этом году, сколько в том... Они знают, какова у нас будет смертность, сколько детей будут рожать наши женщины. Высчитали даже процент дебильности. Они моделируют войны. Экономику и политику. Поведение женщин и молодежи. Ведь идеологические наркотики нисколько не лучше физиологических. Да, да, наркотик моделирует поведение! Это так просто». Что уж говорить, мы слишком долго находились под влиянием этих «идеологических наркотиков»...

Еще раз: роман вышел в 1986 году, а Василий Иванович уже все предощущал в происходящих событиях, мало того, видел и день сегодняшний, с его «моделированием войны» и «идеологическими наркотиками». Писатель все знал, все чувствовал, все понимал за десятилетия до. Только для нас каждый раз все происходящее, что снег на голову...

Один из персонажей книги называет народ скифами и выносит приговор: «Вам вообще суждено исчезнуть!» Для этого необходимо разъединить, расчленить, устроить ту самую пустоту через подлог. Произвести смуту и усобицу. В финале романа два главных героя замерли друг напротив друга, готовые сцепиться между собой. «Это было как раз посередине моста.. И Москва шумела на двух своих берегах», – таковы финальные фразы книги. Символично, не правда ли?..

Так и вспоминается драка двух стариков в финале «Плотницких рассказов», из-за которой создалось ощущение, что «все разрушилось, все распадалось». А все из-за того, что автор-рассказчик «вызвал из прошлого притихших духов».

Эти духи розни вылезли из своего подпола в перестройку и ураганили по стране. Теперь самое время запечатать их обратно и навсегда. Начать вновь писать нашу историю общности. Строить большой дом. Этим бы мы почтили память и Василия Белова. Он так подобного хотел. В этом и будет состоять наша победа.

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

«У БЕЗДНЫ НА КРАЮ – В БЕЗУМИИ СВОБОДЫ» Памяти Льва Котюкова (1947–2022)

Второго сентября, в пятницу, умер замечательный русский поэт Лев Константинович Котюков. Он олицетворял собой в наше время классическую русскую поэзию. Строки его стихов завораживают. Ему были подвластны и прозрачная лирика, и героический, высокий слог, мало кому доступный.

Женский плащ в переулке мелькнул торопливо,
И белесо-зелёным глухим огоньком
Вдоль заборов уже засветилась крапива,
И в малиннике кто-то хрустит сушняком.

И костры в огородах, и даль без предела,
И с рассвета неясный, безудержный гул.
И пора, в самый раз приниматься за дело,
И опять женский плащ в переулке мелькнул.

(«Женский плащ в переулке мелькнул торопливо...»)

Вечерние птицы в прогретой листве
Притихли и сгнули разом.
Кузнечик стрекочет в закатной траве –
Для песен не надобен разум.

В своём мирозданье кузнечик поёт,
Трава-мурава холодеет.

Беспечная песня вовек не умрёт –
И песни иные навеет...

(«Кузнечик»)

Личностно воспринимая современность, пропуская всё через своё сердце, он писал и философские заметки. Эти записки остры и резки. Это острые мечи, сабли, шпаги. Они кромсают реальность, обнажая её сущность.

Я издали, во тьме похож на человека,
И на свету, вблизи, почти что человек.
Но вот душа угрюма, как калека,
Как будто нет прощенья нам вовек.

«Прощенья нет! – бормочет мне лукавый, –
И что с того, что ты большой поэт?!»
Но Храм встает над полем златоглавый, –
И непрощённых в этом мире нет.

(«Я издали, во тьме похож на человека...»)

Дух поэта был мятежен.

Земная круговерть
Всё неземное рушит...
Вцепилась жизнь, как смерть,
Как враг, вцепилась в душу.

И бездною влеком,
Я – миру – не хозяин,
Как одинокий дом –
В дыму крутых развалин.

Но всё ж ещё стою,
Считая дни, как годы, –
У бездны на краю –
В безумии свободы.

(«Земная круговерть...»)

И сам он был колким, жёстким, ярким, иногда безжалостным. Боец от рождения! В молодости Лев Константинович занимался боксом. Вот откуда его молниеносная реакция на все процессы, проистекающие в обществе.

В Литературном институте имени А.М. Горького он учился вместе с Николаем Рубцовым, Анатолием Передреевым, Юрием Кузнецовым. В поэтическом мире на протяжении десятков лет не было ни одного крупного литератора, не знакомого с Львом Константиновичем.

Непримиримый, прямой и неизмеримо талантливый. Он легко взрывался, вступал в спор, но ко мне всегда относился очень по-доброму.

Я помню его дачу. В ней когда-то жили Михаил Светлов и Мариэтта Шагинян. На застекленной веранде, за чаем, он много рассказывал о своем отце – летчике, ставшем большим военачальником, прошедшем всю войну и везде возившем с собой не тоненькие книжки стихов, а «Войну и мир» Толстого. Говорили о тонкостях поэзии. Вспоминали

гибель Есенина. Лев Константинович настаивал на том, что Есенина убили и только после – привезли в «Англетер» и повесили. Приводил множество доводов. В частности, что служитель, проводивший милиционеров в номер поэта, открыл дверь без стука своим ключом. Он уже точно знал, что Есенин погиб. Обсуждали исчезновение Гитлера. Лев Константинович приводил воспоминания танкиста, который первым прорвался к месту сожжения труп Гитлера. Официально утверждалось, что останки (Адольфа и Евы Браун) не сожгли полностью, потому что не нашли достаточно бензина. Но танкист, который, конечно, не знал ничего о самоубийстве фюрера, вспоминал, что нашёл там цистерну, заправил танки и рванул дальше. Лев Константинович был убеждён, что Сталин прекрасно знал о бегстве Шикльгрубера. В какой-то момент, когда ещё шло следствие, вождь начисто перестал им интересоваться. Это случалось только тогда, когда генералиссимус знал все точно. Обсуждали личность самого Сталина. Его отношение к Булгакову, Пастернаку, Симонову. О специальном самолёте, посланном Сталиным для спасения писателей из блокадного Ленинграда.

Лев Константинович рассказывал, как однажды заночевал у одного историка. Ему не спалось, и он нашел сценарий одного очень известного фильма. Весь сценарий был полон исправлений и уточнений. Вплоть до того, что исправлена пунктуация. Редактор очень любил точку с запятой. Наутро Котюков спросил у хозяина, кто вносил справки. «Не узнали, батенька? Да это же Сталин», – ответил историк. Однажды Сталин попросил Симонова написать пьесу на определенную тему. Симонов написал. Отнес в театр, там пьесу похвалили, но не понравилась концовка, и ее не приняли. Симонов переписал – снова неудача. В один прекрасный день ему позвонил Сталин. Спросил, как дела с пьесой. Симонов рассказал. «Приносите ко мне. Может быть, мне удастся переписать финал», – предложил Сталин. Симонов поразился, но принес. После внесения правок генералиссимусом пьеса снова попала в театр. Конечно же, о его соавторстве никто знать не мог.

– Ну как? – позвонил вскоре Сталин.

– Пьесу приняли, Иосиф Виссарионович! – отрапортовал Симонов. – Сказали, что концовка – что надо!

Постановка состоялась.

Я был знаком с Львом Константиновичем полтора десятка лет. Отношения у нас сложились дружеские и доверительные, он вёл себя со мной по-отечески. Долгие прогулки по переделкинскому парку были просто бесценны. Это была школа и поэзии, и философии. Видимо, нас сблизило ещё и единство взглядов. Он знал мою матушку и, по её просьбе, опекал во время моей жизни в доме творчества в Переделкине.

Ещё в первый мой приезд в Переделкино Лев Константинович пожаловался мне на боли в коленях. Это очень характерно для стареющих боксёров. Я жалобу не забыл. Как врач, я часто встречался с такими случаями у моих пациентов, – приём нестероидных противовоспалительных помогал не всем и ненадолго. Я вспомнил, что многим помогало простое средство – сухое тепло собственного тела. У бабушек я купил специальные наколенники из собачей шерсти (безотказное народное средство). Их надо надевать на голые колени на ночь. В следующий приезд я встретил Котюкова прямо на остановке и отдал наколенники с инструкцией по применению. Лев Константинович был растроган, а наколенники, действительно, пусть и не вылечили окончательно, но всё же помогли. Этот случай укрепил наши хорошие, доверительные отношения.

Однажды в некоем издании о Льве Константиновиче написали глупый и неприличный пасквиль. Несмотря на очевидную абсурдность, это его задело.

– Напиши что-нибудь им в комментарии. Пусть увидят, что они не одни на свете, – обмолвился мне Котюков.

Я не знал, что можно написать в ответ на такую отъявленную глупость. Провергать? Но кого? И, главное, опровергая, ты признаёшь значимость этой лжи и дурости. И впервые я решил написать басню.

ЛЕВ И ЧЕРВЯК

Посвящается Льву Котюкову

Червяк подумал, ошалев:
«А, в сущности, что значит лев?
Гордится он лишь естеством,
Подумаешь, родился львом!

В фекалиях родился я,
Оттуда вся моя семья!
Трудясь, сражаясь и скорбя,
Я в жизни сделал сам себя!

Теперь, как правильный пацан,
Ем манго, киви и банан!
Свободный, словно саранча,
Всех львов готов я поучать!»

А Лев не знал, а лев гулял,
Не прятал дружеский оскал,
И, вдруг, – струёю жёлтой смысл
Того, кто верил и любил...

Мораль сей басенки проста, –
Для каждого свои места.
Коль из фекалий ты, дружок,
Не выбирайся на лужок!

Юмор оценили. Все смеялись. И на сайте, и в союзах писателей.

Котюков несколько раз в своих журналах напечатал басню.

– Тебе надо басни писать. Сейчас это редко у кого получается, а ты это делаешь профессионально! – он остановился, посмотрел на меня с прищуром и добавил: – И, главное, смешно!

Разговор забылся, а через десяток лет я, действительно, стал писать басни. Видимо, пришло время.

Как-то на прогулке он спросил меня:

– А эпитафии ты пишешь?

Я вспомнил несколько. Например, о нашем нижегородском поэте Валерии Шамшурине.

Котюков посмеялся и прочёл несколько своих. Они были абсолютно безжалостны и прищипывали мерзавцев, как булавка насекомое.

– Давай твои напечатаем, – предложил он.

Я тогда не был готов к резким поступкам.

– Я же не боюсь свои печатать, – подзуживал он меня.

– Мы с вами литераторы разной величины. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку!» – тихо проговорил я.

Теперь я жалею об этом.

Лев Константинович всегда был чем-то возмущён, что-то доказывал, кого-то клеймил, но в его стихах жила такая сладость и музыка, что это окупало всё. Стихи то гремели всеми громами бурь и ураганов, то лились мёдом лесных русских речек.

Прощай врагов по воле Божьей!
Без воли Божьей – не прощай...
И Бог спастись тебе поможет,
И приоткроет двери в рай.

А ты в душе своей гремучей, –
Грех непорочения таишь...
Но Бог прощать тебя научит,
И не захочешь, – да простишь...

(«Прощение»)

Зыбкая прозелень озими,
светом остуженный сад.
Чёрные листья над озером
к берегу не долетят.

Листья безвестного дерева
падают в стынь, не дыша.
Но до последнего берега,
может, дотянет душа.

(«Зыбкая прозелень озими...»)

Я много печатался в журналах Льва Константиновича и, испросив разрешения, опубликовал его стихи в моём нижегородском журнале «Холм поэтов».

Обмяк на спинке стула китель.
Отец уснул. Не спится мне.
И слышно: громкоговоритель
Гремит на площади во тьме.

Чугунный голос в тьме ненастной
Вещает всем на всю страну
О том, что будет жизнь прекрасной,
Когда освоим целину.

(«Дорога к счастью»)

С этой потерей ушла эпоха не только советского времени, но и классической русской поэзии! Имя поэта Льва Котюкова не будет забыто никогда!

Елена САФРОНОВА

Родилась в 1973 году в Ростове-на-Дону. Окончила Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета в Москве. Литературной работой занимается с начала 90-х годов. Редактор рубрик «Проза, критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А».

Прозаик, литературный критик, публицист. Постоянный автор литературных журналов «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Дети Ра», «Вопросы литературы», «Бельские просторы» и других. Автор двух книг критико-публицистических статей: «Все жанры, кроме скучного» (2013) и «Диагноз: Поэт» (2014), романа «Жители ноосферы» (2014), сборника рассказов «Портвейн меланхоличной художницы» (2017).

Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» (2006), премии журнала «Урал» (2006), премии СП Москвы «Венец» (2013).

Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

ЛИРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Марина Соловьева. «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет». Нижний Новгород: «Книги», 2022

У писательницы из Нижнего Новгорода Марины Соловьевой вышла книга «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет». Школьная сага для детей и родителей. Книга понравилась читателям: первый тираж разошелся, готовится второе издание. А в Сети у сочинения уже несколько тысяч читателей.

Ранее я анализировала феномен современной «школьной прозы» и пришла к выводу, что это направление пополнилось за счет автобиографических книг, написанных, чтобы проговорить застарелые травмы. Такие книги редко встречают читательский интерес, в отличие от «Усохни, перхоть...». Думаю, дело в удачном названии, интригующем непосредственной «школьной» задиристостью. Текст добросовестно воспроизводит десять лет учебы от прихода в первый класс до выпускного вечера. Писательница взывает к общему культурному коду «рожденных в СССР», многие из которых при чтении с теплом вспоминают свои школьные годы. Для тех, кто помладше, «Усохни, перхоть...» имеет ценность исторического источника на тему

советского школьного мира: сегодня многие молодые люди испытывают горячий интерес к той эпохе. Повествование Соловьевой – подробное и любовное описание школы, которая, как автор справедливо отмечает, «...была центром нашей вселенной. Это было счастливое безмятежное детство, когда самыми большими проблемами были неподдающаяся пониманию физика, несправедливая оценка на экзамене и первая безответная любовь». Книга написана с пиететом не только к советской школе, но и ко всему строю, и в ней преобладают светлые страницы. Но вместе с тем автор не умалчивает о недостатках тогдашнего учебного процесса и его вершителей. Первая часть, посвященная начальным классам, называется «Мучительница первая моя». В ней действует Вера Николаевна, заслуженная педагогическая садистка, добивающаяся в классе «товарищества» и порядка путем привития детям привычки к стукачеству. Такая искренность подкупает. Есть еще одно объяснение, я к нему приду своим чередом.

По концепции «Усохни, перхоть...» находится на стыке художественной и автобиографической прозы. Соловьева сделала многое для того, чтобы избежать впечатления автофикшен. Книга написана от лица героя-рассказчика Саши Пушкина, полного тезки поэта. Писательница придумала ему приключения на все десять лет, обещание на выпускном вечере «написать летопись нашего класса» и последующую биографию. В последней главе, «Вместо эпилога», выясняется, что Саша стал успешным адвокатом, но не потерял связи с одноклассниками, они встречаются и дружат до сих пор. Тут же появляется «толстая зеленая тетрадка» с воспоминаниями Саши – они и составляют содержание книги. По этим признакам «Усохни, перхоть...» представляет собой метапрозаический роман (книгу о том, как пишется книга), тем более что его объем 20 авторских листов. Однако повествование хронологически линейно, а сюжетная линия сводится к богатству коллизий школьной жизни (от игры «Зарница» до постановки детской оперы), то есть она одна. Роман возникает на сплетении нескольких сюжетных линий; «Усохни, перхоть...» – это повесть.

Но еще больше книга Соловьевой похожа на автофикшен – на беллетризованную автобиографию. Строгих канонов автофикшен нет. Авторы вполне могут делегировать свои мысли и чувства придуманным героям. По мне, именно это делает Соловьева в образе Саши Пушкина. И авторский текст, и особенно детские диалоги написаны языком образованного и привыкшего к деловому стилю человека: «...белые колготки <Арины> находились в плачевном состоянии»; «Марго объяснила мне, что себя никогда нельзя давать в обиду, что бояться и утираться тоже нельзя. Мне кажется, что нам с ней повезло». Великолепное «Усохни, перхоть!» классного комика Олега Парашина остается в явном меньшинстве в устах детей, которые выражаются как хорошо воспитанные взрослые. Да, передать прямую речь ребенка, подростка непросто...

В самом начале повествования указано: «Основано на реальных событиях. Все имена вымышлены, все совпадения случайны. Где правда, а где вымысел – знают только мои одноклассники». Но книга сугубо реалистична. В школу Саши Пушкина не прилетели марсиане; в ней не обнаружилась хронодыра; в ней, к счастью, не произошло никаких катаклизмов, катастроф. Следовательно, вымысел, если он и есть, вполне правдоподобен. Заключительное обращение персонажа Пушкина

к школьным друзьям: «Кому это будет интересно читать? <...> Моим одноклассникам? – надеюсь», – окончательно убедило меня в том, что «Усохни, перхоть...» изначально писалась для определенной целевой аудитории, которую не введет в заблуждение «маска» Пушкина. Общая лиричная и добрая тональность, образ «идеальной школы» наводит на мысль, что в книге закрыты некие гештальты (например, неприятные ситуации описаны в позитивном ключе). Такие приемы я встречала не только у Марины Соловьевой, а запрос в обществе на них есть. Но Соловьева сделала это деликатно и убедительно – и, полагаю, потому круг благодарных читателей книги «Усохни, перхоть...» значительно шире ее класса и школы.

Олег ДЕМИДОВ

Родился в 1989 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. Поэт, публицист, литературовед, исследователь жизни и творчества имажинистов.

Составитель книги «Циники: роман и стихи» (М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2016), а также собраний сочинений Анатолия Мариенгофа (М.: Книжный клуб «Книгоvek», 2013), Ивана Грузинова (М.: Водолей, 2016), Эдуарда Лимонова (СПб.: Питер, 2022) – «КПД», Ивана Приблудного (М.: Русский Гулливер, 2022) – «КПД», антологии русской военной поэзии 2014–2022 годов «Воскресшие на Третьей мировой» (СПб.: Питер, 2022) – «КПД». Автор биографии «Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов» (М.: Редакция Елены Шубиной, 2019), трех стихотворных сборников. Литературоведческие статьи публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Сура», «Сибирские огни», «Октябрь», Homo Legens, на сетевых ресурсах. Дипломант международной литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Портрет» (2019).

Живёт в Химках.

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И ПОЭТЫ-МОЗГОПАШЦЫ

У Сергея Довлатова есть рассказ «Офицерский ремень», входящий в сборник «Чемодан» (1986).

Сюжет его сводится к простой истории. Рядовой Вадим Чурилин и ефрейтор Сергей Довлатов (рассказчик) должны отвести заключённого на медицинский осмотр, где бы тому диагностировали сумасшествие. Оба служивых – алкоголики, и поэтому, как только они добираются до первого попавшегося магазина, покупают водку, выходят на полянку и соображают на троих вместе с заключённым. Это приводит к тому, что Чурилин пьянеет, бьёт сослуживца бляхой офицерского ремня (естественно, утяжелённой оловом), вследствие чего должен попасть под трибунал. Чурилин навещает рассказчика в больнице и просит заступиться. Тот соглашается. И они вместе прописывают, как рядовому вести себя во время судебного процесса. Но, так как Чурилин не может запомнить, что отвечать, а грамотно сымпровизировать не в состоянии, отправляется на год в дисциплинарный батальон.

Во всей этой истории больше всего удивляет имя этого нерадивого и бестолкового персонажа – Вадим Тихонович Чурилин.

Дело в том, что был такой поэт Тихон Васильевич Чурилин (1885–1946) – футурист-заумник, один из организаторов крымского содружества будетлян МОМ (мозговые окраинные мозгопашцы), писал он эпизодически, при жизни вышло не так много его книг, страдал шизофренией.

И надо полагать, что довлатовский персонаж – во всех смыслах «сын» этого поэта-футуриста.

Откуда Довлатов мог узнать о таком поэте?

Начнём с того, что у него был среди ленинградских приятелей такой литератор, как Александр Сергеевич Чурилин. В 1960-е годы он собирал вокруг себя творческую молодёжь в кафе на Малой Садовой и организовал диссидентский альманах «Fioretti». Фигура для неподцензурного Ленинграда – знаковая. Насколько можно судить, он не родственник известного нам поэта, но вполне мог знать о столь экстравагантном однофамильце.

Что касается родственников Тихона Чурилина, то на данный момент мы можем сказать, что их, скорее всего, нет. Поэт родился в купеческой семье Василия Ивановича Чурилина и Александры Васильевны Ломакиной (при этом, как заверял сам поэт, его настоящий отец – еврей-провизор Александр Яковлевич Тицнер). Братьев и сестёр не имел. Первый брак его пришёлся на вторую половину 1900-х годов, но более подробно об этом сказать невозможно. Второй брак – с художницей Брониславой Иосифовной Корвин-Каменской (?–1944). О существовании детей Чурилина от этого брака опять-таки ничего не известно.

То есть представить себе, что Сергей Довлатов во время службы в ВОХРе мог пересекаться с сыном Тихона Чурилина, практически невозможно. Шансы стремятся к нулю.

Поэтому надо рассматривать версию «виртуального» или опосредованного знакомства.

Начнём с того, что с Тихоном Чурилиным мог пересекаться дядя писателя – Михаил Исаакович Мечик. В повести «Наши» Довлатов описывает его жизнь следующим образом:

Михаил рос замкнутым и нелюдимым. Он писал стихи. Сколотил на Дальнем Востоке футуристическую группировку. Сам Маяковский написал ему умеренно хамское, дружеское письмо.

У моего отца есть две книги, написанные старшим братом. Одна называется «М-у-у». Второе название забыл. В нём участвует сложная алгебраическая формула.

Стихи там довольно нелепые.

У Михаила Мечика было всего две книги – «Дали рубиновые» и «Жёлтые тени». Но Довлатов понимает, что такие названия никуда не годятся для футуристического направления. Необходимо что-то заумное. Поэтому и додумывает.

Помимо дяди о существовании поэта могла знать родная тётка писателя – Маргарита Степановна Довлатова. Она работала в Гослитиздате, где ещё в 1930-е годы стала ответственным секретарём отдела современной литературы, а после – старшим редактором в «Советском писателе». Именно в этом издательстве вышла последняя прижизненная книга Чурилина под не очень оригинальным названием – «Стихи Тихона Чурилина» (1940). Правда, в силу исторических обстоятельств она так и не успела дойти до книжных магазинов. Тираж был уничтожен.

Если опосредованного знакомства через приятелей и родственников не было, должно было состояться «виртуальное» – через книги. Однако первое официальное издание Тихона Чурилина приходится на начало 2000-х. Получается, что Довлатов имел дело с самиздатом или тамиздатом.

«Офицерский ремень» вместе с другими рассказами книги (за исключением дописанной чуть позже «Куртки Фернана Леже») был

опубликован в журнале «Грани» (№ 137 за 1985 год) под общим названием «Рассказы из чемодана», а в начале 1986 года уже вышла книга с привычным названием в издательстве «Эрмитаж», которым руководил Игорь Ефимов.

Получается, что, скорее всего, Довлатов имел дело с тамиздатом.

Книга, которая вызвала большой ажиотаж, о которой говорили по обе стороны Атлантического океана и в которой, в конце концов, появляются стихи Тихона Чурилина, – это антология новейшей русской поэзии «Голубая лагуна», которую составил Константин Кузьминский.

Первый том антологии вышел в 1980 году и уже содержит одно чурилинское стихотворение – «Новый год» («Ёлочный огарок горит...», 1913). Оно появляется не само по себе, а для сопоставления с «Песней легионеров» («Тихо мурлычет луны самовар») Роальда Мандельштама. Приведём это стихотворение полностью:

Ёлочный огарок горит
 В моей комнате.
 Любезно лар говорит:
 Укромно те?
 Лар, лар – сиди, молчи.
 О чём говорить в ночи
 Даже с тобой?
 Да. Да. – Бой
 Часов пропел два
 Раза.
 Открылись оба глаза —
 И лар
 Вновь немой самовар,
 А от огарка в комнате – яркий пожар.

Пожар от ёлочного огарка – это большой пожар. Не может же быть маленького ёлочного огарка, да? Да и эпитет «яркий» говорит сам за себя. Вероятно, это стихотворение позволило Сергею Довлатову придать несколько безумных черт своему герою:

Я помнил за ним лишь одну сумасшедшую выходку. Мы тогда возили эков на лесоповал. Сидели у печи в дощатой будке, грелись, разговаривали. Естественно, выпивали.

Чурилин без единого слова вышел наружу. Где-то раздобыл ведро. Наполнил его соляркой. Потом забрался на крышу и опрокинул горючее в трубу.

Помещение наполнилось огнём. Мы еле выбрались из будки. Трое обгорели. Но это было давно. А сейчас я говорю ему: «Успокойся...»

Любопытно, как спокойно в этом фрагменте подаётся безумие Чурилина и хладнокровие самого рассказчика. Надо упомянуть, что настоящий Чурилин страдал душевными заболеваниями, лежал в психиатрических лечебницах, отказывался есть (его насильно кормили через зонд), и, в конце концов, у него диагностировали шизофрению.

Получается, что Довлатов, выбирая для своего персонажа узнаваемую футуристическую фамилию (узнаваемую – для знатоков Серебряного века!) и играя с читателем (отгадает, не отгадает?), лишний раз подчёркивает сумеречное состояние души Вадима Тихоновича Чурилина.

Довлатов вообще недолюбливал футуристов. Отчасти на это повлияла ленинградская компания, отчасти – советская власть, которая, с одной стороны, делала культ личности Владимира Маяковского, а с другой стороны – отодвигала от него футуристов, особенно крайне левых.

Сохранилось письмо Довлатова к Игорю Ефимову от 31 октября 1979 года: «Тут состоялся вечер Бродского. Впечатление прямо-таки болезненное. Иосиф был ужасен. Унижал публику. Чем её же и потешал. Прямо какой-то футуризм». То есть для Довлатова футуризм – во многом кривляние со сцены и душевные проблемы.

Однако на этом чтение антологии новейшей русской поэзии «У голубой лагуны» не заканчивается. В том же томе, где появляется стихотворение Тихона Чурилина, встречается текст Александра Тимофеевского (того самого, что написал всем известную детскую песенку «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»), где встречаются образы, которые, как нам кажется, переходят в рассказ «Офицерский ремень»:

Я болен проклятой болезнью
И мучаюсь мукой боления.
Я знаю – борьба бесполезна,
Но нет от неё избавленья.
Ночь смотрит из окон незрячих,
Бесстыдно ложится на плечи
Пытать меня плачем кошачьим
И мстить немотой человечьей.
То дыбится чёрною хмарью,
То к горлу подкатится стервой...
И дом наполняется гарью
От жара дымящихся нервов.
Хочу я, охваченный страхом,
Будить не соседей – планету...
Луны заржавелая бляха
Велит мне молчать до рассвета,
Лежать на кровати железной
И слушать, и слушать скрипенье.
Я болен проклятой болезнью,
И нет от неё избавленья.
А по сердцу свищет и свищет,
И к утру его иссекут
Тяжёлых минут кнутовища
И тонкие плети секунд.

Стихотворение начинается с «проклятой болезни», под которой можно понимать как состояние похмелья, так и безумие. Или, если вспомнить начало довлатовского рассказа, – посттравматическое состояние: рассказчика ударили по голове бляхой с оловянной набивкой. А скорее всего – здесь можно вычитать сразу все состояния. Дом же, наполняющийся гарью от жара дымящихся нервов, – образ, работающий и на безумье лирического героя, и на тот эпизод из рассказа, где Чурилин лезет на крышу с ведром солярки. «Луны заржавелая бляха», заставляющая молчать и лежать на железной кровати, в таком контексте деме-тафоризируется и встаёт на своё законное место.

Три образа на одно небольшое стихотворение – уже не кажутся случайностью. И это, в свою очередь, опять-таки говорит скорее о том, что Сергей Довлатов в начале 1980-х годов ознакомился с антологией новейшей поэзии «У голубой лагуны» и вдохновился поэтами-мозгопашцами (любой хороший поэт (а Александр Тимофеевский – очень хороший!) – мозгопашец), благодаря чему и появился рассказ «Офицерский ремень».

Эдуард КУЗНЕЦОВ

Родился в 1941 году в Горьком. Окончил химический факультет Горьковского госуниверситета и более 40 лет проработал на Горьковском автомобильном заводе.

Крупнейший в России коллекционер пародии, эпиграммы, шаржа, исследователь сатирических жанров, автор 12 книг по этой тематике и более сотни статей. Лауреат премий имени Горького (2006, 2012) и «Бриллиантовый Дюк» (Одесса, 2013). Живет в Нижнем Новгороде.

У ИСТОКОВ «РУССКОГО СМЕХА»,

или Человек без слепой кишки

Журнал «Нижний Новгород» и альманах «Земляки» в течение нескольких лет поддерживали Всероссийский фестиваль иронической поэзии в городе Кстово. За это время было выпущено более десяти альманахов «Русский смех» с произведениями авторов из разных регионов страны, позволяющих читателям судить об уровне развития современных сатирических жанров. Рубрика «Русский смех» до сих пор появляется на страницах альманаха «Земляки».

Сегодня, думается, нелишне напомнить и о тех временах, когда русская сатира в том виде, в каком она существует по сей день, начинала свой разбег.

В заголовке статьи назван один из псевдонимов сатирика Фёдора Фёдоровича Благова (1883–1957). Их было много: простых – Фрицхен, Бес, Алкид, Аргус, Тритон – и иных, и весьма экзотичных – Федя, но не Шаляпин, Благой мат, Гейне из Сокольников, Би-ба-бо, Барон Фиш, Апостол Фёдор, Кри-кри, Красный пестряк и других.

Наибольшую известность Благов получил в начале XX века как автор литературных пародий. Есть пародисты, о которых привыкли упоминать бегло, в общем списке. Их имена как бы создают некий фон, когда разговор идёт о жанре, об эпохе, о творчестве отдельных литераторов. Среди русских сатириков Благов в ведущих не значит: в книгах и статьях о литературной пародии он чаще всего подразумевается под сокращением «и др.». И только в конкретных работах о пародиях начала XX века его имя упоминается в ряду других примерно равных ему пародистов – О. Оршера (О.Л. д'Ора), В. Ашкинази (В. Азова), А. Оцуца (С. Горного), А. Шполянского (Дона Аминадо), Л. Василевского (Авеля), Л. Мунштейна (Lolo)...

Благов родился в семье известного московского общественного деятеля, врача и журналиста Ф.И. Благова. Он с золотой медалью окончил Александровское коммерческое училище, учился в Московском университете, служил в правлении Казанской железной дороги. Раннее знакомство со многими известными писателями в конечном итоге определило его склонность к литературе. Дело в том, что его отец более 15 лет был редактором популярной московской газеты «Русское слово» (он был зятем владельца газеты издателя И. Сытина). В его доме можно было регулярно видеть сотрудников газеты – и Власа Дорошевича, и Владимира Гиляровского, и Александра Амфитеатрова, и Петра Боборыкина, и самого Сытина. Бывали там и известные юмористы – А. Аверченко, Тэффи и другие.

С 1905 года стали появляться публикации Благова – фельетоны, лирические стихи, пародии, реплики, сценки, миниатюры. Наиболее плодотворным периодом его творчества были 1908–1912 годы; можно только удивляться энергии, с которой он сотрудничал в многочисленных журналах и газетах, публикуя подчас по несколько разножанровых произведений в одном номере. И тем не менее большинство произведений Благова ныне неизвестно читателю; до сих пор он остаётся автором всего-навсего нескольких время от времени публикующихся пародий. Пять-шесть из них как бы раз и навсегда введены в обиход; ими и ограничиваются при составлении различных сборников.

Благов работал во многих жанрах, приспособивая их к потребностям журналистской практики. Однако не вызывает сомнения его явная склонность к пародиям, причём несколько отличным от утвердившихся к тому времени в русской периодике. В его сатирах трудно найти личную оценку пародируемых и их творчества. В них нет пристрастных критических выпадов, как нет и хвалебных панегириков. Благов силён пониманием стилевых особенностей писателей и способностью воспроизведения их манеры письма. Это умение он использовал для создания сценок и сюжетов, подаваемых от имени пародируемых.

Удивляет обширность тем, затронутых и вовлечённых Благовым в пародии. Он говорил в них о выходящих книгах, о театральных премьерах, о рекламе, но чаще – о быте горожанина – трамваях, похоронах, дачах, свадьбах, ресторанах, о повседневной жизни и работе. Он не только не боялся «низких» тем, но как будто искал их. От быта, от окружающей действительности отталкивался сатирик, создавая пародии даже на самых изысканных авторов. Типична в этом смысле пародия на Александра Блока «На площадке трамвая»:

Бежит трамвай... И на площадке
Стоит толпа... Стоит толпа...
Набиты словно сельди в кадке,
Все вместе: «шик» и «шантрапа»...

Не всякий стерпит эту муку...
Нельзя уйти, нельзя курить...

* В журналах: «Свободный смех», «Будильник», «Оса», «Кривое зеркало», «Стрелы», «Поток» и других. В газетах: «Руль», «Русь», «Столичная молва», «Раннее утро», «Наша мысль» и других.

И если кто поднимет руку –
Опять же – трудно опустить...

Когда ж кондуктор спросит плату, –
Купить билет, купить билет,
Достать не можешь кошелька ты,
С карманом сообщенья нет...

И если ты – о сон фантаста! –
Рукой в карман свой попадешь,
То очень часто, очень часто
Ты кошелька там не найдешь...

Но воры от того не сыты...
Своё имущество храни!
Подальше спрячь свои часы ты,
А то исчезнут и они...

Когда ж толчок иль остановка, –
Каким гимнастом ты ни будь,
Особая нужна сноровка,
Чтоб лбом соседа не боднуть...

В пародиях Благова всё ясно, без затей; он избегал двусмысленностей, почти никогда не прибегал к подтексту. Он словно адаптировал лирику Блока, Брюсова, Сологуба для понимания неискущённого читателя. Не случайно в пародии на рафинированных поэтов он подпускал простецкие словечки – спёр с ума, заору, пролез напролом, дребедень, ахинея, чушь, обалдел, рожа, шантрапа, глазаете и проч. Тут же упоминались кухарки, горняшки, официанты, пьяницы... Благов искусно владел жаргоном городских окраин и при случае мог его эффектно продемонстрировать, как в пародии на Сашу Чёрного:

...За заборчиком идут прохожие.
Как мистически странны их крики:
«Вот мозги!», «Картофей!», «Морожено!»,
«Вот цветы – ерани, гвоздики!»...

В пародиях Благова по-своему отражалась хроника московской жизни: в них говорилось о событиях в стиле того или иного поэта. От имени Блока, например, рассказывалось об очередном капустническом представлении в театре миниатюр МХТ («Вечер в «Летучей мышью»):

В «Летучую мышшь», в кабачок артистический,
Я зашёл, ужасным любопытством объят.
Я прослышал, что там под хохот гомерический
Московских рецензентов нещадно казнят...

Давали пародию на «Синюю птицу»
На маленькой сцене для китайских теней...
Перед зрителем скользили карикатур вереницы...
Было так интересно, что я забыл о ней.

Стоеросовыми деревьями представлены газеты...
Рожи рецензентов... Знакомые черты...

И, глядя на эти забавные силуэты,
Хохотали артисты, схватившись за животы...

Потешившись вдоволь над каждым рецензентом,
Получил себе душевное облегчение зал...
Затем угощали импровизированным дивертисментом
Маэстро Станиславский фокусника изображал.

Этот маг проявил неподдельный юмор
И весьма необычную ловкость рук.
И самый замечательный его был номер:
С Вишневого рубашку он сдёрнул вдруг...

Снова раздался хохот гомерический...
Все были фокусом очень изумлены...
Я же скорей оставил сей балаганчик артистический,
Боясь, как бы и с меня не сдёрнули штаны...

В пародии читается почти газетный отчёт, мало чем связанный с личностью и творчеством Блока. Такая «хроникальность» давала повод к обвинениям пародий Благова в отсутствии глубины, в увлечении чисто внешней «похожестью» на авторские стихи, за которой не виден сам поэт. С этим невозможно спорить, но своеобразная иллюстративность оживляла пародии, оснащая их яркими приметами времени.

Умение выбрать характерные бытовые детали и заинтересованно их преподнести роднило Благова с П. Потёмкиным и Сашей Чёрным. Одна из центральных тем их творчества – повседневный быт затюканного городского жителя: метания обалдевшей от жары кухарки, уныло звучащая во дворе шарманка, торопливый флирт сексуально озабоченных соседей, скука длинных вечеров, бесконечные хлопоты многосемейного папаши и проч., и проч. Только в пародиях Благова всё это преподносилось в стиле известных поэтов, что было не совсем обычно и потому вдвойне забавно. Взять хотя бы рассказ о мучениях «дачного мужа» в переложении на архаический стиль Вяч. Иванова:

Что се за существо бежит по стогнам града,
Под тяжким бременем прияв верблюда лик?..
Ему неведома спокойствия услада,
На раменах его стогрузных след вериг.

Нещадно жжёт его огонь яростного Феба,
И стекло его очей слепит взметённый прах.
Но яко лань он мчится, проклиная небо,
Дабы не позабыть ни о каких вещах.

И в магазины все стопы свои он правит
И куплю там вершит своих домашних для,
И в суетной толпе чужие нозы давит,
Яд раздражения в сердцах людей сея.

И хлама накупив, он на вокзал стремится
С покупками в руках, на чреслах и в зубах.
И там – о, Рок! – верхом на буфере томится,
Но страдный дух его иной терзает страх.

Как злобных сонм теней, встают пред ним пенаты,
 Что в недрах дачи бдят и жаждут благ градских.
 И мыслью жуткою его все мысли сжаты:
 А вдруг он нечто позабыл купить для них?

«Бытовая составляющая» была одной из главных черт пародий Благова. Их сюжеты – заземлённые и понятные рядовому читателю – комически контрастировали с поэтическими изысками в стихах символистов. Конкретика заурядной повседневности рождала смешные несоответствия с расплывчатыми неясностями оригинальных стихов. Благов любил в начале пародии, процитировав одну-две строчки автора, продолжить их неожиданно и, может быть, даже грубо. Задавая тон пародии, он шёл на скандальный контраст, сразу опрокидывая построения автора, одновременно заинтриговывая читателя.

Если К. Бальмонт писал:

В царстве света, в царстве тени,
 В царстве светлых откровений...

то Благов, не смущаясь, продолжал:

В царстве «света», «полусвета»,
 В царстве фарсов и буфета...

На претенциозные откровения С. Городецкого:

Всё сменилось, всё упало,
 Мне опять вселенной мало...

следовало ироничное:

Всё сменилось, всё упало
 И престиж мой растрепало...

«Сверхпоэтические» строки Ф. Сологуба

Лиля, лиля, лиля, качала
 Два тельно-алые стекла...

превращались в бытовые

Пиля, пиля, пиля, плясала
 Бутылку выпила до дна...

Благов вообще любил контрасты – в них он видел одну из главных интриг пародии, главную составляющую юмора; у него много пародий, основанных на контрастных перечислениях, он умел их подать выигрывшно и занимательно. Строки Бальмонта

Камень. Бронза. Железо. Холодная сталь.
 Утро. Полдень звенящий. Закатность. Печаль...

преобразовывались у него в необычный и бессвязный перечень:

Туфля. Цапля. Клубника. Юпитер. Ломбард.
Незабудка. Набрюшник. Графин. Бакенбард...

Другие строки Бальмонта

Тюлень. Пингвин. Глупыш.
Снега. Мерцанье. Тишь.
Ищи. Хоть целый день.
Глупыш. Пингвин. Тюлень.
Пройди. Весь свет до льдин.
Тюлень. Глупыш. Пингвин.

дали повод к созданию пародии («В “Зоологии”»), сплошь состоящей из перечислений, неизменно вызывающих улыбку:

Верблюд. Газель. Слоны.
Мужик. На нём штаны.
Слоны. Газель. Верблюд.
Веранда. Запах блюд.
Верблюд. Слоны. Газель.
Мужчина. С ним мамзель.
Газель. Верблюд. Слоны.
Сидят. Едят. Блины.

Раскрытие различных тем с использованием чужого почерка подтолкнуло Благова к увлечению пародийными циклами, в которых в стиле популярных произведений популярных авторов комментировалась любая модная проблема. Его циклы посвящались разным темам: «Свадьба», «Любовные письма», «Пасхальные рассказы», «Золотая книга поварского искусства», «Дачная жизнь», «Масленица», «Письма наших поэтов» и другим. Вот как, по мнению Благова, смогли бы отозваться поэты о выступлении Айседоры Дункан.

К. Бальмонт:

Тебя пою я, о Айседора,
Мой гимн блаженства и красоты.
О, ты славнее Анаксагора,
Скажи, виденье, откуда ты?

С какой планеты? С какой кометы?
Давно ль у нас ты? Зачем пришла?
Тебе блистают иные светы,
И ты невинна, не знаешь зла.

Витаешь, таешь ты, как сильфида,
Эллада снится под струн напев.
Забавы скифов... Краса Авлиды...
Веселье, игры халкидских дев.

Ты мир античный нам воскрешаешь,
Встают виденья былых времён.

В себе богиню ты возрождаешь...
Вернись на землю, далёкий сон!

Скиталец:

Черт знает что такое! Зря сорят деньгами.
О, что глазете? Пусть всех побьёт вас град!
На сцене скачет баба с голыми ногами...
Позор! Разврат!
Грязь, безобразия! Ужели вам не стыдно?
Направьте ж вспять отсюда вы свои стопы!
Ведь мне, поэту славному, за вас обидно.
Как вы глупы!
Опомнитесь! А то вас жабами ругну я,
И мстью сменится терпение моё,
И бабу голоногую к чертям пошлю я...
Долой её!

Главным достоинством пародий Благова было мгновенное узнавание пародируемых. Однако погоня за этой узнаваемостью оборачивалась и негативной стороной: она диктовала выбор стихотворений наиболее популярных, находящихся на слуху. Трудно было вырваться из круга модных авторов и их «шлягерных» стихов; приходилось повторяться и повторять Блока, Брюсова, Бальмонта, Сологуба, Городецкого и раз, и два, и десять...

Благов редко выступал в роли пародиста-сатирика, бичующего чьи-то недостатки. По большей части, он уходил от персональных характеристик, стараясь обыгрывать саму ситуацию, вызвавшую появление пародии. Но случались и у него категоричные оценки, граничащие с оскорблением. Пародию на Игоря Северянина он закончил убийственными строками:

Двусмысленный стихокропатель
И недвусмысленный кретин.

Это едва ли не единственные резкие строки Благова, да и то закамуфлированные под речь героя пародии. Обычно критическое мнение он выражал чисто художественными приёмами. Например, иронию по поводу неспособности автора (Л. Никулина) выразить мысль чётко и ясно он облакал в несвязное бормотание:

...Ну что ж... Отчего ж... Ну, да... Ерунда...
Конечно... Положим... Ну, да...
Ну, ежели скажем... К примеру... Того...
Да ладно... Авось!.. Ничего!..

Смех, которым сегодня авторы стараются оснастить пародии любой ценой, не был присущ Благову. Он не стремился ни к саркастическому, ни к жизнеутверждающему смеху; повествовательность – основа его пародий – скорее нуждалась в ненавязчивом юморе.

Относящийся к литературным работникам, знающим цену поэтической строке, Благов не терпел шаманства вокруг поэтического творчества, не любил как благоговейного шепота, так и истерических выкриков вокруг различных имён. В своих пародиях он развенчивал миф о

божественном служении искусству, усиленно пропагандируемый окололитературными кликушами. В них то и дело можно встретить: «пеку стихи, как калачи», «пишу дребедень» (на А. Блока), «стихи построчу», «строфу сколочу» (на А. Белого), «пишу, как семечки лущу», «стихи застрочил» (на С. Городецкого), «сочинял турусы на колёсах» (на М. Кузмина), «стихи строчу я» (на Ф. Сологуба)...

В пародиях Благов не был поверхностен, хотя некоторая простота тем и их изложения могла спровоцировать их оценку на уровне примитивных. Пародист был подкован в познаниях мифологии и истории, астрономии и кулинарии, музыки и анатомии, театра и религии, медицины и филологии, народных примет и проч. Он был универсальным пародистом: работал и в стихах и в прозе; диапазон пародийной техники его был достаточно широк. Он не испытывал какого-либо смущения перед любыми литературными формами, искусно приспособивая их для пародийных целей: писал пародии в виде писем, рецензий, рецептов, эссе, отзывов, диалогов, сонетов, сказов, пьес, притч... Вот одна из необычных пародий на своеобразную прозу Алексея Ремизова («Борщ» из цикла «Золотая книга поварского искусства»):

«На море-Окияне, на острове Буяне, у Семи Зацеп нашёл я рецепт. Русалки-плясовицы, принесите свекловицы и в новолунье положите на дно чугуны. Лешуха Ерошка положит картошку, а ведьмы Сипухи добавят петрухи. Упырь Мазурей, уксусу влей! Анчутка Беспятый, разведи всё мятой! Кукареку, засыпь песку! Скачи, урчи, в жарку печь мечи! Свят заговор читай: “Китай, летай, чулдык юлдык, из-под тока мулдык, на чеки-чеки лафа, за булдыкой шантрафа. Кикимора Стёпка!” Готова похлёбка».

Если в этой пародии основной акцент был сделан на имитации стиля и «мира» Ремизова, то в пародии на Максима Горького из цикла «Масленица» кроме сходства стиля чувствуется и проникновение сатирика в образ мышления писателя:

«Презираю этот варварский обычай русского мещанства! Что может быть пошлее, подлее этого пьяного бестолкового обжорства, которое отбрасывает на дно души все лучшие человеческие достоинства и превращает человека в скота?»

О ты, властвующий над мещанами, жирный, могучий бог обжорства! Они молятся тебе, они ползают у твоего подножия, как жалкие слепые черви, и купаются в грязных потоках жира и масла, стекающих с тебя! Они молятся тебе, но когда обожрут так, что в мучительных конвульсиях содрогаются их животы, они начинают проклинать тебя и ругать самыми непотребными словами. Позволь же и мне с аппетитом харкнуть в твое грязное, зловонное рыло!»

В пародиях Благов любил подчёркивать технические особенности пародируемых произведений, вплоть до знаков препинания. Большое внимание он уделял рифмовке, попадая в манеру пародируемых: пользовался примитивными глагольными рифмами, не избегал рифм экзотических. Он легко и по делу встраивал в пародии авторские цитаты, внимательно прислушиваясь к пародируемому тексту.

Пародии Благова печатались часто и пользовались популярностью, тем не менее в целом его творчество практически не оценено. Когда о нём заходила речь в конкретных работах советских литературоведов, то большинство из них чаще вспоминали о его недостатках, чем о достоинствах. То его упрекали в аполитичности и отсутствии интереса к общественной позиции пародируемых, то в чрезмерной погоне

за внешней занимательностью, то в безыдейном обслуживании «интеллигентного обывателя». В одном лишь ему не могли отказать критики – в тонком улавливании стихотворного стиля.

У Благова есть своё место в русской литературной пародии. Ведь во многом именно благодаря ему прежде элитарная пародия шагнула навстречу массовому читателю. Своим творчеством Благов с успехом пропагандировал поэтические имена и произведения, заслуживающие внимания: он упорно «внедрял» творчество современных авторов в сознание читателей. Его пародии заставляли улыбнуться или посмеяться, а затем, может быть, и заинтересоваться пародируемыми авторами. И сегодня, изучая творчество литераторов начала XX века, нельзя обойтись без учёта сделанного пародистом.

После революции Благов остался в России, сотрудничал рядом с М. Булгаковым, В. Катаевым, А. Архангельским в журналах «Крокодил», «Смехач», «Красный перец», «Пионер», «Мухомор», писал рассказы, статьи, стихи, юморески, скетчи, комедии, публиковался в периодических изданиях разных городов – Харькова, Баку, Пензы, Ишима, Коломны... В последние годы своей жизни он работал над автобиографической книгой «Моя жизнь», оставшейся неопубликованной. Отрывки из неё появились в печати лишь в 1994 году («Старые Сокольники» в «Московском журнале»).

«ЭПИГРАММА – ЕГО МАМА, А ПАРОДИЯ – ОТЕЦ»

Среди сатириков советской эпохи не так-то много было тех, кто делал упор на литературной тематике. Среди них особое место занимают Ян Сашин и Александр Раскин. Они были хорошо знакомы, их жизненные пути неоднократно пересекались как в довоенное время (Литературный институт), так и в послевоенное (журнал «Новый мир» и другие). Они были профессиональными литераторами, работали на одном поле литературной сатиры. В излюбленных жанрах эпиграммы и пародии, разрабатывая одни и те же популярные персонажи, они не были похожи друг на друга – каждый умел по-своему повернуть схожие темы, по-своему охарактеризовать всем известных героев.

Их книги, давным-давно вышедшие в печати, не переиздавались много лет, о них почти не упоминалось в мемуарах, литературоведы и критики не оставили о них и их творчестве значимых произведений. Тем не менее все те, кто неравнодушен к литературной сатире, да и вообще к юмору, с благодарностью вспоминают обоих авторов и при возможности с интересом перечитывают их творения.

Ян Сашин

Время безжалостно: одно поколение сменяет другое, бывшие знаменитости уступают место новым, и спустя даже непродолжительный срок многие в недавнем прошлом известные имена оказываются забытыми. Так произошло и с Яном Александровичем Сашиным (1911–1954), поэтом-сатириком, автором пародий, эпиграмм, фельетонов, рецензий. Он учился в Литературном институте вместе с К. Симоновым, М. Матусовским, В. Боковым, А. Недогоновым, С. Васильевым, писал заметки, статьи, песни, эстрадные и цирковые репризы.

Затем наступили военные годы. Сашин воевал в Крыму и на Кавказе, был сотрудником фронтовых газет, его сатирические стихи регулярно публиковались в газете «Красный черноморец» в юмористическом разделе «Рында», некоторые из них вошли в его книги «Вечер на полубаке», «По врагу», «Постовой». Сохранились воспоминания сослуживцев, в которых Сашин предстаёт надёжным и верным товарищем, способным в трудную и опасную минуту разрядить напряжение, вызвать улыбку и смех. Осенью 1941 года в Севастополе в редакции газеты «Красный черноморец» с ним встретился Константин Симонов, о чём позже написал в книге «Разные дни войны»: «Здесь же был и Ян Сашин. Как сильно война меняет людей. Он всегда был милым парнем,

но, когда мы учились с ним в институте, я его почему-то не очень любил. Может быть, за излишнюю любовь к остроумию, за эстрадные повадки, за какую-то подчёркнутую инфантильную неприспособленность к жизни. Вот уж кого трудно было представить себе на войне! И вдруг я увидел здесь, в Севастополе, симпатичного, подтянутого морячка, который, по общим отзывам, отлично, безотказно работал в газете и только что вернулся из каких-то тяжёлых мест, кажется, из-под Очакова».

Хорошие отношения с Симоновым сохраняются и впоследствии, когда тот будет главным редактором журнала «Новый мир» (1946–1950), а Сашин – сотрудником журнального отдела «Пародии и шаржи». В 1957 году, уже после смерти Сашина, Симонов отредактирует его итоговую книгу «Литературный комплекс». Вообще крепкая дружба и товарищество связывали Сашина со многими писателями. Этим можно объяснить их общую работу над совместными произведениями. Вместе с Михаилом Эделем он написал комедию «Сплетня», с Исидором Штокком – либретто оперетты «Парижская жизнь» с Морисом Слободским – пародии, с Львом Ошаниным – песни. В годы работы в журнале «Новый мир» тесные отношения установились у Сашина с Александром Раскиным. Сотрудники редакции называли их «неразлучными пиратами». Их произведения в течение 1945–1947 годов появлялись почти в каждом номере*. Сатирики пристально следили за работой поэтов, прозаиков, драматургов и мгновенно откликались на их новые произведения. Раскин надолго сохранил память о коллеге и в 1967 году в журнале «Вопросы литературы» опубликовал о нём краткие воспоминания.

На послевоенные годы приходится самый активный период в творчестве Сашина: появление пародий и фельетонов в периодике («Литературной газете», «Крокодиле», «Новом мире»), выход в печати книг («Штрафной удар», 1948 г., «Вашингтонские туристы», 1953 г.), работа над поэтическими переводами, создание комедии «Тётка Анфиса»... Можно без натяжки говорить о его значительном месте в сатире послевоенных лет (кстати, он был одним из руководителей секции сатиры и юмора в Союзе писателей). И сегодня не забыты литературные произведения Сашина: некоторые его стихи появляются в антологиях сатиры и юмора, в сборниках стихов о Великой Отечественной войне.

Юмор Сашина – лёгкий и непринуждённый – был известен ещё со студенческих лет. Ему ничего не стоило написать комические куплеты к любой дате, отозваться в стихах на какое-то событие. Тогда же стала популярной его пародия «Шофёрша» на песенку М. Светлова «За зелёным забориком»:

Я влюблён в шофёршу крепко, робко:
Ей в подарок от меня – коробка,
А в коробке, например, манто вам
И стихи поэта Лермонтова...

Песня была известна среди студентов и долгое время исполнялась в различных компаниях. Не так давно о ней снова вспомнили после того как она прозвучала в фильме «Торпедоносцы». В конце 30-х го-

* Достаточно сказать, что в 1946 году ни один номер журнала не выходил без их пародий и эпиграмм (исключение составляет девятый номер, в котором был опубликован печально знаменитый доклад А. Жданова и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», где клеймились А. Ахматова и М. Зощенко. Тут уж было не до юмора).

дов вместе с М. Матусовским Сашин сочинил получившую ныне огромную популярность песню «Сиреневый туман», которую и сегодня с удовольствием исполняют как ведущие певцы, так и благодарные народные массы. Обращение к музыке и песням не было для Сашина случайным эпизодом: он учился в консерватории, хорошо играл на рояле.

В 1938–1939 годы вышло несколько пластинок с песнями на слова Сашина. Они касались в основном военной тематики (музыка Е. Жарковского и других композиторов) и были стандартно традиционны. Например, припев «Карнавальной флотской»

Плещет голубой
Пенистый прибой.
Ходит над водой
Ветер молодой...

вполне сошёл бы за пародию, примерно такую, какие писал сам Сашин после войны.

Наибольшую известность получили литературные пародии и эпиграммы Сашина. Они были разными: могли содержать бесспорную похвалу или жёсткую критику, причём равно силён Сашин был в пародиях и поэтических, и прозаических. Буквально с первых строчек его пародийный персонаж становился узнаваемым – настолько точен был прицел пародиста. Вот начало пародии «Как не был дописан “Чижик”»:

«“Чижик” – это такая песня.

Ещё чижиками бывают птицы. Они любили юг, как литераторы. У них была своя судьба.

Песня пробивалась из глубины времён, как трамвайный пассажир к выходу. Она приехала в жизнь на трамвае истории, шедшем по изменённому маршруту, и походила на сквозняк.

Первоисточник лежал где-то между “Яром” и французским Возрождением. Ещё до Леонардо да Винчи об этом умолчал русский крепостной Анисим Косой...»

Редкий читатель не узнает скачущий, парадоксальный стиль Виктора Шкловского.

В эпиграммах и фельетонах Сашин выступал против случайных людей в литературе и искусстве, против пишущих с оглядкой критиков и неискренних рецензентов, против беспомощных и безликих мемуаристов. В них всегда присутствовал явный сатирический акцент, личная позиция в оценке литературного творчества авторов. Например – о многописании Сергея Михалкова:

– Михалков! Куда шагаешь?
– В Марки Твены я спешу.
Потому что, понимаешь,
Правда, здорово пишу?
Два стиха для трёх журналов!
Для десятка!
Трёх мне мало!
Повторяться не хочу,
Но приходится...
строчу!

О далеко не остросовременных произведениях прозаиков и поэтов он писал с юмором, не лишённым иронии.

На М. Пришвина:

Он с давних пор натуралист.
Он скромно изучает вишни,
Но было б для него не лишним
Исследовать лавровый лист.

На А. Суркова:

Он глядит, и ему невдомёк –
Пень под ним или он – на пенке.
То ли это в стихах огонёк,
То ли это стихи в «Огоньке».

Насмешливо относился Сашин к разного рода поэтическим «открытиям», к философским рассуждениям по мелким поводам. Особенное удивление вызывали у него стихи Степана Щипачёва. О них он писал неоднократно и в пародиях, и в эпиграммах:

Вот так в любви проходит век,
Я круглый год пою, как пташка.
Я сам семейный человек,
Дрожит в руке моей ромашка.

Я мысли подвожу итог:
Ромашка – это есть цветок!

Пародии Сашина не были однотипными. В них могла прозвучать просто шутка (правда, стилистически выверенная) как, например, в пародии на Александра Твардовского из цикла «Ехал Грека»:

Ехал Грека через реку,
Через реку ехал грек,
Грекой не был он от веку, –
Был он русский человек!

Пародия могла содержать откровенный намёк на явное повторение пародируемым известных литературных приёмов (как в пародии «Экзотичие стихи» на стилистическое решение стихотворения Д. Кедрина «Зодчие»):

...Но где-то приснилось кому-то,
Будто в комнате автора
Каждою ночью густой
Эту песню читает,
Сердясь и ворча почему-то,
Позабытый поэт
Алексей Константиныч Толстой!

Стихи поэтов Сашин мог судить исходя или из их декларируемых позиций или из конкретных цитат. Иногда это выливалось в общую оценку авторской работы, иногда – в оценку очередного произведения. В пародии на Бориса Пастернака «Укромность» можно увидеть комическую переделку его стиха, выполненную не только с попыткой

воспроизведения его «синтаксиса», но и с отражением устоявшегося мнения об оторванности поэта от больших дел современности:

Мне в ванну хочется, в укромность
Звездообразных млечных брызг,
Где человека неуёмность
Обнажена до жути, вдрызг.

И где в луноподобном кране –
Ноктюрн расплавленной слюды,
Где я предчувствую заране,
Что буду чистым до среды.

С хребта обвалы мыльной пены,
Как чудища, сползают вниз.
Обрызгав кафельные стены,
Я вылезая ванны из.

Мочалка носится вприпрыжку,
И, как ведётся искони,
Я тру лодыжку и подмышку
Косматым снегом простыни.

Улыбкой озаряя лоб свой,
Шепчу, волненьем обуян:
– О коммунальное удобство –
В квартиру впавший океан!

Пусть мир опять поглотит хаос,
Мне мир не нужен, не знаком, –
Я после ванны пью какао с
Простым, как вечность, молоком.

Сашин выстраивал пародии по-разному: в некоторых он откровенно выражал свою личную позицию (на Д. Кедрина), в других заставлял проговариваться самих пародируемых (на С. Михалкова, Б. Пастернака), в третьих – авторов судили их герои.

Не только литература была объектом внимания Сашина. Его интересовали и театральные проблемы, причём, во всём их многообразии, начиная с репертуара и заканчивая оценкой работы конкретных исполнителей. Его книгу «Литературный комплекс» открывали редкие для сатириков драматургические пародии (на Л. Леонова, Б. Лавренёва, И. Сельвинского). Сценические штампы, режиссёрские промахи, убогий репертуар – всё это находило отражение в пародиях, эпиграммах, фельетонах Сашина.

Однако основное внимание Сашин уделял всё же литературе. Он пристально следил за работой писателей, любил обыгрывать в эпиграммах названия их произведений, появившихся в печати. В эпиграмме на Константина Симонова он, вспоминая лирику поэта, вёл разговор о его пьесе «Русский вопрос»:

Когда вопрос любви уже решён,
Воздав хвалу устам, глазам и косам,
Для тысячи театров создал он
Бесспорнейшую драму под вопросом.

В эпиграмме на Михаила Светлова не обошлось без отсылки к его знаменитой «Гренаде»:

Поэту Светлову и слава и честь –
Гренадская область в поэзии есть!
Но много доносится жалоб:
Расширить её не мешало б...

Пародии и эпиграммы Яна Сашина остались в литературе как своеобразная оценка работы писателей послевоенной эпохи, их плюсов и минусов, проблем и забот...

Ян Сашин умер рано: ему было только 43 года. По свидетельству Александра Раскина, в последний путь его провожали военные моряки, стоявшие в почётном карауле (дань памяти военных лет, когда он служил на флоте, работал в редакции газеты «Красный черноморец»).

Александр Раскин

Прошло более полувека, как не стало Александра Борисовича Раскина (1914–1971). Уже нет той страны, в которой он жил и творил, нет тех персонажей, которые его вдохновляли, а его пародии и эпиграммы живут, о них помнят и перечитывают. В отличие от Я. Сашина Раскин был более заметен и как сатирик (публиковался чаще), и как автор сопределельных видов искусств (театра, кино, детской литературы). В течение нескольких лет на театральных подмостках многих городов шла его пьеса «Тот, кого искали», на киноэкранах с аншлагами шёл фильм «Весна», снятый по его сценарию, с популярными артистами Любовью Орловой, Николаем Черкасовым, Фаиной Раневской, Ростиславом Пляттом... Многие читатели, давно вышедшие из детского возраста, наверняка помнят его добрую книгу «Как папа был маленьким».

Конечно, более всего Раскин стал знаменит пародиями и эпиграммами, до сих пор при их чтении можно услышать: «Умели же когда-то писать – и смешно, и умно...»

Символичной была эпиграмма Вадима Левина, подчёркивающая весомость его произведений, способных сделать известными стихотворные строчки любого графомана:

Мечтаю написать стихи я
Безукоризненно плохие,
Чтоб Раскин написал пародию
И популярен стал в народе я.

Это не было случайной похвалой. Ему вторил Владимир Лейбсон, подтверждая несомненное лидерство пародиста среди сатириков:

Я утверждаю без опаски:
Делить не с каждым можно смех.
Вот, скажем, ныне только Раскин
Пересмеять умеет всех.

Остроумие Раскина, его умение на любую ситуацию взглянуть по-своему – неожиданно и оригинально – принесли ему любовь читателей и уважение коллег-сатириков. Сочинённые в его адрес эпиграммы подтверждают доброе и почтительное внимание к нему как к мастеру точно бьющих в цель произведений. Все они написаны по-разному: в каких-то высказано личное отношение к нему и к его творчеству, в каких-то сделана попытка определить его место в литературе. Одни авторы беспрекословно уступали ему пальму первенства:

Нет, я не Раскин, я другой.
Я левою пишу ногой. (*Е. Эткинд*)

в других – признавали в нём достойного конкурента:

От Москвы и до Аляски
Мне один соперник – Раскин * (*К. Чуковский*)

в третьих выражали признательность за дружбу и сотрудничество:

Александр Борисович! Едва ли
В Вашу честь появятся медали,
Я за сатирическую службу
Награждён был Вашей личной дружбой. (*А. Житницкий*)

Степень почтительности всегда оставалась на высоком уровне, но манера её выражения могла колебаться от запростецкой:

Был щедро музами обласкан,
И с детства к юмору привык
Наш Александр Борисыч Раскин
Сверхостроумнейший мужик. (*М. Луцкий*)

до рафинированной:

Талант, изящество и пластику
Являет каждая строка.
Он классик жанра. А на классику
Не поднимается рука. (*В. Лифшиц*)

А начиналось восхождение Раскина к славе и почёту в далёкие 30-е годы прошлого века. Тогда в газетах и журналах стали появляться стихотворные фельетоны и пародии, написанные им в соавторстве с Морисом Слободским. Об их тогдашнем союзе вполне можно сказать словами эпиграммы, созданной Раскиным значительно позже совсем о другом дуэте сатириков:

Молодёжь... Ни званий, ни регалий,
Смех свободно льётся из груди...
Их ещё ни разу не ругали,
Всё, как говорится, впереди.

* Юмор эпиграммы состоял не только в шутовском состязании с Раскиным по части сочинения эпиграмм, но и в отношении к его супруге – писательнице Фриде Вигдоровой.

И в самом деле, довольно скоро (и далее в течение всей жизни) и Раскину, и Слободскому пришлось знакомиться с критическими статьями, в которых на одну страницу похвал приходилось три страницы негативных замечаний и придинок.

Сатирики были молоды, задорны и необидчивы. Они со смехом вспоминали один из первых отзывов читателей на их творения:

Их стихи глупее детской сказки,
Начинают строчки ерундой
Неизвестный и бездарный Раскин
И ещё бездарней Слободской.

Атмосфера юмора, иронии, смеха окружала молодых соавторов; порой она сопровождалась уморительными выплесками – неожиданными и ехидными (но не обидными), как вот эти частушечные куплеты, сочинённые неизвестным автором (а может быть, самим озорным дуэтом):

Не могу я справиться
С лютою тоской.
Ложилась вроде с Раскиным,
Проснулась – Слободской.

Надо, милая, всегда
Поступать с опаской.
Отдалась я Слободскому,
Оказалось – Раскин.

Глядя на портреты соавторов, улыбающихся с обложки их первой книги, читатель без труда представлял, какое удовольствие доставляло им дружеское общение и совместная литературная работа. И если читатели с удовольствием вчитывались в пародии Раскина и Слободского, то среди тех, чьи произведения пародировались, случались и недовольные, мечтавшие свести счёты с пародистами пусть даже и на юмористическом уровне. Одна из возможных ситуаций с «отмщением» обыгрывалась в анонимной эпиграмме, где в роли охотника выступал кто-то из «обиженных», желавший поквитаться с соавторами.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел Раскин погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в Раскина стреляет.
Пиф-паф, ой-ё-ёй,

Умирает... Слободской!

Постепенно пародия и эпиграмма стали основными «фирменными» жанрами Раскина. Без преувеличения можно сказать, что они-то и прославили его на долгие годы. Характерна реплика Вадима Бабичкова:

То Вера Инбер,
То Сурков,
То Михалков,
То Смеляков,

То Полевой,
То Островой...
Когда ж он будет
сам собой?

Да, Раскин тонко чувствовал особенности произведений пародируемых авторов и, воспроизводя их на новом уже сатирическом уровне, искусно выдерживал с ними внешнее сходство, не забывая о внутреннем отличии. О нацеленности на окружающие ориентиры он и сам написал в автоэпиграмме в ответ Бабичкову:

Не уважая мордобой,
Отвечу тихо, не грубя.
Я был когда-то сам собой,
Но тут же вышел из себя.

Без пафосного нажима Раскин подчеркнул своё кредо сатирика – никогда не опускаться до личных разборок, видеть в пародиях и эпиграммах главную цель – интеллектуальную оценку явления (даже тогда, когда оно способно вывести из себя). Как показало время, эти принципы прочно легли на душу просвещённому читателю. Отсюда и ещё одна восхищённая оценка творчества сатирика автором, оставшимся неизвестным:

Шура Раскин, скажем прямо,
Удалец да молодец!
Эпиграмма – его мама,
А пародия – отец.

Наблюдая из XXI века за не очень успешным развитием сатирических жанров в России, остаётся сокрушаться, что не осуществилось пожелание Владимира Лейбсона, высказанное на вечере, посвящённом 30-летию литературной деятельности Раскина:

Поздравить Раскина я рад,
Его пример нам очень дорог:
Он шутит тридцать лет подряд,
Пусть шутит он ещё лет сорок!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Надежда Шевелилова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и биографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 05.12.2022.
Выпущено в свет 27.12.2022.
Формат 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 21.7.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13